Иосиф
Райхельгауз

Игра и мука

Проза

Байки

Монологи

Портреты

Диалоги

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Название новой книги Иосифа Леонидовича Райхельгауза «Игра и мука» заимствовано из стихотворения Пастернака «Во всем мне хочется дойти до самой сути». В книгу вошли три прозаических произведения, в том числе документальная повесть «Протоколы сионских медсестер», а также «Байки поца из Одессы» – смешные истории, которые случились с самим автором или его близкими знакомыми. Галина Волчек, Олег Табаков, Мария Кнебель, Андрей Попов, Анатолий Васильев, Валентин Гафт, Андрей Гончаров, Петр Фоменко, Евгений Гришковец, Александр Гордон и другие. В части «Монологи» опубликовано свыше 100 статей блога «Эха Москвы» – с 2010 по 2019 год. В разделе «Портреты» представлены Леонид Утесов, Альберт Филозов, Любовь Полищук, Юрий Любимов, Валерий Белякович, Михаил Козаков, Станислав Говорухин, Петр Тодоровский, Виталий Вульф, Сергей Юрский… А в части «Диалоги» 100 вопросов на разные темы: любовь, смерть, религия, политика, театр… И весьма откровенные ответы автора книги.

- Иосиф Леонидович Райхельгауз
  - ○
  - ○
  - ○ Объяснительная записка
  - ○ Игра и муха
    - ■
    - ■ Краткое содержание
  - ○ Проза
    - ■ Протоколы сионских медсестер
      - ■ Пролог
      - ■ Глава первая
      - ■ Глава вторая
      - ■ Глава третья
      - ■ Глава четвертая
      - ■ Глава пятая
      - ■ Глава шестая
      - ■ Глава седьмая
      - ■ Эпилог
    - ■ Трещина в душе
    - ■ Трагифарс под ярким солнцем
  - ○ Байки поца из Одессы
    - ■ Поц из Одессы
    - ■ Всемирный клуб одесситов

- Секреты оперетты
- Как я стал композитором
- Марине Баканурской
- Как я стал артистом
- А.Б. Чубайсу в День энергетика 22 декабря, на тот момент председателю РАЭ ЕЭС
- Чубайс в Одессе
- Одесские зарисовки
- Сын еврейских колхозников
- Спешите занять место на кладбище!
- Запись в телефоне
- С Филозовым все отлично
- Волочкова на похоронах Филозова
- Альберту Филозову в день его 75-летия
- Как поселиться у Васильевой
- Сын Левитина и Гафта
- Валентин и Валентин
- Гафт и Васильев: первая встреча
- На «Х» начинается на «Й» заканчивается
- Кнебель и Васильев
- Смерть от вилки
- Ассистент по ноге
- Поклоны на «Путешествии Онегина»
- Здесь были Чехов, Суворин, Васильев и Райхельгауз
- Не трожь Ленина!
- Ленин в Эрмитаже
- Ленин уехал в Ленинград
- Юбилеи Галины Волчек
- Галина Волчек и Давид Боровский
- Терминология
- Белоснежка
- Как я стал солистом балета Большого театра
- Гастролеры в Прибалтике
- Как я бросил курить
- Как Пушкина хоронили в Индии
- Пушкин для пацанов
- Особенности национальной культуры
- Швейцарцы согласны
- А ножки стройные…
- Чайка на Бродвее
- Бубновоз
- Говно или начальство?
- Юрию Каннеру, президенту Российского

Еврейского Конгресса
- Хмурое утро
- Екатерине Кретовой
- Бюст Гончарова
- Фото со Станиславским
- Моложе Станиславского
- Уроки мастера
- Способный сценарист Булгаков
- Яйца Вексельберга
- Сын олигарха
- Яша и Маша
- Хорошая еврейская мама
- Экзамен под дулом пистолета
- Курица не птица, Болгария не заграница
- Ни папы, ни маски
- Галстук от Кардена
- Таганка, да не та
- Честный пожарный
- Как я стал кинорежиссером
- Странствующий пиджак
- Семен Злотников и Адольф Шапиро
- Юбилей «Узбекистана»
- Опера-сказка
- Приказ
- Юбилей Ефремова
- Цветы для Окуджавы
- Как Богомолов поставил вечер Вознесенского
- Прощание с президентом
- Бог – организатор гастролей
- Носки от Жириновского
- Театр не для больных
- Запах сигарет
- Партсобрание
- Сальный анекдот
- На 25-летие радиостанции «Эхо Москвы»
- Анатолию Малкину и Кире Прошютинской
- Вадиму Жуку
- Анне Гроголь
- Виктору Вержбицкому
- Журналу «Театрал» в день рождения 7 ноября
- Любимой девушке
- Игорю Ветрову, бизнесмену, строителю, яхтсмену, мужу завлита, выпускнику Московской консерватории

- Владимиру Зельдину на 100-летие
- Письма в театр
- Нырнул в Мертвое море

- Монологи
  - О вреде табака
  - За Лужкова
  - Уход Любимова из театра на Таганке
  - Барак оказался Боцманом
  - С днем рождения, Анатолий Борисович!
  - Дожить до рассвета
  - Каждый достоин своей жизни
  - Дайте на бухло
  - Хочу лечиться у доктора Чехова
  - Кто определяет степень народности ариста?
  - Я ничего не купил…
  - Ирландцам о Станиславском
  - Создаю партию некурящих
  - Личное пространство свободного человека
  - Спаси и сохрани
  - Ближний сосед лучше дальней родни
  - Еще раз об истинном патриотизме
  - Лето, запахло «застоем»
  - Запрещается!
  - Дежавю
  - Слезинка гражданина
  - «Морозовыми» и «мамонтовыми» быть опасно…
  - Вперед к Станиславскому
  - Еще раз про любовь…
  - Правда, ничего кроме правды
  - Крыша поехала
  - Народу нравится!
  - Демагогия
  - Все ради этих дней
  - Спасти камер-юнкера Пушкина
  - О профессиональном непрофессионализме
  - Не плюйте в колодец
  - Театр в зеркале русских революций
  - Хай грає піаніно
  - Случайные мысли
  - Идите… на кладбище
  - Разорванная пополам Одесса
  - Прекратите ссать!
  - А почему стыдно, если верят?
  - Не корысти ради…

- И вновь продолжается бой
- Еще один Бессмертный полк
- Как я не стал звездой «НТВ»
- Нобелевская премия – тому, кому надо
- Вызвали на Петровку
- Остров свободы
- Старо-новогоднее
- Ямал наш
- Жалуйтесь!
- Шумим, братцы, шумим…
- Дирижеры и хористы

- Портреты
  - Рифкат Исрафилов
  - Андрей Макаревич
  - Леонид Утесов
  - Любовь Полищук
  - Виталий Вульф
  - Альберт Филозов
  - Валерий Белякович
  - Борис Ельцин
  - Михаил Козаков
  - Борис Немцов
  - Петр Тодоровский
  - Станислав Говорухин
  - Олег Табаков
  - Юрий Любимов
  - Сергей Юрский
  - Юлий Даниэль
- Диалоги
- О себе
- О женщинах
- О гражданской позиции
- О религии и этике
- О театре
- О людях
- О новом поколении и сегодняшнем дне
- О мироздании
- Об образе жизни
- Вклейка

Иосиф Леонидович Райхельгауз
Игра и мука

© И.Л. Райхельгауз, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Учителям и ученикам

Объяснительная записка

Очень рано услышал стихотворение Пастернака «Быть знаменитым некрасиво». Оно вошло в прямое противоречие с детскими фантазиями. Ведь я готовился стать знаменитым. Для этого потребовал купить письменный стол. И он был куплен в комиссионном магазине на мою первую зарплату – в 12 лет во время каникул стеклил окна в коровнике и заработал большие деньги. Заработать дал дедушка, председатель колхоза, где строили новый коровник.

Сел за стол и стал писателем. Стихи, проза и диалоги, запечатленные на листках тетрадок в клеточку и линейку, плотно запечатанные в конверты с маркой за 4 копейки, сэкономленных на школьном завтраке, рассылались безымянным сотрудникам газет, журналов и разнообразных литературных приложений. В украинской газете «Юный ленинец» меня знали как выдающегося графомана. Главная газета печаталась в Москве – «Пионерская правда». Но написать туда – приблизительно то же, что на планету Сатурн. Создал как-то очередной шедевр для «Юного ленинца». Поэма была приурочена к пуску Кременчугской ГЭС. К сожалению, эти строки до сих пор сидят в голове.

Кременчугская ГЭС, сколько связано с нею!
Стоит величаво на русле Днепра.
И скоро здесь воды прольются под нею,
И вступит в работу большую она.

Машины повсюду, подъемные краны
Работают дружно большою семьей.
И скоро зальется вода в котлованы –
Еще Днепр не видел работы такой.

А люди? Как стройка их всех закалила!
Живут и работают дружно они.
Вступает уже в строй большая плотина
И первые скоро зажгутся огни.

Мне ответили. Предложили больше наблюдать жизнь, читать книги, работать над углублением. И я сотворил следующую поэму, которая называлась «Комсомол». Тут уж серьезно изучил историю и послал сразу в «Пионерскую Правду» в Москву.

Комсомол – это имя живет в поколеньях.
Комсомол – это партии смена встает.
Комсомол – он родился в борьбе и сраженьях.
И в труде гордо Ленина знамя несет.
Было трудно, враги наступали
Всюду банды – Деникин, Колчак.
Но советскую власть отстояли,
Удержали в народных руках.

В поэме отражалась вся героическая история комсомола. И кульминацией, конечно, стал подвиг молодых в Отечественной войне. Заканчивалось так:

Разгромили фашистов…
Встают города из развалин
Снова в первых рядах комсомол.
Молодые всегда впереди.
На войне комсомольцы героями стали
И в труде стали с партией в ногу идти.

Из «Пионерской правды» пришло очень серьезное письмо. Там было отмечено, что способности у меня есть, но нужно работать над небанальной рифмой, над соответствием стихосложения, принятым в поэзии канонам и еще что-то про ямб, хорей и амфибрахий…

Тогда я навалился на прозу. Послал очень смешной рассказ в журнал «Юность». И получил ответ с анализом моего рассказа и отказом. Письмо подписал Виктор Иосифович Славкин, заведующий отделом сатиры и юмора. Спустя двадцать лет, когда снимал телефильм «Картина» по сценарию Славкина, показал Вите это письмо.

Поскольку в литературе знаменитым не стал, решил прославиться в спорте. Например, в футболе. Пришел на конкурс в детскую группу «Черноморца». При том, что, как все мальчишки, гонял в футбол, тренеры меня забраковали. Тогда записался в секцию борьбы самбо. Надо отдать должное – в те времена можно было прийти и записаться без денег. Упорно тренировался. Быстро возник третий юношеский разряд. Правда, огорчало, что не только я применяю болевые приемы и бью по морде, но и меня тоже бьют и бросают. Эта секция много дала в понимании устройства мира. Пока выигрывал, все было неплохо. До сих пор помню некоторые приемы. Иногда просто подмывает приемчик применить. Но, увы, не только ты кидаешь… Мне

двинули несколько раз довольно больно.

Перешел в секцию альпинизма. Тренировки проходили в Одесской областной станции юных туристов-альпинистов. Замечательно учили расставлять палатки, разводить костер одной спичкой, правильно укладывать спальный мешок. Но со временем выяснилось, что в Одессе нет не только гор, но и холмиков. Еще Пушкин предупреждал: «…Степь нагая там кругом…». Нас, правда, повезли в Крым покорять Ай-Петри. Потом я не раз бывал в горах, пустынях, океанах, болотах, ледниках, в том числе на Эльбрусе, с которого спускался на квадроцикле. Но это «потом» много позже. А тогда покоряли Крым, который еще был нашим в первый раз. Узнав, что высочайшая вершина находится далеко за пределами СССР, понял, что мне ее не увидать, и интерес к альпинизму как-то угас.

И тут я встретил удивительных людей – Зою Александровну и Михаила Борисовича Ивницких. Они впервые привили любовь к настоящей литературе, научили видеть живопись, слушать музыку. Зоя Александровна играла Лунную сонату. Я слышал ее первый раз в жизни. И музыка впервые довела меня до слез. От Ивницких узнал, что был Золотой век русской литературы и Серебряный век. От них услышал не входившие в школьную программу стихи Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака.

И примерно в это время практически с первого или со второго прочтения заучил стихотворение «Быть знаменитым некрасиво» И оно меня вразумило. Захотел не просто прославиться. Мои фантазии никуда не ушли. Но я понял, что быть знаменитым не может быть целью. Цель – создание чего-либо. А просто быть знаменитым – просто некрасиво.

Есть у Бориса Пастернака и другое стихотворение, не менее цитируемое:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

И там – поразительные слова, которые хотелось подарить кому-то для названия книги. Или оставить себе.

Достигнутого торжества
Игра и мука.
Натянутая тетива
Тугого лука.

«ИГРА И МУКА» – пусть так называется эта книга.

Предисловие написал Анатолий Васильев – великий русский режиссер. Таких называют странным словом «культовый». Но что делать, если другого слова здесь не подобрать. Так сложилось, что мы вместе учились и даже жили вместе. Нет, апологетов актуальных толерантных трендов просьба не беспокоиться – мы просто жили в одной комнате в общежитии ГИТИСа на Трифоновской. Мы – друзья, о чем я с гордостью и радостью заявляю. Толя, как старший товарищ, сыграл огромную роль в моей жизни. И, конечно, стал героем некоторых историй, которые вошли в эту книжку. В том числе и иронических. У него с чувством юмора все в порядке – о чем свидетельствует это весьма эксцентричное предисловие:

Игра и муха.

Игра и муха

Портной Йося из Одессы играл с мухой. Стучал на швейной машинке портки для соседа Пифагора из Мариуполя и играл с мухой. Муха садилась то на швейное колесо, то на левую коленку, то на шов, то взлетала с шипением до лампочки и прыгала на правую бровь, а портной Йося из Одессы стучал пятками по чугунной платформе и играл с мухой. Он на нее дул, но так сильно и звучно, как соловей-разбойник! Муха отлетала от штанов Пифагора и с треском разбитой тарелки ударялась о дверной косяк или лампочку над швейным станком, звенела прозрачными вертолетами своих крыльев, и в сотый раз прилипала к потному Йосе, портному из Одессы.

Что за мука эта муха!

Мысли лезли на Йосин затылок и там клубились противными червяками.

Что за мысли эти мусли, эти гусли та-ра-ра!

Что за муха – лезет в ухо, что за мука и игра, что за идише-судьба!

Если бы я был Гришковцом из Полоцка, то сшил бы не штаны Пифагору из Мариуполя, а повесть, но получше, чем мемуары Гришковца из Полоцка. «Как портной Йося из Одессы съел свою судьбу-собаку и закусил пифагоровыми штанами (из Мариуполя)». В пяти частях! Он замечтался и открыл рот в предвкушении несомненного успеха. Внезапно муха влетела в Йосин рот, но пролетая сквозь надутые губы, зацепилась за широкую Йосину улыбку и на секунду застряла от удивления. Тут Йося так дунул и свистнул, что муха, как пуля, вылетела в открытую форточку и растворилась в голубом небе.

Стало тихо, как в гробу…

Наконец-то портной Йося из Одессы дошил пифагоровы портки, тряхнул ими над швейной машинкой, растянул для красоты, чтобы похвастаться, и воскликнул:

Пифагоровы штаны на все стороны равны! Можно жить!

Ай, да Йося – Мукин сын!

Мой давний студенческий друг Иосиф Райхельгауз, жить еще можно! Будем жить…

Мой дорогой читатель! Не знаю тебя… теперь тебе сколько? Но, несмотря на мою неграмотность в отношении тебя, нового и другого, рекомендую, нет! что я буду своим предисловием морочить тебе голову! Прочти на 5 стр., на 21 стр. на 113 стр. от

корки до корки, сам поймешь! Рекомендую этого щедрого человека, талантливого к жизни, к театру, поэзии, литературе, к друзьям, женщинам, – актерам знаменитым и новичкам, ужинам и обедам, путешествиям, машинам и ралли, и еще черти к чему, о чем я даже не знаю! Читай, читатель, и не в интернете! А еще не забудь и немного пошить, если это искусство тебе интересно.

Краткое содержание
для тех, кто не любит читать

Название «Игра и мука» заимствовано из стихотворения Пастернака «Во всем мне хочется дойти до самой сути».

Первая часть: документальная повесть «Протоколы сионских медсестер», откровенная история болезни – онкологическое заболевание на последней стадии, израильская клиника, операция, бредовое состояние, лечение, разговоры с докторами, сны.

Вторая небольшая повесть – «Трещина в душе» – или в душе – ироническое повествование о бесхитростной «коллизии», случившейся в одесской квартире – сломалась душевая кабина. Неурядица обернулась эпосом про трещину – то ли в душе, то ли в душе.

Третье произведение – заявка на сценарий фильма «Трагифарс под ярким солнцем» – пубертатные переживания подростка-одессита, первое свидание со смертью и с любовью, атмосфера города, детство и юность.

Вторая часть – «Байки поца из Одессы». Смешные истории, которые случились с самим автором или его близкими знакомыми. Около 100 новых баек, в том числе – о Галине Волчек, Олеге Табакове, Марии Кнебель, Андрее Попове, Анатолии Васильеве, Валентине Гафте, Андрее Гончарове, Петре Фоменко, Евгении Гришковце, Александре Гордоне и других.

Третья часть – «Монологи». Свыше 100 публикаций в блоге «Эха Москвы» – с 2010 по 2019 год. Неадекватная и яркая картина современных событий в стране и в мире.

Четвертая часть – «Портреты». Леонид Утесов, Альберт Филозов, Любовь Полищук, Юрий Любимов, Валерий Белякович, Михаил Козаков, Станислав Говорухин, Петр Тодоровский, Виталий Вульф, Сергей Юрский…

Пятая часть – «Диалоги». 100 вопросов на разные темы: любовь, смерть, религия, политика, театр… И весьма откровенные ответы.

Анатолий Васильев

Проза

Протоколы сионских медсестер
документальная повесть

Пролог

Болезнь всегда непредсказуема. Чаще всего она врывается в жизнь, когда она (жизнь) кипит, и ты не понимаешь, как найти лишние полчаса, чтобы успеть одно-другое-третье… И тут вдруг невесть откуда выскочившая и навалившаяся болезнь твою жизнь резко останавливает и совершенно меняет взгляд на все, в том числе и на саму жизнь. То, что казалось обязательным, основополагающим, важнейшим, невозможным без твоего участия, спокойно происходит помимо тебя. И твоя жизнь остается твоей, а все остальное случается само по себе, и ты совершенно ни при чем. Это касается не только глобальных явлений типа захода и восхода солнца, а самых что ни на есть конкретных дел. Ты выпал из процесса, а ничего не изменится и не отменится. И наоборот, когда ты снова вернешься (если сможешь), начнется что-то другое, и ты снова почувствуешь себя центром и генератором событий. Быстро позабыв о том, что это иллюзия.

Так случилось, когда я впервые попал в больницу еще студентом. Мне 17 лет, живу в сыром ленинградском полуподвале прямо напротив Большого драматического театра на Фонтанке. На еду не хватало. На теплую одежду тоже. Свою нелегкую жизнь я выразил в трагических стихах, начинавшихся словами: «Звенят ботинки по промерзшим лужам, целует ветер подкладку пальто, нет, никому я сейчас не нужен, и знать не хочет меня никто». Чувствовал себя персонажем «Бедных людей» или «Невского проспекта» и на самом деле начал сильно кашлять. При этом приближалась сессия, я готовился к экзаменам. Печатал какие-то мелочи в издательстве «Ленинградская Правда». Ставил первый в своей жизни спектакль в студенческом театре Ленинградского университета. Словом, был занят бесконечно. Придя на очередной экзамен, почувствовал, что уж совсем плохо. Посмотрел на двери медпункта, наличие которого всегда было непонятно (зачем и кому он нужен?), и решил зайти. Дежурная врач или медсестра дала градусник. Пока мерял температуру, кашлял, как герои Достоевского. Взглянув на градусник, медсестра сказала: «Никуда не уходи», – и вызвала «скорую». Не успев опомниться, впервые полетел по Ленинграду в «скорой помощи» с сиреной. Мне прокололи иглами легкие – откачивали

гной. Оказалось: двусторонний плеврит. Все это время я находился, практически, в полусознании. Все куда-то отплыло: репетиции, публикации, экзамены. Спасло то, что был тогда крепок и молод. Но не это главное. Главное, что ничего не рухнуло, не изменилось, не прекратилось, не исчезло. Я вернулся – и все вернулось. Экзамены сдал, спектакль вышел, заметку опубликовали. Разумеется, и мысли не возникло встать на учет в туберкулезный диспансер, как того требовали врачи. Раз и навсегда забыл о болезнях.

Вторая остановка жизни случилась в Москве в театре имени Станиславского. Нашу режиссерскую коллегию – Анатолий Васильев, Борис Морозов и я – стали разгонять. Начали с меня. Придя в театр, увидел висевший на доске приказ: «Режиссера Райхельгауза И.Л. освободить от занимаемой должности в связи с отсутствием московской прописки». Мы подали в суд на управление культуры, что было немыслимо по тем временам. Тогда же я репетировал со студентами дипломный спектакль «Три сестры». Дел было невпроворот. Во время репетиции почувствовал сильные боли в груди. Не помогли никакие валокордины и валидолы. Снова «скорая помощь». С диагнозом микроинфаркт меня вынесли на носилках из театра Станиславского, в который я потом не входил более 30 лет. Вошел, когда этот театр сменил название. И опять вся жизнь остановлена: больница, диагноз, лечение. Зато с тех пор никогда больше не жаловался на сердце. Это была прививка.

Вот и сейчас. Сезон начался замечательно. Выпустил две премьеры в нашем театре. Шла работа над «Талантами и поклонниками» в Санкт-Петербургском «Балтийском доме». Собирался на гастроли в Индию, где мы рассчитывали подтвердить свой успех на прошлогоднем фестивале. Моя режиссерская и актерская мастерские ГИТИСа готовили показ кафедре новых студенческих работ. Писал параллельно несколько книжек, выбирая, какую первой отдать в издательство. Продолжал ежедневные тренировки: плаванье, бокс, тренажеры. Насыщенная и наполненная жизнь не предполагала никаких пауз. Но…

Глава первая
Ученицы Инбара

Где-то в декабре стал сильно кашлять. Вначале казалось, что это реакция на табачный дым, который вопреки моей отчаянной борьбе с курением, все же бесконечно заполняет жизненное пространство. Потом решил, что простудился – купил в аптеке

леденцы. Кашель усиливался. Наконец, пошел в свою районную поликлинику, к которой «приписана» и «Школа современной пьесы». Попал на прием к главврачу, с которым мы чудесно побеседовали о медицине и искусстве, выпили чаю. Пошел по врачам, которых приглашал почаще бывать в театре. А они мне рекомендовали пореже бывать в поликлинике. Дул в разные трубки, сходил на флюорографию. Выяснилось: с легкими все хорошо. Кашель сразу как рукой сняло. На всякий случай предложили сделать УЗИ – уж раз я в кои-то веки дошел до поликлиники! УЗИст меня узнал. Начал разбирать и оценивать наши спектакли, которые он с женой часто смотрит. Признался в особенной любви к спектаклю «Дом». Обсудили, как играют Игорь Золотовицкий и Елена Санаева. При этом он не переставал производить некие манипуляции: водил какой-то штукой по животу, продолжая делиться впечатлениями. И вдруг:

– Ой, что это у вас?… Огромная опухоль… Да… Но как хорошо играл Петренко… как он пел… Слушайте… огромная опухоль у вас на печени… Она больше 12 см… А какие у вас ближайшие премьеры? Я слышал…

– Подождите… Какие премьеры?! Что там у меня?

– Не знаю, я подготовлю описание… Надо будет сделать МРТ… Похоже, метастазы…

Почему-то я не придал всему этому значения. Отнесся, как доктор, которому в равной степени был интересен спектакль и моя опухоль. Вернее, спектакль гораздо интереснее. Вернулся домой, рассказал обо всем дочке Маше. Маша повезла меня в частную клинику, где заплатила много денег за то, что мне вкатили наркоз, провели исследования и довольно быстро сообщили, что в кишечнике опухоль, скорее всего, злокачественная, размером около 4 см, которая уже дала огромный метастаз на печень – 12,6 см. Я опять не отреагировал, потому что применить к себе подобный диагноз, похожий на смертный приговор, невозможно. А Маша восприняла это сверхсерьезно. Она подняла на ноги всех. Директор нашего театра, Аня Гроголь, сравнимая с неразорвавшейся атомной бомбой, ухитрилась каким-то образом оповестить кого можно и нельзя: друзей, коллег, спонсоров театра. И уже вечером мой близкий, давний и настоящий друг Анатолий Борисович Чубайс в присущем ему стиле приказал немедленно лететь к лучшим врачам – в Германию, Америку, Корею:

– Срочно уточни диагноз, о деньгах не думай.

Я выбрал Израиль. Не успел опомниться, как Гроголь сообщила номер рейса, кто будет встречать в Израиле, какие исследования назначены на ближайшие дни. Приехал муж моей

дочери Алексей Трегубов. Не было чемоданов, вещей. Взяв с собой зубную щетку и одну рубашку, вместе с Лешей отправился в аэропорт.

Встретил нас доктор Илья Моерер. Услышав эту фамилию, удивился: «моерер» в переводе с идиш – страх. То есть, доктор Страх? Но он оказался обаятельным саратовским евреем, занявшимся в Израиле востребованным бизнесом – медицинским туризмом. Его команда обеспечивает сервис приезжающим пациентам, организует консультации врачей и ведет больного до конца. Предпочтительно, благоприятного. Уже позже, когда мы много беседовали, он рассказал мне, что его прапрадед был учителем в еврейской школе где-то в Южной Польше, а уже дед, попав в 1939 году в СССР, сменил фамилию на менее пугающую.

В свое время я все это проходил с папой, у которого тоже обнаружили онкологию – рак легких. Он лежал на Каширке. Я постоянно туда приходил и подружился с замечательным врачом, продлившим папе жизнь – Андреем Альбертовичем Мещеряковым. Так получилось, что у него потом лечились и продолжают лечиться многие близкие мне люди. Когда Мещеряков узнал, что я выбрал Израиль, он сильно расстроился, но подтвердил, что есть в Израиле один из лучших мировых онкологов Моше Инбар. Они все время встречаются на различных международных консилиумах, обоих принимают на уровне царственных особ. Андрей сказал, что очень важно попасть именно к нему. И когда Моерер сообщил, что моим врачом будет именно этот Моше, – обрадовался.

Думал, что встречусь с ним в первый же день. Но этого не случилось: профессор очень занят, и меня примет его лучшая ученица.

Утром позвонили и сообщили, что лучшая не сможет встретиться: хамсин (пыльный ветер) занес ее машину. Будет другая ученица, тоже одна из лучших. За час до встречи снова позвонили и снова сообщили, что и этой встречи не будет, поскольку у одной из лучших внезапно умер муж. Поэтому встреча переносится, и прием проведет очень хорошая ученица Моше. В назначенное время доктор Моерер ввел меня в кабинет очень хорошей ученицы великого Моше Инбара.

За столом сидела женщина, которую в Москве можно было бы принять за владелицу косметического салона или администратора дорогого ресторана: хорошо одета, красива провинциальной «ретрокрасотой». Мы услышали конец телефонного разговора по-русски: «Зачем мне сейчас шубка? У нас скоро лето». Был декабрь. Очень хорошая ученица Моше

мельком на меня взглянула и стала изучать анализы. Цокала языком, глубоко вздыхала. Чем глубже погружалась в историю болезни, тем больше я понимал, что дела мои совсем плохи. Наконец, она оторвалась от бумаг. Не осматривала, не слушала, не меряла давление, пульс. Констатировала:

– Случай очень сложный. Четвертая стадия онкологии. Ни в чем не уверена. Был такой больной лет 10 назад – он не выжил. Попробуем…

И повторила:

– Ни в чем не уверена.

А дальше произнесла фразу, которую слышал потом не раз:

– Будем лечить по американскому протоколу.

Оказывается, есть два метода подхода к онкологии: американский и русский (Европа и Израиль – тоже применяют американский). Американский таков: как только обнаруживают очаговую опухоль, стараются, исходя из показателей, максимально нейтрализовать ее химиотерапией, потом сделать операцию и удалить опухоль и метастазы. Никаких импровизаций, никакого индивидуального подхода. Это именно протокол: есть диагноз, на который накладывается готовый алгоритм. Врач не нужен – нужны только анализы и точное исполнение протокола.

Русская школа не подчинена протоколам. Она основана на мнении конкретного врача о конкретном пациенте. Чаще всего, как только в России обнаруживают опухоль, ее удаляют, причем нередко вместе с органом, который она поразила. Иногда это дает замечательные результаты. Увы, не всегда.

Очень хорошая ученица Моше писала что-то. Затем сказала:

– Мы будем вас лечить не обычной химией, а биологическим лекарством «платинум». С вас не упадет ни один волосок. Препарат новый. Эффективность проявляется по-разному. Назначаю лечение по протоколу. Подробности расскажут медсестры. Будем надеяться. Но я ни в чем не уверена.

На всякий случай я поинтересовался, примет ли меня доктор Инбар. Она удивилась:

– Зачем? Все пойдет по протоколу.

На следующий день я сдался медсестрам клиники «АССУТА».

Глава вторая
Клиника «АССУТА»

Израильская клиника принципиально отличается от российских, как и вся медицина. Поскольку мне приходилось бывать в московском онкоцентре на Каширке, могу сравнить.

Каширка наводит ужас. Глядя на серую многоэтажную махину, всегда понимаешь, что это место смерти. Входишь – и сразу охватывает паника. Слева – гардероб, в котором вечная очередь. Гардеробщицы кричат, что номерки кончились, и надо ждать, когда посетители заберут пальто и освободят места на вешалках. Справа автоматы по выдаче бахил за 10 рублей мелочью, которой вечно не найти. Тут же аптека, рядом магазин, где продают парики и накладную грудь. Чтобы попасть из вестибюля в саму клинику, нужно преодолеть шлагбаум и фейсконтроль двух мордоворотов, заточенных на то, чтобы никого никуда не пускать. Больные, родственники, врачи толкутся на небольшом пятачке, напоминающем привокзальную остановку в час пик. Человек сразу напуган, сразу хочет от этого места бежать. Хотя мало кто приходит туда по своей воле. Счастье, если есть свой Мещеряков, который повезет тебя в лифте для врачей. Иначе – общая очередь в ожидании никогда не приходящих лифтов, где покорно толпятся люди с перевязками, ранами, дренажами. Жуткие запахи – гноя, плохой пищи, хлорки. Впечатление хаоса, безнадеги и скорой смерти. И чему тут удивляться? Недавно главврач одной из ведущих московский больниц онкологического профиля жаловался, что лечить больных невозможно: нет денег не только на аппаратуру и дорогие импортные лекарства, но и на наши российские аналоги. Такого ничтожного бюджета на медицину не было за всю историю России со времен царизма.

Израильская клиника – Тель-Авивский медицинский центр «АССУТА» – прямая противоположность. Попадаете не в больницу, а в торгово-развлекательный центр. Тоже проходите через охрану, которую не замечаете, хотя она вооружена до зубов. Потому что эта охрана не против вас, а за и для вас. Уже на второй день нового пациента и его родственников узнают и здороваются издалека. Огромное открытое пространство, много зелени, пальм, цветов. Стоит рояль – на нем кто-то иногда играет. Рядом прекрасное кафе для пациентов и гостей. И запахи совсем иные: свежесть, крепкий кофе, ваниль. Книжный магазин, магазин игрушек. Человек, вошедший с улицы без всякого пропуска, бахил и сопровождения может пройти в любую палату и к любому больному кроме операционной и реанимации. Даже в реанимацию пропускают круглые сутки. Слово «пропускают» здесь не подходит, потому что вы просто идете, куда вам надо, никого не спрашивая. Везде автоматы с кофе и чаем, питьевая вода, полное впечатление зоны отдыха или санатория.

Проходишь через детское отделение – игровые площадки с горками и качелями, шарики, куклы, машинки, плюшевые мишки,

клоуны, аниматоры. Просто детский клуб, а не больница. Идеальная чистота. Хотя никто не заставляет надевать бахилы или сменную обувь.

А главное – уверенность, что тебя здесь ждут и наверняка помогут. В чем я убедился.

Поселились мы с Алексеем в небольшой арендованной квартире. Неделю ездил в «АССУТА», где мне делали самые разнообразные анализы: пропускали через трубы, просвечивали, сканировали все органы внутри. Кажется, не осталось ни одного отверстия в теле, куда бы не проник какой-нибудь прибор или исследовательская трубка.

В конце недели состоялась встреча с хирургом профессором Франклином Грайфом. Моерер представил его как одного из светил израильской медицины. Грайф вызвал полное доверие. Когда я прихожу в магазин или на рынок, смотрю не на товар, а на продавца. И покупаю у того, кому верю. Комментируя диагноз, доктор Грайф меня не обнадеживал, не щадил, и главное – не обманывал. Он демонстрировал на большом экране весь мой внутренний мир и говорил примерно следующее (переводил доктор Моэрер – Грайф по-русски не знает ни слова):

– Анализы показывают, что у вас маленькая онкологическая опухоль в кишечнике – примерно 3,5 см. Но эта опухоль уже дала огромный метастаз размером 12,6 см, который покрыл значительную часть печени. Если бы вы пришли несколько лет назад, я бы сказал: «Дай Бог этому человеку протянуть еще месяца два». Сегодня есть препараты, которые могут помочь. Сейчас у вас четвертая стадия онкологии. Мы подготовим ваш организм, и я сделаю эту сложнейшую операцию, в ходе которой потребуется удалить более половины печени. Попытаюсь заодно убрать и первичную опухоль – но гарантировать не могу. Операция очень сложная, она будет идти не менее 7-8 часов. И вы должны знать, что она может быть успешной, а может завершиться летальным исходом. Есть определенный процент пациентов, которые не выдерживают. Когда удаляется правая, большая доля печени, человек может умереть от потери крови.

Алексей, который вместе со мной внимал подробному рассказу профессора, старался вникнуть в каждый нюанс и под конец встречи признал, что доктор Грайф очень убедителен.

И я абсолютно доверился врачу и согласился с предложенным протоколом.

Предстояло пройти три курса биологического лечения, после чего хирург и онколог должны увидеть, как ведут себя опухоли и только тогда принять решение об операции. Началось так: меня положили на диванчик – очень удобный. Целый день под

капельницей, в вену заливают лекарство большими бутылками. После чего глотаю какие-то определенные таблетки. Много. Решил сосчитать – одиннадцать штук. Через неделю – снова капельницы, но уже меньшего объема. Опять семь дней таблетки. И опять – капельница. Неделя – пауза. Такой полный цикл в Тель-Авиве со мной проделали один раз. Следующие три прошли в Москве и Петербурге. Между ними пришлось возвращаться в Израиль для анализов.

При отъезде в Россию получил два набора лекарств в ледяном контейнере. Дома началась обычная жизнь: репетиции в Москве и Петербурге. Каждую неделю либо на Каширке либо в Питере на Песчаном проезде вливались следующие порции. И каждый день таблетки. Эти курсы повторялись два раза. После чего в очередной раз в Тель-Авиве провели исследования и анализы. Доктор Грайф радостно сообщил об очень хороших результатах: метастаз уменьшился вчетверо до трех с небольшим сантиметров, первоначальная опухоль скукожилась почти до невидимости. Доктор был доволен.

Очень хорошая ученица Инбара тоже была довольна. И чтобы закрепить успех, решила проделать курс в четвертый раз. Перестраховалась: изменений не случилось. Прошел еще месяц. После очередных анализов назначили операцию.

Глава третья
В Израиле лечат медсестры

Никогда я подолгу в больницах не лежал: либо 1-2 дня стационара, либо отдельные процедуры. Единственный раз пробыл неделю в «Кремлевке», над чем уже посмеялся в книжке «Мы попали в «запендю». Редкие тамошние врачи, заходившие меня морально поддержать, всякий раз сообщали «жизнеутверждающие» факты: прямо под вами – этажом ниже – умер Хрущев, в конце коридора установили, разломав стену, искусственные легкие Андропова, которые его не спасли.

– Ну, а вы лежите в палате, где скончался маршал Жуков!

В конце концов, видимо поняв, что политики и полководцы от меня далеки, доктора радостно сообщили, что в соседней палате справа «вот прямо незадолго до вашего появления лечился тоже народный артист, главный режиссер театра Маяковского Андрей Александрович Гончаров. Здесь же и умер».

В Израиле как-то по-другому.

Сразу создается впечатление, что вся клиника, да и вообще все здравоохранение, занято только тобой. Какой-то человек в элегантном медицинском костюме провел меня мимо красивых

стоек с цветами, картинами, предложил чай, кофе, печенье, бутерброды, конфеты. Уточнил: «Все это бесплатно». Казалось, скоро начнется какой-то правительственный прием, а не лечение. Мы попали в пространство, разделенное на небольшие секции, каждая из которых завешана портьерой. В одну из них меня завели. Увидел две висящие плазмы, удобную кушетку. Рядом кресла, дверь в туалет. Все напичкано огромным количеством медтехники. Человек в медицинском костюме посадил меня на кушетку, выдал плед. И попрощался – его функции закончились. После чего появилась медсестра, объявившая, что мне очень повезло, потому что она говорит по-русски. Открыв историю болезни, спросила:

– Райхельгауз Иосиф Леонидович? Русский?

Признался, что русский.

Дальше она стала подключать приборы, навешивать пузырьки с лекарствами. При этом подробнейшим образом комментировала все свои действия, рассказывая о назначении каждой бутылочки, трубочки, иголочки, о том, как это работает. Еще описывала, какие ощущения я должен испытывать в тот или иной момент: будет больно, будет не больно, потом захочется спать, потом наступит бодрость. Казалось, присутствую на лекции в медицинской академии. Конечно, мало что понимал, еще меньше запоминал. А она все время спрашивала:

– Здесь понятно?

И поясняла:

– Это продлится 25 минут, это 15. Затем мы вас промоем и начнем капать. Не волнуйтесь – все рассчитано на 6 часов 20 минут. Если проголодаетесь, принесут еду. К вам могут приходить посетители.

Под конец она в очередной раз спросила:

– Все поняли?

– Все.

– Есть замечания или предложения?

– Конечно, нет, это же доктор прописал!

– Но организм – ваш! Если нет возражений, распишитесь.

И я расписался на десятках листов. Что понимаю, как меня будут лечить. Что отвечаю за любой исход лечения. Расписался, не читая – ивритом не владею. Так что, возможно, попутно еще с кем-то расписался и теперь женат.

Медсестра собрала подписанные бумаги в папку, напоминающую судебное дело. И сказала:

– Сделаем анализ крови.

Вошел другой медик в другой униформе. Мощный дядька, который по-русски не говорил. Он принес разные приборы,

иголочки, шприцы – разумеется, все одноразовое. Сделал анализ быстро и не больно. Мало того, тут же запустил мою кровь в аппарат и мгновенно получил результаты, которые его явно удовлетворили. Сказал: «ОК». Вернулась медсестра, в очередной раз померяла давление, температуру и начала процедуры.

Первая процедура должна была длиться час десять минут. Я включил ТВ на русском языке и чуть задремал. Но тут вошла молодая медсестра, опять принесла какие-то бумаги, стала что-то с чем-то сравнивать, смотреть на приборы. Она тоже сказала: «ОК. Ка-ра-шо». И ушла. Я снова задремал. Но не тут-то было! Появился молодой человек и снова принялся что-то с чем-то сверять… Так продолжалось все время. Такова система, она работает непрерывно. Более того, в нее ухитряются вовлечь и родственников, оказавшихся «под рукой». Врачи начинают сразу с посетителями общаться, задавать вопросы, давать рекомендации.

Пришел мой двоюродный брат с женой, которую тут же куда-то повели. Вернулась она с целой горой инструкций к моим лекарствам. И принялась все это читать, переводя с иврита. Постепенно я понял, что по их протоколу больной и его окружение должны очень хорошо понимать абсолютно все, что касается лечения. И соглашаться с этим сознательно, принимая ответственность на себя. Пока лечили, мне пришлось подписать огромное количество документов, где соглашался со всем, что со мной делали.

Длилось это полгода.

Глава четвертая
Операция

Операций сложных у меня никогда не было. Даже в Кремлевке удалили сущую мелочь. На этот раз предстояло нечто серьезное. Надо было как-то подготовить маму. Мы с сестрой боялись ее волновать и не знали, как к этой теме подступиться. Мама – ей шел 92-й год – каждый день гуляла, плавала в бассейне, читала книжки, – жила нормальной жизнью. Однажды утром – я был тогда в Санкт-Петербурге и репетировал спектакль в театре «Балтийский дом», – она вдруг сказала помощнице: «Дай мне альбомы, где дети и внуки». Поцеловала фотографию папы, мою, Олину, внуков, закрыла альбом, легла, положила руку под голову и …умерла.

Курсируя между Москвой, Петербургом и Тель-Авивом, регулярно встречался с доктором Франклином Грайфом, который, как потом узнал, – один из крупнейших в мире хирургов. Хотя всегда казалось, что приходит ко мне не врач, а родственник,

настолько заинтересованно он занимался моим заболеванием. Я принимал это за человеческий интерес, и все время звал его в гости в Москву. За время общения действительно стал воспринимать Франклина, как близкого друга. И потому после двух месяцев знакомства он буквально ошеломил вопросом: «А кем ты работаешь?» Только в этот момент стало понятно: до сих пор Грайф общался не со мной, а с моими кишками и печенью.

Когда приблизилось время операции, он попросил, чтобы кто-то из близких вместе со мной выслушал рассказ о том, что нам предстоит. В этот раз самым близким оказался Леша. Снова создалось впечатление, что мы на медицинском симпозиуме. Доктор Грайф развернул огромный экран и стал наглядно исследовать мои внутренние органы.

– Вот здесь я сделаю надрез, потом пойду сюда, потом разрежу здесь, закреплю тампон, здесь зашью, потом удалю вот эту ткань, и если получится, пройду влево, а не получится – подрежу в этом месте, тут приподниму, там опущу…

Я воспринимал лекцию с интересом, никак не соотнося ее с собственным организмом. Часто доктор повторял: очень повезло, что метастаз в печени – она восстанавливается.

Это, кстати, многие мне радостно сообщали, желая приободрить. Даже Анатолий Борисович Чубайс прислал СМС-ку: не волнуйтесь – печень восстанавливается!

А потом доктор Грайф сказал:

– По опыту подобных операций – 90 %, что вы останетесь живы.

– А 10 %?

– 10 % – что организм не выдержит, и вы не выживете. Вы должны знать, что есть эти 10 %.

И я снова подписал бумаги о согласии на операцию и понимании того, что есть 10 %.

Назначили время – послезавтра утром.

Накануне мы пошли к морю. В голове крутились лирические мысли, что жизнь сложилась прекрасно. И даже если она остановится – ничего страшного.

За прожитые годы я испытал полярные чувства – от жуткого страха, когда оказался под толщей байкальского льда, до блаженной эйфории от картины звездного неба в китайской пустыне Такла-Макан.

Судьба подарила счастье страстной, восторженной, неуправляемой любви и ужас, отчаяние, безысходность от предательства той, которую любил.

Я получал высокие награды и признание результатов своей работы и тупую ненависть недругов.

И еще посчастливилось бывать в разных городах, работать в знаменитых театрах, встречаться с интереснейшими людьми, читать лекции в престижных университетах мира.

А мои замечательные родители, дети, коллеги, ученики…

Многим людям хватило бы такой биографии на несколько жизней. Стал считать страны, в которых побывал – на восьмом десятке остановился.

Не было никакого страха. Казалось, что все сегодняшнее происходит не со мной.

Вечером приехал в больницу со своей сестрой Олей и дочкой Сашей, сменившими Алексея на посту смотрителей и хранителей моего здоровья.

Палата в «АССУТА» – хороший гостиничный номер. С душем, туалетом, холодильником, телевизорами. Широкие, огромные окна, сквозь которые видны зеленые луга, нетипичная для Израиля речушка, проходящий поезд, велосипедисты. Сказочный, умиротворяющий, эпичный, спокойный мир. Это вдохновляло. Переоделся в выданный больничный костюм – хлопковую пижаму, удобную и приятную.

Как-то прошла ночь. Утром появился очередной санитар, переложил меня на каталку, сообщив, что на ней я поеду на операцию. И ушел. После чего возникли два человека в деловых костюмах, галстуках – то ли адвокаты, то ли менеджеры страховой компании, очень серьезные. Они привели русскоязычную медсестру. Стали задавать вопросы – медсестра переводила. Я опять подписал кучу бумаг, в которых признавал, что согласен на все и при этом понимаю, чем это может закончиться.

Пришел новый медбрат, сделал какой-то укол. И дальше началось то, чего я не проходил ни разу в жизни и что можно описать снаружи, а можно изнутри. О том, как было «снаружи», мне рассказали сестра, дочь, врачи. Операция, затем восемь дней искусственной комы. Медленное возвращение в реальность. Бесконечные звонки от знакомых, коллег, друзей, на которые смотрители и хранители отвечали: он без сознания два дня, три дня… семь дней… И те, кто это слышал, плакали и прощались. А внутри – в моей собственной реальности – разыгрывались совершенно иные сюжеты…

Глава пятая
Бред

…Я шел по московскому аэропорту на самолет, который должен лететь в Тель-Авив на операцию. Паспортный контроль,

таможенный контроль. Потом случайно свернул в какой-то проем – не туда, куда пошли все. В этот момент на меня с нескольких сторон напали. Сразу сообразил, что напали специальные люди, бандиты, торгующие человеческими органами. Они меня крепко связали, закрыли лицо. Придя в себя, я понял, что нахожусь на операционном столе, и это смерть. Почувствовал тупую боль и очень отчетливо увидел этих людей, их лица. Снова потерял сознание.

Очнулся почему-то в Иркутске. Директор Иркутского театра меня пригласил на важную встречу. Мы сидели в роскошном ресторане с видом на уникальное место, где Ангара вытекает из Байкала. Директор сказал, что не мог не пригласить местного председателя СТД. Председатель – артист, очень несимпатичный. Еще он сообщил, что должны прилететь Гафт, а также Чубайс с Дуней Смирновой. И я понял, кто главные гости ужина. За столом оказалась моя сестра Оля и еще моя мама, живая и веселая. Мне больно, мне плохо. Лежу в соседней комнате, но вижу и слышу все, что происходит за столом. Мама в красивом платье, смеется, а Оле все не нравится, и зачем-то шутит она по-французски – пошло, бездарно, – что меня сильно злит.

Все ждут Чубайса. И перешептываются: поставили на стол коньяк, виски, лучшую водку, а этот капризный Чубайс сказал, что пока не принесут пива, он, видите ли, не придет! Играет музыка, Оля продолжает ужасно шутить. Пришел Чубайс, выпил пива и ушел. И все снова стали его обсуждать, потому что он пива глотнул и не допил, а они его с трудом достали.

Ко мне заходит дочь Саша. И я говорю ей: «Подойди к Анатолию Борисовичу и извинись – скажи, что я скоро вернусь к столу. И останови Олю с этими глупыми шутками по-французски. И еще успокой бабушку – она все время повторяет: почему Йосенька не приходит?…»

Я еду вместе с Машей и Сашей на машине где-то по Европе – Швейцария, скорее всего. Виноградники, Женевское озеро. Эйфория… Но все время какой-то автомобиль нас подрезает. И мы попадаем в аварию. Я узнаю Дениса Вороненкова, мужа Марии Максаковой. И сама Максакова что-то мне пытается объяснить. Подходят люди, которые говорят: «Мы из Одессы! Сейчас принесем еду. И заставим Максакову и Вороненкова, устроивших аварию, выплатить компенсацию». Для подтверждения серьезности своих намерений они называют свой одесский адрес: бульвар Черняховского, 15…

Подмосковье. Забор из ракушечника. Маленький провинциальный театр. На сцене моя Саша играет большую роль,

а режиссер говорит – смотрите, какая она талантливая. А я не понимаю, как же «Школа драматического искусства», где она должна быть на работе? И Саша объясняет, что давно уже играет в этом театре. Появляется группа музыкантов, с ними наш балетмейстер Света Кузянина и Женя Гришковец. Музыканты очень хорошо играют. А Гришковец в стиле своих моноспектаклей рассказывает о них, о том, как несправедливо с ними обходятся в России, а вот в Америке они были бы миллионерами. И Кузянина предлагает – давайте купим у них какую-то музыкальную фразу!

Гришковец соглашается: «Отличная идея, я буду все спектакли оформлять этой фразой». И Женя отсчитывает им огромные деньги. Опять все идут за едой, как и те одесситы, которые помогали мне во время аварии. Покупают колбасу, что-то еще. Но есть не дают. Ощущаю голод и сильную жажду. Кто-то пьет холодное вишневое пиво… А музыка звучит, и Гришковец снова восклицает: «Вы понимаете, какая это великая музыка?»

Эти видения предельно реалистичны. И самое неприятное, что почти во всех сюжетах присутствовали не только реальные, хорошо известные мне люди, но и какие-то морды, рыла, похожие на брейгелевских персонажей. Когда на девятый день я стал приходить в себя и уже видел реальных Сашу, Олю, врачей, морды и рыла не исчезли. Они еще долгое время не отпускали меня, проникнув в реальность из бреда. На 11 день я осознал, что лежу в палате.

Саша спросила:

– Папа, кто я?

Мучительно задумался и сказал:

– Саша.

В первый раз ее узнал.

– А у тебя есть еще дети?

– Не помню.

Она стала задавать вопросы, но я не мог на них ответить.

– Ты хочешь чего-нибудь?

И тут я заявил:

– Пива. Холодного.

– Папа, ты бредишь? Ты понимаешь, где ты?

– Понимаю. Хочу холодного пива.

Саша привела русскоязычного медбрата, повторила при нем вопрос. Я повторил ответ. И услышал:

– В чем проблема? Спустись на первый этаж и купи папе холодное пиво. Если он хочет, пусть выпьет.

Я снова вырубился, но очнулся все с тем же желанием выпить холодного пива. Вообще-то пиво не мой напиток – я его пью крайне редко. Но тут желание было вполне определенным – как у

Чубайса из моих галлюцинаций.

– Не принесла пиво?

– Принесла.

Я отпил несколько глотков. Потом Саша рассказывала, что медбрат спросил ее:

– Что, папа крепко выпивает?

– Да нет…

– Да ладно, выпивает, конечно… Первое, что попросил после многодневной комы – пива…

Так я приобрел в больнице репутацию алкоголика.

И еще я твердо знал: нахожусь в Подмосковье. И операцию мне сделали бандиты, которые вырезали жизненно важные органы. Более того, подозревал в причастности к этому преступлению свою сестру Олю – не зря ведь она шутила по-французски.

Спрашиваю медбрата Яшу:

– Кто делал операцию?

– Доктор Грайф.

– Не верю! Давайте заключим пари!

– Давайте. Своей Саше поверите?

– Саше поверю.

Яша приводит мою дочь.

Яша:

– Ну, что, Йосиф, заключаем пари?

Я:

– Да. Саша, скажи честно, кто делал операцию?

Саша:

– Доктор Грайф, папа. Ты мне веришь?

Я:

– Да… Бандиты. Бандиты. Делали операцию.

Яша:

– Они, может, и бандиты, но зовут их Доктор Грайф и доктор Моерер! Так что, я выиграл!

А я, тем не менее, ясно видел эту странную бандитскую больницу с огромным количеством переходов, лестниц, висячих садов, водоемов. Мелькали знакомые лица. Вот узнал Илью Моерера и его ассистентку Алену. Удивился и спросил:

– Что вы здесь делаете, как сюда попали?

Он ответил вопросом на вопрос:

– А где вы находитесь?

– В больнице.

– Так значит, все нормально?

– Что же тут нормального? Почему вы здесь? В Россию прилетели?

– Мы в Тель-Авиве.

– Хватит врать. Кто делал операцию?

– Доктор Грайф.

– Вы обманываете. Не верю!

– Давайте позовем медсестру. Она подтвердит, что мы в Израиле!

– Ах, вы тоже с ними? Так и думал, что вы с этими бандитами заодно!

Я кричал, что мы всех посадим! Требовал, чтобы Оля позвонила какому-то министру. Это продолжалось еще несколько дней после выхода из комы. Окончательно я пришел в себя только через две недели после операции.

Но оказалось, что больничные приключения мои отнюдь не закончились.

Шов никак не заживал. Боль не проходила, но казалось, что так должно быть. Израильская медицина настаивает на скорейшем выходе пациента из состояния неподвижности. Поэтому, как только я выбрался из комы, мне было велено гулять – сначала на ходунках по коридору, потом на коляске вокруг больницы, и, наконец, своими ногами. Буквально накануне отлета в Москву пошел в кафе, выпил пива, съел мороженое. Почувствовал, что боль усилилась, вскоре став нестерпимой, несмотря на обезболивание. Еле дотащился до палаты. Было около 11 вечера. Решил все-таки пожаловаться медсестре.

Она осмотрела шов и побледнела:

– Только не пугайтесь. Но у вас кишки наружу.

Я ей как-то сразу поверил, хотя, к счастью, сам увидеть свои кишки не мог из-за фиксирующей перевязки, лишавшей мое тело подвижности.

В ожидании Грайфа, который по ее звонку тут же выехал в больницу, медсестра стала поливать живот физраствором, объяснив (они ведь все свои действия объясняют), что «нужно лить все время, иначе кишки высохнут».

Зашли люди в официальных костюмах – я уже как опытный пациент знал: принесли на подпись бумаги – согласие на наркоз и операцию. Появился Грайф, веселый и игривый:

– Печеночка ваша по мне соскучилась – вот мы сейчас с ней встретимся.

На этот раз я увидел операционную, которую во время прошлой операции разглядеть не успел. Космический корабль: аппаратура, сенсоры, камеры, мониторы, шланги, особенный свет, на врачах скафандры и шлемы со стеклянным забралом и жуткий холод. Много людей. Атмосфера запуска спутника. За пределами операционной, кстати, установлено табло мониторинга. Таким

образом, родственники могут следить за всеми этапами операции в режиме он лайн. Меня положили на стол – металлическая доска шириной сантиметров 50, с которой я свешивался всеми сторонами тела. На уровне рук перекладина. Распяли, зафиксировав кисти ремнями. Спасибо, что не гвоздями. Последнее, что помню:

– Что чувствуете?

– Очень холодно.

– Сейчас согреем.

Открыл глаза на следующий день в реанимации.

На этот раз все прошло без осложнений, без комы, без брейгелевских морд, без Иркутского СТД, без Максаковой и даже без пива.

Когда уже после второй операции снова стал выходить на улицу, кто-то вдруг сказал: вот профессор Моше Инбар. Тот самый, к которому я приехал полгода назад и с которым так и не встретился. И я увидел со спины курившего человека. Потом он прошел мимо, не взглянув в мою сторону.

И все-таки за день до возвращения в Москву наша встреча состоялась. Доктор Моше Инбар принял меня не в «АССУТА», а… Впрочем, об этом с самого начала.

Глава шестая
Инбар

Еще в Москве со слов Андрея Мещерякова стало известно, что в мировой онкологии самый гений из гениев – это Инбар. Мещеряков с восторгом рассказывал, какой он сделал в Америке доклад, перевернувший всю медицину. И как в Испании участвовал в конференции, всех поразив. И еще много всяких чудес про этого великого доктора. Поэтому, когда от Моерера услышал, что меня будет лечить Инбар, уверовал, что попадаю прямо к Богу. Естественно, все эти его ученицы слегка разочаровали. Та, которая, в конце концов, стала моим лечащим врачом, вела прием в кабинете, наполненном хохломой, какими-то блестящими штучками, репродукциями с «красивыми видами» и казалась еврейской провинциальной дамой, мало интересующейся больным. А Инбар так и остался для меня великим и недоступным, как Волшебник страны Оз.

И вдруг сообщают: Инбар готов вас принять.

Русскоязычный менеджер повез меня в клинику Инбара – в самый центр Тель-Авива. Подъехали к огромному зданию – не зданию, целому кварталу: ультрамодная современная архитектура, стекло, металл, вертолетная площадка.

Вошли в холл – «АССУТА» померкла, превратившись в скромную районную больницу. Невиданный лифт – целая комната с зеркалами, светильниками, а также лифтером в униформе. Поднявшись на пятый этаж, оказались в зимнем саду: ковры, пальмы, экзотические растения, фонтаны.

Менеджер усадил меня в кресло.

– Сейчас вы будете разговаривать с врачом.

– С Инбаром?

– Нет-нет! Не с Инбаром!

Пришел молодой симпатичный парень, говоривший по-русски. Я увидел у него в руках огромную папку с историей болезни. Доктор стал листать папку, из каждых десяти листов отбирая один. На моих глазах толстенное «Дело» превратилось в тоненькую брошюру. Иногда он спрашивал, проходил ли я ту или иную процедуру. Это длилось минут 40. После чего сказал:

– Идемте.

– К Инбару?

– Пока нет.

Он завел меня в кабинет – шикарный, стерильно-чистый. Там нас встретила женщина, которая стала листать секвестированную папку. И опять периодически задавала вопросы. Но не мне (она по-русски не говорила), а молодому человеку. Тот переводил, я отвечал. Изучив документы, врач торжественно объявила:

– Вас примет доктор Инбар.

Я оглянулся в ожидании, что великий Инбар сейчас войдет. Но нет. Снова сели в лифт и спустились. Погрузились в ту же машину.

Ехали недолго – два-три квартала. Выйдя из машины, попали в типичный тель-авивский дворик, где всегда много кошек, мусор, какие-то запахи, огромное количество почтовых ящиков, из которых вываливаются рекламные флаеры, заросли травы. Войдя в парадное, возле весьма скромной двери обнаружили табличку на иврите и латинице:

«Профессор Моше Инбар».

За дверью оказалась крохотная полупустая комнатка. Сопровождающий доктор сказал, что мы должны подождать. Сидели минут двадцать в полной тишине. Неожиданно открылась дверца, вышла женщина:

– Господин Райхельгауз? Доктор Инбар скоро вас примет.

Мы сидели еще минут пятнадцать – теперь уже втроем. Раздался звонок. Женщина встала, обошла стол, подошла к двери, открыла ее и объявила:

– Профессор Моше Инбар.

Мы зашли. Моше Инбар сидел за столом в крохотном,

скромном кабинете. И смотрел на меня. Мы молчали. Через несколько минут он спросил на иврите:

– Зачем пришли?

– Вы мой лечащий врач и… – я, разумеется, говорил по-русски, сопровождающий переводил.

– Вас вели мои ученики по протоколу. Все правильно и нормально. Я ничего нового не скажу.

Стало ясно, что надо уходить, и уже в какой-то растерянности я пробормотал:

– Очень хотел вас увидеть.

– Зачем?

– Много о вас слышал, как о всемирно известном враче…

– От кого?

– От Андрея Мещерякова.

И тут его, как будто подменили!

– Вы из Москвы? Андрей – выдающийся врач. Это ваш товарищ?

– Да.

– Пришли, чтобы со мной познакомиться?

Он стал листать историю болезни. Потом сказал:

– Я вас посмотрю.

Через крошечную дверь мы прошли в еще более крошечную смотровую с маленькой кушеткой. Он начал осмотр. И стало понятно: это действительно гений. Гения сразу видно, кем бы он ни был: великим писателем, артистом, ученым. Он осматривал, пальпировал, слушал. Причем фиксировался на тех частях моего тела, которые не имеют прямого отношения к оперированным органам. Мы вернулись в кабинет. И тут возникло ощущение, что у него полно времени. Он дал рекомендации по дальнейшему курсу лечения, и мы стали разговаривать, как родственники, которые давно не виделись. Говорили о жизни, я рассказывал, чем занимаюсь. Потом предложил сфотографироваться. Доктор Инбар, казалось, был счастлив.

Потом он быстро напечатал свое заключение и отдал мне.

– Что с этим делать?

– Ничего, покажи профессору Мещерякову.

И написал прямо на заключении: «Приветствую русского коллегу Мещерякова».

Потом уже я узнал, что принимал он меня в своем частном кабинете, который лет 30 назад открыл в маленькой квартирке старого жилого дома. Это была приватная встреча. В клинике он бы работал по страховке или за деньги – по протоколу. Здесь – по дружбе. Потому что в израильской клинике «по дружбе» – категорически недопустимо.

Кстати, жена моего двоюродного брата Ирина – та самая, которая читала аннотации к лекарствам – врач лаборатории медицинских анализов. В свое время в Израиле с ней произошла ужасная неприятность: она у себя на работе сделала анализы для своего папы. Был страшный скандал. Иру чуть не уволили, сильно понизили в должности и зарплате. Таковы правила.

От доктора Инбара я ушел вдохновленный, убедившись, что его ученицы все делают правильно. И совершенно неважно, какими способностями и чертами характера они лично обладают. Лечат по протоколу. Налажена система, которая не нуждается в ручном управлении.

Глава седьмая
…Познаются в беде

Сестра моя – жизнь

Моя сестра Оля – человек уникальный, абсолютно адекватный амплитуде жизни. Для нее подъем и падение – данности, с которыми нужно жить. Более того, падение – не что иное, как низкий старт для взлета. Был этап, когда Оля потеряла все: деньги, квартиру, работу. Тогда, помогая кому-то устроить междугороднюю перевозку, она стала руководителем крупнейшей международной логистической фирмы. Однажды, когда Оля в очередной раз поменяла свою жизнь, она устроилась работать воспитательницей в детский сад. Через несколько месяцев ей предложили должность директора. Вот и моя болезнь стала для сестры не катастрофой, а программой действий. Она оставила дом, хозяйство, семью, мужа, животных и не отходила от меня с первого до последнего дня лечения. Приезжали и уезжали дети, появлялись родственники, приходили и помогали друзья. Оля была рядом всегда, занимаясь мной ежесекундно. Никакие слова благодарности не смогут выразить отношение к сестре: она была частью меня. И это не закончилось. Сестра моя – жизнь.

Саша

Свою младшую дочь Сашу я очень люблю. Саша – во многом непредсказуемый и необъяснимый человек. Может обидеться на что-то, не стоящее внимания, а может быть счастлива от малозначительных комплиментов в адрес своего поста в фейсбуке или испеченной шарлотки. Поэтому наши отношения – неровные.

Как только Саша узнала о предстоящей операции и ее неопределенном исходе, она остановила все свои занятия, работу, обязательства и прилетела в Израиль. Пока лечение не вошло в относительно понятное русло и Саша не убедилась, что моей жизни уже ничто не угрожает, она оставалась рядом. Как ни странно, болезнь привела наши отношения к новому качеству: мы стали гораздо ближе. И, пожалуй, стали лучше друг друга понимать.

Доктор Илья Моерер

Доктор Моерер был моим координатором. Мы встретились в первый раз совершенно формально. Состоялся деловой разговор, обсуждали, что сколько стоит. Доктор Моерер предложил подумать о получении израильского гражданства, что позволило бы оформить страховку. Он старался оптимизировать мои расходы. Я решил остаться гражданином России, а в Израиль приезжать лечиться и работать. Вскоре формальные отношения переродились в абсолютно неформальные. Он рассказывал о своей жизни в СССР, в Саратове, о том, как заработал первые деньги в 14 лет, как лечил детей. Мы обсуждали собственных детей и их проблемы. И через короткое время уже я стал его успокаивать и давать советы.

Илья приносил еду из дома, хотя в больнице прекрасно кормили. Тем не менее, его жена передавала какие-то специальные шабатные блюда. Сам он готовил наш русский борщ. Мечтательно говорил о картошечке с селедочкой и винегрете. И я ел то, что он приносил, потому что на больничную еду аппетита не было. В результате мы подружились. Последнюю операцию и Моерер, и Грайф сделали без гонорара. Когда я вернулся в Москву, общени продолжилось. Недавно Илья прилетал ко мне в гости – и мы выпивали и закусывали.

Марк Капитанский

Продюсер, который много раз возил «Школу современной пьесы» на гастроли. Мы общались только по делу. И вдруг он приехал в больницу, и я почувствовал, что это мой ближайший родственник. Не проходило дня, чтобы он не приезжал и не привозил вкусную и правильную еду. Соки, фрукты, овощи – в жизни столько полезного не употреблял. После операции и выхода из комы к любой еде возникало отвращение. И тогда Марк

сказал: завтра привезу тебе лучшее еврейское лекарство. И привез горячий бульон, который я выпил залпом. Там было около тридцати видов трав и корешков. Аппетит вернулся.

И вот теперь я вышел из больницы, возвратился в Москву, и мы опять почти не общаемся. Что неправильно.

Семен Злотников

Драматург, писатель, мой давний друг, чьи пьесы много раз я ставил первым. «Пришел мужчина к женщине» – главный спектакль нашего театра. Практически все 30 лет «Школы современной пьесы» в репертуаре его замечательные произведения: «Уходил старик от старухи», «Прекрасное лекарство от тоски», «Все будет хорошо, как вы хотели». С ним мы в последние пару лет из-за совершеннейшей ерунды поссорились. Перестали разговаривать. Когда Семен узнал, что я болен, тут же приехал. И я был счастлив. Злотников привез какие-то снаряды для разработки рук, книги, которые мне следовало прочесть. И менял их, как в библиотеке. Мы снова друзья.

Саша Лисянский

Художник, с которым двадцать лет назад мы сочиняли спектакли и фильмы в Москве, Липецке, Тель-Авиве. Он приезжал в больницу практически каждый день. А если не приезжал, то звонил и извинялся, что не может приехать, потому что занят на работе. И все равно ухитрялся при всей занятости меня навещать.

Толя Исаенко

Друг юности. Человек парадоксальный, обидчивый, эгоцентричный. Но друг! Иногда мы видимся ежедневно в течение полугода, а иногда полгода не видимся. Узнав о моей болезни, не раздумывая прилетел в Тель-Авив и вошел в палату с положенными овощами, фруктами, соками.

Родственники

Двоюродная сестра Альбина прилетела из Канады, чтобы меня поддержать. Двоюродный брат Миша и его жена Ирина, о

которых я уже рассказывал. Брат Саша, его жена Алла, Леночка, ее муж Адик, моя родная тетя Браха, которая в прошлой жизни в Одесской области, будучи директором и секретарем парткома сельской школы, носила имя Бронислава. Двоюродные племянники, троюродные внуки и много других близких и родных…

Был совершенно ошеломлен, когда увидел на пороге палаты замечательного критика, журналиста, подругу Марину Райкину. Я не поверил глазам – решил, что опять галлюцинации. Но это действительно была она: приехала в Тель-Авив, нашла больницу и вернула меня в мир бурлящих московских новостей театра, политики, жизни… Естественно, вместе с фруктами и соком.

И, конечно же, поддержать меня перед операцией прилетал в Израиль мой близкий друг, эрудит, театрал, спортсмен, известный украинский политик Алексей Гончаренко.

Особо хочу сказать о моем друге, которому я без преувеличения обязан жизнью. Об Анатолии Борисовиче Чубайсе.

Представляю, какое раздражение, негодование, злобу вызовут эти строки, поскольку уже не одно десятилетие во многих своих бедах наше большинство винит именно Чубайса. Знаю его с юности. Искренне убежден, что реальные качества Анатолия Борисовича прямо противоположны представлению, которое сложилось у людей. Не знаю более честного, более высоконравственного, более обязательного человека. Не знаю более объемного человека, который помимо своей основной работы, где он на мировом уровне признан выдающимся профессионалом, читает, смотрит, видит больше, чем мои коллеги. Он широко цитирует русскую поэзию, особенно советскую 60-х годов – Окуджаву, Высоцкого, Давида Самойлова. К нему можно обращаться, как к энциклопедии. Когда-то мы долго говорили о драматургии Чехова. После чего он своим приятелям бизнесменам прочитал на эту тему лекцию – мотивированно, углубленно, доказательно.

«Приятелей» Чубайса следует назвать поименно, поскольку это и мои друзья, а правильней – спасители. Андрей Раппопорт, Борис Минц, Леонид Богуславский, Александр Несис, Борис Вайнзихер, Михаил Спектор. Много лет они помогают жить «Школе современной пьесы», а когда возникла угроза моей жизни, мгновенно отозвались на призыв Анны Гроголь о помощи.

Я не религиозен, поэтому не буду ставить в храме свечки или оставлять записки в Стене Плача. Но до конца своих дней буду помнить, что одну жизнь мне подарили мама с папой, а вторую друзья.

Эпилог

Все, что я пережил – чудо, которого никогда раньше со мной не случалось. Вернее, два чуда: сначала – удар, диагноз: четвертая степень онкологии. Мне, здоровому человеку, легко отжимающемуся по сто раз, гоняющему на джипе, квадроцикле, снегоходе, багги, гидроцикле, и, что главное, не испытывающему никаких проблем с самочувствием, объявляют смертный приговор.

Второе чудо – когда доктор Франклин Грайф, сделав третью операцию и удалив основную опухоль, объявил, что у меня не осталось онкологических клеток. Вы-ле-чи-ли!!! И я через год должен пройти профилактический осмотр.

Между этими событиями прошло всего полгода.

До сих пор не могу осознать случившегося. До сих пор кажется, что все это произошло не со мной.

И, конечно, хочется понять: почему? Как это случилось? Должна же быть причина? Я отлично знаю, что над этим вопросом десятилетия бьются ученые и не могут достоверно установить природу онкологических заболеваний. Но уверен: это может быть связано с психологическими состояниями. Многих людей, не расположенных к болезни – здоровых, тренированных, крепких – онкология настигает при сильном эмоциональном потрясении. Организм перестает заниматься собой, он отвлекается на стресс. Наблюдал это у многих. Похоже, случилось такое и со мной.

2017 г., Москва – Тель-Авив – Москва

Трещина в душе
документальная драма

Театр закрыл сезон. Начался отпуск. Решил провести его в родной Одессе: у меня там небольшая уютная квартира окнами на море в квартале «Чудо-город». Поехал машиной – маршрут привычный: Москва – Киев – Одесса. Трасса достаточно свободная, тем более, что к путешествию я подготовился. То есть подготовил небольшую стопочку 500 и 1000 рублевых купюр, которые выдавал по пути следования российским и украинским гаишникам, пограничникам, таможенникам и снова гаишникам. И было за что: хотелось доехать быстрее, а за скорость нужно платить. Но не это тема сегодняшнего рассказа. Тема – душевная. То есть, душевая.

Лет пять тому я впервые вошел в бетонную коробку, которая называлась «квартира без отделки» и по замечательному проекту моих детей-художников стал доводить ее до пригодного для жизни состояния. В частности в небольшую ванную комнату нужно было поместить раковину, унитаз, душевую кабину (она и станет героиней сегодняшней повести).

Мы приехали в магазин «Эпицентр» на Люстдорфской дороге, где представлены десятки или даже сотни стеклянных и пластиковых кабин, поддонов, ванн, умывальников…Бродили среди этого великолепия, соотносили цену и качество и, наконец, выбрали. Не самую дешевую, но и не самую дорогую, зато очень красивую с затемненными полукруглыми стеклами и витиеватой дугой поддона…

И вот теперь, спустя пять лет, я вошел под душ и увидел в поддоне небольшую трещину, через которую вода вытекала прямо на пол. Пока ждал сантехника, смотрел из окна своего 13-го этажа на море: оно сверкало всеми оттенками цвета морской волны.

Сантехник Сережа, тактичный, интеллигентный, высокообразованный, молодой явился по первому звонку и тут же поставил диагноз: трещину отремонтировать невозможно. Нужно покупать новый поддон. Мы договорились, что утром я схожу на Малиновский строительный рынок и куплю поддон – угловой, дугообразный, 90×90. Сразу огласил повременную таксу: 100 гривен в час (около пятисот рублей). Работы здесь часа на два – то есть, почти бесплатно.

На рынке в первом же магазинчике-контейнере оказались поддоны только 80×80 и 100×100. Позвонил Сереже: он еще раз

перемерял и подтвердил – 90×90. Но именно в этот день именно этого размера не было ни в одной торговой точке рынка. Потратив на поиск часа полтора и совсем отчаявшись, я обнаружил где-то совсем на окраине крохотный павильончик. Его хозяйка, назвавшая себя Раей, предложила проехать «на поселок Котовского» (другой конец города), где на складе лежат три «вот этих самых» поддона – новенькие, «еще не распечатанные». Мы поехали. Раскаленная июльская Одесса. Пробки. Ремонт всех дорог и всех улиц. На складе мою спутницу встретили, как встречали, наверно, Валентину Терешкову после известного полета. Раечка, оказывается, ездила в Россию к детям и внукам, путешествовала по Золотому кольцу и привезла оттуда море впечатлений.

Я стоял неподалеку среди залежей унитазов, моек, душевых и, конечно же, поддонов. Когда минут через 40 обо мне вспомнили, выяснилось, что 90×90 на складе нет. Это устаревшие сведения из устаревших компьютерных данных. Но нет худа без добра. Этот же складской компьютер сообщил, что поддон 90×90 точно есть все на том же Малиновском рынке в контейнере К174, который я как-то раньше не заметил.

Все по тем же раскаленным, перекрытым ремонтом дорогам мы вернулись на Малиновский рынок. В контейнере К174 поддон 90×90 был. Но он служил основанием для душевой кабины, выставленной на обозрение покупателей. Продавцы отделить поддон от кабины отказывались. Я их убеждал логически и убедил экономически. Не прошло и 2-х часов, как упакованный, угловой, дугообразный поддон 90×90 оказался в моей квартире с окнами на море в «чудо-городе» Одессе.

Было часа 4 дня. К этому времени сантехник Сережа размонтировал старую душевую кабину, оторвал от стены и пола треснувший отслуживший свое поддон и стал устанавливать на его месте новый, только что купленный на Малиновском рынке.

Я решил, наконец, позавтракать и отправился в магазин. Пока лифт спускался с 13 этажа на 1-й, позвонил Сережа и попросил вернуться, так как поддон не подошел. Оказалось, что размер того с трещиной не 90×90, а 94,5×94,5. Да и дуга у нашей кабинки круче.

Сережа упаковал новый поддон, и вместе мы поехали на Малиновский рынок менять его на нужный нам размер.

Ровные ряды контейнеров-магазинов Малиновского строительного рынка правильно пересекались друг с другом, как пересекаются Дерибасовская и Ришельевская, Екатерининская и Малая Арнаутская в моей любимой Одессе. Но если пересечения родных улиц я найду с закрытыми глазами, то найти нужный

контейнер и с открытыми оказалось почти невозможно. В течение полутора часов при почти сорокоградусной жаре мы искали и, наконец, нашли, куда сдать поддон. Теперь оставалось найти другой – нужного размера. Мы снова и снова обходили магазины, павильончики, контейнеры, навесы, склады и везде слышали: «Поддонов 94,5 × 94,5 НЕ БЫВАЕТ. «Бывает! – возмущался Сережа. – Я сам перемерял!» Кто-то из продавцов уверил, что такой поддон можно найти в магазине «Эпицентр». Я вспомнил, что именно в «Эпицентре» мы и приобрели пять лет назад замечательную душевую кабину 94,5 × 94,5. Было около шести. Мы поехали в «Эпицентр».

Европейский уровень, прохладный кондиционированный воздух. Вежливые продавцы-консультанты в форменной одежде и с бейджиками на груди. Стройные ряды унитазов, умывальников, поддонов… Первый же консультант проконсультировал: поддоны 94,5 × 94,5 выпускаются только под эксклюзивные кабины, да и кабины такие не выпускаются уже лет пять… Из чего я сделал вывод, что тогда мы купили последнюю эксклюзивную кабину с поддоном 94,5 × 94,5…

Сантехник Сережа не унывал. Скорее наоборот. Его охватил профессиональный сантехнический азарт: он предложил снова купить поддон 90 × 90, а 4,5 лишних сантиметров кабины спилить, обрезать, утопить в стене…

Купили новый поддон. И повезли на встречу со старой, но очень красивой кабиной.

Доехали. Внесли. Распаковали. Примерили. Сережа начал пилить кабину… Не получилось.

Я почувствовал легкое головокружение и другие симптомы тяжелого психического расстройства. Сережа огласил вердикт:

– Эту кабину и старый поддон с трещиной нужно выбросить. Новый поддон вернуть в магазин. Там же в «Эпицентре» купить новую недорогую кабину с поддоном и установить.

Я согласился. На часах 7 часов вечера. «Эпицентр» закрывался в 8. Мы помчались. Сережа занял очередь в отдел возврата. Я пошел на знакомую аллею унитазов, кабинок, поддонов. Продавцы-консультанты продавали и консультировали.

– Эта кабина дешевая, но плохая…

– Эта хорошая, но дорогая…

– Эту – рекомендую. У нее сейчас акция. Дороговата, но очень красивая и очень прочная!

Для убедительности консультант ударил кулаком по стеклу. Стекло не шелохнулось.

Вернулся Сережа с деньгами за сданный поддон. Я оплатил покупку, и к нашей машине выкатили две картонных коробки:

поменьше – с очередным новым поддоном и побольше – со всеми деталями и стеклянными стенками душевой кабины. В этот день мы стали последними покупателями в «Эпицентре».

Подъехали к дому. Разгрузили. Внесли обе коробки в подъезд, погрузились в лифт. Доехали до нашего 13-го (!) этажа. Вынесли из лифта поддон, взялись с двух сторон за коробку с кабиной – Сережа сделал резкое движение, коробка выскользнула из моих рук. Раздался звук, сравнимый с тем, который издает разгружаемый с «КАМАЗа» щебень…

Сережа предложил открыть коробку и посмотреть, что осталось. Я предложил ничего не трогать и расстаться до утра. Прежде чем расстаться, Сережа посчитал, сколько я ему должен. Выяснилось, что он потратил на меня 12 человеко-часов. Мы умножили это на 100 гривен…

Вошел в квартиру, долго смотрел в окно. Море. Корабли. Утопающий в зелени любимый город.

Сережа пришел в 6.30 утра. Я не спал. Мы открыли большую картонную коробку и обнаружили, что все не так плохо. Разбилась только стеклянная дверца, а вторая половина кабины со всеми направляющими, роликами, резинками оказалась цела и готова к монтажу на новом поддоне.

Сережа огласил порядок действий:

– Ставлю новый поддон. Собираю кабину, но без двери. Мыться можно, только аккуратно, поскольку вода будет разливаться по всей ванной комнате. Завтра с утра поеду в «Эпицентр» и куплю стеклянную дверцу, привезу ее и поставлю на место.

Через несколько часов, в очередной раз расплатившись с Сережей, я впервые за последние сутки принял душ на новом поддоне в новой кабине без дверцы.

На следующий день, побывав в «Эпицентре», Сережа сообщил, что дверцы продаются только в комплекте, а комплект можно заказать на складе в Варшаве, откуда его перевезут на склад в Киев и где-то через недельку все это окажется в Одессе.

Прошла неделька. Еще три дня. Еще день. Позвонил Сережа, который выяснил, что наших кабинок больше не выпускают. Нет их ни на складе в Варшаве, ни в Киеве, ни в Одессе, поскольку это был эксклюзив. И выход один – еще раз поехать в «Эпицентр» и купить новую кабину с новым поддоном, так как продаются они только в комплекте.

Заканчивался отпуск. А с ним и отпускные.

Я попросил Сережу зайти. Он не заставил себя ждать.

– Сережа! Где старая кабина и старый поддон с трещиной?

– У меня в подсобке.

– Предлагаю: новый душ с поддоном разобрать и выбросить. А старый вернуть на место. Трещину заклеить и установить на жесткое основание. Это возможно?

– Конечно. А что же вы сразу не сказали?

– Когда сразу?

– Три недели тому назад, когда увидели трещину в поддоне?

– Это же вы сказали – ремонту не подлежит!!!

– Я? Да не может быть… Сейчас все сделаю.

И сделал. Я умылся в старом душе с едва заметной трещиной в поддоне. Рассчитался с Сережей.

Отпускные закончились. Осталась совсем мелочь, которую нужно будет отдать автоинспекторам, пограничникам, таможенникам по дороге из Одессы в Москву.

Выглянул в окно. Сильно штормило. Отпуск кончился.

2013 г., Одесса

Трагифарс под ярким солнцем
Заявка на сценарий короткометражного фильма

Время действия – начало 80-х годов. Когда еще Привоз был тем историческим не перестроенным Привозом, когда трамваи жутко громыхали на стыках рельс, когда 5 и 28 номера везли одесситов в «Аркадию» или «Лонжерон».

Мы видим, как компания из 3–4 мальчиков и 2 девочек гуляют по одесскому Привозу. Видно, что денег у них немного, лет им по 13–14, то есть самый возраст созревания. Они что-то покупают, но больше не покупают, а получают радость и восторг от жизни. Середина июля, разгар лета, все уже загоревшие – Привоз переполнен огромными красными помидорами, «синенькими», и все это под палящим одесским солнцем, которое и при Пушкине светило, и до сих пор не меняется, как бы ни менялся Привоз – дышащий, изобилующий дарами земли, моря и солнца. И эти легкие, открытые одесские ребята морочат кому-то голову, шутят… Кто-то снимает с головы соломенную шляпу, накрывает ею персики, потом надевает ее, снова снимает, и на голове у него оказываются 2 персика. Кто-то аккуратненько так сбрасывает на землю огурчик, у кого-то оказывается вдруг тюлечка… Проходят через молочный и мясной корпус, пробуют колбаску – а попробовать в Одессе означает хорошо позавтракать! Чудесная колбаска, брынзочка… Покупают четвертушку черного хлеба, рачки, на которых потом будут ловить рыбу – у кого-то в руках удочки. И между делом мы видим, что в мальчиках просыпается *мужское* – протискиваясь сквозь толпу одесских домохозяек, они чуть плотнее, чем необходимо, прижимаются к ним, а те с раздражением, а когда и с удовольствием понимают, почему этот мальчик к ней так прилип.

Наконец, мальчики-девочки выходят с рынка, садятся в дребезжащий 5 трамвай, и, толкаясь и трясясь в нем, продолжают веселиться… Кондуктор требует билет, и мы видим, как использованный билет передается осторожно и незаметно кем-то, кто выходит на следующей остановке, и кондуктор недоумевает, откуда он взялся… Все сопровождается хохотом… И опять нам понятно, что мальчиков волнуют открытые женские тела, не очень-то спрятанные в откровенные сарафаны женщин и девочек раскаленной июльской Одессы… Гурьбой выходят из трамвая, проходят «цивилизованную» часть «Аркадии» – сбитые неудобные деревянные лежаки уже попадаются, но в основном все лежат на

каких-то тряпках – полотенцах, одеялах… Одесские мамы кормят у моря своих детей, мы слышим реплики: «Боря, скушай это за маму…», «Марик, выйди из моря!», «Софочка, не мочись!» Все эти одесские крики, как и прочие реплики, накладываются на музыкальный фон, то выходя на первый план, то растворяясь в нем.

Обедают семьи, лежат инвалиды – кто-то без ноги, кто-то не может открыть израненное войной тело… Но нашим героям до всего этого дела нет, они сквозь этих «пляжников» пробегают дальше на дикий берег, где скалы, где купаться нормальным людям нельзя. Кто-то начинает ловить рыбу, кто-то спешит, как говорят в Одессе, «нарвать» мидий, кто-то нашел старый кусок ржавой жести и разжигает под ним костер. И тут мы можем присмотреться к нашей компании.

Очевидно, что это ребята то ли из одного двора, то ли из одного класса. Среди них выделяется красавица – назовем ее Жанна, ей лет 13, у нее только начинают «формироваться формы», и мальчиков это сводит с ума. Рядом – девочка Рита, одесская еврейская девочка, таких восторгов не вызывает, потому что слишком неидеальна. В общем, видно, что все, что происходит, происходит через Жанну. Сама она никому не отдает предпочтения, но чуть чаще, может быть, поглядывает на мальчика, которого зовут Шурик Ефремов. Тут же и еще один мальчик, Алик – симпатичный, но не герой, потому что лицо круглое, веснушки, кучерявый…

День идет своим чередом – разведен костер, жарится рыба, смех, кто-то бросает камешек по волнам, кто-то загорает… Плавки у всех сконструированы еще по старинке – со шнурочками или пуговицами; но чтобы переодеться – все равно заходят за скалу, так, чтобы девочки не увидели. И все же кто-то что-то увидел, раздается хохот. Девочки тоже ушли переодеваться – одна надевает купальник, а вторая следит, чтобы мальчики не подглядывали, но мальчики все равно подглядывают. Смех нарастает, кто-то притащил бутылку дешевого вина, и вино это – для всех впервые. Девочки в ужасе, отказываются, мальчики бравируют, хотя явно тоже не мастера в области алкоголя. Никаких пластмассовых стаканов – один стеклянный граненый стакан на всех долго отмывается в соленой воде, вино пробуют по кругу. Девочек уговаривают, они плюются, говорят, что это кислятина, кто-то из мальчиков курит в уголочке… В общем, все молодо и замечательно.

Мы видим какую-то игру между Жанной и Аликом… Мы можем даже подняться вверх и увидеть прекрасный город с высоты: побережье, купающихся людей, лодки с рыбаками…

Сумерки, вечереет, стало чуть прохладнее. Купальники сушатся на камнях, девочки закутались в полотенца, мальчики готовят… Вдруг все замечают, что Алик как-то очень долго плывет под водой, долго его нет – девочки заволновались, и вдруг он выныривает, получая одобрение всех, и конечно, Жанны. Но понятно, что Жанна нравится Шурику, а потому он тоже жаждет признания. Мы видим, как он лезет на очень высокий камень и красиво с этого камня ныряет вниз. И тоже его долго нет. Все ждут, понимая, что он сейчас тоже проплывет, как Алик, и покажется над водой. Но Шурика нет, а на воде неожиданно появляется кровь. Ребята в ужасе, ныряют, ищут Шурика, девочки кричат, появляются какие-то взрослые, небрежно одетые люди, потом присоединяются отдыхающие с соседнего цивилизованного пляжа – все ищут… Кто-то пытается найти телефон-автомат. Звонит. Прошло время, на небе уже звезды, но ребята все еще на пляже, и вот кто-то выволакивает тело Шурика – тело утопленника. Его накрывают одной из пляжных подстилок. В это время появляется папа Шурика – молодой человек, года 33, не больше, красивый юноша, интеллигентный – и не скажешь, что папа. Ребята, увидев его, тушуются, но он ни с кем не заговаривает, сторонится… Не отрываясь, смотрит на тело сына.

…По улице едет «полуторка» с открытыми бортами, на ней – гроб, обложенный цветами. И за машиной идет папа Шурика, которого мы с трудом узнаем – он полностью седой. Какие-то женщины в черном, а за ними идут школьники, несут венки – из проволоки, с искусственными цветами. Один венок с одной стороны держит Алик, с другой – Жанна. Играет небольшой духовой оркестрик, разрыта яма, начинаются похороны… Алик с ужасом видит Шурика в гробу и в то же время влюбленно смотрит на Жанну. Гроб зарывают, плачет мама. Это главное одесское кладбище с забором из ракушечника; венки укладываются на могилу… Жанна и Алик уходят вглубь кладбища, которое чем дальше заходишь – тем более заросшее, огромные деревья, кусты, могилы теряются, как в лесу. Жанна и Алик садятся на надгробный камень, сидят рядом. Случайно Алик касается ее локтем, и она не отстраняется, как раньше. Они пододвигаются друг к другу ближе и очень неумело и неловко целуются – видно, что для обоих это впервые. Алик в ужасе, что-то с ним случается, он приходит в какое-то невменяемое состояние. Что с ним происходит?! Этого он никогда раньше не испытывал! Он понятия не имеет, что эти ощущения, которые он так остро, сладко и в то же время постыдно пережил и называется известным лишь из разговоров со сверстниками словом оргазм.

Ему и больно, и стыдно, и прекрасно – в общем, состояние неадекватное. Жанна, почувствовав неладное, убежала. Он раздевается, прямо там, на кладбище, кладет брюки сушиться – и засыпает в плавках среди могил. Утром просыпается от того, что прибежала Жанна: Алик не пришел домой ночевать, родители в ужасе, и она пришла его искать. Они берутся за руки, идут, что-то друг другу говорят – в какой-то момент понимают, что проходят мимо могилы Шурика Ефремова, у которой сидит спиной седой человек. Плечи его вздрагивают.

2009 г., Москва

Байки поца из Одессы

Поц из Одессы

Израильский продюсер Марк Капитанский организовал цикл моих творческих вечеров. Они проходили в разных городах Израиля, в том числе, в Иерусалиме в Русском культурном центре.

Мы с Капитанским едем на машине к месту проведения вечера. Подъезжаем к воротам, на которых висит афиша. Там про меня написано все: народный артист, профессор, обладатель наград, заслуженный деятель искусств, орденоносец и даже лауреат премии Турецкой республики. И уж как самый главный аргумент в конце указано: «член Президиума Всемирного Клуба одесситов». Возле афиши прямо в проеме ворот стоит старый еврей, который все это внимательно читает и с пониманием кивает головой. Своим телом он полностью загородил проезд. Мы не можем проехать. Опускаю стекло и спрашиваю:

– Что там такое?

Он, не оборачиваясь:

– А! Выступает какой-то поц из Одессы!

Я засомневался и говорю Капитанскому:

– Может, поедем обратно?

Но деваться было уже некуда. Вежливо попросили дедушку пропустить нас. Я, кстати, нисколько не удивился, когда увидел нашего скептика в первом ряду. Он, увидев меня, тоже нисколько не удивился…

Всемирный клуб одесситов

В свое время Валентин Гафт сочинил на меня эпиграмму:

Одесский пляж на время бросив,
В Москву пожаловал Иосиф.
Но наступила пауза в карьере Райхельгауза.
Не съездить ли для интересу
Тебе назад в свою Одессу?

Спустя некоторое время, я вступил в Всемирный клуб одесситов. Меня включили в состав президиума, вручили медаль, удостоверение и попросили написать в книге почетных гостей. И я написал:

Приехал… и пришел в Ваш клуб,
И сразу понял, как был глуп,
Не соблазняясь Вашим пленом…
Теперь я счастлив!!! Я стал членом!

Секреты оперетты

Театральное воспитание я получил в немногочисленных одесских театрах. Мама водила в оперу, в русский драматический, но самой любимой, конечно же, была оперетта. Сколько помню, главным режиссером там был Матвей Абрамович Ошеровский. Позже, уже, будучи студентом ГИТИСа, я приезжал летом в Одессу и частенько заходил в театр не только на спектакли, но и по делам – встречался с артистами и, самое главное, с замечательным театральным художником Михаилом Борисовичем Ивницким, который делал декорации к моему преддипломному спектаклю. Ивницкий познакомил нас с Матвеем Абрамовичем, и тот сразу предложил:

– Поставь у нас оперетту! Ты на каком курсе?

– На четвертом, – ответил я, – но я учусь на драме, а оперетта – такой сложный жанр…

– Ну, может, сейчас еще рано, но когда диплом получишь, я открою секрет, как это делается…

И действительно, когда я появился в Одессе через год. Ошеровский напомнил о своем предложении и открыл обещанный секрет:

– Чем оперетта хороша, – говорил Ошеровский – когда идет драматическая сцена и актеры разговаривают, ты знаешь, что делать. Это же драма! А потом выходит хор. У хора есть хормейстер. Они поют, а ты сидишь за режиссерским столиком и в какой-то момент начинаешь грозно стучать карандашом по графинчику с водой. И так громко, на весь зал, кричишь: «Стоп, стоп! Ну-ка, шире отрывайте рот, за что вам деньги платят!»… Хормейстер сразу бежит делать замечания, и все снова поют… Потом выходит балет. С ними балетмейстер. И опять ты их прерываешь и очень строго говоришь: «Что это такое?! Выше ногу! Тяните носок! За что вам деньги платят!» И все знают, кто в спектакле хозяин! Вот и весь секрет. Так что поставить оперетту очень просто!

Как я стал композитором

На четвертом курсе ГИТИСа Володя Пахомов, тогда уже главный режиссер Украинского театра в Одессе, предложил мне поставить преддипломный спектакль. Я обожал Арбузова, особенно его пьесу «Мой бедный Марат!», но в Москве уже два выдающихся режиссера поставили прекрасные спектакли по этой пьесе – Эфрос в Ленкоме и Хейфец в Театре Армии. Мне было двадцать с небольшим, и я мечтал продемонстрировать себе и всему миру, что умею делать спектакли не хуже великих… Поэтому, когда мы с Володей говорили о постановке, предложил «Марата». Распределил роли. Марата играл Василий Яковец, Лику – Валентина Исай, Леонидика – Игорь Максимов. Художником я пригласил лучшего в Одессе мастера Михаила Борисовича Ивницкого.

Как московский режиссер, я чувствовал себя в полном полете творческой фантазии. Решил, что обязательно в спектакле должны звучать песни Окуджавы и стихи Вознесенского. Поскольку в спектакль они не влезли, то исполнялись перед началом и в антракте. Придумал, что обязательно нужен лейтмотив, музыкальная тема. К тому времени я еще ни разу в жизни не работал с композитором, хотя предмет такой в ГИТИСе изучал. У меня было подозрение, что это примерно так же, как работать с художником. Художнику надо рассказывать, как ты видишь спектакль, и я полагал, что композитору необходимо объяснить, как слышишь.

В пьесе три акта. Первое действие происходит в Ленинграде, во время блокады. Второй акт – это победа, сорок пятый год, и, наконец, третий акт – герои становятся взрослыми, их жизнь не складывается и они надеются, что придет новое время, все наладится: «Они идут, шестидесятые! Они принесут, наконец, счастье людям».

Поскольку театр назывался «музично-драматичный», в нем был штатный оркестр и штатный дирижер – Борис Зильберглейт. Он считал себя композитором, и сильно радовался тому, что приехал режиссер из Москвы. Столичным явно полагалось заказывать для постановки мощную музыку.

При первой встрече я поделился с Зильберглейтом своим замыслом. В первом акте, по моему мнению, должна была звучать тревожная тема, что-то вроде Ленинградской симфонии

Шостаковича. Во втором – музыкальное ликование, аккордеон на улицах… В третьем мне необходимы были трубы, зовущие вперед: они идут, шестидесятые…

Зильберглейт остался очень доволен беседой и сказал, что приступит к работе немедленно. Я начал репетировать. Через две или три недели Борис Зильберглейт пригласил меня прослушать музыку к спектаклю. Я полагал, что он сядет к роялю, проиграет основную тему и вариации, и мы решим, как быть дальше. Однако, когда я пришел, с удивлением обнаружил в зале полный симфонический оркестр. За дирижерским пультом стоял Борис Зильберглейт. Он взмахнул палочкой, и оркестр заиграл. Если и не Седьмую симфонию Шостаковича, то какую-нибудь 17-ю Зильберглейта… Обрушился мощнейший звук с преобладанием духовых, и я понял, что эта музыка забьет все задуманные тихие камерные сцены.

Я прослушал все с большим вниманием, а потом вынужден был сказать, что для моего спектакля эта оперно-симфоническая музыка не совсем подходит. Зильберглейт извинился перед оркестром и отпустил музыкантов. Мы остались в зале, и я стал снова объяснять, какое настроение нужно передать в музыке:

– Понимаете, блокада. По улицам в санках возят трупы. Страшно холодно. Продрогший Шостакович за роялем что-то подбирает и возникает тревожный лейтмотив. Во втором акте, когда вся страна ликует и музыка звучит из каждого окна, наши герои снова слышат лейтмотив, который тогда, в блокаду, прозвучал в Ленинграде. И, наконец, когда остается надеяться только на новое прекрасное время, лейтмотив возникает снова.

Зильберглейт сказал:

– Кажется, я понял. Вы хотите более камерного звучания.

Где-то через недельку все в том же зале меня ждал заметно поредевший оркестр, скорее даже ансамбль. Было ощущение, что я слышу все ту же симфонию. Дирижер снова отпустил оркестр, а я постарался еще раз, образно и подробно, разъяснить свой замысел изрядно рассвирепевшему Зильберглейту:

– Понимаете, блокада, холод, голод… Все в инее, на седьмом этаже обвалилась стена от бомбежки, и рояль стоит в комнате только двумя ножками, третья нависает над грудой обрушившихся обломков. За роялем молодой Шостакович и одним пальцем играет мелодию… Такой сумасшедший макльчик, очки набекрень… Бомбы рвутся, а он одним пальцем что-то тихо наигрывает.

Зильберглейт вдохновился:

– Сейчас я попробую.

Сел за рояль и мощными аккордами наиграл тему

Шостаковича. Тут я взорвался:

– Вы не понимаете, он же уже совсем окоченел, он безумен, этот сумасшедший мальчик!

Зильберглейт хлопнул крышкой рояля и завизжал:

– Сами вы сумасшедший мальчик! Играйте сами!

Я был в такой ажитации, что взял и наиграл одним пальцем некую мелодию.

Запишите и сыграйте! В первом акте – одним пальцем на фортепьяно, во втором – ту же мелодию – аккордеон, в третьем – труба, как зов к лучшей жизни.

Надо отдать ему должное, он записал и сыграл все как надо. А единственный спектакль, в котором я был еще и композитором, открыл мне дорогу в Москву.

Марине Баканурской

Марина Баканурская – телеведущая на русскоязычном канале Одесского телевиденья Думская ТВ. Папа у нее еврей, мама – украинка.

Две чудных половинки
Еврей и украинка
А получилась русская –
Марина Баканурская

Как я стал артистом

В возрасте шестнадцати лет я был зачислен на отделение украіньськоі драмы Харьковского театрального института. Так получилось, что на эту «драму» по конкурсу не прошел ни один украинец. Среди студентов отделения числились трое-четверо русских и пять-шесть евреев. Тогдашний министр культуры Украины Бабийчук был сильно этим недоволен и распорядился набор отменить. Про него ходил анекдот, что Украину за последние несколько десятилетий постигли две трагедии – Бабий Яр и БабийЧук.

Для меня ситуация складывалась совсем не анекдотично: театральное будущее оказалось под угрозой. Вернувшись в Одессу и размышляя, куда податься, случайно наткнулся на объявление: «Одесскому ТЮЗу срочно требуется артист. Размер 48».

У меня был сорок шестой размер, но я смело отправился в ТЮЗ и на служебном входе сообщил, что пришел по объявлению. Меня встретила режиссер Мария Исаевна Каменецкая. Я готовился читать стихотворение или отрывок из прозы, но режиссер со словами «Сейчас проверим» прямиком повела меня в костюмерный цех. На меня стали надевать разные брюки, пиджаки и даже фуражки. Все было велико. Подошли только сапоги и серебряные сандалии, в которых я потом играл инопланетянина в спектакле «Вовка на планете Ялмез». Ялмез – то Земля наоборот.

И на всех этих рубашках-брюках-пиджаках химическим карандашом написано: Коля Губенко. Оказалось, летом во время отпуска артист Коля Губенко, впоследствии народный артист России, режиссер, сценарист и последний министр культуры СССР, уехал в Москву и поступил во ВГИК. А сезон надо было открывать… И не шить же заново костюмы!

Так без всякого образования я стал артистом. Через много-много лет, уже пройдя ГИТИС и «Современник», начал работать по приглашению Юрия Петровича Любимова на Таганке, и как-то рассказал все это Николаю Николаевичу Губенко. Мне показалось, что он слушал с ностальгией. Было чувство, что в тот момент он захотел вернуться в Одесский ТЮЗ и начать все сначала. Тогда я его не понимал. Теперь понимаю.

А.Б. Чубайсу в День энергетика 22 декабря, на тот момент председателю РАЭ ЕЭС

В шутку или на беду
Самый темный день в году
Днем электрика зовется
Значит такова судьба-с
И теперь лишь остается
С этим днем поздравить Вас
Дорогой А.Б. Чубайс
P.S.
Ну а что до «правых сил»
Я бы с Гозмана спросил!

Чубайс в Одессе

Анатолий Борисович Чубайс со своей женой Дуней Смирновой приехали в Одессу. Повели их на Привоз. Идем. Конец мая, начало июня. Фруктовые ряды завалены клубникой. Покупателей почти нет – только продавцы. Дуня прошла вперед, а мы идем вдоль рядов. Чубайс читает все таблички. «Самая экологически чистая клубника». «Самая свежая клубника». «Самая сочная клубника». «Самая крупная клубника». Наконец, на одной табличке написано: «Самая сладкая клубника».

– Пробуйте! – агитирует продавщица. У меня самая сладкая клубника!

Чубайс берет в руки ягоду, протирает ее тщательно, пробует…

Потом говорит – не продавщице, а мне:

– Ну, не такая уж и сладкая, обычная клубника.

И идет дальше.

Продавщица – тоже не ему, а мне – с таким подчеркнутым сожалением отвечает:

– У вашего товарища трудная жизнь.

Продолжение одесской темы. В городе помимо Чубайса собираются еще несколько бизнесменов, которые входят в попечительский совет театра «Школа современной пьесы». Для них организована экскурсия. Приглашена лучший экскурсовод. Предоставлен микроавтобус, видимо, из какого-то губернаторского парка – с занавесками на окнах. Занавески никак не хотят отдергиваться – их раздвигают, а они от движения автобуса сдвигаются. Убираешь наверх, а они падают – автомобиль лихо подскакивает на одесских дорогах. Началось движение по Приморскому бульвару. Гид приступила к рассказу. Микрофон трещал, хрипел и, наконец, вырубился. Экскурсовод его отложила и продолжила рассказ без технических средств. Анатолий Чубайс, наконец, не выдержал:

– Вы знаете, как-то плохо слышно.

На что она без паузы, показывая на окошки, с закрывшимися занавесками, сказала:

– Подождите, скоро еще будет плохо видно!

Одесские зарисовки

Раннее летнее утро. Тихо. Ясно. Будет жаркий день. В наш двор входит соседка из другого двора, располагается под чьим-то балконом и кричит:

– Софья Моисеевна! Вы на пляж идете?

В ответ тишина.

– Софья Моисеевна! Вы спите?

Молчание.

– Софья Моисеевна!

Через паузу:

– Софья Моисеевна! Вы что, спите?

Из окна выглядывает сосед дядя Савва и кричит в ответ:

– Да-да-да! Софья Моисеевна спит, и больше НИКТО!

* * *

Беда Одессы – пресная вода. Ее всегда не хватает, и об этом писал еще Пушкин. Летом водопроводный кран выглядит как бутафория – вода в него поступает на два часа ранним утром и очень редко – поздним вечером. Приходится ходить на колонку.

На четвертый этаж с трудом, отдыхая на каждой лестничной площадке, поднимает тяжелые ведра дородная Роза Абрамовна. На третьем из квартиры выходит не менее дородная Берта Соломоновна и говорит:

– Роза Абрамовна, одолжите мне ведерко, когда вода пойдет, я вам верну!

* * *

Объявление на пляже:
«ЕЗДА НА ВЕЛОСИПЕДАХ ТОЛЬКО В ПЕШЕМ ПОРЯДКЕ!»

* * *

На дверях большого гастронома возле пляжа:
«БЕЗ ОДЕЖДЫ В УНИВЕРСАМ НЕ ВХОДИТЬ!»

* * *

Узкая улица, не шибко ровный асфальт и бетонный забор с одной стороны дороги. Впереди довольно крутой поворот. На заборе в направлении поворота нарисована стрелка и крупно черной краской написано:

«ОСТОРОЖНО! НА ДОРОГЕ КАКАЯ-ТО ХЕРНЯ!»

* * *

Одесское побережье подвержено оползням, и иногда владельцы деревянных куреней, проснувшись, обнаруживают, что половина «дачи» находится уже над пропастью. После одного из таких «стихийных бедствий» у общественного туалета на двенадцатой станции Фонтана вывешено объявление:

«ТУАЛЕТ НЕ РАБОТАЕТ. ОБВАЛ.»

* * *

Из меню ресторана «Золотой берег»:

«КАМБАЛА ЖИВАЯ ЖАРЕНАЯ. ГАРНИР СЛОЖНЫЙ».

* * *

Прихожу со служебного входа в русский театр в Одессе. Спрашиваю на вахте:

– Здравствуйте, скажите, пожалуйста, я могу встретиться с завлитом?

Дежурная типичная одесская тетя отвечает:

– Ее нет. Позвоните по местному телефону 2-12.

– А зачем звонить, если ее нет?

– Чтобы вы поверили, что я вас не обманываю.

* * *

Ставил в Одесском русском театре спектакль, и меня поселили в квартире на девятом этаже. Дом был новый, но лифт работал крайне нерегулярно. Однажды после изнурительного рабочего дня я поднимался по лестнице и на свежевыкрашенной стене седьмого этажа увидел надпись: «НУ ЧТО?»

* * *

На улице возле киоска стоит мужчина и громко кричит:
«ПРОДАЮ ОДЕССУ И ОБЛАСТЬ ЗА ВОСЕМЬ ГРИВЕН!»
Он продавал карту Одесской области.

* * *

Садоводческое товарищество, где на шести сотках местные жители выращивают абрикосы, груши, персики, помидоры, черешню, яблоки – все, что скупается и съедается отдыхающими. Понятно, что самым востребованным удобрением здесь является навоз. На столбе у дороги висит самодельный рекламный щит:
«ПРОДАЮ ГОВНО».

* * *

Гастроли театра в Одессе. Живем в гостинице «Пассаж», в которой все нерадостно – наши номера на втором этаже, а на первом и третьем идет ремонт…

С утра сильно болит голова. Спускаюсь в неуютный буфет, где нет ни души, кроме невероятных размеров буфетчицы и ее товарки. Женщины щебечут, не обращая на меня никакого внимания. Я подхожу к стойке и жду. Никакой реакции.

– Пожалуйста, сделайте мне чаю! Очень крепкого и без сахара…

Даже не удостоив меня взглядом и не закрывая рта, буфетчица машинально берет стакан, наливает в него из чайника бледно-желтую жидкость и бухает ложки четыре сахара:

– Я же просил вас крепкого и без сахара! А это что? Тут же столько сахара, что ложка будет стоять!

Буфетчица лениво поворачивает голову в мою сторону и, также щебеча, говорит:

– Ой, так не берите ложечку!

* * *

Советские времена. Одесское Артиллерийское училище. На фасаде – транспарант:
«Наша цель – коммунизм».

* * *

Гостиница. Два дня не меняют полотенца. На третий день догадываюсь, что нужно, как в некоторых европейских странах, бросить полотенца на пол в ванной – уж теперь-то поменяют! Возвращаюсь в номер – полотенца с пола подняты и повешены на крючки. На четвертый день ловлю горничную:

– Поменяйте, пожалуйста, полотенца! Четыре дня не меняли!

– Тю! Уже запачкали?!

Сын еврейских колхозников

Одесса, пару лет назад, лето, раннее утро. Я на велосипеде еду к морю. Народу мало, кладу велосипед, сбрасываю одежду. Недалеко на лежаке под зонтиком такая одесская дама, что-то читает, но при этом внимательно на меня поглядывает.

Совершив заплыв, выхожу, начинаю одеваться. Дама смотрит в упор. Когда я провожу мимо нее по песку свой велосипед, она пристально вглядывается в меня. Глаза у нее округляются, а в вопросе одновременно изумление и восторг:

– Это вы?

– Я…

– Так вы еще живы?

Я что-то промычал в свое оправдание.

Она протягивает мне книжку «Путеводитель по Одессе», издательство ЭКСМО из серии «Оранжевые путеводители»:

– Смотрите!

В книге описываются пешие маршруты по Одесским улицам с описанием домов и упоминанием великих людей, которые в них жили. А уж кто только в Одессе ни жил: Пушкин, Чайковский, Шевченко, Паустовский, Ахматова…

– Нет, вы вот здесь читайте: «Мы сворачиваем и подходим к дому, где в семье еврейских колхозников родился выдающийся режиссер Иосиф Райхельгауз». Это же вы?! Распишитесь!

Я вынужден был дать ей автограф, она была удовлетворена и потрясена.

Спешите занять место на кладбище!

Папины родители – мои дедушка и бабушка – лежат на Еврейском кладбище в Одессе. Кладбище это историческое, многократно описанное, в том числе Бабелем в «Одесских рассказах». Поскольку мы в Одессе не живем, я много лет, приезжая туда, всегда иду на кладбище. В мое отсутствие за могилами следит смотрительница Наташа. Впрочем, имя Наташа ей подходит так же, как мне Василий Иванович. Ее должность вряд ли может сравниться по значимости с какой бы то ни было. Вообразите: ее молчаливые упокоившиеся подопечные имеют родственников по всему миру – Америка, Европа, Израиль. Большинство из них – хорошие дети, внуки, правнуки, которые чтут память своих предков и готовы платить немалые деньги, чтобы их могилы выглядели достойно. Так что у Наташи настоящий международный бизнес. За уход она берет только в твердо конвертируемой валюте.

Обязательства свои она выполняет добросовестно: могилы выглядят – любо-дорого взглянуть.

Наташа гордится своей клиентурой: среди них потомки Ойстраха, Горовица, Утесова. Кто-то из великих представлен уже в четвертом, пятом поколении. Как ни парадоксально, но, пребывая в обители смерти, она находится в центре культурной жизни. Регулярно смотрит ТВ, в курсе всех новостей, особенно тех, которые касаются ее клиентов. Оценивает и мои выступления. Мы видимся два раза в году – когда я приезжаю в свой родной город и отправляюсь на могилу бабушки и дедушки. В конце каждой встречи она всегда переходит к главной теме.

– Иосиф Леонидович! Только для вас! На центральной аллее осталось уже совсем не много мест! Я очень хочу, чтобы вы были похоронены по-человечески, чтобы лежали в достойном месте. Вы такой человек! Вы только посмотрите, какие здесь места – это же не дикие посадки! Здесь все культурно. Берите! Вы доиграетесь! Не останется ни одного приличного места! Вы же не хотите, чтобы ваши дети искали вас каждый раз, как вы ищете своих бабушку и дедушку. А так они откроют ворота и сразу вас увидят! Иосиф Леонидович! Это такое место! Сама бы легла.

Интересно, что она абсолютно убеждена, что когда-нибудь непременно будет помогать моим детям, а не исключено, что и правнукам, искать мою могилу. Видимо, постоянное пребывание на кладбище породило у нее ощущение собственного бессмертия. Ну а я… Я каждый раз обещаю ей подумать и вернуться живым.

Запись в телефоне

Как-то раз, перебирая разные опции в телефоне, понял, что его память хранит все. Любое событие можно сохранить в напоминаниях. Не знаю даже зачем, я посмотрел, в какой день недели мне исполнится 100 лет. И у меня на дисплее выскочило предложение включить напоминание – что сделать в этот день – 12 июня 2047 года. Я решил, что себе ничего напоминать не буду, а вот детям… Написал: дети, не забудьте сегодня навестить папу…

С Филозовым все отлично

Когда умер Альберт Леонидович Филозов, похоронами занимался театр. Все, как принято: прощание в театре, отпевание, венки. Но главная проблема – место захоронения. Конечно, народный артист России должен быть погребен на мемориальном кладбище – на Ваганьковском. Тем более, что там есть целая аллея, где похоронены выдающиеся люди, артисты, тесно связанные с театром «Школа современной пьесы»: Булат Окуджава, Михаил Глузский, Мария Миронова, Любовь Полищук, Евгений Дворжецкий. Однако выяснилось, что оно теперь стало недоступным. Разрешение дает лично мэр. Я написал SMS другу нашего театра вице-мэру Леониду Михайловичу Печатникову. Написал буквально следующее: «Помогите похоронить Филозова на Ваганьковском». На что он ответил: «Почти невозможно, но постараюсь».

Дальше была переписка, звонки, понадобилось письмо от СТД, Департамента культуры, от знаменитых артистов, я всем звонил, собирал письма, ходатайства. Подписи и просьбы передавал в приемную Печатникова. Он сообщал, что все продвигается, но вопрос еще не решен. На следующее утро, когда до похорон оставалось несколько часов, Печатников прислал SMS: «Место на кладбище согласовано».

Альберта Филозова похоронили на Ваганьковском.

Через неделю была шумная премьера в МХТ имени Чехова. Иду, ищу свое место. Навстречу мне движется Леонид Михайлович Печатников, который радостно улыбается:

– Иосиф!! Как у нас все чудесно получилось с Филозовым! Прямо вот очень хорошо получилось!

Я:

– Да, спасибо, очень хорошо получилось! Просто здорово все вышло так.

Печатников:

– Слава богу, удачно. Вот именно – Слава Богу, что так все сложилось.

Я:

– Да, все просто прекрасно! Мы все очень благодарны.

Филозов лежит на Ваганьковском кладбище.

Волочкова на похоронах Филозова

Звезда российского балета Анастасия Волочкова ворвалась в «Школу современной пьесы», как цунами. Она начала репетировать в спектакле «Пришел мужчина к женщине» очень убедительно, ярко и, казалось, успешно. Однако вскоре события стали развиваться весьма неожиданным образом. Вместе со своим партнером Саидом Баговым Настя заиграла абсолютно другую историю – не имеющую ничего общего с пьесой Семена Злотникова и моей режиссурой. На глазах изумленной постановочной группы актеры произносили свой собственный текст, меняли мизансцены, кардинально переосмысливали характеры персонажей. Ну, а когда Волочкова стала приходить на репетиции в собственных весьма экстравагантных нарядах, стало ясно: в ЭТОМ спектакле не будет скромной телефонистки Дины Федоровны. А будет гиперсексуальная, скандальная красавица Волочкова на высоченных шпильках с обнаженной спиной и полуобнаженной грудью. Забегая вперед, скажу, что спектакль в этой «волочковской» версии был сыгран всего два раза. Послевкусие длилось еще долго, провоцируемое бесконечными SMS-посланиями Анастасии, в которых она выражала свою любовь к театру, ко мне, к пьесе, собственной гениальности и сетовала, что эту гениальность не оценили.

В это время нас постигло настоящее несчастье: умер Альберт Филозов. После похорон вечером мы собрались в театре. Вместо спектакля «Русское варенье», заявленного в афише, получился вечер памяти Альберта Леонидовича. Многие зрители, пришедшие на спектакль, не сдали билеты и пришли в зал. Артисты и друзья Филозова разместились на сцене: вся труппа нашего театра, режиссер Анатолий Васильев, народный артист России Василий Бочкарев, журналист Александр Минкин… И вдруг появилась Волочкова… Это было очень неожиданно – она практически, не была знакома с Филозовым – возможно, виделась с ним пару раз мельком в театре. Вышла на сцену балетной походкой: идеальная осанка, подбородок кверху, голливудская улыбка от уха до уха. Платье… Боже, какое на ней было платье!!! Черное (ну, все-таки, траур), бархатное, в пол, со стразами и гигантским вырезом на спине до самой… Как бы это сказать поделикатнее… Короче говоря, глубокий вырез. Она непринужденно села на свободный стул, закинула ногу на ногу и, продолжая широко улыбаться, устремила свой взор в зал. По залу пробежал легкий шум. Я невольно сделал попытку встать, чтобы увести ее, но Толя Васильев остановил меня. Артисты подходили

к микрофону, рассказывали о своем общении с Альбертом Леонидовичем, и я надеялся, что, поскольку Насте нечего рассказать, она покрасуется молча и уйдет себе с богом. Но не тут-то было! Улучив паузу между выступлениями, Настя встала и направилась к микрофону. Не стоит и говорить, что широкая улыбка ее стала еще шире.

– Я так рада быть здесь! – произнесла балерина и сделала характерный жест рукой, как бы предвещающий эффектное балетное па. Затем махнула ручкой в радиорубку и под зазвучавшую фонограмму исполнила некую мелодекламацию. Зал обалдел. Волочкова закончила читать (сам был в шоке, поэтому даже не вспомню, что именно она прочла – Ахматову? Цветаеву?), поклонилась, напрашиваясь на аплодисменты, которые как-то не задались и, повернувшись голой задницей к охреневшей публике, уплыла за кулисы.

Разрядил обстановку Саша Минкин, который выскочил к микрофону. Я попытался его представить, но он отмахнулся и сказал:

– Иосиф Леонидович, не надо меня представлять. После такого выступления я проканаю по-любому.

В зале засмеялись. Думаю, что будь жив Альберт, он бы просто хохотал…

Альберту Филозову в день его 75-летия

Любимый старый друг Альберт,
Нам на двоих 140 лет.
И как сказали бы в Одессе,
Лет до 200 живите вместе

Как поселиться у Васильевой

Был у меня студент Олег Плаксин – режиссер, который сейчас руководит Челябинским молодежным театром. Как-то он звонит из Челябинска. Слышно не очень хорошо, но я понимаю, что ему нужен телефон Татьяны Васильевой. Я так еще удивился немного, но потом подумал, что ничего необычного нет: режиссеру нужен телефон артистки. Диктую ему телефон Татьяны Григорьевны Васильевой и забываю об этом. Проходит пара дней. Мне звонит Таня:

– Иосиф, ты что охренел? Я, конечно, многое могу для тебя сделать – ты мой режиссер, с которым я работаю, дружу, в конце концов, но все-таки, есть же какие-то границы…

Я ничего не понимаю:

– Таня, ты объясни толком! Что случилось?

Но разговор как-то в тот момент не получился – кто-то ей позвонил по второй линии. Она сказала, что еще перезвонит мне, а я в полном недоумении стал гадать, чем же я так не угодил Татьяне.

Тут звонит Олег. И говорит:

– Иосиф Леонидович, так странно, но она мне отказала категорически, может быть, вы с ней поговорите?

– Кто отказал? В чем?

– Татьяна Васильевна отказалась поселить меня в общежитие ГИТИСа, а мне так надо на три дня в Москву приехать…

– Татьяна Васильевна?

И тут я начал что-то понимать. Оказывается, Олег просил меня телефон Татьяны Васильевны, коменданта общежития ГИТИСа на Трифоновской, а я ему дал телефончик Татьяны Васильевой, народной артистки России. И вышел у них примерно такой разговор. В 7 утра: потому что Олег решил пораньше позвонить – комендантыведь рано встают.

– Татьяна Васильевна?

– Да, я… – говорит Таня спросонья, услышав так же, как и я «Татьяна Васильева».

– Здравствуйте, я студент Иосифа Райхельгауза Олег Плаксин. У меня к вам просьба огромная – можно мне дня на три у вас остановиться? А то мне надо в Москву приехать – мне совершенно негде жить.

– А почему вы решили, что я могу вам помочь?

– Ну я очень вас прошу! Я понимаю, что я заочник и не имею права, но я ни на что не претендую – могу с кем-нибудь в комнате! Мне буквально три ночи переночевать!

– Что значит «с кем-то в комнате»? Вы со мной собираетесь в одной комнате спать?

– Ну, нет, конечно, что вы… Я вас не могу стеснять, ну неужели не найдется уголка какого-нибудь? Очень вас прошу…

Короче, Таня его все-таки послала, хотя потом призналась, когда мы снова созвонились – я ей, естественно позвонил с объяснениями и извинениями, – что в какой-то момент у нее возникла мысль: все-таки Иосифа студент, значит как-то надо помочь парню…

Сын Левитина и Гафта

Известный режиссер Михаил Захарович Левитин много лет был мужем актрисы Ольги Остроумовой. Их семья была настолько крепкой, что дочь они назвали Олей, а сына Мишей. Но даже самые крепкие семьи иногда распадаются. Михаил Захарович и Ольга Михайловна расстались. Ольга Остроумова стала женой Валентина Иосифовича Гафта. Как нередко водится в интеллигентных семьях, все дружили. Детей воспитывали вместе.

Однажды Виталий Вульф, театровед, историк, создатель и ведущий передачи «Серебряный шар», хранитель и рассказчик бесчисленного количества легенд, мифов, баек, анекдотов о деятелях мирового театра, вел передачу на «Эхе Москвы». Героем его рассказа был начинающий режиссер Миша Левитин, которому на тот момент было меньше 30 лет. Представляя его, Виталий Яковлевич объяснил радиослушателям:

– Это Михаил Левитин – младший! Сын Ольги Остроумовой, Миши Левитина и Вали Гафта!

Валентин и Валентин

О Валентине Гафте рассказываю всю жизнь, с тех пора как судьба подарила счастье с ним работать и общаться. Гафт пишет замечательные эпиграммы. Хотя большое количество эпиграмм с ненормативной лексикой он не публиковал. Поскольку я их помню, Валентин Иосифович мог позвонить мне в общежитие на общий телефон среди ночи. Меня поднимали – звонит Гафт. Я брал трубку, Валентин Иосифович радостно говорил: «Старик, хорошо, что ты не спишь. Напомни мне мою эпиграмму про такого-то.» И я напоминал.

Гафт до «Современника» проработал не меньше чем в десяти московских театрах. Очень гордился трудовой книжкой, где было две записи, сделанные в один день в театре Моссовета. Утром: принять на работу в должности артиста. И после единственной непродолжительной репетиции с Юрием Завадским, вечером того же дня другая запись: освободить от занимаемой должности.

Несколько дней он даже проработал артистом цыганского театра «Ромэн». Театром тогда руководил Семен Баркан, не самый выдающийся режиссер. После нескольких репетиций Гафт написал:

Семен Аркадьевич Баркан
не режиссер и не цыган…

И уволился.

Был у Гафта и опыт работы в театре Сатиры. Его привели к Валентину Плучеку Андрей Миронов и Александр Ширвиндт. Они друг другу сразу не понравились. Гафт буквально через несколько дней сочинил эпиграмму, которую Плучеку верные люди донесли:

Сам по себе он ничего не значит,
В нем интеллект бренчит и скачет,
Его познания, как числа,
И все поэтому без смысла,
Постольку Плучек мастер штучек,
Поскольку сам из недоучек.

После этого Плучек распорядился Гафта в театр не пускать.

В театре Сатиры работал знаменитый художник по свету – Арон Захарович Намиот. И у этого Намиота был какой-то юбилей.

Гафт его очень уважал. Намиот хотел пригласить Гафта. Пришел к Плучеку и попросил, чтобы Гафту в порядке исключения разрешили прийти в театр, выйти, поздравить и тут же уйти. Плучек на беду свою разрешил.

На сцене стояли два кресла – В одном сидел юбиляр, а во втором – Валентин Плучек, который вел представление. Люди выходили, поздравляли, показывали какие-то номера. Подошла очередь Гафта. Плучек не стал его объявлять, а потому сам Арон Захарович представил:

– Меня пришел поздравить мой друг Валентин Гафт.

Гафт вышел на сцену, встал между креслами и продекламировал.

В ваш юбилей хочу сказать одно:
Служа искусству света беззаветно,
Вы освещали так порой говно
Что становилось и оно заметно.

На слове «говно» Гафт кивнул в сторону Плучека.

Разумеется, после этого Гафт уже на самом деле больше не преступал порог театра Сатиры.

Гафт и Васильев: первая встреча

Это было в самом начале моей работы в «Современнике». Мой однокурсник и друг Анатолий Васильев начал работать во МХАТе. Мы только получили дипломы. Я репетировал «Из записок Лопатина», он – «Соло для часов с боем». Васильев рассказывал, что у него играют звезды МХАТа: Прудкин, Яншин, Александровская, Грибов, а я ему хвастался, что у меня играют Табаков, Даль, Добржанская и даже Гафт. Васильев сказал, что ему интересно познакомиться с Валентином Гафтом. В свою очередь и Валентин Иосифович мне как-то заметил: «Говорят, твой Васильев гений… Надо познакомиться».

И вот Васильев как-то зашел за мной в «Современник». Возник удачный момент для знакомства. На третьем этаже в переходе, где висела доска расписания, было место для курения. Привел я туда Толю и сказал: «Жди. Сейчас найду Гафта».

Нашел Гафта в репзале – он репетировал сам с собой, ведя какой-то диалог с невидимым партнером. Проводил Валентина Иосифовича на третий этаж. Гафт и Васильев пожали друг другу руки, а я, решив им не мешать, отправился на второй этаж в буфет.

В это время мне кто-то сказал, что меня искала Галина Борисовна Волчек. Я быстро поднялся в ее кабинет, но навстречу мне уже шел Гафт. Показав пальцем вниз, где только что произошла историческая встреча с Васильевым, он тем же пальцем стал выразительно крутить возле виска, демонстрируя, что представленный ему режиссер Васильев больной на всю голову.

Я вернулся в буфет, куда уже входил Васильев. В ответ на мой вопросительный взгляд, он, показывая наверх, где только что оставил Гафта, абсолютно тем же жестом стал крутить у виска…

Так гении оценили друг друга.

На «Х» начинается на «Й» заканчивается

Мы поступали в ГИТИС целенаправленно в мастерскую Анатолия Эфроса. Прямо в момент нашего поступления Эфросу на дали набирать студентов. И когда наступил сентябрь, нам начали подыскивать мастера и педагогов. А мы были все ребята с образованием, руководили театрами. Все уже считали себя профессионалами, прекрасно знающими, что и кто нам подходит, а что нет. Когда нам кого-то предлагали, мы гневно отказывались. Однажды нас попросили задержаться в аудитории – должен был прийти очередной претендент на руководство курсом, главный режиссер Московского ТЮЗа Павел Хомский.

Кто-то подошел к доске и мелом написал:

Загадка. На «Х» начинается на «Й» заканчивается.

Отгадка. Хомский.

Зашел Павел Осипович, посмотрел на нас. Увидел на лицах полную недоброжелательность. Попытался что-то о себе рассказать. Недоброжелательность на лицах удвоилась.

И тут Хомский увидел загадку. И сказал:

– Я все понял.

И ушел.

Интересно, что с тех пор он всех нас считал своими учениками. Меня всегда называл – мой любимый ученик.

Кнебель и Васильев

Поскольку нам на курс в ГИТИСе никак не могли найти худрука – мы прогоняли всех, кого считали ретроградами, нас стала учить Мария Иосифовна Кнебель. Вернее, Мария Осиповна, как ее принято было называть.

Мы не сразу осознали, как нам повезло. Потому что шли учиться, ориентируясь на таких, как Эфрос, Любимов, Захаров, Товстоногов. А тут какая-то старушка азы рассказывает. Метод действенного анализа, который мы, конечно же, стали называть метод девственного анализа. Хихикали и над фамилией, как полные идиоты. Были в ходу шутки типа «Срочная доставка кнебели населению» и пр. Больше всего нас интересовало, в каких отношениях она состояла со Станиславским – было или не было?!

А когда прочли в ее автобиографической книге, что она сидела на коленях у Толстого и у того были острые коленки, мы, конечно, живо интересовались, коленка ли это была или что-то другое. На всякие предложения и задания Марии Осиповны мы выдвигали контраргументы. Считали, что все это устарело, Эфрос делает не так. И мы доводили Марию Осиповну чуть ли не до слез.

У Марии Осиповны был параллельно четвертый курс, где учились интеллигентные люди – Саша Бурдонский, Елена Долгина, ныне работающая в РАМТе с Алексеем Бородиным. Они уже поняли, кто такая Мария Осиповна и пытались нас образумить: ребята, ведите себя нормально, будьте мягче, мы переживаем.

Но мы были настроены скептически.

В это время мы с Толей Васильевым выпускали в театре МГУ спектакль, и на афише он поставил фамилию своей мамы – Рабчинский.

Однажды Лена Долгина приехала на дачу к Марии Осиповне. Мария Осиповна сидела и занималась каким-то очередным теоретическим трудом у себя в комнате. Ее старшая сестра Елена, очень переживавшая за свою сестру, которую она называла по-еврейски Монале – спросила:

– Леночка, что там за новые студенты у Монале? Они над ней издеваются. Она все время приезжает в слезах. Это какие-то выродки.

Долгина говорит:

– Да нет, они интеллигентные ребята – образованные, чудесные. Пройдет время, переменятся. Это просто юношеский максимализм в них бурлит.

Елена Иосифовна не унимается:

– Особенно выделяется какой-то Васильева – наверное, жуткий антисемит?

– Да нет, он на самом деле Рабчинский, и мама у него Анна Давидовна.

– Монале, Монале! Ты слышишь? Оказывается этот бандит Васильев – еврей!

Смерть от вилки

У нас было 10 советских студентов в ГИТИСе: из Молдавии, Литвы, Армении. Теперь они были бы иностранцами, а тогда были – наши. Они зачислялись по целевому направлению, практически, вне конкурса, чаще значительно уступая по способностям тем, кто поступал по конкурсу. Среди них были замечательные и талантливые – такие, как 17-летняя Регина Степонавичуте, наивная, впечатлительная и нежная, которую мы, более взрослые, опекали. Но были и такие, кого взяли по совершенно непонятным критериям. К ним относился Гриша Мовсесов, который нам сильно не нравился. Мы, как могли, его третировали. Например, если он, жутко оглядываясь и опасаясь наших проделок, все-таки приводил к себе девушку в общагу, мы выжидали необходимое время, пока Мовсесов девушку эту «расслаблял». Дождавшись, когда выключится свет и рассчитав все этапы ухаживания, ныне народные артисты и профессора Борис Морозов, Анатолий Васильев, Андрей Андреев, Рифкат Исрафилов и я дружным хором орали под дверью: «Мовсесов, прекратите сейчас же!» Включался свет, и девушка вылетала из комнаты. Мовсесов нас ответно ненавидел.

Как-то готовились к экзамену по режиссуре. Я побежал в буфет, пока Толя Васильев что-то репетировал. Там была большая очередь. Близко к прилавку стояла Регина, которая пропустила меня. Я что-то быстро купил. Мы сели за стол. Мовсесов, который стоял в конце очереди, громко сказал: «Эти жиды всегда пролезут без очереди». Я не раздумывая, метнул в него вилку. Вилка застряла в миллиметре от глаза, хлынула кровь. Я перестал есть – как есть без вилки? Регина выскочила с криком из буфета и прибежала в аудиторию, где репетировал Васильев. Она тихо к нему сзади подошла и прошептала:

– Толя, там внизу в буфете Иосиф убил Мовсесова.

Васильев, не останавливая репетицию, также негромко ответил:

– Наконец-то.

Мовсесов выжил. Но на ближайшей сессии был отчислен за профнепригодность.

Ассистент по ноге

Это было много лет назад. Пятнадцать, может быть, двадцать. Анатолий Васильев руководит «Школой драматического искусства». Еще не построен театр на Сретенке, а было только здание на Поварской. Васильев вел там занятия, репетиции, мастер-классы, встречи. Надо хорошо понимать, что, с одной стороны, Анатолий Васильев – выдающийся режиссер нашего времени, а с другой, он всегда сам вокруг себя выстраивал дополнительную ауру, дополнительные измерения. Потому что он очень многим событиям жизни, быта, природным явлениям придает большое значение. Поэтому некоторым людям, которые живут нормально, он кажется странным, необъяснимым. А в его системе координат все на своих местах. Вот один из случаев, вполне типичных для него.

Толя ставил спектакль где-то в Италии, я знал, что его еще долго в Москве не будет. Неожиданно раздается звонок.

– Оська, привет, я в Москве, можем увидеться и поговорить.

– Ты же в Италии?

– Понимаешь, я сломал ногу, нога в гипсе, не могу репетировать, и я у себя.

Мы договорились о встрече – с ним всегда надо на точное время договариваться. Например, с 13.45 до 16.20 или с 15.15 до 17.25.

И я не обижаюсь, потому что он такой со всеми – даже с самыми близкими людьми.

Я пришел в назначенное время на Поварскую. Все, кто попадались мне на пути, от охранника до секретаря, были в курсе моего визита и направляли меня к Анатолию Александровичу с благоговением: «Да-да, проходите, Анатолий Александрович на месте, он у себя, он вас ожидает».

Я вошел. Толя сидел в удобном кресле. Перед ним стоял мягкий пуфик, а на пуфике лежала его нога в гипсе, укрытая белоснежной простынкой.

Мы начали беседовать. Буквально через три минуты беседу прервала милая, симпатичная девушка. Она вошла, неся на подносе какие-то таблеточки, стаканчики. Подошла к Васильеву, что-то нежно прошептала. Он взял, глотнул, запил. Она ушла.

Разговор продолжился. Еще через 10 минут она опять появилась. Приподняла белую простынку, что-то поправила, аккуратно закрыла и ушла.

Я снова что-то начал рассказывать, но девушка вошла опять и стала проводить какие-то очередные манипуляции.

Дождавшись ее ухода, я спросил:

– Толя кто это?

– Не обращай внимания. Это ассистент по ноге.

– ???

– Я сломал ногу, мне положили гипс, прописали всякие процедуры. Я что – возьму это в голову? У меня есть ассистент по актерам, по литературной части, по постановочной части. Ну, теперь вот – ассистент по ноге.

Поклоны на «Путешествии Онегина»

Когда мы с Анатолием Васильевым, создав в конце 70-х годов режиссерскую коллегию, работали в театре Станиславского, я принес пьесу Виктора Славкина «Взрослая дочь молодого человека». Хотел поставить ее в «Современнике». Славкин прочитал пьесу артистам, и вся труппа проголосовала против, за исключением Олега Павловича Табакова. Поскольку мне пьеса казалась интересной, принципиальной и проблемной, я предложил, чтобы Табаков поставил ее в театре Станиславского. Табаков сначала согласился, а потом отказался. Причем сделал это лихо – принес в театр картонную коробку с невиданными яствами и напитками. Когда мы все это съели и выпили, он сказал: «Ребята, я ставить не буду».

И тогда начал ставить я. Довел репетиции до прогона. Дальше Управление культуры стало нас разгонять. Я попал в больницу. Толя Васильев продолжил репетировать, чтобы поддержать спектакль. В это время меня уволили. И Васильев в 1979 году выпустил спектакль – сенсационный, знаменитый, который вошел во все учебники и хрестоматии. Я его так и не видел, потому что в театр этот больше не заходил никогда буквально до недавнего времени, когда после бесконечных смен худруков, концепций и реконструкций, его окончательно не перестроил и не возглавил Борис Юхананов. В книге «Не верю» я описал все детали этой весьма болезненной для меня истории. После чего, как мне передали, мой друг Толя Васильев очень обиделся. Ведь выходило, что его обвинили в плагиате. И тогда Васильев решил мне достойно ответить.

2003 год. Очередная премьера в его театре «Школа драматического искусства» – «Путешествие Онегина». Зал был заполнен критиками, ценителями творчества Васильева. Посадили нас в первый ряд вместе с моей дочерью Машей – известным сценографом Марией Трегубовой. Неподалеку сидел Юрий Петрович Любимов. Идет спектакль. На каком-то важном онегинском тексте, кто-то из артистов – кажется, это был Игорь Яцко, – сделал некий поклон в мою сторону, упомянул мое имя и прямо со сцены вручил мне свиток. Я развернул – это была программка. В ней приводилась цитата из книги «Не верю», тот самый фрагмент, в котором написано, что спектакль «Взрослая дочь» выпустил Анатолий Васильев.

Дальше шел перечень артистов «Путешествия Онегина». И в конце вместо «режиссер-постановщик Анатолий Васильев» сообщалось: «режиссер-постановщик Иосиф Райхельгауз».

Я все это почитал внимательно. Спектакль закончился. Пошли аплодисменты и поклоны. Я боковым зрением видел, что Васильев стоит в кулисе и смотрит в щелку – готовится выйти на поклон. И когда по театральной традиции одна из артисток уже сделала движение в сторону кулисы – чтобы вывести режиссера на поклон, я вскочил с места, поднялся на сцену и стал кланяться. Большинство восприняли это как должное, кое-кто недоумевал. Я прочел вопрос на лице Юрия Петровича Любимова и показал ему программку. Он одобрительно закивал: «А! Так это ты поставил? А я думал, что Толя». И присоединился к аплодисментам зала.

Толя Васильев так на сцену и не вышел. Забавно, что некоторые критики, отметившие этот факт, решили, что Васильев не кланялся потому, что счел показ провальным. Мы никогда с ним об этом не говорили и не вспоминали.

А больше всех смеялась моя дочь Маша.

Здесь были Чехов, Суворин, Васильев и Райхельгауз

Когда мы переехали после ремонта в наш исторический особняк на Трубной площади, то поняли, что он интересен сам по себе. И поэтому стали водить по нему экскурсии. Делают это наши артисты, что придает экскурсиям особый колорит.

Как-то раз сижу в своем кабинете и беседую со старым другом, великим режиссером Анатолием Васильевым. И не просто беседую – обсуждаю с ним возможность постановки в нашем театре его спектакля. Уговариваю, убеждаю – Толя, поставь у нас спектакль. Все, что захочешь!

В мой кабинет ведут две двери: одна из приемной, где посетителей встречает моя помощница, а вторая из коридора. Она обычно закрыта на ключ. Посреди беседы вдруг слышу, что ключ в двери поворачивается. Дверь распахивается, и в кабинет входят люди. Много – человек 30, не меньше. Они уверенно заходят и с интересом нас рассматривают. Толя в изумлении замолчал.

– Что это, Иосиф? – шепотом спрашивает.

– Сейчас, сейчас… – как-то неуверенно шепчу я, потому что сам не очень понимаю, что это за нашествие.

И тут за толпой раздается голос нашего артиста Алексея Гнилицкого.

– Проходите в центр комнаты. Обратите внимание на камин. Вот именно здесь, возле этого камина Антон Павлович Чехов заключил контракт на издание полного собрания сочинений с издателем Алексеем Сувориным.

Тут я понимаю, что это экскурсия. Но Васильев, разумеется, этого не понимает. А экскурсанты не смотрят на камин, возле которого сидят воображаемые Чехов и Суворин, а смотрят на нас – вполне реальных и осязаемых Васильева и Райхельгауза. Васильев, для которого немыслимо, что в его кабинет вот так без спросу, открыв дверь ключом, может ворваться толпа народа, буквально в шоке.

– Иосиф, скажи им, чтобы они ушли, – говорит он, тем не менее, шепотом.

– Сейчас, сейчас… – снова успокаиваю его я.

И тут какая-то дама, которая рассматривает нас в упор, произносит:

– Слушайте, что вы нам рассказываете про Чехова, когда вот тут сидят Васильев и Райхельгауз.

Леша Гнилицкий пробирается через толпу и, наконец,

замечает нас. Это его ничуть не смущает.

– Ну да, – говорит он спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся. – Это кабинет Иосифа Леонидовича Райхельгауза. Он здесь работает. Вот в данный момент у него встреча с Анатолием Александровичем Васильевым. Обсуждают творческие планы. Прошу вас, пойдемте дальше.

Группа направляется к выходу. Один из экскурсантов вдруг отделяется от толпы, подходит к нам и обращается к Васильеву:

– Вам надо воспользоваться случаем. Что-нибудь поставить в этом театре.

Все ушли.

Толя:

– Ты нарочно это сделал? Ведь так? Это все срепетировано?

Доказывать Толе, что все случилось совершенно неожиданно для меня, было бесполезным. Я просто развел руками.

Не трожь Ленина!

Ректор ГИТИСа Матвей Алексеевич Горбунов, уникальный человек, которого «бросили» на театральное искусство из Союзгосцирка, преподавал марксизм-ленинизм. Он постоянно выдавал какие-то афористичные шутки, сравнимые с крылатыми фразами Виктора Степановича Черномырдина. Например, на заседании ученого совета мог сказать: «Если студенты выбрасывают из окна бутылки из-под водки, а не сдают их, значит им не нужны деньги и их надо лишить стипендии».

Он выпивал. Но как-то виртуозно – никто не понимал, когда и где он исхитряется принять очередную порцию. Только немногие знали его секрет. В ректорском кабинете стоял знаменитый бюст Ленина из папье-маше работы скульптора Николая Андреева. Внутри он был полым, и вот именно там, внутри Ленина и была припрятана бутылочка с коньяком. Вдруг Горбунов стал замечать, что коньяка становится меньше – кто-то еще отпивает. Он стал принюхиваться и присматриваться ко всем, пытаясь обнаружить вора. Однажды, зайдя в кабинет раньше обычного, он увидел уборщицу, которая протирала бюст. Она подозрительно быстро отскочила. Матвей Алексеевич пронзительно посмотрел на нее:

– Рая, скажи правду, когда меня нет, ты… Ленина трогаешь?

Ленин в Эрмитаже

В 2005 году было принято Распоряжение правительства Москвы о реконструкции и реставрации здания театра «Школа современной пьесы» на Трубной площади. Этому зданию тогда было уже почти 200 лет. Последний раз оно ремонтировалось в 1910 году. С тех пор в историческом особняке, известном как гостиница и ресторан «Эрмитаж» Люсьена Оливье, все ремонтные работы проводились доморощенными способами самими обитателями. В том числе и театром, который въехал в него в начале 90-х. Здание находилось в ужасающем состоянии – ветхие прогнившие перекрытия, покосившиеся стены. Но при этом – невероятная красота внутри: золоченая лепнина, зеркала, хрустальные люстры… Поскольку ничего не ремонтировалось, ничего и не было украдено или утрачено. И вот, наконец, принимается решение о ремонте. Начинаются бесконечные заседания – архитектурных советов, общественных советов, советов по культурному наследию… Толпы чиновников демонстрируют крайнюю озабоченность – какой облик должно принять здание, какой момент его двухсотлетней биографии считать эталонным, сколько должно быть этажей, как должен выглядеть фасад… Бесконечная, бессмысленная трата времени. Я присутствую на всех этих советах и уже начинаю сходить с ума. Потому что понять, зачем все это происходит, нормальный человек не может. Хочется встать и сказать:

– Остановитесь уже на чем-нибудь! Пока вы совещаетесь, это здание просто рухнет!

Кстати, именно так, в конце концов, и случилось. Наш дом сгорел в 2013 году, не дождавшись ремонта. После этого его все-таки восстановили и реконструировали. Все, что в нем было подлинного, погибло. Реставраторам пришлось заменить утраченные интерьеры на копии. Но все это было много позже. А пока – 2006, 2007, 2008 год… Идут заседания в духе театра абсурда.

Однажды, кажется, это было в Москомархитектуре, шло очередное совещание. Я давно потерял нить происходящего. Докладчики сменяли один другого, махали какими-то чертежами, вывешивали на досках планы БТИ, демонстрировали на экране некие презентации… И вдруг встала одна женщина и сказал:

– Господа, у меня есть сведения, что в 1923 году с балкона объекта по адресу улица Неглинная, 29/14 (так они называли наше здание – объект), выступал Ленин.

Воцарилась тишина. Я сначала даже не обратил на это

внимания – ну, Ленин. Ну и что? Сейчас 21 век! Что нам этот Ленин? У нас на этот балкон кто только не выходил – сам Булат Окуджава выходил! И ничего. И вдруг почувствовал, что все как-то напряглись. Я стал оглядываться по сторонам, не понимая, что происходит. И осознал, что для всех присутствующих это почему-то какая-то чрезвычайно важная информация.

– Вы точно это знаете, Полина Петровна? – спросил некто очень важный с бородой.

– Вы должны это проверить, – вторил ей элегантный мужчина в розовом пиджаке с бутоньеркой.

Я замер. Сумасшедший дом. И запаниковал: а вдруг факт выхода вождя мирового пролетариата на наш несчастный, готовый обрушиться балкон, сейчас остановит к чертям всю нашу реконструкцию?!

И на всякий случай, тоже добавил:

– Да уж, вы проверьте…

Полина Петровна вышла. Все как-то стали о чем-то перешептываться, кто-то пошел за водой. Я почувствовал, что мне нужен валидол. И тут Полина Петровна вернулась. На ней лица не было. Она чуть не плакала.

– Это ошибка, – звенящим голосом сказала она. – Ошибка…

Схватила свои папки и выскочила из зала заседаний.

Слава Богу – Ленин не выступал в Эрмитаже. Заседание продолжается.

Ленин уехал в Ленинград

Режиссер Валерий Саркисов поставил в 1986 году пьесу Александра Ремеза «Путь» в МХАТе имени Горького – про старшего брата Ленина Александра Ульянова. Того самого, который покушался на царя, за что и был казнен. По поводу чего Владимир Ульянов произнес фразу, ставшую крылатой: «Мы пойдем другим путем». Александра в этой постановке играл Дмитрий Брусникин. А Владимира – Леонид Каюров. Премьера. Все очень волнуются. Только-только начинается эпоха, когда Ленина играют не как икону, а как вождя с человеческим лицом. Каюров нервничает. Диалог с матерью, которая только что пережила казнь сына. Все играется очень органично, бытово, искренне… Володя собирает чемодан. Мать спрашивает:

– Володя, ты куда теперь?

А Ленин отвечает:

– В Ленинград, мама…

Юбилеи Галины Волчек

Когда меня позвали в «Современник», то кроме больших спектаклей и инсценировок мы с Валерием Фокиным готовили 40-летний юбилей Галины Борисовны Волчек. В ту пору она казалась нам очень старой. И мы считали, что такой возраст надо скрывать, а не праздновать. Тем не менее, сделали смешной капустник. Валерий Хлевинский в перстнях на каждом пальце изображал Галину Борисовну. Я долго придумывал, что подарить. Подобрал старинную миниатюру в антикварном магазине. Шли годы. Незаметно Галина Борисовна пригласила на свое 80-летие. Теперь она совершенно не казалось старой. И выглядела не хуже чем в 40 лет, а может быть и лучше.

И я снова стал думать, что ей подарить.

И придумал. Люблю собирать всякое старье. В доме все завалено какими-то утюгами, картинками, картонками и прочими осколками прошлого. Иногда попадаются перлы.

40 лет назад Галина Борисовна позвала меня с собой в ЦДЛ – Центральный дом литераторов, где она встречалась с Михаилом Рощиным по поводу новой пьесы «Эшелон».

Я чуть ли не в первый раз оказался в этом знаменитом ресторане, где все стены разрисованы и исписаны нашими классиками-современниками. Там есть автографы Пастернака, Искандера, Симонова и Вознесенского и еще много кого. Например, такие: «Средь индюков и аллигаторов приятно видеть литераторов» (Андрей Вознесенский) или «Пить можно всем. Необходимо только знать: где, когда и с кем, за что и сколько?» (Расул Гамзатов) или «Если тебе надоел ЦДЛ, значит и ты ему надоел!» (Роберт Рождественский).

Заказали какую-то еду. Галина Борисовна называла Рощину имена наших актрис – для того, чтобы он мог сочинить на них роли. А Михаил Михайлович стал черной ручкой записывать на бумажной салфетке: Лаврова – Лавра, Вертинская – Настя, Дорошина – Нина. И так далее. Потом деловая часть закончилась, начали выпивать и закусывать. Рощин салфетку отодвинул и забыл о ней. А я ее сложил и положил в карман. Через 40 лет вспомнил об этой салфетке и попросил художника Лешу Трегубова придумать, как превратить ее в подарок. Леша придумал замечательно. Он сделал макетик сцены старого «Современника» того, который еще на площади Маяковского стоял рядом с гостиницей «Пекин». Салфетка стала занавесом. За ним – коллаж портретов молодой труппы «Современника» той далекой эпохи. Я вышел вручать этот подарок. И прочитал стихи,

которые помогли написать мой друг, автор нашего театра Вадим Жук и великий поэт Борис Пастернак. После этих стихов у Галины Борисовны показались слезы. И у меня…

Гул затих, я вышел на поклоны
Вышел, чтобы поклониться той,
Кто меня из лона «Эшелона»
Вывела и приказала: Стой!
Стой и ставь. Я невод свой закину
В давние иные времена,
Где еще под стенами «Пекина»
Многих нас приметила она.
От нее мы путь свой пролагали,
И у каждого сложился путь,
Если только можешь, тетя Галя,
Где-то рядом недалече будь.
В честь нее гремят аплодисменты
Все мы – вехи на ее пути.
Я дождался этого момента.
Жизнь прожить и снова к ней прийти.

Галина Волчек и Давид Боровский

Театр «Современник». 1975 год. Галина Борисовна Волчек готовится ставить пьесу Михаила Рощина «Эшелон». Она собирается в долгую зарубежную поездку.

Волчек приглашает великого художника Давида Боровского на встречу, на которой она должна рассказать концепцию будущего спектакля. Я присутствую на этой встрече, потому что мне как режиссеру предстоит работать над спектаклем, пока Галина Борисовна отсутствует.

Галина Борисовна сидит в своем кресле, как обычно курит. Давид Львович напротив.

Боровский:

– Галя, в чем замысел?

Волчек (набирает много дыма, выдыхает):

– Понимаешь, война, женщины, дети, все в одном вагоне, все засрано…

Боровский:

– Галь, я придумал вот что: мы берем напрокат в Музее Советской армии «Мессершмидт», вывешиваем его в зрительном зале, чтобы вызывать страх. И зрители сидят под этим «Мессершмидтом.

Волчек (не обращая внимания):

– Ну ладно, Дэва, зачем это! Ты понимаешь? Война, женщины, дети, все засрано…

Галина Борисовна то вынимает, то вкладывает в рот сигарету и в это время все перстни с драгоценными камнями, которые украшают каждый ее палец, мелькают и блестят.

Давид Львович (Дэва – так называли его близкие) еще несколько раз пробовал предложить свой вариант сценографии. Когда в очередной раз на словах «все засрано» особенно ярко сверкнули бриллианты, он сказал:

– Галя, я пошел.

И ушел.

Пригласили другого художника. «Эшелон» стал событием. На сцене была война, женщины, дети, все было засрано…

Терминология

Театр «Современник». 1975 год. Первая репетиция «Эшелона». Заняты все артистки «Современника». Я только что выпустил «Мой бедный Марат» в Одессе, срепетировал в Центральном театре Советской армии спектакль «Не сказал ни единого слова», который показал в «Современнике», уже работал над инсценировкой «Из записок Лопатина» и чувствовал себя уверенно. Не говоря уже о том, что мы, молодые режиссеры, тогда поклонялись Эфросу и «Таганке», а «Современник» был для нас довольно традиционным и даже старомодным.

Мы с Анатолием Васильевым разрабатываем новую терминологию, которую внедряем в консервативное сознание артистов: конфликтная ситуация, промашка события, решающее предлагаемое обстоятельство и пр. Жонглируем этими словами, любуясь собой. А в «Современнике» оперируют банальными понятиями «каменного века»: «Громче, быстрее, давайте сейчас распределимся». Это я презирал.

Итак, репетиция. Напротив меня все крупнейшие женщины «Современника»: Татьяна Лаврова, Нина Дорошина, Анастасия Вертинская, Лидия Толмачева, Екатерина Васильева, Людмила Иванова…

Я излагаю концепцию с употреблением всей терминологии. Поскольку пьеса начинается с персонажа Насти Вертинской, я и начинаю с нее. Примерно так:

Режиссер (я):

– Автор (его играет Юрий Богатырев) предлагает текст, а вы хотите сосредоточиться, вы думаете о муже, вы хотите играть длинно, перспективно, вам нужно отстраниться… *(Помните концепцию – поезд, война, женщина, все засрано и пр.)*

Вертинская:

– Не понимаю…

Режиссер:

– Вы думаете о муже, вам надо играть вперед, перспективно, вам надо отстраниться от автора, вы должны промахнуть…

Вертинская:

– Не понимаю…

Все уже возбуждены и тайно предвкушают скандал. Артисты, естественно, издеваются над моей «образованностью». Пришел тут, видишь ли, какой-то студентик вчерашний их учить.

Я в пятый раз пытаюсь объяснить, как преодолеть автора, как играть вперед, длинно, плотно…

Вертинская:

– А-а-а! Наверное, вы имеете в виду, что автор мне мешает и мне надо послать его на х… Да?

Режиссер (опешив):

– Что?

Вертинская:

– Ну, на х…

Начинаю въезжать. И тут вовремя вспоминаю, что когда-то работал на автобазе в Одессе электрогазосварщиком, где шоферА (именно шоферА, а не шоферы), объясняя как приварить треснувшую рессору, обходились без единого нормативного слова. И говорю:

– Вот в чем дело! Просто не знал вашей терминологии! Ну что же, в таком случае – вот как…

И выдал многоярусную тираду отборным матом.

Вертинская:

– Ну, так бы сразу и сказали.

И замечательно сыграла сцену – длинно, с перспективой, промашкой события, конфликтной ситуацией.

Белоснежка

В 60-е годы мало кто мог позволить себе покупку автомобиля. А уж марки «Волга» – и подавно! Не случайно Эльдар Рязанов даже снял на эту тему фильм «Берегись автомобиля». Даже Олегу Павловичу Табакову, тогда уже известному артисту и директору театра «Современник», было бы это не под силу, если бы не «Белоснежка». Дело в том, что он написал инсценировку этой классической детской сказки, и она стала чрезвычайно популярной. Мало того, что ее поставили в самом «Современнике», она шла во всех ТЮЗах и детских театрах Советского Союза. И приносила автору колоссальные авторские. Вот именно на эти авторские Олег Павлович и решил приобрести автомашину «Волга», которую впоследствии так и прозвал – «Белоснежка» (она была белой!). С этой целью приехал в Горький. Его торжественно встретило руководство Горьковского автозавода. Выбирали. Цокали языками.

Свою роскошную машину Олег Павлович подогнал к окнам гостиницы – он решил сам перегнать ее в Москву, выехав с утра пораньше. Всю ночь Олег Павлович периодически подходил к окну, проверяя – все ли в порядке.

Ранним утром Олег Павлович устремляется к своему авто. Садится в машину, вставляет ключ, заводит двигатель, выжимает сцепление, включает скорость и газует… Двигатель ревет, машина вздрагивает, но не двигается с места… Что за черт? Табаков глушит мотор и повторяет все заново. Тот же эффект. В растерянности Олег Павлович выходит из машины… И замирает: машина без единого колеса стоит на аккуратных столбиках из кирпичей. Как на постаменте.

Как я стал солистом балета Большого театра

У меня много историй связанных с Олегом Павловичем Табаковым. Вот одна из них.

В театре «Современник» репетирую первый самостоятельный спектакль «Из записок Лопатина» по своей инсценировке повести Константина Симонова «Двадцать дней без войны». Пьеса понравилась театру, Симонову. Главная роль – Валентин Гафт. Заняты Галина Волчек, Константин Райкин, Марина Неелова, Олег Даль, Андрей Мягков, Олег Табаков. Художник Давид Боровский. Готовится триумфальная премьера. В это время – очередной осенний призыв в армию. Меня вызывают в военкомат, где сообщают: через три недели отправитесь на службу в ряды Советской армии… Табаков в ужасе, звонит в управление культуры. Ничего не выходит. Шло послевоенное поколение, в котором был демографический провал, людей не хватало. Нужна хотя бы отсрочка – чтобы вышла премьера, но – не получается. Тогда Табаков говорит Симонову: «Только вы с вашим авторитетом что-то сможете сделать». А Симонов – нечего сказать: восьмикратный лауреат госпремии, Ленинская премия за «Живые и мертвые», депутат Верховного совета, член ЦК КПСС. Главный редактор «Нового мира», автор стихотворения «Жди меня», которое знает все население СССР. Кстати, Валентин Гафт написал Симонову на 60-летие стихи, которые я посоветовал ему юбиляру вслух не читать:

Завидуют вам все лауреаты
За то, что вы чудовищно богаты,
За то, что вы сумели больше них
Заколотить на Мертвых и живых.

Но это так – к слову…

Короче говоря, Константин Михайлович идет на прием к министру обороны Устинову.

Но Устинов объясняет:

– Дорогой Константин Михайлович, любим, уважаем, готовы спасти вашего режиссера. Но это невозможно! От армии освобождаются только выпускники консерватории, имеющие звания лауреатов, и солисты балета Большого театра.

Симонов грустно доложил это Табакову. Тот вдохновился.

– Научить играть тебя на скрипке и пропихнуть на конкурс Чайковского я просто физически не успею, но пристроить в Большой театр – попробую.

И вот я с дипломом ГИТИСа, паспортом и паролем «Табаков» пришел в отдел кадров Большого театра. Мне продиктовали заявление: прошу принять на работу в должности солиста балета. Кто-то поставил резолюцию. Со справкой Большого театра явился в военкомат. Надо сказать, что уже тогда не очень походил на солиста балета. Какой-то майор на меня долго, презрительно смотрел, потом выдал военный билет, где в графе воинское звание было написано: рядовой, необученный.

Гастролеры в Прибалтике

1975-76 год. Расцвет «застоя». Я только начал работать в «Современнике». По тем временам это был один из самых популярных театров Москвы. И одним из самых «пижонских». Дело в том, что в отличие он нынешних времен, в 70–80-е годы жизнь популярных артистов театра и кино казалась обычным людям – «публике» – жизнью небожителей. Артистической элите были доступны рестораны, особенно закрытый ресторан ВТО, в котором мечтал побывать каждый москвич. Эта самая элита ездила на автомобилях, выезжала на гастроли за рубеж, селилась в отелях, отдыхала в пансионатах «Актер» в Сочи и Крыму и так далее. Конечно, так жили далеко не все артисты. Но «Современник», только что получивший новое прекрасное здание на Чистых прудах, постоянно выезжающий на гастроли, с фантастической труппой, состоящей сплошь из кинозвезд, был именно таким театром.

И вот театр выезжает на гастроли в Ригу. Конечно, не заграница, но все-таки – Прибалтика, которая для нас, советских людей, была тогда неким намеком на Европу. Живем мы не в самой Риге, а в Дубулты, прекрасном курортном месте на Балтийском море, с песчаными пляжами и соснами. Оттуда на своих машинах ездим в Ригу на спектакли. Машины – это тоже целая история! У Олега Табакова, у единственного, – «Волга». Он называет ее «белоснежка». Потому что купил ее на авторские от инсценировки сказки «Белоснежка и семь гномов», которая шла в «Современнике» и еще не менее, чем в двадцати театрах Советского Союза. У Галины Борисовны Волчек – «Жигули». Когда она их купила, первое время я ездил вместе с ней – как более опытный водитель. Правда, не имеющий собственного автомобиля. В начале своей водительской биографии, Галина Борисовна при встрече с какой-нибудь крупной машиной, обгоняющей ее или поворачивающей в ее направлении, бросала руль и закрывала лицо руками. Потом это прошло. К сожалению.

Как-то раз мы возвращались после спектакля из Риги в Дубулты. С Олегом Павловичем сидела, как обычно, его группа – Валерий Фокин и Марина Неелова. А с Галиной Борисовной – Костя Райкин, Игорь Кваша и я. Надо сказать, что стиль вождения у прибалтийских шоферов был несколько иным, чем у наших. Не знаю, в чем причина: то ли общая культурная ориентация на Германию и Скандинавию, то ли более спокойный темперамент, то ли не столь давнее вхождение в состав СССР. Но они по тем временам ездили аккуратно, соблюдая правила и не превышая

скорость. И с большим удивлением, а порой и явным осуждением, реагировали на наших лихачей. А для Галины Борисовны само слово «разметка» было синонимом выражения «ущемление личных свобод».

И вот, едем мы из Риги в сторону Юрмалы. Галина Борисовна, в очередной раз переехав сплошную, сильно подрезала какого-то латыша. Латыш аккуратно по соседней полосе догнал нас у перекрестка. И сделал укоризненное лицо. Это вполне невинное действие сильно задело Галину Борисовну – если бы только прибалт знал, какие слова она произнесла в его адрес! Мы – Кваша, Райкин и я – просто отпали. Машина тронулась. Наивный латыш посчитал, что инцидент исчерпан. Зато Галина Борисовна вовсе так не посчитала. Она стала ехать параллельно с ним, создавая ему помеху справа. Наконец, до него дошло, что это настоящее преследование. И начался классический дорожный поединок. Он пытался обогнать, но она прибавляла скорость еще больше. Он что-то выкрикивал – кажется, грозился вызвать милицию. Когда они оба шли на хорошей скорости, Кваша зачем-то сказал:

– Галя, а слабо сейчас – руль резко влево?

Галина Борисовна тут же повернула руль влево и снесла латыша с дороги. Остановилась. Латыш вышел из машины в полном изумлении. Галина Борисовна сказала: «Хотел милицию – вызывай». Приехала милиция. Галина Борисовна своей вины не отрицала. И потом заплатила по полной программе за ремонт чужой машины. Но была собой чрезвычайно довольна. Не знаю, жив ли еще этот латыш, но уверен, что он всегда помнил эту встречу с русским режиссером. По крайней мере, он точно имел личную мотивацию для выхода Латвии из СССР.

Как я бросил курить

Первую в своей жизни репетицию, будучи студентом Ленинградского университета, я провел в 17 лет. Незадолго до этого отрастил бородку и купил в спорттоварах свитер, примерно как у Хемингуэя. Сел за режиссерский столик. И сказал:

– Внимание, начинаем репетицию!

И тут почувствовал – чего-то не хватает. Вспомнил все фото великих режиссеров, Товстоногова, которого лично видел. И догадался – не хватает только сигареты. Затянувшись, понял, что теперь я режиссер и начал ставить спектакль.

С тех пор прошло 10 лет. Все годы я безумно курил. За это время успел покинуть многие учебные заведения Ленинграда, закончил ГИТИС и работал режиссером «Современника». 1976 год. «Современник» отмечает 30-летие. Олег Николаевич Ефремов, Татьяна Лаврова, Олег Даль, Валентин Гафт, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский – все прямо на сцене сидят, выпивают, курят. И я в том числе. В это время спектакль «1945» я выпускал с Давидом Боровским. Мы с Давидом Львовичем сидим рядом за одним столиком. Вдруг вижу: в пол-оборота ко мне стоит та, которая всегда была идеалом женственности, поэтичности, изящества, хрустальной женской красоты! А голос, который ни с каким спутать было невозможно… Бэла Ахмадулина! Я впервые видел ее живьем. Если бы мне предложили отдать жизнь за одну встречу с ней, как в легенде о Клеопатре, я бы сделал это, не задумываясь! Небожительница. Вижу, что она разговаривает с Валентином Никулиным. В полном обалдении, чему способствовал алкогольный градус, в ощущении, что воочию вижу богиню, я двинулся к ним. Когда подошел близко, она развернулась. У богини к губе приклеилась сигарета, изо рта шел жуткий вонючий дым, по сигарете текла слюна и она была отвратительна. Никулин говорил ей: «Бэээээла», она ему отвечала: «Ваааааааля», и казалось: что они сейчас будут блевать друг на друга.

Я в ужасе отступил, сел опять рядом с Боровским. Боровский взглянул на них, на меня, все понял и сказал:

– Думаю, мы выглядим не лучше…

Я погасил сигарету. Как-то внезапно протрезвел. Ушел в общежитие.

Наутро репетиция. Сел за свой режиссерский столик. Рядом Боровский. Привычно включил лампу, привычно достал пачку сигарет, зажигалку. Сказал:

– Начинаем!

И в этот момент сообразил:

– Давид Львович, вы представляете, я не курил со вчерашнего вечера.

Боровский сказал:

– Странно, я тоже.

С тех пор я никогда больше не курил. Запах дыма раздражает меня хуже других запахов в жизни. Любой табачный дым хуже ядерного взрыва. Я – ярый борец с курением.

Как Пушкина хоронили в Индии

Наш театр гастролировал в Индии, где участвовал в Международном театральном фестивале. Атмосфера приема была не просто теплой, а жаркой: температура колебалась вокруг отметки 40 градусов, кондиционеров почти нигде не было, приходилось довольствоваться вентиляторами. Темперамент водителей тоже зашкаливал: нас возили с невероятной скоростью, постоянно обгоняя кого-то, отчаянно гудя, задевая проходящие машины, стукаясь бамперами, попутно одаривая друг друга радостными приветствиями. В сочетании с непривычным левосторонним движением это казалось верной дорогой к аварии, но всякий раз мы доезжали до пункта назначения в целости и сохранности. Нам предстояло сыграть спектакль «Спасти камер-юнкера Пушкина»… Поначалу я был уверен, что ни о каком Пушкине тут и слыхом не слыхали. И ошибся. Встретившись на открытии фестиваля с местными драматургами, актерами, продюсерами, журналистами, мы обнаружили фантастическую образованность. Говорили с одним известным артистом о технологических приемах Михаила Чехова и преобразовании их в актерской школе Голливуда. Совершенно сразил меня вопрос о том, насколько в России интересуются театром Евреинова…

Еще в начале переговоров об участии «Камер-юнкера» в фестивале обсуждалась перевозка декораций. Договорились, что дешевле будет изготовить их на месте. Мы объяснили индийским коллегам, что именно представляет собой та «субстанция», которая составляет основу сценографии спектакля и в чем ее смысл: это имитация пепла, черного песка, земли, в которой в финале нам нужно похоронить главного героя…

Для индусов ключевым моментом стало именно это: похоронить. Когда мы приехали, они радостно показали нам … глину. Технический директор пообещал: похороните – очень хорошо! Мы объяснили, что актер, играющий Пушкина, нам будет нужен и в дальнейшем, а потому его похоронить тут, в глине… Это, конечно, хорошо, но все-таки… хотелось бы чего-то более легкого.

Нам предложили каучук, пенопласт, резаную бумагу… Все не то. За два часа до спектакля в театральный (более похожий на скотный) двор въехала телега, доверху наполненная… сеном, которое поспешно начали красить распылителями в черный цвет. Я все это остановил и сказал, что играть мы, видимо, не станем. Назревал скандал. И тут их завпост говорит: «Послушайте! Ну, чуть лучше пройдет спектакль или чуть хуже… Ведь от этого

Россия и Индия не станут меньше дружить!»

Думаю, этими словами он сформулировал главный смысл фестиваля, в котором участвовали театры из Англии, Франции, Египта и других стран. Смысл, который сегодня стал очень важным.

Так и сыграли с сеном, некрашеным. Похоронили нашего героя очень хорошо. Публика (переполненный зал под тысячу мест) принимала спектакль с восторгом, потому что Россия и Индия – друзья навеки.

Пушкин для пацанов

Самое начало 90-х годов. Первые гастроли театра «Школа современной пьесы» в Израиль. Прямого сообщения с Тель-Авивом еще нет. Поэтому мы плывем на пароме с Кипра в Хайфу. На пароме бар. Он переполнен «братвой» – новыми русскими в спортивных костюмах, массивных, золотых цепях с барсетками. Они что-то «перетирают» – громко, с характерным сленгом: «чисто конкретно», «фильтруй базар», «стрелка», ну и с матом, разумеется. Мы входим в этот бар – Альберт Филозов, Александр Филипенко, Анатолий Ромашин, Алексей Петренко, Люба Полищук и я. Садимся скромно и начинаем обсуждать свои темы, стараясь не обращать внимания на криминально-деловую атмосферу. Говорим о театре, о спектаклях. Постепенно реплики братков стали прерываться паузами, наконец, «базар» и вовсе затих. И вдруг один из пацанов в костюме adidas спрашивает своего бритоголового собеседника:

– Сань, а ты слушай, это… Пушкина в библиотеку сдал?

Особенности национальной культуры

Театр «Школа современной пьесы» выехал на театральный Фестиваль в Иран. Фестиваль проходил в Тегеране в большом замечательном театре. Женщины и мужчины там сидят отдельно – как того требуют законы шариата. За день до спектакля нас обязали показать его худсовету. «Худсовет» состоял из трех очень крупных мужчин, которых, казалось, подбирали по весу и росту. Перед ними мы должны были полностью прогнать спектакль. Через три минуты услышали: стоп. «Все ваши женщины слишком откровенно одеты.» Действительно, были видны части рук, ног, у кого-то (о ужас!) шея. «Идите в гримерные – вам помогут». Актрисам вынесли огромное количество шалей, цветных тряпок. Наши, конечно, стали стебаться, наматывать тряпки, натягивать шаровары. Очень важно: волосы не должны выбиваться из под платков.

Это длилось долго, пока все не оделись. Начали прогон: Борис Акунин. «Чайка». Там есть сцена, где Татьяне Васильевой (Аркадина) сообщают, что ее сын застрелился. Мизансцена решена так. Звучит реплика: «Дело в том, что Константин Гаврилыч застрелился». Васильева падает в обморок – медленно и красиво. Чтобы она не ударилась, было придумано, что Вадим Колганов (Шамраев) подбегает и ловит ее. Тут же худсовет закричал: стоп!!! Мужчина прикасается к женщине – это категорически нельзя. Я через переводчицу стал объяснять:

– Понимаете, это – мать, ей сообщают о гибели сына. Она теряет сознание и падает. Она должна упасть, а ее должны подхватить.

Они задумались – надо посовещаться. Попросили меня – опять-таки через переводчицу – отойти. Что было совершенно не обязательно: они говорят на фарси, а я им пока не овладел. Был долгий жаркий спор. Потом позвали:

– Мы приняли решение. Раз у матери такое горе, пусть она падает. Это можно. Но ловить ее не нужно.

На том и порешили. Но особенности национальной культуры Ирана на этом не закончились.

Несколько минут до спектакля. Большое фойе за кулисами перед сценой. Вдруг вбегают шесть автоматчиков. Мы решили, что это военный переворот. Все выходы мгновенно перекрыли и образовали коридор. По этому коридору в сторону зала быстро прошел невысокий небритый человек. Автоматчики испарились. Нам – оторопевшим и изумленным, – объяснили: огромная честь русскому театру – спектакль посетил министр культуры!!!

Швейцарцы согласны

Гастроли «Школы современной пьесы» в Женеве. Зал театра Каруж переполнен. Играем «Событие». Я за кулисами слежу за происходящим. И вот первые актеры возвращаются со сцены испуганными и рассказывают, что на каждую их реплику весь зал кивает, как будто бы все согласны с текстом или с актерской игрой, – не понятно. Я тоже испугался, побежал в зрительный зал и увидел – точно! Кивают! На каждую фразу! Почти одновременно – кивает весь зал. В чем дело?! И тут до меня доходит, что над сценой на электронном табло идет синхронный перевод – ведь мы играем на русском, а в зале сидят швейцарцы. Они смотрят сначала на артистов, потом наверх – читают текст, и затем опять на артистов. Вот и получается, что весь зал дружно кивает и совершенно с нами соглашается.

А ножки стройные…

Лев Константинович Дуров, много лет игравший в нашем театре, кроме того, что был великим и уникальным артистом, проявлял какую-то невероятную работоспособность. Просто до безумия. Он ухитрялся одновременно исполнять несколько главных ролей в «Школе современной пьесы», в театре на Бронной, ставил там спектакли. В это же время преподавал в Школе-студии МХАТ, снимался в большом кино и сериалах. Кроме этого записывал как режиссер и ведущий передачи на радио, озвучивал мультфильмы. Был членом всевозможных жюри и редколлегий. Но и этого мало – еще участвовал в многочисленных антрепризах и ездил по всей России. Об одной такой поездке из первых уст – рассказ Ольги Аросевой.

Они катали тогда пьесу Петра Гладилина «Афинские вечера». Казанский вокзал. Поезд Москва-Воронеж. Отправление 00 часов 15 минут. В прекрасное, дорогое СВ – минут за 40, с тем, чтобы не опоздать, расположиться, перекусить перед дорогой заходит Ольга Александровна Аросева.

– Я вошла, переоделась, сняла одежду, надела халатик, тапочки с помпончиками, заказала у проводницы чай. Выложила на столик еду, которую захватила из дома. Красиво все так накрыла. Полчаса до отправления, но Льва Константиновича пока нет. Я достала из чемодана специальную подушечку – «думку», которую всегда беру с собой в дорогу. Все-таки поезд – уснуть трудно. И вот уже 10 минут до отхода поезда – Левы нет, я начинаю нервничать и волноваться. И буквально в тот момент, когда поезд трогается, Дуров влетает, запыхавшийся, в купе. Швыряет свой потертый портфельчик. (Непонятно, что там внутри). Сбрасывает куртку. Поезд едет. Дуров говорит: «Жутко устал – съемки, студенты, озвучание, заседание, репетиция и пр.»

Тут Лев Константинович достает из портфельчика флягу с коньяком – ага, теперь понятно, что там внутри! – делает несколько глотков, запивает чаем, закусывает моими бутербродами и практически сразу засыпает. Я аккуратно повесила его одежду, подложила ему «думочку», погасила свет и сама попыталась уснуть. Но не тут-то было! Дуров сильно храпит. Поезд идет все дальше. Я не сплю, лежу с закрытыми глазами. Наконец, через какое-то время почувствовала, что он встал. Приоткрыла глаза – увидела, что он в семейных трусах. Глаза закрыла на всякий случай. Потом, чувствую – наклонился надо мной и как будто прислушивается к моему дыханию. То есть старается понять – сплю или не сплю. Затаилась. Он куда-то

двинулся. Приоткрыла глаза и вижу: батюшки! Надевает мой халатик, тапочки с помпончиками и тихо выскальзывает из купе – очевидно, в туалет. Через некоторое время возвращается, снова прислушивается к дыханию, вешает халатик и ложится спать. Через 15 секунд – храп. Я уже не сплю, конечно, ворочаюсь. Наконец, наступает рассвет. Я встаю, надеваю халатик, тапочки с помпончиками, беру полотенце. И выхожу в коридор – занять очередь в туалет. В коридоре у окна стоят две женщины. Оценивающе на меня смотрят и довольно громко – так, что я все прекрасно слышу – перешептываются:

– Смотри, ей уже лет 90, а еще прилично выглядит.

– Ага, «прилично»! Ты бы видела ее ночью. Она абсолютно лысая! Сейчас, видимо, парик надела!

– А ножки – стройные…

Чайка на Бродвее

Много лет назад я выпустил три «Чайки» – классическую Антона Паловича Чехова, детективный сиквел Бориса Акунина и оперетту с музыкой Александра Журбина. До этого Александр Борисович Журбин довольно долго жил в Америке и не раз говорил, что его творчеством очень интересовались американские продюсеры. А потому вполне возможно, что нашу «Чайку» можно передать на Бродвей. Для меня Америка тоже не была чем-то неприступным – я ставил спектакль в Нью-Йоркском театре, смотрел многие мюзиклы на Бродвее и, как мне казалось, был в материале.

В это время мы репетировали с Альбертом Филозовым, Львом Дуровым и Татьяной Васильевой – музыкальный, как сейчас бы сказали «мультижанровый» спектакль «С приветом, Дон Кихот». Я не раз на репетициях рассказывал артистам о своем американском опыте, о мюзиклах, о Бродвее – делился впечатлениями.

Тем временем наша «Чайка. Настоящая оперетка» шла с большим успехом. И на каждый спектакль Журбин приводил разных критиков и продюсеров.

Однажды рано утром раздался звонок. Женский голос с сильным акцентом стал говорить, что-то вроде:

– Г-н Райхельгауз. Это говорят из агентства по производству бродвейских мюзиклов. Мы видели фрагменты спектакля «Сигал», и мы хотим позвать вас на Бродвей, чтобы вы поставили у нас. Вас это интересует?

– Конечно, интересует! – я был в полном восторге.

– Единственное – вы у нас режиссер не очень известный. Поэтому мы сможем заплатить вам только один миллион долларов за постановку. Извините, что так мало. Вас это все еще интересует?

– Конечно, интересует! – миллион меня вполне устраивал.

– Тогда мы проведем переговоры, пришлем контракт.

На репетиции «С приветом, Дон Кихот!» я все это рассказал артистам. Все стали говорить: «Ах, как это потрясающе!» И только Дуров был настроен скептически:

– Я бы поторговался. У них там – знаешь сколько платят!

Через несколько дней опять-таки ни свет, ни заря (конечно – ведь разница во времени 10 часов!) раздался в трубке все тот же женский голос:

– Г-н Райхельгауз, к сожалению мы должны вас огорчить, потому что вы совсем неизвестный режиссер. Поэтому мы можем

предложить вам только 500 тысяч долларов. Вас это все еще интересует?

– Конечно, интересует, – воскликнул я. Полмиллиона тоже неплохо. И стал ждать контракта.

Однако звонки продолжались. С каждой беседой мой рейтинг на Бродвее понижался, пропорционально уменьшая сумму гонорара. Длилось все это месяца два… И, в конце концов, женский голос произнес:

– Господин Райхельгауз. С вами будет говорить генеральный продюсер.

И я услышал голос… Льва Дурова. Который без всякого акцента сказал:

– Если вы купите билет за свои деньги в Нью-Йорк, мы так и быть разрешим вам посмотреть один мюзикл с галерки бесплатно, чтобы вы увидели, как это делается.

Оказалось, что все это время я беседовал дочерью Льва Константиновича – актрисой Катей Дуровой.

Бубновоз

Евгений Гришковец в Ярославле играет моноспектакль. Он приезжает в Ярославль накануне. На следующий день – возможность погулять по прекрасному старинному городу, сосредоточиться, порепетировать. Где-то часа за три до спектакля раздается звонок:

– Евгений, простите, мы узнали, что вы в Ярославле – рядом с нами. Пожалуйста, приезжайте к нам! Мы дадим машину, все оплатим, а потом доставим вас в Москву.

– А куда ехать?

– Да здесь, рядом – в Рыбинск.

– А разве это рядом?

– Ну, конечно, всего 80 километров! Мы пришлем машину сразу после вашего концерта – и вы приедете к нам. Мы – очень мощная фирма, вы не пожалеете.

Назвали достойную сумму гонорара. И Гришковец согласился.

Заканчивается спектакль – успех, цветы, подарки, фуршет. Женя в прекрасном настроении подходит к машине.

– Вы за мной, ведь правильно? – доброжелательно спрашивает водителя.

Водитель неприветливо кивает головой. По всему видно, что он страшно зол. Очевидно, его сорвали в выходной день, спутав планы, и навязали неожиданную и нежелательную работенку. Женя складывает подарки, цветы, концертный костюм в машину. Водитель ему даже не пытается помочь, однако Гришковец не унывает.

Садится в машину. И пытается завести разговор с водителем. В поисках темы комментирует то, что видит в окно автомобиля.

– Красивейшие у вас места… Река… Волга – великая река…

Водитель молчит, лицо мрачно и непроницаемо.

– О! Снегири! Какое хорошее название! Интересно – почему? Я замечал, что почти в каждом регионе есть деревня Снегири. Там что – снегирей как-то особенно много? Вы не знаете?

Водитель хранит молчание, что уже становится неприличным. Не отвечает на прямой вопрос.

Женя, который на фуршете хорошо закусил и немного выпил, не сдается.

– Деревня Воробьево. Так… Какие-то птичьи названия…

Молчание.

– Ну, надо же! Вороново! У вас тут птичий край какой-то. Очень любопытно. Как будто кто-то нарочно названия подбирал.

Водитель ни слова.

И тут Женя с удивлением читает очередное название деревни:

– Бубновоз. Вот те на. Бубновоз. Как странно. Ярославская область. Какие такие бубны? Может быть, кто-то ими торговал? Бубны возил. «Где живешь?» «Да вот, понимаешь ли, в Бубновозе»…

Машина минует село со странным названием. И тут вдруг водитель нарушает молчание.

– Бубново 3 км.

– Что? – от неожиданности Гришковец даже не понял, о чем речь.

Водитель притормозил. Посмотрел на Женю. И с тихой, какой-то необъяснимой ненавистью сказал:

– Не Бубновоз. А Бубново. Три километра.

До Рыбинска ехали молча.

Говно или начальство?

Нынешний президент Еврейского Российского конгресса Юрий Исаакович Каннер много лет назад окончил Саратовский институт народного хозяйства. По распределению его послали в город Тюмень в распоряжение исполкома Тюменской области. Юрия Исааковича «бросили» на хозяйственные вопросы. Он был молод, ему было всего 22 года. Уже тогда было понятно, что Каннер – хороший работник; он стал быстро продвигаться по службе. Вначале работал на скромной должности, занимаясь вывозом мусора и озеленением. За инициативность и грамотность его серьезно повысили. Вскоре он стал одним из заместителей председателя исполкома, в связи с чем ему должны были выделить кабинет, секретаря и персональную «Волгу» с водителем. А Юрий Исаакович давно приметил симпатичного парня Колю, который работал на ассенизаторской машине. Тюмень до последнего времени была деревянная, туалеты – выгребные, таких машин было много, они регулярно очищали город понятно от чего. Юрий Исаакович, увидев Колю в очередной раз, решил обрадовать шофера:

– Ну вот, что, Николай, покупай костюм, я перехожу на другую должность, на повышение иду. И ты теперь будешь не на этой машине ездить, а на «Волге». Будешь моим персональным шофером. Рад?

К удивлению Юрия Исааковича, Коля не выказал никакой радости. А сказал:

– Я подумаю. И посоветуюсь с женой.

Несколько дней Юрий Исаакович его не видел. Коля не появлялся. Наконец, увидев водителя садящимся в свою ассенизаторскую машину, от которой шел весьма специфический дух, окликнул его:

– Коля, ну ты выходишь на новую работу?

На что Коля ответил:

– Юрий Исаакович, мы посоветовались с женой и решили, что говно лучше возить, чем начальство…

Юрию Каннеру, президенту Российского Еврейского Конгресса

Отмечает юбилей
Выдающийся еврей.
Каннера Россия знает,
Любит, ценит, уважает.
В меру беден и богат,
На…Ивановне женат.
Счастлив он, на то причина –
Девять внуков, дочь, два сына.
И не надо лишних слов:
Юра Каннер, будь здоров!
И живи 120 лет,
Наш еврейский президент.

Хмурое утро

Александр Гордон вел телепередачу «Хмурое утро». Это был такой странный формат: Гордон сидел в кресле на протяжении нескольких часов, а к нему приходили различные гости. Специалисты в разных областях, с которыми Гордон беседовал обо всем: о квантовой физике, медицине, истории музыки. Возникало полное ощущение, что он во всем этом разбирается не хуже, чем его собеседники. При этом он все время курил. Было это давно – когда эфирное время не ценилось так дорого, и борьба с курением еще на стала актуальной. Итак, он приглашает меня на эту передачу.

Я сказал:

– Приду, если вы не будете курить.

– Не буду. Даю слово.

Я не поверил и пришел на эфир, тщательно подготовившись.

И действительно – не прошло и 15 минут, как Гордон достает сигареты и зажигалку.

Я говорю:

– Саша!

Он крутит сигареты в руках, пытается бороться с собой и, наконец:

– Я не могу.

И закуривает.

И тогда я достал из кармана заготовленный спрей для туалета и начал заливать сигаретный дым. Брызгал до тех пор, пока спрей не закончился.

Гордон загасил сигарету. Мы продолжили беседу о театре. Через полчаса он снова потянулся за сигаретой, видимо надеясь на то, что у меня все патроны, то есть, дезодоранты кончились. Но я был готов к этому – достал из другого кармана спрей с клубничным запахом.

Вот так мы и сражались – он при помощи сигареты, я – вооруженный освежителями воздуха.

При этом мы говорили о театре. Это был прямой эфир.

* * *

Пьесу Евгения Гришковца «Дом» выпускали с Александром Гордоном в главной роли. Как обычно, перед премьерой играем спектакль для «пап-мам». Я предлагаю всем артистам звать своих близких, в том числе жен и мужей. Саша Гордон с сомнением

покачал головой:

– Я не участвую. Если я позову всех своих жен, то больше уже никто не поместится.

Александр Гордон снял фильм «Огни притона». В день премьеры я написал ему:

Много курит, много пьет.
Женщин любит и е….т,
С точки зрения Гордона
Наша жизнь – «Огни притона».

Екатерине Кретовой

Екатерина Кретова – завлит театра «Школа современной пьесы». Театральный и музыкальный критик. В свободное время любит петь, нырять с аквалангом и кататься на горных лыжах, что нередко приводит к травмам. Но это ее не останавливает.

Вас, Катя, поздравляют с юбилеем
Литовцы, греки
Русские, евреи!
Желаем – петь!
Желаем прыгать с гор!
Жизнь нашей «школы»
Предавать огласке!
Вы наши крылья,
Сердце и мотор!!!

Post scriptum: Берегите связки!

Бюст Гончарова

Эту байку рассказала завлит нашего театра Катя Кретова, которая в конце 80-х – начале 90-х годов работала в театре имени Маяковского. Прославленным театром руководил тогда патриарх русской режиссуры Андрей Александрович Гончаров. Нрав его был крут. Высокого роста, вальяжный, с бородкой, он внешне напоминал депутата государственной думы Российской империи первого созыва. Как только Андрей Александрович переступал порог театра, он начинал орать диким голосом. Абсолютно на всех. На народных артистов и уборщиц, завпоста и студентов, монтировщиков и администраторов. Сотрудники театра в ужасе, на полусогнутых следовали за ним, трепеща и дрожа. Но ничто не могло уберечь от гончаровского гнева. Крик разносился по всему театру и все, кто мог, спасались бегством. Но были те, кто не могли спастись – свита. Они должны были быть рядом и выполнять каждое указание Андрея Александровича.

Однажды по инициативе директора театра Михаила Петровича Зайцева, человека многоопытного и чрезвычайно хитрого, было решено изготовить бюст режиссера – из белого мрамора. Установили его в фойе, подготовились к показу. А. А. Гончаров в сопровождении свиты подошел к бюсту. Критически осмотрел. И в принципе остался доволен. Только обратил внимание, что бюст установили в каком-то темноватом углу.

– Неплохо, неплохо. Но надо бы как-то… осветить…

И пошел дальше. Свита выдохнула.

На следующий день Гончаров вошел в театр и вновь двинулся по своему обычному маршруту – от входа через подъезд дирекции в свой кабинет на втором этаже. И встал, как вкопанный. В фойе православный священник совершал какой-то обряд. Читал молитву, махал кадилом, распространяя вокруг запах ладана. Надо сказать, что это был самый конец 80-х – и священник в государственном академическом театре казался по тем временам фигурой довольно экзотической.

– Что это такое? – тихим и от этого ужасно страшным голосом спросил Гончаров.

Воцарилась тишина. Слышалось только «Господи, помилуй, господи, помилуй…»

Всех разбило параличом. Наконец, один из администраторов промычал:

– Андрей Александрович… Но вы же сами сказали – освятить… Вот мы батюшку позвали…

Фото со Станиславским

Звонок.

– Здравствуйте, Иосиф Леонидович, я из информационного агентства РИА «Новости». Меня зовут Наталья. Мы организуем конференцию, посвященную… э-э-э Станиславскому. Просим вас выступить. Это будет видеотрансляция в интернете по всей России.

– Очень хорошо. Какая тема? Какой регламент?

– Да любая! И регламент – по вашему усмотрению. Только просьба, если можно, предоставить какие-то видеоматериалы для иллюстраций.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы же будете рассказывать о Станиславском, может быть, есть какие-то ваши фото.

Тут я уже начинаю напрягаться.

– Что значит «наши» фото? Мои со Станиславским?

– Да, это было бы здорово! Нам надо заранее все подготовить, чтобы сделать монтаж, ну вы понимаете…

– Да, прекрасно понимаю. Но знаете, что касается моих фото со Станиславским… Позвоните, пожалуйста, в литчасть театра Кате Кретовой, она вам все предоставит.

Наталья радостно поблагодарила. А я решил Катю Кретову, нашего завлита ни о чем не предупреждать – пусть будет сюрприз. Через десять минут ко мне в состоянии истерического смеха приходит Кретова.

– Ну, спасибо, Иосиф Леонидович, порадовали! Звонит мне по вашей «наводке» невинное создание и просит дать ей ваши фото со Станиславским. Ссылается убедительно на вас – дескать, отослал худрук в литчасть, извольте выдать. Я, конечно, смекнула, что к чему. Говорю: «А вам только фото? Или видео тоже?» Она обрадовалась ужасно: «И видео есть? Здорово! Конечно, давайте!» Тут я решила, что эту эстафету грех останавливать. И говорю: «Вы знаете, какое тут дело, фото у нас в архиве, а видеоматериалы все в Бахрушинском музее. Вам необходимо к ним обратиться. Запросите у них видеоархив Станиславский и Райхельгауз. Они непременно помогут!».

Что было дальше – не знаю. Позвонила ли девушка в Бахрушинский музей, или кто-то вовремя ее остановил… История умалчивает. А лекцию про Станиславского я прочитал, и не одну. В тот год (2013) отмечался юбилей – 150-летие со дня рождения великого режиссера.

Моложе Станиславского

Когда вышло первое издание книжки театральных баек «Мы попали в «запендю», в разных городах России проходили презентации. Для участия в такой презентации я приехал в Томск. Встреча с читателями была организована в Томском драматическом театре – одном из старейших театров России. Я зашел в кассовый зал. Стал изучать афишу, с удивлением вглядывался в фотографию, которая была использована художником для рекламы.

В это время меня заметила кассирша. Она высунулась из окошка кассы и радостно сказала:

– Вы приехали! Здравствуйте! Вы выглядите гораздо лучше, чем на фотографии. И моложе! И без очков!

На афише был коллаж, повторявший обложку книжки, в котором художник Алексей Трегубов, иронично совместил фото Константина Сергеевича Станиславского в возрасте 80 лет в пенсне на носу с моим фото.

Уроки мастера

Мы часто созванивались с Петром Наумовичем Фоменко. Говорили о театральных событиях, просто о каких-то жизненных ситуациях. Однажды Петр Наумович позвонил и стал что-то рассказывать. И при этом без конца матерился. Он вообще был любителем ненормативной лексики, но здесь его просто прорвало. Фоменко становился все эмоциональнее, плотность матерных выражений возрастала. А я как-то вдруг замолчал. Петр Наумович, видимо, мое молчание расценил как осуждение его лексики.

– Иосиф… Тебя, может быть, смущают некоторые мои слова?

На что я говорю:

– Что вы, Петр Наумович! Для меня все, что бы вы ни сказали – это просто музыка!

– Хочешь, пришлю партитуру?

* * *

Проблема жанра всегда была для режиссеров глобальной. Многие практики и теоретики режиссуры посвятили этой теме десятки исследований. Я тоже, много лет преподавая студентам, большое внимание уделяю жанру как способу сочинения спектакля.

Однажды я вышел из ГИТИСа, продолжая размышлять на волнующую меня тему жанра, и, увидев, что иду рядом с Петром Наумовичем Фоменко, решил этим воспользоваться.

– Петр Наумович, можно задать теоретический вопрос? Понимаю, что это сложно, долго, в двух словах не ответить… И все же – как великий режиссер. Скажите: что такое жанр?

– Очень просто. Жанр – это взгляд.

– Что это значит?

– Это значит – как посмотреть.

– Петр Наумович, не понимаю, приведите пример.

– Вот тебе пример. Выходит из магазина старушка, на улице скользко, она падает, роняет продукты, ноги в разные стороны, слетает старомодная шляпа. Рядом школьники – они пьют пиво из банок и жутко хохочут. Для них это безусловная комедия.

А кто-то из прохожих помогает встать. Вызывают скорую. Оказывается, бабушка сломала шейку бедра. И все понимают, что старушке уже не встать. И для бабушки и тех, кому ее жалко, это трагедия. Так что жанр – это как посмотреть.

Способный сценарист Булгаков

Вот уже много лет я езжу в экспедиции по бездорожью. Наша команда во главе с Анатолием Чубайсом на экзотических видах транспорта пересекает местность, по которой ни разу не ступала нога человека. Вернее, нога, может быть, и ступала, а вот колесо джипа или гусеница вездехода – не проходили. Такие экспедиции – удовольствие дорогостоящее. И в них принимают участие весьма кредитоспособные люди. Один из них – небезызвестный бизнесмен Сергей Полонский, человек с богатой событиями биографией. Путешествуя по очередной пустыне, мы разделились на экипажи – по двое в каждом джипе. Общались друг с другом по рациям. В какой-то момент движение стало однообразным – что бывает далеко не всегда. Завязался разговор – почему-то о «Мастере и Маргарите». Вернее, об экранизации Владимира Бортко, которая только что вышла на телеэкраны. Высказывались разные мнения. И вдруг раздался вопрос Полонского:

– А кто там сценарист?

– В смысле? – с удивлением спросил я.

– Ну, кто сценарий написал?

Возникла пауза. Наконец, я решил ответить:

– Михаил Булгаков, вообще-то…

– А! Способный!

Мы все дружно с этим утверждением согласились.

Яйца Вексельберга

Лет десять назад меня пригласил к себе на день рождения Михаил Абызов – известный бизнесмен, министр Российской Федерации по координации деятельности «Открытого правительства», советник Президента РФ, недавно арестованный по обвинению в хищении 4 миллиардов рублей. Но это было потом. А сейчас на роскошном банкете в одном из дорогих подмосковных ресторанов за столом напротив меня оказался человек с очень знакомым лицом, который приветливо улыбался. Я ответил приветливой улыбкой, но вспомнить, кто он – не смог. Через некоторое время к нам подходит Анатолий Борисович Чубайс и, переводя взгляд с меня на него, спрашивает:

– Вы знакомы?

Человек кивает:

– Я режиссера Райхельгауза знаю.

Я как-то замялся, и Чубайс мне помог:

– Это Вексельберг.

– О! – обрадовался я. – Это ведь у вас что-то с яйцами?

Он смутился. Я решил уточнить формулировку.

– Ну, в смысле, вы яйца стране вернули…

Чубайс явно был уже не рад, что решил нас познакомить. Я понял, что тема яиц исчерпана. Приветливая улыбка с лица Вексельберга исчезла.

Сын олигарха

С Мишей Абызовым связана еще одна забавная история. У него был частный самолет – и его сын привык к тому, что семья летает собственным бортом. Однажды мальчик (ему было тогда лет 12) вместе с мамой должен был возвращаться из Лондона в Москву. Но папу срочно вызвали по делам, и он на своем самолете улетел куда-то в Юго-Восточную Азию. Маме и сыну купили билет в бизнес-класс обычного регулярного рейса. Сын олигарха занял свое кресло в самолете, и вдруг началось что-то невероятное: в салон стали заходить люди. Дело в том, что в этом самолете вход был только один – в передней части воздушного судна, через бизнес-класс. Мальчик никогда ничего подобного в своей жизни не видел и буквально онемел от ужаса. Наконец, взяв в себя в руки, закричал:

– Мама! Зачем мы берем с собой этих людей?!

Яша и Маша

Анатолий Чубайс, будучи вице-премьером и министром экономики, представляет премьер-министру Виктору Черномырдину специалистов экономического блока.

– Виктор Степанович, предлагается на должность председателя Центробанка России – доктор экономических наук, профессор Высшей школы экономики, бывший министр экономики России, автор многочисленных трудов по экономике Уринсон Яков Моисеевич.

Черномырдин приветливо кивает, пожимает руку Якову Моисеевичу.

Чубайс продолжает представление:

– На должность первого заместителя главы Центробанка предлагается руководитель группы России на Давоском форуме, доктор экономических наук, заведующая кафедрой МГУ Мария Левинсон.

Черномырдин пожимает руку, еще более приветливо кивает, с пониманием спрашивает Чубайса:

– Брат и сестра?

Хорошая еврейская мама

У моего друга, выдающегося художника Дмитрия Крымова, сына режиссера Анатолия Эфроса и театрального критика Наталии Крымовой, был юбилей. По традиции театр подготовил для него поздравительную афишу, в которой я написал стихи, упомянув не только юбиляра, но и его великих родителей, а также жену Инну:

Папа гений, мама гений,
Инна гений без сомнений.
Юбилей, ажиотаж,
Дима гений. Крымов наш.

Дарю ему эту афишу. Через пару дней звонит Инна (та, что «гений без сомнений»):

– Иосиф, такая прекрасная афиша!!! Мы повесили ее над кроватью. Но я очень прошу – у нас сын Миша, у него замечательные достижения в архитектуре. Прошу тебя – вставь про него тоже. Я даже придумала, как вставить: «сын их Миша – тоже гений».

На что я предложил:

– А давай вставим еще вашу кошечку и собачку. Чтобы уже никто не обижался!

Экзамен под дулом пистолета

Идут вступительные экзамены во ВГИК. Набираю актерскую группу в режиссерской мастерской Марлена Хуциева. Бешеный конкурс. Каждый день сидим до ночи, я совсем невменяемый, рядом Марина Перелешина – педагог по речи. Через две аудитории Алексей Баталов набирает актерский курс. В середине дня заходит парень – не юный (в заявлении написано, что ему 24 года – поступает на актерское отделение), он играет этюд. Я ему говорю – вы недостоверны, неубедительны, не желая сказать, что он слишком старый. Он уходит. Часов в 11 вечера – все прошли. Входит он снова. Подходит близко, вынимает пистолет и говорит:

– Я знаю, вы меня не берете по возрасту. Мне нечего терять. Либо вы меня пропускаете. Либо я вынужден буду стрелять.

Перелешина сползла. Я испугался. И говорю:

– Что вы хотите?

– Напишите, что я допускаюсь к экзаменам.

Я пишу требуемую бумагу.

И тут он вдруг говорит:

– Вы что – не видите, что пистолет игрушечный? Значит, вы мне поверили? Я был убедителен?

Я говорю:

– Давайте проверим. Пожалуйста, повторите этот этюд второй раз у Баталова. Сможете ли вы сыграть второй раз так же достоверно?

Сначала была тишина. А потом – крики, беготня, запах нашатыря.

Алексей Баталов не здоровался со мной год.

А студента я принял. Перед зачислением он признался: «Мне не 24 года, а 27 лет».

Парня звали Александр Кочубей. Он хорошо учился. Потом стал телеведущим. Долгое время вел передачу «Охота и рыбалка», а сейчас снимает документальные фильмы для одноименного телеканала.

Курица не птица, Болгария не заграница

Мои дети – дочь и зять – купили в Болгарии квартиру. Теперь приходится ездить туда периодически на отдых. Сначала ходили на пляж возле дома. Там – одни русские. Каждый второй узнает тебя в лицо. Ощущение, что даже в Москве нет такого количества узнаваний.

В последний день я говорю:

– Ребята, давайте куда-нибудь на заброшенный пляж уйдем.

Мы долго шли и дошли до какого-то места, где были камни и несколько детей. Я радостно стал плавать. Вдруг появляются усатый дядя с тетей, русские. Дядя нехорошо так смотрит на меня и говорит что-то тете. И я понимаю, что меня опять узнали. А он все нарывается на взгляд. Я глаза отвожу, упорно делаю вид, что его взглядов не замечаю. Наконец, когда мы уже собираемся уходить, он идет наперерез и говорит:

– Я никак не могу вспомнить. Вы похожи на режиссера с такой фамилией… Вот не помню фамилию – такая непроизносимая. Вы понимаете, о ком я?

– Нет, понятия не имею. А вот вы похожи на Якубовича. Вы не Якубович?

– Вы не первый говорите. Не, я не Якубович. А вы не можете вспомнить, что за фамилия? Как-то на Р… Рай… Не русская такая.

Я говорю:

– Нет, не помню…

Дядька помолчал, огляделся по сторонам.

– Ну да, конечно, он-то хрен бы сюда приехал в этот срачник.

Ни папы, ни маски

Моя дочь Маша Трегубова вернулась с очередной церемонии вручения Национальной театральной премии «Золотая Маска» – самой главной и престижной театральной премии страны. Она была номинирована за лучшие костюмы в спектакле театра «Школа драматического искусства» «Тарабумбия». За режиссуру этого же спектакля был номинирован выдающийся художник и режиссер Дмитрий Крымов – Машин учитель, сын гениального Анатолия Эфроса.

Я на этой церемонии не был. Придя домой, застал Машу, растерянную и смущенную.

– Что с тобой? Тебе не дали?

– Вот именно, что дали. Мне дали, а Дмитрию Анатольевичу – нет. Мне ужасно неудобно.

Я говорю:

– Ну хорошо… А кто еще получил?

– Боровский…

– Саша?

– Нет! Давид Львович. За вклад в театральное искусство.

– Подожди, как это Давид Львович?! Он же умер!

– Да, – Маша становится все печальнее и печальнее, – это как бы посмертно. За него Саша получил. Он грустно так взял «Маску» и сказал: «Маска есть, а папы нет…»

Я чувствую, что Маша сейчас разрыдается. И говорю:

– Не расстраивайся – у тебя вот и папа есть, и «Маска» есть.

На что Маша, вздохнув, отвечает:

– Хуже всего Крымову – у него и папы нет, и «Маски» нет.

Галстук от Кардена

Лет 15 назад я поставил спектакль в известном Женевском театре Каруж. Он назывался «Поженимся? Да? Нет?» и шел с большим успехом. Со мной очень задолго договаривались – года за три до премьеры. Все даты досконально проверялись, уточнялись, корректировались вплоть до времени пресс-конференции. Где-то года за два с половиной до начала выпуска мне позвонили и попросили согласовать новое время премьерной пресс-конференции – оно сдвигалось на полчаса. Я еще даже не начинал репетировать на тот момент. Было запланировано, что спектакль будет идти в режиме ежедневного проката 26 дней. Так как он хорошо продавался, швейцарцы решили добавить еще один блок. И вот как раз после одного из спектаклей второго цикла ко мне пришла некая дама. Она была русской, но жила в Европе. Познакомила меня с мужем, французом. Выразила свой восторг и пригласила на ужин. Во время беседы за ужином выяснилось, что они живут в Париже, а в Женеве ее муж является представителем интересов Пьера Кардена. Обменялись контактами и расстались.

Не успел вернуться в Москву, как со мной связалась эта женщина и сообщила:

– Мой муж так хвалил ваш спектакль Кардену, что он предлагает поставить у него в театре спектакль.

– Зачем ставить что-то новое? Не лучше ли мне приехать в Париж уже с готовым спектаклем театра «Школа современной пьесы»? Например, с чеховской «Чайкой»?

Через некоторое время – звонок из Парижа: Карден согласен на «Чайку».

И вот мы отправились в Париж. Состав был впечатляющим: Татьяна Васильева, Михаил Глузский, Лев Дуров, Альберт Филозов… Играть должны были ежедневно в течение недели. Нас встретил месье Монпасье – администратор театра. Я готовился к встрече с самим Карденом – для меня вообще было удивительно, что это живой человек, он казался мне каким-то модным лейблом давно прошедшей эпохи. Но месье Карден не появлялся.

В первый вечер зал был не полон. Не было ни журналистов, ни телекамер – кроме парижского представительства Первого канала. Никого из официальных лиц. Я стал допытываться у месье Монпасье – где Карден. От объяснил, что Карден, приглашая не знакомых ему артистов, всегда опасается провала, поэтому не появляется в первый день. Если все пройдет удачно, тогда он придет. А если неудачно, то вы его и не увидите.

Спектакль публике очень понравился – нам устроили грандиозную овацию. На следующий день пришли в огромном количестве критики, журналисты, телевидение, продюсеры, интенданты из разных парижских театров. Зал теперь уже был переполнен. Но Кардена не было видно. На мой вопрос месье Монпасье указал на ложу, плотно задернутую бархатом. Как я понял, месье Карден незаметно подглядывал из нее на сцену, не выдавая своего присутствия.

На третий день, мы чувствовали себя звездами Каннского фестиваля: красная дорожка, фотовспышки, приветствия толпы. У входа стоял сам Пьер Карден – седой элегантный красавец. Он приветствовал меня так сердечно, что казалось, будто мы знакомы всю жизнь и вот встретились наконец-то после двухнедельной разлуки. С нами была переводчица. Но Карден стал говорить по-английски. Прозвучало хорошо знакомое мне слово Seagull (я ставил «Чайку» в Америке), и меня черт дернул пошутить по-английски.

Указав на галстук, я спросил что-то типа:

– From Карден?

Он сильно напрягся и схватился за галстук.

Я не унимался – повторяя:

– Your tie – from Карден?

Тут уже все как-то напряглись, никто не смеялся, шутка явно не удалась.

Зато Карден сказал:

– Я вчера смотрел спектакль, посмотрю и сегодня. А на завтра я пригласил министра культуры Франции.

На следующий день пришел министр. Три дня подряд программа «Время» Первого канала давала репортажи о наших гастролях. На последний спектакль зрители спрашивали лишний билет. Это был триумф.

После последнего спектакля мы с директором пришли в контору, где нам дали ведомость. Наступил момент выплаты заработанных денег. Стали просматривать списки. Наконец, дошли до Анны Зозо, которая в тот момент работала в театре завлитом. Менеджер Кардена месье Монпасье, занимавшийся бухгалтерией, с удивлением спросил:

– Да, вот возник вопрос по этому участнику. Почему он должен получить такие огромные деньги?

Мы вгляделись в ведомость: фамилию Зозо случайно внесли в графу «сумма» – получилось 3030 евро.

Пьер Карден поручил месье Монпасье подготовить контракт на следующие гастроли и новую постановку. Месье Монпасье пригласил меня в контору. Это была узкая комната, от пола до

потолка заваленная папками, амбарными книгами, документами, буклетами, проспектами. Огромная гора. Мы с переводчицей с трудом сели, теснясь друг к другу. Он стал выяснять, что я мог бы поставить из русской классики. И вдруг ему понадобилась какая-то бумажка. Он встал на стремянку, с трудом втиснув ее между столом и горой, и стал что-то доставать. А дальше произошло нечто, что в какой-нибудь кинокомедии даже не решились бы применить – уж очень банально. Гора начала рушиться и заваливаться на него. Он стал хвататься руками за воздух и падать вместе со стремянкой. Книги и папки засыпали его с головой. Поднялся невероятный столб пыли. Мы замерли. Затем раздался стон. Когда пыль рассеялась, мы откопали Монпасье: он был в шоке, разговор не продолжился.

Мы вернулись в Москву. Потом был обмен электронными письмами, звонками, мы даже еще раз приехали в Париж – обсуждали идею постановки спектакля где-то на природе. Но все это ничем не кончилось. Наш проект мистически погиб под рухнувшими папками в кабинете мсье Монпасье.

Таганка, да не та

В разделившемся после ухода Юрия Любимова театре на Таганке возникло два театра. Один – «Содружество актеров Таганки» – возглавляет народный артист СССР Николай Губенко. А второй – сохранивший исконное название Театр на Таганке – Ирина Апексимова. Первый хранит некие традиции. Второй – реализует идеи актуального театра. И на самом деле, очень сложно сказать, какой из них ближе к любимовской Таганке: в свое время этот театр как раз и славился тем, что ломал традиции и создавал нечто новое. Скорее всего, к Таганке Юрия Петровича Любимова не имеет уже отношения ни тот, ни другой. Но рассказ не об этом.

25 января 2018 года в день рождения Владимира Высоцкого на сцене театра на Таганке (который «апексимовский») назначили превью нового спектакля – «Беги, Алиса, беги», мультижанровая, совершенно авангардная работа, основанная на песнях Высоцкого, которую сделали хедлайнеры актуального театра: драматург Василий Печейкин, режиссер Максим Диденко, художник Мария Трегубова и др. Спектакль этот, кстати, получил впоследствии «Золотую Маску». На показ пригласили актрису Ингеборгу Дапкунайте, которая с этой же командой уже работала в спектакле «Цирк» в театре Наций. В антракте Максим Диденко пытается найти Ингеборгу среди зрителей. Но – тщетно. Ее нет. Впрочем, народу много, дел еще больше, и режиссер фокусируется на творческом процессе. После спектакля он опять-таки не обнаруживает актрису среди публики. И звонит ей. Дапкунайте берет трубку.

– Ты где?

– Вот, выхожу со спектакля.

– Почему выходишь? Почему не подошла к нам?

– Я пыталась, но никого из вас не нашла.

– Странно… Ну как тебе?

– Знаешь, очень необычно. Конечно, я понимаю, что все это такой стеб… Но как-то пока это поймешь, кажется что это вообще не ты сделал.

Тут Диденко начинает что-то подозревать.

– Подожди, ты точно была на моем спектакле? «Беги, Алиса, беги»?

– Нет, не Алиса… Сейчас скажу он называется – «Высоцкий В.С.»

– !!!??? Ты с ума сошла?! Куда тебя занесло?!

История вышла простая. Ингеборга перепутала входы и зашла

не справа – вход в театр на Таганке, а слева – вход в Содружество. Подошла к окошку администратора – там увидели звезду и очень обрадовались. Название спектакля актриса, конечно, не помнила. Просто сказала – Дапкунайте. На Высоцкого. «Ну, разумеется», – радостно ответил администратор, и выписал лучшее место. Программки, обычно, приглашенные не покупают. А потому Ингеборга смотрела спектакль в полной уверенности, что это постановка Диденко. Сначала было недоумение. Потом мелькнула мысль: это такой изощренный стеб. Но недоумение все-таки возобладало. И все-таки, в какой-то момент она поверила!

Честный пожарный

3 ноября 2013 года в нашем театре «Школа современной пьесы» возник пожар. Сначала казалось, что это просто дымок идет из-под кровли. Но вот уже приехали пожарные машины, расчет за расчетом, а пожар все никак не утихал. Старинный особняк заливали пеной, крыша рухнула, и стало понятно, что театр сильно пострадал.

Артисты и сотрудники приехали в первые же минуты. Самоотверженно кидались в те участки здания, которые не были охвачены огнем и выносили все, что можно было спасти – костюмы, реквизит, документы. В какой-то момент ко мне подскочил пожарный с увесистым свертком в руках.

– Деньги! Мне удалось спасти наличность! – взволнованно говорил он.

Я обмер: наличных денег в государственном театре быть не должно. Наличные поступают только в кассу, где их прячут в сейф, а затем сдают в казначейство.

Я взял у него из рук сверток: там были бутафорские купюры – рубли, доллары, евро – которые мы использовали в спектаклях. Очень качественно напечатанные. Очень крупная сумма.

Как я стал кинорежиссером

Я уже года полтора работал в «Современнике». Вышли премьеры «Погода на завтра», «А поутру они проснулись». Мне предложили на телевидении снять видеоверсию спектакля «Из записок Лопатина». Это был значительный рывок: в то время съемка для кино и телевидения была невероятно престижным и доходным делом. Снимала студия «Экран» на самую качественную и дорогую по тем временам цветную пленку «Кодак». Заключили договор, в котором я был назван кинорежиссером, назначили большой гонорар. Я серьезно подготовился – начитался Федерико Феллини, других великих мастеров кинематографа. Написал подробный сценарно-монтажный план, вместе с операторами рисовал раскадровку и так далее.

Первый съемочный день. Павильон. Снимаю сцену приезда Лопатина в Ташкент. Художник Давид Боровский сделал такую почтовую телегу, где все спрессовано – вещи, реквизит, люди. В телеге сидит Любовь Ивановна Добржанская. В сцене также заняты Валентин Гафт, Марина Неелова, Андрей Мягков. Естественно, мне понятно, что надо делать – эти же артисты играют и в моем спектакле. Я объясняю оператору, как двигается камера, где будет укрупнение плана. Обо всем договариваемся. Репетируем один раз без камеры. Все хорошо, нормально. Захожу за спину к оператору. Пауза. Ничего не происходит. Ничего не понимаю! Почему не начинают снимать?

Вдруг, хитро улыбаясь, из телеги выходит Валентин Иосифович Гафт, отводит в сторону и почти шепчет:

– Старик… Это тебе не театр. Это, бля, кино. Ты должен громко крикнуть: «Тишина на площадке. Мотор!!!» Тебе ответят: «Есть мотор!» Ты должен крикнуть: «Камера!» Оператор в ответ: «Пошла камера!» Ты: «Начали!» Понял?

Я все это прокричал и стал кинорежиссером.

Странствующий пиджак

Мы с дочерью Машей и ее мужем Лешей поехали на Авиньонский театральный фестиваль. Перед этим заехали в Париж на три дня и дали друг другу слово, что не будем заходить ни в один магазин. Только музеи. Действительно, мы побывали на самых интересных выставках и экспозициях, о которых заранее разузнал Леша. Ходили с раннего утра до ночи. И при том, что мне очень хотелось купить какую-нибудь парижскую рубашку, я выполнял обещание и на манящие витрины магазинов даже не заглядывал. И вот, когда мы в очередной раз перебегали из одного музея в другой, внезапно что-то попало Маше в глаз. Леша стал искать салфетку, Маша присела на какую-то скамеечку. И я понял, что наступила неожиданная пауза. Оглянулся. За Машиной спиной увидел витрину магазина, на котором висел грандиозный пиджак. Я сообразил, что у меня есть 2-3 минуты, пока Леша и Маша заняты извлечением из глаза соринки, и влетел в магазин. Показал на витрину. И хотя говорил почти по-русски, они все поняли. Очень быстро сняли пиджак с манекена и, переглянувшись, сильно снизили цену. Я заплатил, тут же оторвал бирку и надел его на себя. Вышел в новом пиджаке, чего мои дети даже не заметили. Соринку вынули, мы ломанулись еще в какой-то музей, а затем в отель, чтобы собраться и уехать из Парижа в Авиньон на поезде. Когда поезд уже набрал ход, стали пить кофе, я решил все-таки похвалиться пиджачком. Но тут с ужасом сообразил, что чемодан-то я взял, а пиджак остался на вешалке в номере гостиницы. Горе мое было безмерным. Маша тут же позвонила на лобби отеля, объяснила ситуацию. Через некоторое время администратор перезвонил и сообщил, что все нормально: пиджак сохранен и убран в надежное место. В Авиньоне все шло своим чередом. Мы смотрели спектакли, встречались с разными людьми. В том числе и с главным режиссером Пермского театра Борей Мильграмом, который торопился в Париж. Из Парижа он должен был лететь в Москву, а оттуда к себе в Пермь. Я обрадовался оказии:

– Боря, не сочти за труд – зайди в отель, вот адрес, забери мой пиджак!

– Разумеется, – ответил Боря и улетел.

На следующий день я позвонил Боре. Боря отчитался: «Все взял. Уже в Москве. Лечу с ним в Пермь. Кого-то попрошу из Перми привезти в Москву.»

Я вернулся в Москву. Прошло недели три. И вот кто-то из Перми приехал в Москву с моим пиджаком. Передали пакет.

Когда я развернул, то увидел не мой прекрасный голубой пиджак, а какой-то крошечный темно-синий женский пиджачок. Я ужасно огорчился. Нашел Машу. Маша позвонила в парижский отель. Там ее звонку несказанно обрадовались:

– Как хорошо, что вы объявились! Тут женщина страшно рыдает по своему синему пиджачку.

Дальше логистика была такая. Переводчица с французского, которая с нами постоянно работала, позвонила своей дочери в Париж. Та зашла в отель за моим пиджаком, забрала его и через своего знакомого переправила в Москву. Тем временем синий женский пиджак был отдан французскому режиссеру Франку Бертье, который тогда у нас в театре ставил спектакль «Неожиданное». Именно он и доставил хозяйке любимую вещицу. Путешествие моего пиджака в общей сложности длилось более трех месяцев.

Семен Злотников и Адольф Шапиро

Адольф Яковлевич Шапиро приехал в Израиль. Он хорошо был знаком с художником Сашей Лисянским, который его везде возил. Они встречались с друзьями, ходили в рестораны и прочее. Естественно, Шапиро захотел поехать в Иерусалим. Саша говорит:

– Там живет Сеня Злотников. Надо вам непременно познакомиться.

Саша позвонил Семену Злотникову, известному драматургу. Семен охотно согласился познакомиться с известным режиссером.

– Приезжайте, я сварю плов.

У Злотникова на крыше дома – патио. Настоящий сад с мангалом и видом на древний Иерусалим. Он приготовил роскошный плов. Адольфа Яковлевича принимали по-царски. Он был в полном восторге. В конце встречи обнимались, целовались, пили на брудершафт и давали клятвы вечной дружбы и любви. Ну и, конечно, Шапиро пригласил Злотникова в гости:

– Как только будете в Москве – звоните, приходите.

И действительно, через пару месяцев Злотников приехал в Москву. Буквально в первый же день попал на церемонию вручения театральной премии «Золотая Маска». Стоит он в фойе Большого театра с Дмитрием Крымовым. Прямо к ним направляется Адольф Шапиро с женой. Адольф Яковлевич здоровается с Крымовым, ну и со Злотниковым, конечно:

– Как вы? Что нового?

Злотников чувствует, что Шапиро его не узнает – ну то есть понимает, что это кто-то знакомый, но вот кто – понятия не имеет.

Тем временем, Шапиро продолжает общаться, говоря какие-то неконкретные фразы. И тогда Злотников, который априори на всех сердит и на все в обиде, прямо его спрашивает:

– Скажите, а вы меня узнаете? Вы знаете, кто я?

Шапиро, который не узнает и не знает, пытается отшутиться:

– Ну, разумеется… Кто же вас не знает? Смешно даже спрашивать…

Но Злотников не унимается:

– И кто? Скажите, кто я?

Вокруг люди притихли. А Злотников так на всех смотрит угрожающе – типа, только подскажите ему – убью.

Шапиро в ужасе озирается, ища помощи, но все молчат.

Тогда он мямлит:

– Ну, что вы меня ставите в дурацкую ситуацию… Конечно, я вас отлично знаю, и вы меня, думаю, знаете…

Злотников:
– Я-то вас знаю. Вы Адольф Шапиро. А я по-вашему – кто?
Воцарилась тишина. Злотников выдержал паузу.
– Ну, ладно. Всего доброго. Вспомните – звоните.

Юбилей «Узбекистана»

Студентами ГИТИСа мы с Толей Васильевым и Борей Морозовым жили в общежитии на Трифоновке, дом 45 Б. Мы получали повышенную стипендию, подрабатывали, тем не менее, денег у нас было немного. В ГИТИС из общаги ездили на 15-ом троллейбусе или 24-ом автобусе. Доезжали до Трубной площади и затем пересаживались на 31 троллейбус, который шел до Никитских ворот, откуда до института рукой подать. Но иногда мы не пересаживались на 31 троллейбус, а шли в ресторан «Узбекистан».

За 50 копеек в ресторане «Узбекистан» подавали пельмени в бульоне – огромная бадья, которая заменяла завтрак и обед. А иногда – в «тучные дни» – брали на всех одну порцию плова. Нас в ресторане хорошо знали, клали побольше. Естественно, в нашей комнате на Трифоновке как-то оказались солонка и перечница из ресторана. Честно говоря, мы их сперли. И не потому, что нас интересовало стекло – просто удобно было сыпать оттуда соль и перец. Когда мы окончили ГИТИС, все разъехались из общежития и работали кто где. Солонку и перечницу я захватил с собой. Они долго болтались где-то на даче у родителей жены в садовом домике на 6 сотках. Раньше на дачи принято было свозить всякое барахло, которым в городе пользоваться было несолидно. Шли годы. Там, где мы пересаживались на 31 троллейбус, возник театр Школа современной пьесы. Наш ближайший сосед – один из лучших московских ресторанов «Узбекистан» – стал нашим другом. Однажды я вдруг получаю приглашение на празднование 70-летнего юбилея ресторана. Съездил на дачу, нашел валявшиеся солонки, отмыл их, завернул в красивую подарочную упаковку и пришел на празднование. Вечер вел ведущий. Гости были очень представительными. Иосиф Кобзон, который спел «Как молоды мы были». Какой-то чемпион по слалому, подаривший смазанные бараньим жиром лыжи. Были крупные чиновники, работники МИДа и другие ВИП-персоны. Все поздравляли, дарили какие-то подарки. Дошла и до меня очередь. Ведущий объявил:

– Ресторан «Узбекистан» поздравляет народный артист России, худрук театра «Школа современной пьесы», профессор ГИТИСа Иосиф Райхельгауз.

Я встал.

– Дорогие друзья. 30 лет тому назад мы с ныне народными артистами России Борисом Морозовым, Анатолием Васильевым и другими заходили в ваш ресторан, чтобы на скромные

студенческие деньги съесть за 50 копеек пельмени. Так случилось, что мы украли солонку и перечницу. Я хочу их торжественно вернуть.

Подарок произвел сильнейшее впечатление. Потому что за эти 30 лет солонка и перечница, которым уже к моменту их похищения было лет тридцать, стали настоящим антиквариатом. Более того, они оказались единственными сохранившимися подлинными предметами сервировки с рисунком, который был разработан при основании ресторана.

Оказывается, и воровство бывает во благо.

Опера-сказка

Наш Департамент культуры образца XXI века по степени бюрократизма оставляет далеко позади себя не только советские управленческие учреждения, но даже и дореволюционные чиновничьи институции, которые высмеивали классики – от Гоголя и Салтыкова-Щедрина до Островского и Сухово-Кобылина. Они требуют от нас бесконечное количество бумаг, каких-то форм, отчетов, объяснений – мы ведь государственный театр. Однако нередко их требования и формулировки бывают совершенно абсурдны. Вот пара примеров.

В 2015 году Департамент культуры затребовал от нашего театра (думаю, что не только от нашего) заполнения электронной отчетной формы под названием «Литературный паспорт произведения», в котором есть следующие позиции:

Автор, жанр, тематика произведения, национальность автора…

Жанры и тематику следует выбрать строго из предлагаемого списка. Заполнив эту форму в соответствии со всеми требованиями, мы, тем не менее, не смогли ее сохранить, прежде чем отправить в Департамент. Долго бились. Наконец, позвонили отвечающему за отчетность сотруднику с просьбой помочь в этом чрезвычайно важном деле. После консультаций выяснилось, что жанр произведения НЕ ДОЛЖЕН ПОВТОРЯТЬСЯ. То есть, если мы уже обозначили один из спектаклей – КОМЕДИЯ, то второй раз это слово использовать нельзя. Мы растерялись. Отзывчивый сотрудник вник в наше бедственное положение и в удаленном доступе сам поменял жанры – ну, чтобы не повторяться. В результате мой творческий вечер оказался… оперой-сказкой!!! Так и написали: «Творческий вечер Иосифа Райхельгауза. Опера-сказка».

Порадовали и предлагаемые «тематики» произведений: комсомольско-молодежная, школьно-пионерская, антирелигиозная… И ведь не заподозришь, что наш Департамент использовал наработки отдела культуры Горкома КПСС образца 1981 года… Ведь тогда и компьютеров не было. Видать, кого-то ностальгия заела. По комсомольско-молодежным антирелигиозным операм-сказкам.

А вот так выглядит один из приказов, составленный строго по форме. Здесь я и жнец, и жрец, и на дуде игрец.

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА МОСКВЫ

Государственное бюджетное учреждение культуры города

Москвы «Московский театр «Школа современной пьесы»

Приказ

22 августа 2016 г. № 46

О выплате премии художественному руководителю Райхельгаузу И.Л.

По итогам II квартала 2016 года за эффективность и результативность работы

ПРИКАЗЫВАЮ:

ВЫПЛАТИТЬ премию художественному руководителю ГБУК г. Москвы «Московский театр «Школа современной пьесы» Райхельгаузу Иосифу Леонидовичу в размере 84670,50 рублей.

Основание: приказ Департамента культуры города Москвы от 15.07.2016 г.

Художественный руководитель И.Л. Райхельгауз

С приказом ознакомлен Райхельгауз И.Л.

Юбилей Ефремова

В «Современнике» отмечают 75-летие Олега Николаевича Ефремова. Всего два года, как великий артист, создатель «Современника» ушел из жизни. Выступают ведущие актеры «Современника» и Художественного театра – те, с кем он провел жизнь. Воспоминания, фото, фрагменты фильмов. Естественно – во всех выступлениях любовь, восхищение, преклонение, уважение и восторг.

Среди других на сцену выходит Анатолий Васильев – в пике своей популярности и величия. И начинает в общей тональности:

– Олег Николаевич Ефремов для меня сделал очень многое. Взял во МХАТ, предложил поставить «Соло для часов с боем». Мы много общались. Он ездил на своем «мерседесе» в Ленинград, брал меня с собой. Много интересного рассказывал по дороге. Помню, как мы возвращались на рассвете в Москву и где-то часов в 6 утра ехали по пустому Садовому кольцу. И увидели, как гигантским молотом разрушают старое здание «Современника» на площади Маяковского…

У всего зала навернулись слезы. Толя продолжал:

– Ефремов остановил машину, он смотрел на здание, я смотрел на него… Потом я начал репетировать во МХАТе спектакль по пьесе Иона Друце «Святая святых», где были заняты Иннокентий Смоктуновский и Андрей Попов. Ефремов пришел на прогон, посмотрел и сказал, что он спектакль закрывает. Потому что он в театре ни хера не понимал. И ничего уже не мог, кроме как выпить водки. И весь этот «Современник» – просто тормоз на пути развития театра…

И дальше пошел полный разнос. Зал онемел. Васильев повернулся, бросил взгляд на портрет Олега Николаевича, что-то буркнул и ушел.

Цветы для Окуджавы

Наш театр много лет проводит День Булата Окуджавы, 9 мая. Вернувшись в свое отреставрированное здание после пятилетних скитаний по домам культуры, мы вновь устроили во дворе театра День Окуджавы. Поставили сцену, стулья, двор был переполнен людьми – несколько сотен зрителей, не все поместились. На сцену выходили Елена Камбурова, Юлий Ким, Сергей Никитин, Тимур Шаов, молодые барды, актеры, поэты. Зрители рукоплескали. Читал стихи Саша Минкин. И когда он прочитал свою программу, мы встали в глубине двора и принялись обсуждать, вспоминать, что-то друг другу рассказывать. И тут подходит немолодая женщина с огромным букетом красных роз, очень взволнованная и буквально со слезами на глазах.

– Иосиф Леонидович, я все-таки решилась к вам подойти… Много лет хожу в ваш театр, смотрю спектакли. Даже когда после пожара вы уехали в другие помещения, мы и туда к вам ходили… Вы делаете СТИХиЮ, это прекрасно! Детей водили на «Вредные советы». Мы живем недалеко. Театр так много значит в нашей жизни! И вот возьмите, пожалуйста, этот букет.

Волнуется очень сильно – запинается, заикается, раскраснелась…

Я говорю:

– Спасибо вам… Но… сегодня день Булата Окуджавы…

И тут она:

– Ничего, ничего… Передадите!

У Минкина началась истерика.

Букет я поставил у себя в кабинете. Окуджаве пока не передал и не тороплюсь с этим.

Как Богомолов поставил вечер Вознесенского

В последние годы я много общался с Андреем Андреевичем Вознесенским. Он не раз выходил на сцену «Школы современной пьесы». С юности люблю его поэзию, остались книги с автографами. Дружу с его музой Зоей Борисовной Богуславской и тесно с ней общаюсь. Когда Зоя Борисовна позвонила и предложила выступить на вечере, посвященном 85-летию Вознесенского в Зале Чайковского, мог ответить только любимой репликой Булата Окуджавы: «Почту за честь».

За несколько дней до концерта проезжал по Садовому кольцу мимо филармонии и увидел на фасаде огромнейшую афишу, анонсировавшую эту юбилейную программу. Там были выдающиеся имена – Алла Демидова, Владимир Познер, Владимир Машков, Вениамин Смехов, Олег Меньшиков… Свою фамилию тоже прочитал. А еще там было: сценарий – Зоя Богуславская, режиссер-постановщик Константин Богомолов.

Мне несколько раз звонили от Зои Борисовны, предупреждая, чтобы я пришел вовремя – не позднее 17.00. И я понимал, что будет репетиция, которую проведет режиссер Костя Богомолов. Подготовил разные программы из стихотворений Вознесенского (я очень много его стихов знаю наизусть), чтобы Костя выбрал то, что соответствует его концепции.

В 17.00 приехал, пошел за кулисы. На гримерках были написаны фамилии всех выступающих. Но пока был один Вениамин Смехов. Он пил чай с пирожками.

Я спросил:

– Веня, а что репетиция?

– Да вот, пока жду.

Мы стали ждать вместе и пить чай.

В 17.30 стали появляться остальные участники. Ближе к 18.00 собрались почти все. Мы ждали сценариста и режиссера. Я даже сделал селфи в огромном пустом зале – это серьезная площадка, почти на 1500 зрителей. Все, и я в том числе, немного волновались. За несколько минут до концерта зал уже был полон. Никто из участников не понимал, в каком порядке выходить и что делать. Никаких списков, которые обычно на таких мероприятиях бывают у помрежа, не было и в помине. Собственно, в помине не было и никакого помрежа. И режиссера тоже не было. Ходила какая-то девочка в рваном платье босиком с саксофоном и разыгрывалась. Вид ее показался мне подозрительным, я

предположил, что она – человек Богомолова и, следовательно, может что-то про него знать. Спросил ее. Она подтвердила, что ее позвал Богомолов, однако больше никакой информацией не обладала.

Глядя на ее босые ноги, я решил, что какая-то режиссура все-таки предполагается.

В начале восьмого из зала послышались нетерпеливые аплодисменты. Пора было начинать. Но что начинать? И тут подошла девушка-администратор, которая раздала всем листки со словами: «Вам просил передать это Константин Богомолов ровно в 19.00». Там оказался примерно такой текст:

Дорогой друг-участник юбилейного вечера!

Мы все чтим сегодня нашего великого поэта, которому затыкали рот, диктовали, как и что писать, который жил в условиях жуткой несвободы, железного занавеса, страшных угроз и тоталитаризма. Я как режиссер предлагаю сегодня каждому из вас быть абсолютно свободным, читать что хотите, как хотите, где хотите, когда хотите, сколько хотите. Ничего не регламентировано. Полная свобода действий. Полная свобода!!!

Ваш Константин Богомолов.

Все прочитали, стали нервно оглядываться. Аплодисменты из зала зазвучали угрожающе. Я сказал:

– Веня, иди и начинай.

– Почему я? – возмутился было Смехов.

– Иди. Читай, как можно дольше, пока я придумаю, что делать дальше.

Веня пошел. Рядом оказалась босоногая саксофонистка. По моему знаку она сменила Смехова.

Тут все поняли, кто в доме хозяин, и потянулись ко мне за директивами. Машков просил выпустить его пораньше:

– Старик, мне надо к себе в театр вернуться…

Я понял, что надо заниматься тем, чем обычно занимается помреж, и стал выпускать участников по несуществующему сценарию.

В начале 9-го за кулисами неспешно появилась Зоя Борисовна. Я радостно предложил ей идти на сцену.

Зоя Борисовна вкратце рассказала всю свою жизнь с Андреем. В деталях и подробностях. Я понял, что уже достаточно и выпустил Веню Смехова, который под аплодисменты увел ее за кулисы. После этого дело пошло: шли все по очереди. Когда участники кончились, я сам в качестве последнего аккорда прочел «Реквием в двух шагах с прологом и эпилогом».

Концерт окончился. Меня засыпали цветами. Все прошло великолепно. Все-таки не зря Константин Богомолов – один из наиболее выдающихся режиссеров нашего времени.

Прощание с президентом

Это случилось буквально через несколько дней после ареста Кирилла Серебреникова. Вся творческая интеллигенция была возмущена. И в этот момент позвонил наш министр культуры и сказал:

– Иосиф Леонидович, вот тут скоро День города на Красной площади. Там будет президент, премьер-министр, мэр. Мы приглашаем вас в ложу самых важных гостей. Вы один из тех, кто представит нашу культуру.

В назначенный день, пройдя все контроли, пропуска, проверку паспортов, я оказался на трибуне среди генералов, академиков и других представителей нашей элиты, например, рядом сидел доктор Рошаль. А когда все трибуны были укомплектованы, почти за моей спиной действительно оказались премьер-министр и мэр. Последним появился президент. Он проходил к своему месту и пожимал руки тем, кто сидел в его ряду. Началось красочное представление на Красной площади – выступали Кристина Орбакайте, Николай Цискаридзе, Иосиф Кобзон, Тамара Гвердцители. Мавзолей как-то задрапировали плакатами. Когда все закончилось, первыми пошли трое лидеров. Президент стал прощаться с моим рядом. Мы были спиной к нему, но все развернулись. Расстояние до меня быстро сокращалось. Мысль лихорадочно заработала. Если президент протянет руку, не пожать ее – совершеннейшее хамство. Но если пожму? Я представил себе заголовки в либеральной прессе: «Райхельгауз после ареста Серебреникова подобострастно пожимает руку президенту». Вот до меня остается четыре, три места… В тот момент, когда Владимир Владимирович пожал руку Ширвиндту, в моем мозгу отчетливо раздался клеймящий позором голос Ксении Лариной. Путин поравнялся со мной, и я вместо рукопожатия, вдруг поклонился президенту в пояс земным русским поклоном со словами «До свидания, Владимир Владимирович!»

Он кивнул и прошел дальше.

Так я низко поклонился президенту, чтобы не пасть низко в глазах либеральной общественности.

Бог – организатор гастролей

У нашего театра первые гастроли в Индию – в Калькутту на международный театральный фестиваль. Артисты – впервые в Индии. Страна потрясающая. Все мифы и легенды, почерпнутые из сказок и фильмов, материализовались. Надо сказать, что гастроли эти были организованы при моем непосредственном участии. Потому что помогал их проведению наш консул, которого я хорошо знал еще с тех пор, как тот работал в Иране. Мы были дружны, созванивались. Все наши артисты об этом отлично знали и спрашивали: куда мы поедем теперь? Не знаком ли я еще с каким-нибудь консулом из экзотической страны, в которой очень хочется побывать? И я говорил: «Да, неплохо бы теперь на Кубу – у меня там тоже личные связи, и я вовсю веду переговоры».

Наш артист Коля Голубев – очень талантливый, замечательный в своей искренности, в соцсетях пишет пост, где благодарит бога за то, что мы оказались в Индии. Так буквально и пишет:

– Спасибо, господи!

Я комментирую:

– Коля, пожалуйста, всегда рад.

Прочитавшие этот пост с комментариями артисты, на следующий день начали просить Колю:

– Коля, попроси господа, чтобы мы поехали в Гавану.

Я стоял рядом и благосклонно кивал.

Носки от Жириновского

Взаимоотношения с Владимиром Вольфовичем Жириновским у меня долгие и разнообразные. Много лет регулярно с ним встречаюсь на всяких политических шоу и передачах. Дважды «сражался» в прямом поединке и проигрывал с крупным разрывом, причем проигрыш начинался задолго до диалога – как только наши имена появлялись на экране. На каждые 10000 голосов Жириновского я получал 10. Правда, процентное соотношение к концу передачи менялось в мою пользу, однако все равно я оставался в проигрыше. Жириновский несколько раз выходил на сцену нашего театра в качестве артиста – играл самого себя. На вопросы журналистов «Зачем вы выпускаете его на сцену?», я отвечаю: «Не могу как профессиональный режиссер допустить, чтобы пропадал артист трагифарса такого масштаба». Мы и сейчас находимся в совместной работе и иногда прямо в Госдуме репетируем с ним роль Фамусова. В решении образа отталкиваемся от фразы «Собрать все книги бы да сжечь».

Жириновский – уникальный человек. В одном из ток-шоу, где мы были вместе, он рассвирепел по поводу заявления польского журналиста о том, что Польша освободилась от российского влияния. На что Жириновский закричал: «От чего ты освободился? Голодранец! У тебя вон ноги голые без носков!»

Я вмешался:

– Владимир Вольфович, вы не понимаете, это крик европейской моды. Я вот тоже в кроссовках на босую ногу.

Это ввело Жириновского в растерянность. Но ненадолго. Он здесь же в прямом эфире обратился к помощнику:

– Слушай, выдай им носки с логотипом ЛДПР, пусть не позорятся.

Когда шли выборы президента, мы опять участвовали в совместной программе. Ведущий задал ему вопрос:

– Предположим, вас изберут. Что вы будете делать?

Жириновский в ту же секунду:

– На следующий день танки войдут в Киев.

Это вызвало шок в студии. Кто-то стал серьезно отвечать, кто-то иронизировать. А я сказал:

– Успокойтесь! Он участвует уже шестой раз. Пять раз не выбирали. И в шестой не выберут. Так что танков в Киеве не будет.

Жириновский пришел в ярость.

– Я закрою твой театр. А ты поедешь в теплушке в Сибирь.

– Где же вы будете играть?

– Я буду играть на большой политической сцене. А ты враг, ты враг народа.

– Владимир Вольфович, какой же я враг? Я ваш режиссер!

– Так спой со мной вместе «Интернационал».

И мы стали вместе петь «Вставай, проклятьем заклейменный…»

У Жириновского – ни голоса, ни слуха. О чем я громкогласно заявил, остановив это безобразное пение.

И вот тут я увидел, что Жириновский бросил всякую игру. Мои заявления о том, что он никогда не выиграет выборы, не вызвали у него такой убийственной реакции, как критика его пения. Он замолчал, и было видно, что обида его совершенно ужасна и искренна.

Ведущий спас положение:

– Мы уходим на рекламу.

И тут Владимир Вольфович обрушился на меня:

– Ты понимаешь, что ты сейчас натворил?

– Нет…

– Ты на всю страну объявил, что у меня нет ни слуха, ни голоса!!!

Он долго не мог успокоиться, осыпая меня упреками.

Далее политическое представление продолжилось. К скользкой теме музыкальности мы не возвращались.

Театр не для больных

Витя Шамиров, выпускник мастерской Марка Анатольевича Захарова, когда еще учился, показывал интересные учебные работы. В вузах всегда знают, кто самый сильный, уже с 1 курса. Шамиров был именно таким. Было известно, что Шамиров талантливый, но очень резкий и несдержанный. Поэтому Захаров от него чуть ли не отрекся, а впоследствии, когда я хотел пригласить Виктора в свою мастерскую преподавать, ректорат отказал. Меня все это раззадорило, и я позвал его играть Треплева в спектакле «Чайка». Мало того, предложил ему внутри этого спектакля быть режиссером пьесы Треплева о Мировой Душе, которая начинается словами «Люди, львы, орлы и куропатки…» Кроме этого, разрешил Виктору поставить дипломный спектакль у нас в театре на сцене «Зимний сад». Шамиров занял мастеров – Аллу Балтер, Владимира Качана. Пьеса называлась «Ничего особенного». Он рисковал с названием – злобные критики с удовольствием его бы обыграли, но Витя не боялся ничего. Шамиров пригласил художника – Алексея Кондратьева, ныне главного художника «Ленкома». Это тоже был дебют. Они позвали всех наших монтировщиков, срубили в лесу дуб и затащили его в «Зимний сад». Наконец, премьера. Спектакль начался очень хорошо. Зал завороженно смотрит и слушает. Дуб медленно вращается, шевелит ветками и нагнетает тревогу. Шамиров стоит за задними рядами. Вдруг кто-то из зрителей начинает кашлять. И как это часто бывает, чем больше пытается кашель сдержать, тем сильнее и громче закашливается. Казалось бы, все, наступает тишина, но тут он кашляет с огромной силой. И это длится минуту – то есть вечность по театральным меркам. Шамиров тигром, перепрыгнув через два ряда, прорывается к несчастному, хватает его под руки и тащит из зала, рыча:

– Если ты больной, лечись, а не ходи в театр…

Кто-то решил, что это режиссерская находка. А нашим администраторам пришлось долго извиняться и желать зрителю здоровья. Есть подозрение, что больше в «Школу современной пьесы» он не приходил.

Запах сигарет

Татьяна Пинижина со дня основания театра работала заместителем директора по прокату спектаклей. Работала замечательно с утра до вечера. У нее был единственный недостаток – жутко курила. Один раз, придя в театр в 8 утра с какого-то прямого телеэфира, я увидел, что в театре, естественно, никого нет, но за своим столом сидит Пинижина и курит. Зашел в свой кабинет и написал стихи, которые повесил над ее столом:

В столь ранний час одна вы на работе.
Вам нет цены, Татьяна, равных нет.
Вы были бы божественны, но портит
Все жуткий запах ваших сигарет.

Прошло время. Таня покинула «Школу современной пьесы», родила двух сыновей, открыла собственное театральное агентство, купила квартиру, дом и машину. Как-то зашла в театр. Я снова пригласил ее на работу, сопроводив приглашение четверостишьем:

Давно вы, Таня, на другой работе,
В проклятой антрепризе много лет.
Вернитесь в дом, в семью! Пусть снова портит
Наш воздух запах ваших сигарет.

Партсобрание

Расцвет застоя. 1978 год. Толя Васильев, Боря Морозов и я преподаем на курсе Андрея Алексеевича Попова. У нас на курсе – студенты, ставшие потом весьма известными артистами: Галина Петрова, Марина Хазова, Людмила Лушина, Сергей Колтаков, Наталья Ковалева. И я в это время тайно женюсь на студентке Марине Хазовой. Знают только Васильев и Морозов. Мы от всех скрываем, пока она не закончила ГИТИС. И тут, как на зло, выходит постановление ЦК КПСС о работе с творческой молодежью, об усилении идеологической борьбы с тлетворным влиянием Запада и все такое. По этому случаю – общее партийное собрание ГИТИСа. Обсуждаются вопросы нравственности и идейного воспитания. Секретарь парторганизации ГИТИСа Всеволод Остальский – выступает:

– О какой работе с творческой молодежью в нашем вузе может идти речь, если в мастерской Попова, его педагог, вот этот вот Райхельгауз, женился на студентке!!! Андрей, скажи нам, как такое можно было допустить?!

Пауза.

Попов встает, крякает, пыхтит, оглядывается, видит, что все сидят с каменными лицами, поддержки ждать неоткуда.

Остальский, видя растерянность Попова, начинает давить:

– Андрей, я тебя как коммунист коммуниста спрашиваю! Что с ним сделать? Был бы комсомолец, мы б его исключили! А он даже не комсомолец!

Попов:

– Мне кажется, дорогие товарищи коммунисты… Насколько я знаю наш ГИТИС, многие педагоги просто спят со студентками, а Райхельгауз женился. Думаю, надо объявить ему благодарность…

Сальный анекдот

Меня позвали на «Эхо Москвы» вести вместе с Ольгой Журавлевой в ночном эфире передачу под названием «Иосиф и его байки». Я пришел на прямой эфир и был готов рассказывать, не умолкая. Однако не тут-то было. Прекрасная профессиональная журналистка Ольга Журавлева не спешила отдавать мне эфир полностью, видимо не очень веря в мои способности радиоведущего. Тем не менее, я ухитрялся вставить слово и в какой-то момент предложил радиослушателям тоже поделиться своими смешными историями.

В эфир позвонил человек, который сказал:

– У нас был смешной случай! Мой дядя очень любил сало. Ему привозили лучшее винницкое сало с Украины. Он его нарезал небольшими брусочками, заворачивал каждый в белоснежную тряпочку и клал в морозильник. Потом, когда нужно было, доставал оттуда и нарезал на тоненькие ломтики. И вот однажды он резал это самое сало, оно было сильно заморожено, нож соскочил и он отхватил себе палец. Полностью!

Мы с Журавлевой в студии переглянулись. Что делать? История совсем не походила на смешной анекдот. А слушатель весело продолжал:

– И вот кровь хлещет, он уже сознание теряет. Тетя моя звонит в скорую…

Хоррор прибывал. Я кивком показываю – «отключить»? Ольга отрицательно мотает головой: «Как? Прямой эфир, миллионы людей слушают!»

Я понимаю: «Эхо Москвы» – оплот свободы слова! А тут что же – рот затыкать гражданину?»

– Короче, врач ей говорит: не волнуйтесь, все будет хорошо. Вы палец заверните, в морозилку положите. А мы сейчас машину пришлем. И ему палец этот пришьют – будет, как новенький. Ну, тетя так и сделала. Стали «скорую» ждать. Врачи приехали. Тетя палец из холодильника достает и едут они в больницу. В операционную входят, палец разворачивает – а там сало!!! Ха-ха-ха! Перепутала тетя с перепугу!!! А-ха-ха-ха…

– Ха-ха-ха, – неуверенно поддержали мы с Журавлевой нашего рассказчика. – А что же дядя?

– Да все нормально! Врачи у нас хорошие! Вернулись за пальцем, привезли, пришили – все отлично!

Мы облегченно вздохнули. Не знаю, сало ли тут сыграло роль, или еще какие-то высшие силы, но проект наш продолжения не получил. И я больше на «Эхе» ничего не веду. Только слушаю.

На 25-летие радиостанции «Эхо Москвы»

Моцарт на старенькой скрипке играет,
Моцарт играет, а скрипка поет,
«Эхо» уже четверть века вещает:
Власть обличает, скучать не дает.
Пусть нам сейчас не до слез, не до смеха,
И как всегда то гульба, то пальба.
Не прекращайте вещания, «Эхо»,
Девять, один, запятая и два.

«Первый канал» нам мозги засирает,
Каждый второй – мракобес на «Втором».
В этом дурдоме лишь «Эхо» спасает,
С ним мы работаем, дышим, живем.

Пусть же опять не до слез, не до смеха,
И, как всегда, то гульба, то пальба,
Не прекращайте вещания, «Эхо»,
Девять, один, запятая и два.

Нрав у Отечества крайне изменчив:
Глядь – и в другой пробудились стране.
Но из грехов нашей Родины вечной
Не сотворяйте работу себе.

Снова в стране не до слез, не до смеха,
Снова вокруг то гульба, то пальба.
Не прекращайте вещания, «Эхо»,
Девять один запятая и два.

Пусть Венедиктов рулить продолжает,
Ксюша вещает, а Леся ведет.
Двадцать пять лет «Эхо» жить помогает,
Моцарт играет, и скрипка поет.

Пусть же нам всем не до слез, не до смеха
И, как всегда, то гульба, то пальба
Не прекращайте вещания, «Эхо»,
Девять один запятая и два.

Анатолию Малкину и Кире Прошютинской

Мой давний друг Анатолий Малкин и его коллега и спутница жизни в течение 30 лет Кира Прошютинская – известнейшие тележурналисты и продюсеры, авторы многих мощных телевизионных проектов, в том числе создатели первой независимой телекомпании «Авторское телевидение».

Спасибо Малкину и Кире
За то, что я в прямом эфире.

Вадиму Жуку

Вадим Жук – поэт, драматург, автор театра «Школа современной пьесы».

Автор, драматург и друг
С нашей школой в давней связке
Вадик Жук – особый жук
Редкой питерской окраски.

Анне Гроголь

Анна Гроголь – директор театра «Школа современной пьесы». В прошлом – балерина, что обеспечило ей невероятное изящество и шарм, но при этом совершенно не сказалось на интеллекте и деловых качествах. И есть у нее особенность – она слегка картавит.

За Гроголь я отдать готов
Всех остальных директоров.
Ум, красота и эрудиция
Но главное, конечно, – дикция.

Виктору Вержбицкому

Известный артист Виктор Вержбицкий играл в спектакле театра «Школа современной пьесы» «Пришел мужчина к женщине» в ансамбле с актрисой Амалией Гольданской (Мордвиновой). Амалия славилась сложным характером, который постоянно демонстрировала. Эти стихи я написал Виктору на программке в день премьеры.

Вержбицкий, вы в программке первый
Казалось бы, куда расти?
Все есть: талант, душа и нервы,
Вы первый, первый, первый, первый…
P.S.
Неужто козни рыжей стервы
Лишат нас общей радости?!

Журналу «Театрал» в день рождения 7 ноября

Журналу «Театрал» всего пять лет,
Но лучше вас сейчас в России нет.
Уверен, что 7 ноября
Вновь станет красным днем календаря.

Любимой девушке

Ни ответа ни привета…
Это что еще за это?

Игорю Ветрову, бизнесмену, строителю, яхтсмену, мужу завлита, выпускнику Московской консерватории

В Ваш День рожденья
Себе я хочу пожелать:
Плавать в бассейне,
В Хорватии с яхты нырять!

Стройку продолжить –
Фундамент отрыть до зимы…
Прессу тревожить
С лучшим завлитом Москвы…

Тысячи километров
Вместе пройти, облетать
P.S. А музыкант Игорь Ветров
Должен хоть изредка, где-то
На фортепьяно играть!

Владимиру Зельдину на 100-летие

В театре только так бывает:
Ему сто лет, а он играет.

Письма в театр

Из Баку:

«Здравствуйте, Уважаемые коллеги!

Сегодня у нас в Азербайджане праздник Гурбан (жертвоприношение). Поздравляю Вас и Вашего Художественного Руководителя Иосифа Леонидовича Райхельгауза с этим светлым праздником и желаю всех благ!»

Из Петропавловска-Камчатского:

«Уважаемый Иосиф Леонидович.

Я знаю, у Вас в театре идет инсценировка Остера. Вы не можете ее переслать нам? А мы, в свою очередь, будем Вам рыбно и икорно взаимовыгодны.

Худрук театра драмы и комедии на Камчатке – В. З.»

Из Ялты:

«Я работаю в театре недавно, поэтому, к сожалению, часто дезориентирована (это на всякий случай), поэтому и пишу во вторник.»

Из Краснодара:

«Добрый день!

На Юге России сейчас популярен поэт и писатель, работающий под псевдонимом Евгений Онегин. Так же мне известно немало почитателей его творчества и в Москве. Концертная программа Онегина представляет собой более чем часовое музыкально-литературное представление, на мой взгляд, не похожее ни на один другой вечер такого формата. Мне бы очень хотелось привезти Евгения Онегина в Москву и провести здесь его концерт… насколько это возможно осуществить на вашей площадке, например, в проекте “Стихия” или “Авторский вечер”?»

Из Москвы:

«Знаю, что некоторые театры (не Ваш) берут пьесы, читают, потом авторам отказывают, пьесы переделывают, а потом ставят, но автор уже другой… Жду ответа. Надеюсь, ответите мне. С уважением Сергей Константинович».

Из Подмосковья:

«Здравствуйте, Иосиф Леонидович, мне бы хотелось узнать, принимаете ли сценарии. Я верующий человек, и делаю уклон не

только для верующих. Они обо всём, но в основном о Божьей любви к нам, к людям. А еще пишу маленькие сценки и сценарии для спектаклей. У меня нет специального образования, но есть желание и стремление развиваться на писательском поприще. Я учусь и буду это делать и впредь.»

Из Москвы:

«Здравствуйте, Иосиф Леонидович!

Пишет Вам москвич, Т. Евгений Владимирович. Со слов благодарности и переполняющего Душу волнения хочется начать это письмо, которое, быть может, даже не будет прочитано до конца, т. к. слов таких, уверен, сказано в адрес театра и Иосифа Леонидовича уже немало. Но как же хорошо у вас в театре! В очередной раз посетив на днях ваше уютное гнездышко, решил первый раз написать вам слова благодарности. И в первую очередь это слова благодарности Иосифу Леонидовичу. Знаете, в вашем театре такая позитивная атмосфера, что раскрываются отчасти закупоренные поры, ведущие в глубоко запрятанную внутрь Душу. Спасибо вам, Иосиф Леонидович, лично за тот жизненный путь, которым Вы шли и идете! Спасибо за то, что пребывая в Вашем театре, моя Душа осмеливается, пропуская через себя все Ваше творчество, тоже творить. Недавно я даже написал после посещения вашего театра стихотворение. Уж не обессудьте, вот оно:

Поубивал бы, право слово, всех артистов!
И режиссеров. Режиссеров заодно…»

С планеты «НТВ» (орфография автора сохранена):

«Добрый день! Меня зовут Юлия, я продюсер компании «НТВ». Мы бы хотели пригласить Иосифа Леонидавича на съемки программы «Говорит и показывает» (бывшая «Давайте мириться», ведущий Леонид Закашанский). Каким образом можно с ним связаться? Тема съемки следующая: На традиционном фестивале посвященном памяти Владимира Высотского Никите Джигурде запретили учавствовать. Запрет исходил со стороны представителей церкви, которые являлись одими из организаторов мероприятия. Священнослужители апеллировали тем что Джигурда ведет себя как богохульник и безбожник, его поведение оскорбляет чувства православных. В ответ на это артист объявил себя Богом а свою суженную Богиней. Подобные заявления еще более распалили конфликт и представители епархии теперь грозятся отлучить Никиту от церкви если он не одумается.

Жду Вашего ответа. Спасибо!»

Нырнул в Мертвое море

90-е годы, мы гастролируем в Израиле. Февраль – в Москве метели, а здесь – жара. Нас везут на Мертвое море, перед этим подробно инструктируют: огромная концентрация соли, надо входить медленно, избегать попадания воды в глаза, не глотать и т. д. А еще предупреждают об удивительном эффекте: когда постепенно, медленно входишь, то в какой-то момент ноги сами отрываются от дна, и ты зависаешь в этом густом соляном бульоне, как поплавок.

Наш артист Максим Евсеев опоздал на инструктаж. И когда мы сели в автобус, чтобы отправиться на Мертвое море, никто не сообразил с ним всеми этими важными предупреждениями поделиться.

Приезжаем. Все строго по регламенту готовятся медленно войти в воду. В это время Максим, перед которым распростерлась вожделенная морская гладь, быстро скидывает с себя одежду и с разбега влетает в воду в привычном прыжке – так, как если бы это было Черное море. Или Средиземное. Конечно, он даже не погрузился. Но глаза обжег по полной программе. Несколько секунд мы, онемев, смотрели на его изумленное испуганное лицо. Он с ужасом тер глаза, от чего ему становилось еще хуже, и не мог понять, почему он не может достать ногами дна, которое находится на полуметровой глубине. Артисты кинулись ему помогать, промывать глаза пресной водой и объяснять, что, видимо, именно здесь Иисус шел «аки по суху».

Но вообще-то Максим Евсеев – истинный интеллектуал. Он прекрасно говорит по-французски. Очень хорошо знает историю Москвы. И пишет стихи, иногда посвящая их разным хорошим людям. Повезло и мне.

За именем история,
За именем судьба.
Известной траекторией
Шагают имена.

Как в метрике запишут
Положенные знаки,
Согласно им и дышат
Абрам, Армен, Акакий

И как потом не мучимся,
И как потом не просим,

Гавриле не получится
Пожить, ну… как Иосиф.

Плевать, с какой ты улицы,
Плевать, что нос как слива!
Один всю жизнь сутулится
А этот – Горделиииииивый!

Вы так же не хотите ли
С размахом и богато?
Претензии к родителям –
Тут имя виновато.

В нем все: и амплитуда,
Характер и судьба;
Наличные оттуда,
Богач и голытьба.

Вот как тебя назвали,
Известно наперед,
Что сможешь ты едва ли
Открыть в сбербанке счет.

А если и откроешь –
Кто ж это запретит? –
То через месяц взвоешь
И станешь жить в кредит.

И взгляд небрежно бросив
На опыт вековой,
Глядите, вот… Иосиф
Он, например, какой?

Тут имя однозначно
Известно наперед:
Все сложится удачно –
Таких судьба ведет

Вы рассмотреть готовы
Что говорит Завет?
(что новый, что не новый)
Дурных примеров нет!

Да хоть Иосиф плотник –

Святое ремесло –
Не знаю, как работник,
С женитьбой повезло.

Давидова колена,
Но захудалый род.
Жениться непременно
Решился он – и вот:

Чего казалось лучше?
Чего еще не ясно?
Был плотник, стал обручник.
Ну и, конечно, ясли…

Я так могу про всякого,
Он что один? Да фиг там!
Вот этот… сын Иакова,
Который из Египта.

Вначале были сложности
С семьею и законом,
Зато потом при должности.
И где! У фараона!

Он снов был толкователем.
Всегда при фараоне.
А братья… Хрен бы с братьями!
Зато в курортной зоне.

Еще примеров? Море их!
И все они похожи.
Во всех этих историях
Все те же и все то же.

Иосифу удача
И творческое поле,
Ну и, конечно, дача
С Чубайсом Анатолием

И творческая жила
у них у всех видна,
И Гурченко Людмила
У них всегда одна.

Она Кобзона бросила
А после, через паузу
Пришла опять к Иосифу,
Но только Райхельгаузу.

Смотрите, как сплетаются
Их судьбы и задачи.
Им многое прощается…
Я говорил про дачу?

Их жизнь, как откровение,
И ты живи не майся:
Соседнее строение –
Охранники Чубайса.

Хотя и в их истории
случаются подпалины,
Но я сегодня, sorry,
Не расскажу про Сталина,

Про Бродского не стану
И промолчу про Тито,
Про всяких иностранных,
Про прочих знаменитых.

Простите мне нахальство,
Позвольте расстараться,
Я стану пред начальством
Робеть и пресмыкаться.

Сегодня вроде повод,
Сегодня сердце просит
И графоману слово
Зарифмовать с Иосиф.

Монологи

О вреде табака

9 февраля 2010 года

Я давно хотел высказаться по этому вопросу. Хотя понимаю, что вопрос для многих довольно спорный, но для меня бесспорный. Как-то сразу вспомнился Антон Павлович Чехов – «Монолог о вреде табака»: «Предметом сегодняшней моей лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку. Я сам курю, но жена моя велела читать сегодня о вреде табака, и, стало быть, нечего тут разговаривать. О табаке так о табаке – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло».

В отличие от чеховского персонажа я не курю. Да и вред как таковой меня мало волнует. Я делаю массу каких-то вредных для здоровья вещей – не то ем, не то пью, режим нарушаю… Но что касается курения – мне кажется, это принципиальнейший вопрос. Сейчас стоят морозные дни. Когда я иду к театру по бульвару или Трубной площади, то каждый день попадаю в одну и ту же ситуацию, от которой, практически, теряю сознание! Прямо на улице девушки – причем, что удивительно, часто довольно симпатичные, чисто и красиво одетые, интеллигентного вида, возможно, студентки – в общем, видно, что не привокзальные и не из подворотни. Морозный день, бульвар, я на расстоянии пяти метров от них – и задыхаюсь. Веду себя так, что можно подумать, что схожу с ума – отбегаю, останавливаюсь, опять пробегаю мимо… Невыносимо ходить по улице! Если люди хотят курить – это их дело, хотя сразу говорю – мне неприятен человек курящий – homo fumigans. Почему он заставляет меня этим дышать? В Средней Азии, то был удивлен, что в Самарканде и некоторых крупных городах Узбекистана до сих пор вдоль улицы тянутся канавы, в которые стекают нечистоты. Курение – явление того же порядка: создается впечатление, что улица превратилась в сток нечистот. Человек идет и курит – и это мгновенно распространяется в воздухе. Я много раз пытался мягко кому-то объяснять, делать замечания. В ответ часто слышу аргумент – а почему автомобили ваши дымят? А затем от «дымящих» автомобилей плавно переходят к правам человека. Что касается автомобилей – согласен. Но если будет закон, как в Европе, о плате за превышение нормы выхлопных газов – буду платить эти штрафы, если надо – переходить на электродвигатель. Считаю нормальным, живя в обществе, об этом договориться. Что же касается нарушения прав, то тут как раз извините! Хочешь

курить – закройся; уйди в такое место, где будут тебе подобные, но не заставляй меня в это погружаться, не заставляй меня этим дышать. А еще скажу как режиссер: человек даже не осознает, как сигарета меняет его облик. То есть абсолютно меняет его как персонаж.

Любой человек – мужчина с сигаретой, женщина с сигаретой – особенно женщина, и особенно молодая, принципиально меняет свой образ. Порой хочется подойти к человеку, заговорить с ним, вступить в какой-то творческий диалог, но как только я вижу сигарету – как будто бы падает железный занавес. И этот человек должен понимать, что мое восприятие не единично, что также его воспринимают другие люди.

Я регулярно работаю на телевидении, снимаюсь в больших передачах. Иногда это превращается в невыносимую пытку! Подходит гример – молодая красивая женщина. Но, увы, находиться рядом с ней невозможно! Подходит звукооператор, симпатичный парень в костюме, в рубашке, при галстуке, он вывешивает мне микрофон, выдыхает – и я теряю сознание. Мне могут возразить – а если он чеснок перед этим съел? Это тоже плохо. Но неслучайно весь мир, и в первую очередь та самая проклятая Америка, уже выработал другую психологическую установку: что курящий человек – это человек антиобщественный, это человек, который находится вне закона, вне нашего общежития и общественной связи. Я с удовольствием захожу в кафе во Франции, потому что дышу там чистым воздухом. Я спрашиваю директора нашего маленького ресторана: «Яков Аронович, почему у Вас курят?» На что слышу ответ: «Ну, если бы все запретили…». Ну, запрети ты! Это чудовищная привычка – это такой атавизм, такое прошлое… Много чего было с людьми в их истории, что сейчас смотрится как дикость: от человеческих жертвоприношений до других диких обрядов. Для меня курение – дикость. Человек курящий, человек, бросающий окурок – это сразу антицивилизация, анти-21 век, антинравственность. С этого все начинается – уважение прав друг друга. Когда мы в театре рассматриваем месячные и годовые премии, скажу честно – люди некурящие получают поощрения за то, что уважают окружающих. Я не хочу брать студентов курящих – они для меня вне амплуа. Лирическая героиня не может курить, Джульетта не может быть с сигаретой. Поэтому я призываю снова и снова: лучше не курить. А если не можете – не заставляйте меня при этом присутствовать. Очень прошу – не курите на улице, не курите в кафе, не курите в общественном месте. Это – порок, это гадость, мерзость, и занимайтесь ею отдельно от меня!

P.S. Рекомендую почитать замечательную пьесу-монолог Антона Павловича Чехова, 150-летний юбилей которого мы отмечали несколько дней назад. Из всего его богатейшего наследия сегодня я выбираю одно произведение – «Монолог о вреде табака».

За Лужкова

20 сентября 2010 года

Я все про Юрия Михайловича понимаю. Мы не первый год строим театр, и очень многие серьезные люди мне говорили – кто намеком, кто прямым текстом, – что мы не построим театр без чемоданов денег. Все его замечательные вице-мэры – они все нам бесконечно рады, все нам помогают, но как только мы опускаемся чуть ниже, я понимаю, что это стена многолетняя и непробиваемая. Конечно, я вижу в этом такую, извините, коррупцию… Но, тем не менее, я выступаю в защиту Юрия Михайловича. Потому что помните, как у Пушкина:

> «Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
> Он человек! им властвует мгновенье.
> Он раб молвы, сомнений и страстей;
> Простим ему неправое гоненье:
> **Он взял Париж, он основал лицей…**

Вот и для меня в жизни и работе этого человека есть два важных момента, сравнимых с «лицеем» и «Парижем».

Первое. Он за годы своей работы – открыл более 20 театральных зданий. И этим войдет в историю! Он еще понимает значение культуры. Он их не просто открыл – он в начале каждого театрального сезона встречается с художественными руководителями. Мне очень важно, что он знает, как меня зовут и как зовут многих артистов нашего театра. И я помню, как он подходил к Любе Полищук или к Марии Мироновой и говорил: «Для меня честь сегодня встретить Вас здесь». И это говорилось не просто так! На многие письма, которые в течение этих лет мы ему писали, сверху стояла замечательная его резолюция: «Помочь творцу!». И я очень боюсь, что после Ю. М. придут люди, которые уже сегодня давят-давят-давят. В Думе обсуждают очередной закон о театре, и все эти обсуждения ведут к одному – пусть они сами себя кормят. Но во всем мире «они» сами себя не кормят!

Я не хочу считать деньги его жены. Я не хочу считать те самые чемоданы, которые заносят в кабинеты. Не мое это дело. Я согласен с обвинением в адрес московских властей в варварском отношении к памятникам культуры. Мы с нашим театром проходили бесконечные советы, согласования, запреты, и казалось, что все так бережно относятся к памятникам. Но вот прямо перед окнами театра выросла безобразная огромная

стекляшка, изуродовавшая Трубную площадь. Ее возвели вместо другой «стекляшки» советского периода – менее уродливой, кстати. Это, я считаю, катастрофа. И все-таки…

Понятно, что Ю. М. сметут. Тем не менее, мне хочется, чтобы тот, кто займет его место, все таки увидел, что не все так плохо.

Очень боюсь, что станет хуже. Вижу, что творится с образованием, медициной. Государство, которое не платит за медицину, за образование, за культуру, в результате обречено быть нездоровым, необразованным, бескультурным.

И второе, что мне кажется очень важным. Ежегодно реально повышается пенсия москвичей. Моя мама, которой 84 года всегда говорит так: вот эта пенсия – от России, а эта – от Лужкова. Она не говорит – от Москвы. От Лужкова! И я очень боюсь, что придет новый начальник, и скажет: «Ничего страшного, проживут как-нибудь. А не проживут – так и ладно…». И, действительно, из автомобиля с синей мигалкой очень плохо виден человек, который идет по улице.

P.S. Короткая ремарка о нашем гражданском обществе и наших реалиях.

Сегодня мы с директором театра пошли в Театральный центр СТД на открытие театрального фестиваля «Балтийский дом». Пошли пешком, наш театр находится недалеко. Андрюс в замечательном темном костюме и белой рубашке, я, слава Богу, в джинсах и свитере. Навстречу шли две хорошо одетые женщины. В это время вдоль тротуара ехала поливальная машина, поднимая страшный столб пыли, грязи и воды. Тем, кто шел по улице, деться было некуда, так как ширина тротуара не более двух метров – и нас прижимало к стенке и обливало грязью! И это центр Москвы! Это то, что можно делать с нашим гражданином.

Я думаю, что в любой Европе, не говоря уже об Америке, человек, сидящий за рулем «поливалки», уже был бы за решеткой или, в крайнем случае уволен. А тут он улыбался, во рту сигарета, он победно сигналил – а деться-то некуда было! Женщины визжали, мужчины посылали матерные проклятья. Я был весь в грязи, директор весь в грязи – сходили открыть театральный фестиваль… А «поливальщик» не скрывает своих номеров, известно точное время, когда он проехал – его можно найти, можно наказать, но никто не будет этим заниматься. Ему сказали мыть тротуары – ну он и мыл, будь он проклят!

Наверное, и это небольшой привет от Юрия Михайловича, который сейчас обдумывает свое положение в прекрасном месте в австрийских Альпах. Вряд ли там можно встретить подобные «очистительные мероприятия». Скажете, я сам себе противоречу?

Нет, я просто боюсь, что те, кто придут после него, будут еще хуже…

Уход Любимова из театра на Таганке

29 июня 2011 года

Театральная Москва встревожена очередным уходом Юрия Петровича Любимова из Таганки. Кто-то по этому поводу страдает, для кого-то – это обычный информационный повод, кто-то иронизирует – видите ли, он опять уходит. Артисты театра – его театра – счастливо или несчастливо дают интервью: мы предлагаем Юрию Петровичу, мы требуем от Юрия Петровича…

Это один из немногих поводов в нашей замершей на лето театральной и общественной жизни, по которому хочется высказаться.

Мы по-прежнему не ценим имя и индивидуальность. По прежнему рассуждаем: что тот солдат, что этот. Мы потеряли Ельцина и Гайдара, и пока никто и ничто их не восполнило. То же в театре.

«Школа драматического искусства» освободилась от Анатолия Васильева. Можно много раз рассказывать, как Васильев не прав, какой у него жуткий характер, как он неуважителен по отношению к начальству и артистам. Тем не менее, при Васильеве это был театр Европы, а сегодня это – то, что рифмуется со словом Европа. Нет театра «Школа драматического искусства». Просто в этом помещении играет театр Дмитрия Крымова, который получает признание критики и публики. Но театр Крымова может играть в любом помещении, и продолжать оставаться театром Крымова.

Театр на Таганке – это тоже не стены, а театр Любимова. При моем огромном уважении к Николаю Николаевичу Губенко то, что он назвал Содружеством актеров Таганки – не есть театр на Таганке. И доказательство тому факт: за все эти долгие годы там не случилось ни одного художественного явления.

И таких фактов множество. Не стало Товстоногова и при том, что продолжали жить и работать артисты – БДТ уже перестал быть тем БДТ, которым его создал Товстоногов.

То же показывает история театра имени Ленинского комсомола: был театр Берсенева, затем – Эфроса. Сегодня «Ленком» – это театр Захарова, хотя и его «золотой век» уже позади.

Безусловно, последние спектакли Юрия Любимова не идут в сравнение с его шедеврами 30-летней давности. Тем не менее, для меня сегодняшние полуудачи Любимова – шекспировские «Хроники», «Евгений Онегин», «Горе от ума» с его огромной культурой, мощным музыкальным и сценографическим рядом,

намного крупнее, объемнее и художественнее, чем новомодные, затратные проекты заезжих фаворитов типа Донелана. Для меня сегодня даже провал или ошибка Любимова по искусству, по профессии, по технологии важнее иных коммерческих успехов.

Юрий Петрович Любимов создал один из крупнейших театров XX века, который подвигнул наше общество к принципиальным и кардинальным изменениям. Он продемонстрировал миру выдающиеся достижения русского драматического театра. Даже когда от Любимова уходили такие заметные артисты как Высоцкий и Демидова, все равно оставался театр на Таганке, который определялся именем Любимова.

Скажу резко: все артисты, которым не нравится зарплата, способ управления, то есть все, что кажется правильным Любимову, должны уйти. Артистам свойственны протестные настроения: сегодня они изгоняют Любимова, вчера изгоняли Эфроса, завтра будут изгонять кого-то еще. Но театр – не место для торжества демократии. Пока Юрий Петрович с нами, мы должны сохранять это крупнейшее явление мирового театра.

Барак оказался Боцманом

27 октября 11 года

Каждый день обрушивает грандиозные новости – политические, театральные, международные. Тем не менее, я расскажу о том, что произошло со мной – совсем не в масштабе мировых катаклизмов. Вчера около полуночи на машине из театра поехал домой в Жаворонки. Проехав Переделкино, решил зайти в маленький круглосуточный магазинчик купить еды. На пороге сидела собака – очень красивый черный лабрадор, ухоженный, домашний, похожий на путинского (видел по телевизору). Пес сразу определил по запаху, что я собачник – у меня тоже лабрадор, но рыжий, по кличке Билл (в честь Клинтона), – и пошел за мной. Я поинтересовался у продавцов – откуда? Отвечают: вот уже несколько часов, как приблудился. Ходит, нюхает, ищет хозяина. Вышел из магазина. Он идет за мной. Я его спрашиваю: «Хочешь со мной»? И мне показалось, что он… кивнул. Я открыл багажник: заходи. Он ловко так запрыгнул, как будто каждый день в мою машину садится. Где-то в половине первого мы с ним приехали ко мне домой. Дома нас встретили прохладно. А если более точно, даже очень горячо: зачем ты его привел? У нас есть собака! Вези его обратно!

Мы вышли. Я снова открыл багажник. Он опять послушно сел в машину, и я его отвез на тот же перекресток. Магазин уже был закрыт. Шоссе, ветер, никого на улице. В это время мне из дома позвонили на мобильный: давай вези обратно, жалко…

Я опять открыл багажник: залезай. Он снова прыгнул – без разговоров. Дома мы его стали кормить, поить. Сами тоже сели за стол. В два часа ночи я понял, что надо бы поспать: завтра репетиция, скоро премьера. Новоявленный лабрадор – я назвал его Барак в честь Обамы – стал бегать по двору вместе с Биллом. Псы подружились и затеяли радостную беготню по двору в сопровождении оглушительного лая. Еще какое-то время я разводил их по разным углам, чтобы не перебудить все Жаворонки. Часов в шесть утра меня разбудил собачий лай. Поняв, что пса надо как-то пристраивать, я стал обзванивать соседей, весьма, кстати, влиятельных людей. Кто-то вел серьезный форум, кто-то выступал с политическим заявлением. Но меня выслушивали с сочувствием, озадаченные судьбой потерявшейся собаки. Домашние оказались умнее меня: разглядели номер на ошейнике, позвонили в клуб, обнаружили хозяина. Счастливый хозяин тут же примчался, пытался вручить вознаграждение, которое, естественно, никто не взял. Оказалось,

что живет пес в Одинцово, зовут его – Боцман, и они, конечно, его ищут, но не думали, что он окажется так далеко. В общем, Боцман сам организовал свое возвращение домой. Молодец. Хотя на фоне мировых событий это, наверно, мелочь…

С днем рождения, Анатолий Борисович!

16 июня 2011 года

Сегодня день рождения Анатолия Борисовича Чубайса. Дата не круглая; тем не менее, я в очередной раз пользуюсь случаем, чтобы поздравить своего товарища, человека который очень много сделал для меня, для нашего театра, для нашей страны.

Дни рождения у нас рядом, и каждый год мне очень трудно придумать подарок Чубайсу. Чем его удивишь? Но вовсе не потому, что он, как думают многие, купается в роскоши, плавая на яхтах и жуя ананасы с рябчиками. На самом деле – это скромнейший в быту человек, который вкалывает с утра до вечера, абсолютно не имея свободного времени, а, следовательно, и тех увлечений, которые мы, как правило, используем, придумывая подарки для друзей. Один из немногих, если не единственный, интерес Чубайса – это наши экспедиции и путешествия с поразительным погружением в историю, географию, экономику и политику той страны, которую Чубайс в данный момент постигает. Я много раз в этом убеждался, будучи рядом в разных уголках планеты от Кольского полуострова до Вьетнама, от Монголии до Мексики.

Так случилось, что в этом году в день моего рождения произошел почти анекдотический случай. Я знал, что Чубайс с детьми уехал в короткий отпуск – постигать очередную страну (Я не знал, какую именно). А я в свою очередь решил, чтобы как-то «промахнуть» свой день рождения, вычеркнуть его и не мучиться от осознания количества прожитых лет, дал согласие на проведение творческих вечеров в Америке – в Лос-Анджелесе, Сан Франциско и Силиконовой долине. И вот 12 июня я переезжаю на машине из Лос-Анджелеса в Сан Франциско. И получаю SMS от Чубайса: «Поздравляю с днем рождения. К поздравлениям присоединяются мой сын Алексей и дочь Оля. Большой привет от нашей семьи из Калифорнии». На что я не замедлил отозваться: «Поскольку вы в Калифорнии, приглашаю на свой творческий вечер в театральный зал в центре Сан Франциско».

На мой вечер Чубайсы, к сожалению, не поспели. Но, тем не менее, мы замечательно отметили день рождения в прекрасном ресторане на берегу Тихого океана.

Сегодня, я в свою очередь, поздравляю Анатолия Борисовича. Некоторое время назад, путешествуя по Юго-Восточной Азии, мы попали в пещеру, где расположены 8000 статуй Золотого Будды. Свет от Золотых Будд так отразился на лице Чубайса, что он стал одним из них. Что я и не преминул запечатлеть.

Вот это сегодняшнее экспромт-поздравление:

Этот Будда не оттуда,
Этот Будда среди нас,
Наше горе! Наше чудо!
«Наше все» – А.Б. Чубайс.

Дожить до рассвета

18 ноября 2011 года

Так получается – как сейчас говорят, «по жизни» – что это время года для меня ужасная пора. И, пожалуй, не только для меня. Хотя Борис Пастернак четко написал, в каком месяце нужно «достать чернил и плакать», для меня это все-таки не февраль, а ноябрь. Так уж вышло, что именно в этот период меня когда-то выгоняли из учебных заведений, жизнь казалась тупиковой, непроходимой, безнадежной. Последние несколько дней в нашем театре, который, в общем, хорошо работает и активно посещается зрителями, прошло несколько очень хороших, на мой взгляд, спектаклей – «Провокация» Сергея Юрского и «Москва. Психо» Андрея Жолдака. В зале я увидел пустые места. А каждое пустое кресло – пустота в моей характеристике как руководителя театра. Новости с телеэкрана вносили свою краску в это ноябрьское состояние. Мир вдруг понял, что на 1 % богатых приходится 99 % бедных, и что это несправедливо. А тут еще фантастическая наша выборная кампания, которая рассчитана даже уже не на идиотов, а на безмозглых роботов без какой бы то ни было исторической памяти, на быдло, которое не читает никогда и ничего и которое не может отличить Октябрьскую революцию от Великой французской… Смотрел, как у Соловьева дискутировали единоросс Хинштейн и Богданов от Правого дела. Богданов – невнятный, путаный. Хинштейн – наглый, самовлюбленный, точно знающий, какой партии надо держаться, чтобы быть допущенным к кормушке! Насмотревшись на такое, даже Райхельгауз может стать антисемитом.

Вчерашний день стал какой-то кульминацией ноября: погода чудовищная, идет мокрый снег, мир лихорадит, нас оболванивают, не отвечает ни один телефон, сотрудников театра, которые были мне нужны, нет на работе, не подключается ИНТЕРНЕТ, не берет трубку друг (неужели на меня за что-то обижен, не хочет общаться?), ничего не складывается, и к концу дня меня уже одолевали мысли о том, что все, что я делаю, никому не нужно, и все попытки что-то поменять бесполезны… В полночь сижу в театре у себя в кабинете в дикой тоске. И получаю неожиданно странное SMS от одного хорошего своего товарища: «Я испытал прекрасное чувство – я влюбился!». И дальше целая поэма… И я понял, что спасение от всего – в том, что нужно любить. Любить кого-то. Или любить свое дело. Я пришел сегодня в театр, как можно раньше – и все сдвинулось с мертвой точки: отвечают телефоны, мы продуктивно поговорили с коллегой из

СТД – запустили новую интересную затею, заработал компьютер – и почта ожила, проявился друг, не отвечавший на звонки, как оказалось, потому, что я ему звонил не на тот номер, администраторы сообщили, что на сегодня и завтра все билеты проданы, и даже на какое-то время появилось солнце. В общем надо, было дождаться утра. Просто дожить до рассвета.

Каждый достоин своей жизни

21 сентября 2011 года

Очень давно не писал – выпускаю сложный спектакль, до премьеры меньше месяца. Спектакль – «Медведь» по Дмитрию Быкову – оказался самым, наверное, сложным в моей жизни: никогда еще не было задействовано столько людей, не было таких сложных декораций, такой подробной работы с композитором, балетмейстером, художником…

Но все равно, естественно, я утром и вечером слушаю радио, разговоры на улицах и в фойе и разделяю все чувства по поводу катастроф, случившихся в последнее время. Конечно, самое страшное – Ярославская трагедия… Но, как бы кощунственно это ни звучало, вся эта история с Правым делом, Прохоровым, «кукловодами» воспринимается как не меньшая катастрофа. Потому что на краткий миг показалось: есть реальная политическая жизнь, появился внятно говорящий человек, возникло что-то похожее на настоящие выборы и вдруг… Все резко оборвалось. Правое дело развалили одним пинком. И вновь пошли важнейшие и активнейшие дискуссии о том, за кого голосовать, а может, совсем не голосовать и этим самым показать свое отношение, и раз не хотят нашего Прохорова, то мы не хотим их Богданова…

Мне «посчастливилось» быть приглашенным на день города 4 сентября, и все происходящее на Красной площади повергло меня в ужас и оцепенение. Советские песни, переписанный Окуджава, спортсмены, Орбакайте на лимузине министра обороны, плохо изображающий пехотинца балетный артист, бегущий через площадь вручать ей букет цветов… Атмосфера напомнила мне Германию 30-х годов и сталинскую эпоху… Уверен, денег на все это «шоу» было угроблено огромное количество… Стыд и недоумение, отчаяние и позор – каким-то образом для меня соединились в этот помпезный праздник с ярославской трагедией…

Мой «праведный гнев» направлен не на кого-то там… Только на себя. Ведь мы, а не кто-то другой, смотрим это ТВ, читаем эти газеты, где желтизна на желтизне… Открыв недавно какое-то издание, увидел очередные откровения Стасика Садальского… Милый мальчик и хороший артист, с которым мы когда-то жили вместе в общежитии, превратился в распоясавшегося жлоба, который кроме как о том, кто кого трахал, говорить не может. Вот он рассказывает, как публично послал матом министра здравоохранения, такой он смелый… Мне, может быть, тоже

министр здравоохранения не нравится, но если бы при мне он послал матом женщину – получил бы в морду. Извини, Стасик, приятель моей молодости…

Что-то происходит немыслимое, и виновны в этом мы сами.

В эти выходные летал в родной город Одессу. Все рассчитано по минутам, запланировано множество важных встреч, я умышленно беру ночной рейс, чтобы утром прилететь и все успеть… В аэропорту узнаю, что объединяют два рейса. Этот новый объединенный рейс задерживают неизвестно на сколько, а у меня пересадка в Киеве… На которую опаздываю. Милые девушки (сотрудницы аэропорта), которых я явно оторвал от жизни, лениво машут рукой куда-то в лес: там переночуете. Жду автобуса, долго, уже глубокая ночь. Привозят в какую-то дурную советскую гостиницу, поесть негде, потому что все давно уже ушли по домам, холодный неуютный номер… По местному телевизору – бывший русский, а ныне украинский Савик Шустер вещает все ту же демагогию: как у них украли газ…

На следующий день, когда надо было возвращаться в Москву, опять Аэрофлот соединили с Аэросвитом, самолет задержали на три часа! И экипаж даже не извиняется – о погоде рассказывает. А потом ровно 55 минут стоял в очереди на паспортный контроль – из 14 окошек работали 4. Только благодаря водителю, который, нарушив все правила, привез меня в театр, на репетицию почти не опоздал.

Сегодня еду из Жаворонок в Москву – естественно, пробки… На переезде рядом с Внуково срезаю дорогу – нарушаю! И снова номер, повторяющийся из раза в раз – меня останавливают господа полицейские, приглашают в машину; розовощекий парень рассказывает, какое серьезное я совершил нарушение… На мое предложение оформить протокол, вновь, на этот раз еще более выразительно, повторяет рассказ о моем нарушении (кто из нас работает в театре?!) Я хочу жить по закону, но меня загоняют в угол беззакония. И я лезу в карман, достаю тысячу рублей, а полицейский показывает мне растопыренную пятерню – в смысле, пять тысяч хочет. Я ему показываю два пальца, он мне четыре, в итоге сошлись на трех, в обмен на которые получил свои права… Расстались в чудесных отношениях. Я понимаю, что в этот день он немало еще собрал, и ему надо делиться с теми, кто выше его по вертикали власти. Я тоже участник всего этого, и, значит, достоин своей жизни. Ведь мог бы наплевать на репетицию, и вместо работы пойти куда-то жаловаться, разбираться, подавать в суд… Но я этого не сделал, а принял участие в бесправии, беззаконии, во всей этой бадяге!

И у меня есть единственное оправдание – репетирую пьесу

«Медведь», которая как раз обо всем об этом. И может быть, этот спектакль чуть-чуть поможет жить в том безвоздушном пространстве, где мы оказались сегодня.

Дайте на бухло

02 сентября 2011 года

Ежедневно утром на пути из дома в театр, проезжая по бульвару на перекрестке с Тверской, много лет вижу, как там стоят профессиональные нищие. Профессиональные абсолютно: одна женщина всегда беременна, еще один персонаж показывает деревянную ногу, и у меня ощущение, что она очень хорошо сделана и надета сверху на ногу живую. Третья многие годы просит на операцию внуку – на фото мальчик с изуродованным лицом, возраст которого не меняется. Вижу, что наивные еще как-то подают. А циники и мерзавцы вроде меня отворачиваются. Некоторые нищие уже меня узнают, даже не подходят, понимая, что ничем поживиться не удастся. Тут же продают часы Московского часового завода – занимаются этим бизнесом крепкие ребята, могли бы прекрасно эти часы производить! Тут же – цветы, причем в основном занесенные в «Красную книгу»… Вдруг вижу группу крепко подвыпивших ребят, держащих самодельный плакат «Дайте на бухло!». И что вы думаете? Практически из каждой форточки Мерседеса, БМВ или ВОЛЬВО тянутся руки с сотнями, пятидесятками, даже пятисотенную видел! Радостно так, с готовностью, с каким-то видимым удовольствием: пусть ребята пьют! Вот также мы любим ездить и предупреждать друг друга миганием фар, что где-то рядом в засаде притаились полицейские. Притаились вовсе не потому, что правила надо соблюдать. А потому, что они собирают те же деньги – может, конечно, не на бухло, на жизнь, а мы им спокойно даем. Недавно у меня был случай – меня остановили, пригласили в полицейскую машину, они молчат, я молчу. Протокол не заполняют, ничего не говорят. И я не говорю. Долгая пауза, я на них смотрю, они на меня – наконец я влез в карман, как бы посмотреть – сколько у меня денег. Они радостно закивали и жестом показали, куда положить. Все молча, ни к чему не прикасаясь. Немое кино. Я оставил у них все, что было в кармане (к счастью, не много), даже мелочь, и ушел в полной тишине…

Не знаю, зачем все это рассказываю, что с этим делать – бороться, не давать?… Честно скажу, «на бухло» не дал, хотя рука потянулась… Подумал – что я делаю? Я хочу быть законопослушным, хочу получать деньги за свою работу, хочу, в конце концов, жить в правовом государстве! Дайте мне право выйти на улицу и протестовать, получать образование, медицинское обслуживание, пользоваться плодами культуры. Я

счастлив жить в нашем государстве, но очень не хотел бы, чтобы мне давали «на бухло». И сам не дам.

Хочу лечиться у доктора Чехова

25 ноября 2011 года

Мы собираемся ставить американскую пьесу «Чужаки»; в связи с этим к нам приехала ее автор Энни Бейкер – молодая девушка-драматург из Америки. Энни очень хотела побывать там, где жил и писал Антон Павлович Чехов. И я повез ее в Мелихово. Пока мы ехали в машине, она удивляла грандиозным знанием драматургии Чехова – уверен, многие наши драматурги такими знаниями не обладают.

Всегда считал, что Мелихово знаю идеально – действительно это место люблю, много раз там бывал, мы когда-то играли там «Чайку» прямо на пруду в естественных декорациях парка… Был будний день, никого не было. По договоренности с директором, для нас открыли абсолютно все – даже те строения и комнаты, которые обычным посетителям недоступны, включая флигель, который всегда закрыт. Когда Антон Павлович поселился в этом доме, он объявил, что здесь будет жить доктор Чехов. Из окрестных деревень тут же потянулись люди, которых он лечил. В одной из комнат я увидел тазики, шприцы, прочие медицинские инструменты и спросил сотрудницу музея, здесь ли была его амбулатория. Она как-то потупилась, сказала, что нет. На мой вопрос, где же она была, ответила, что этот вопрос многие задают, но фактически у Антона Павловича не было амбулатории. Потому что прием больных он вел везде. То есть, знаменитый профессиональный писатель, живущий от продажи своих произведений, как доктор принимал людей на веранде, во флигеле, в гостиной! Никогда никому не отказывал. Все окружение (кроме немногих соседей) считало, что здесь поселился врач. И до отъезда в Ялту он регулярно пользовал больных.

Конечно, этот факт мне был известен и раньше. Но сейчас, когда нас в связи с предстоящими выборами окружает такое количество болтунов, демагогов, рассказывающих, как мы неправильно живем и какой должна быть жизнь правильная, эта сторона жизни великого Чехова вдруг как-то по-особенному зацепила. Я не могу избавиться от ощущения стыда за то, что я участвую в этом идиотизме, пусть даже просто слушая разглагольствования на тему, где и на какой партии следует ставить жирный или не жирный крест… Собственно, у меня давно присутствует некоторое чувство неловкости за то, чем я занимаюсь. В студенческие годы с радостью демонстрировал всем удостоверение режиссерского факультета ГИТИСа (особенно

девушкам), а когда начал работать режиссером в «Современнике» – тут меня просто распирало, на лбу было написано «режиссер театра «Современник». Но теперь все иначе. Вчера у нас шел спектакль «Дом», в котором я играл, который поставил – спектакль прошел вдохновенно, зал переполнен, зрители устроили овацию. Но если спросить, есть ли у меня удовлетворение своей работой – нет. Есть ощущение, что я, здоровый крепкий мужик, должен делать что-то более реальное. С каким наслаждением я ходил по дому доктора Чехова, который писал, конечно, свои великие произведения, но при этом лечил людей. Он очень точно определил свое отношение к писательству устами Тригорина: «Когда хвалят – приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе…». Потому что не это главное.

И хочется прийти к Антону Павловичу – и сказать: «Антон Павлович, рука болит, помогите… И спасибо Вам, что называли себя не писателем, не литератором, а «доктором Чеховым».

P.S. Уже несколько дней радио радостно сообщает, что десятки тысяч людей занимают очереди, чтобы приложиться к поясу Марии, выставленному в Храме Христа Спасителя. У этих людей столько веры, что после этого они смогут выздороветь, родить, быть счастливыми… Да, конечно, нужно верить. Но нужно делать что-то самому. Что-то, реально помогающее людям – лечить, кормить, строить…

Кто определяет степень народности ариста?

22 декабря 2011 года

Почетные звания… Заслуженный артист России, Народный артист России, Народный артист СССР – когда-то их принято было писать с большой буквы.

Мы в нашем театре никогда – ни в программках, ни в афишах – не писали звание артистов. Когда меня уж очень сильно на эту тему «достают», я называю два из своих многочисленных званий, которые особенно дороги: лауреат государственной премии Турецкой Республики и профессор Тегеранского университета. Вообще, у меня дома есть шкаф с моими вещами, и на стене этого шкафа (довольно большого) висят благодарности от предыдущего мэра, предыдущих президентов и много еще разных грамот и дипломов.

Тем не менее, я хорошо знаю, что для артиста – очень важны аплодисменты, очень важно признание: это – та атмосфера, которая подтверждает его востребованность, нужность. Да и любой человек, когда ему говорят: «Ты красивый» и «Я тебя люблю», действительно становится красивым и воодушевляется в атмосфере любви. Поэтому много лет я занимался тем, чтобы наших сотрудников, артистов, работников постановочной части представлять к званиям. В нашем театре действительно невероятное количество званий – у нас в штате 12 народных артистов, 8 заслуженных; многие сотрудники театра – заслуженные деятели искусства. В свое время звания народных артистов получили Альберт Филозов, и Люба Полищук, Ирина Алфёрова и Владимир Качан, Владимир Стеклов… И вдруг два года тому назад был принят закон о том, что давать звания надо не за выдающуюся работу, не за сыгранные роли, не за мастерство, а за выслугу лет. И еще по строгому регламенту: нужно иметь определенное количество благодарностей, определенное количество наград и т. п. Белиберда, чушь! В нашем театре работает замечательная артистка Елена Санаева. Она – заслуженная артистка России. Естественно, Елена Всеволодовна должна получить звание народной. Но нет! Оказывается, это нельзя сделать, потому что она меньше чем 5 лет назад получила орден. Спасибо, дали орден, но при чем здесь он вообще? Орден она заслужила, как и звание. Но теперь, пока не пройдет нужного количества времени с момента получения ордена (!), Елена Всеволодовна Санаева будет ходить с тем же

званием, что и молодые талантливые артисты. Ничего не позволяет сделать чиновничья вертикаль! Элементарные, очевидные и простые вещи становятся невозможными из-за бесконечной чиновничьей галиматьи.

Иван Мамонов, которого я несколько лет назад увидел в Вологодском театре – талантливейший артист, но не имевший на тот момент высшего образования. Я пригласил его к себе в мастерскую в ГИТИС, который он прекрасно закончил. Его общий актерский стаж в разных театрах России – лет 18, не меньше. Но звание ему не полагается – не хватает каких-то дипломов от каких-то инстанций. Александр Гордон – не имеет никакого звания. И нельзя даже подать заявку на звание, пока управление культуры не даст ему грамоту. Какую грамоту? Кто вы такие, в управлении культуры, чтобы оценивать, насколько хорошо играет Гордон? Алексей Гнилицкий, наш артист, работающий в театре уже много лет. Играет главные роли. Только что сыграл Чацкого – замечательно! Я умолял, звонил директору Иркутского театра, чтобы он дал справку о том, что Леша играл там 18 лет назад… Наконец, по всей стране мы собрали справки, что Леша уже 20 лет артист, из которых 10 – артист нашего театра… Оказалось – нет, не тут-то было. Вначале он должен получить благодарность от департамента культуры, потом получить согласование СТД, потом – рекомендации Министерства культуры, потом мы должны у всех ведомств и организаций запросить, нет ли у Леши каких-то проступков, на ту ли площадь он выходил… Это уже даже не советские времена – круче… Или вообще из области анекдота: интересуюсь в нашем отделе кадров судьбой уже сданных документов – как идут дела. Получаю потрясающий ответ: в департаменте закончились …бланки. Ждем уже два месяца, когда их напечатают. Спрашиваю: а почему мы подали только одну заявку? Мы же хотели еще нескольких людей представить. Получаю ответ: «Не положено. У нас в штате столько-то работников, следовательно, мы имеем право только на одно звание в год». Это что – Салтыков-Щедрин? Диккенс? Нет. Это наша реальность.

Да, мы не пишем звания на афишах. Но неприлично, чтобы звание, а значит – уровень и класс артиста, определялись чиновниками, управляющими культурой.

Я ничего не купил…

10 ноября 2011 года

В Израиле я бывал много раз, в основном с гастролями нашего театра. Да и сейчас летал для того, чтобы провести переговоры по поводу очередных гастролей с замечательным продюсером Марком Капитанским. Сложность в том, что приглашают нас со спектаклем «Дом», а спектакль играется при необычной рассадке зрителей, поэтому мы ищем подходящие площадки.

Находясь в Израиле, все время вспоминал реплику персонажа Альберта Филозова из нашего премьерного спектакля «Медведь»: «Вот где-то на Гаити просыпаешься – и хочется встать! А у нас просыпаешься – и хочется лечь…». Представьте, вчера еще перед тем, как сесть в самолет, окунулся в Средиземное море (жил на набережной в Тель-Авиве) – вода 26 градусов, солнце яркое, люди кругом улыбаются… Можно говорить на любом языке – по-моему, весь Израиль уже говорит на русском! – но если не русский, то понимают даже мой ужасный английский. Мало того, обнаружил, что теми пятью фразами на иврите, которые выучил на наших первых гастролях, я прекрасно обхожусь! Одна из них – «Я не говорю на иврите». А так как везде сталкиваешься с цифрами – в магазинах, на улицах – то вдруг понял, что легко могу сосчитать до десяти. На слух иврит такой язык, что если просто называть цифры, будет полное ощущение, что звучит серьезный научный доклад. Ушедший актер Михаил Козаков (которого, как известно, называли «дважды еврей Советского Союза» за неоднократную смену родины), игравший на иврите Тригорина в «Чайке», тем не менее, говорил, что этот язык невозможно выучить, потому что он «состоит из рыболовных крючков».

А в Москве идет снег, еще и мокрый…

По-прежнему потрясает любовь израильтян к своей стране. Законопослушание – не из под палки, а внутренне присущее гражданам этой страны. Мы с приятелем остановили машину там, где можно остановиться, но нельзя стоять. Перешли дорогу, купили в магазине пива. Возвращаемся – там уже женщина-полицейский клеит штраф. А штраф между тем бешеный – 250 шекелей, это около 70 долларов. Я попытался что-то там поспорить, возразить, но она очень нежно порекомендовала говорить с ней на иврите. А другу моему сказала, что может на меня и «папку открыть» (то есть дело завести). На это мой друг всячески перед ней извинился, поблагодарил за штраф и распрощался.

У моего двоюродного брата, живущего в Израиле, подрастает сын; через год ему предстоит идти в армию – так он уже начал сдавать какие-то нормативы – спортивные, интеллектуальные. Потому что он хочет быть лучшим, чтобы попасть в **действующую** армию и защищать свою страну. А сын друга (мальчик наполовину русский), идя в армию, писал заявление, чтобы пройти гиюр – это такая процедура для неевреев, осуществляющая переход в иудаизм. Для них армия – это образование, гражданственность, долг; такие понятия, которые у нас либо расхожи, либо банальны, либо презрительно-ироничны… И это вызывает зависть. Как и тот факт, что в Тель-Авиве, где население всего 700-800 тысяч, работают 7 крупных частных театральных агентств, которые организовывают гастроли, проекты, приглашения, обмены. В двенадцатимиллионной Москве нет ни одного.

Нет, я совсем не к тому, что надо хвалить Израиль – есть за что его и поругать. Мне он в этот приезд вдруг показался каким-то… провинциальным. Такое ощущение, что там чуть-чуть Египта, чуть-чуть Турции, и если не слышать иврита, то и не поймешь, где ты, увидев эти грязные киосочки, придорожную торговлю… Местечковое устройство пространства. И это при том, что в Израиле колоссальное количество мест уникальных, всемирного значения. Например, Кесария, где находится дворец Ирода… Я бродил там в этот раз, и увидел мозаику, которой 2 тысячи лет, но по которой все ходят, каждый может отломать кусочек и положить себе в карман. Наверное, если бы мир этого захотел, это можно было бы превратить во всемирный музей, заповедник – но, видимо, это не надо ни миру, ни Израилю. И еще – для меня было невозможно отличить по внешнему виду араба от еврея, палестинца от египтянина. Так же как на пространстве бывшего СССР не отличишь русского от белоруса или латыша. И сама собой такая возникает мысль: ну почему всем не дружить? Ведь все так тесно, так рядом – стоишь в Эйлате на пятачке, где соединяются четыре границы – и не понимаешь: почему не договориться?

Мы вот с Таджикистаном поссорились, все время какое-то напряжение в отношениях с Украиной и Белоруссией. Второй день я в России – и второй день слышу про перевооружение армии. С кем воевать собираемся? Понимаю, что политикам очень хочется и очень выгодно проявляться на территории войны. Но у нас ведь столько культурного пространства! Хотя бы привести в порядок оставленные в наследство от предыдущих поколений богатства…Наивно, да?

P.S. Где бы я ни был, везде гуляю по барахолкам. И вот впервые за много-много лет я не купил ничего! Зато сделал несколько фотографий продавцов. Они интереснее, чем их товары.

Ирландцам о Станиславском

28 февраля 2012 года

Некоторое время назад – может быть, месяц с небольшим – мне позвонил приятный женский голос, рассказавший, что департамент культуры проводит Неделю русской культуры в Ирландии; и вот не соглашусь ли я провести мастер-класс по системе Станиславского и вообще по тому, чем я занимаюсь. Я, конечно, согласился, тем более, что в Ирландии никогда не был. Дальше месяц тишины, потом попросили паспорт, сделали визу… Где-то за неделю до вылета тот же приятный голос подтвердил мастер-класс. Я попытался уточнить, мастер-класс с кем – артистами, любителями – получил неопределенные ответы – милейший разговор! Я был в полной уверенности, что общаюсь с зарубежным отделом нашего департамента культуры и выразил благодарность за доверие, которое мне оказали.

Дальше произошел ряд довольно смешных ситуаций. Приехав рано утром в аэропорт, перепутал стойки регистрации Дублина и Дубая. У стойки было пусто, и девушка сказала мне, что я давно опоздал… Билет прояснил ситуацию – оказалось, что лететь мне нужно вообще в Париж, где предстоит поспешная пересадка до Дублина… Дальше было совсем лихо. В аэропорту Дублина прямо у трапа стоял потрясающий черный лимузин, около него шикарная блондинка, держащая табличку с одним-единственным словом: «Райхельгауз». Я несколько содрогнулся. Меня довезли по центральной улице Дублина до прекрасной гостиницы, где еще одна чудная девушка – деловая и внятная – сказала: размещайтесь. На предназначенном мне номере висела золотая табличка «Здесь останавливалась Элизабет Тейлор». И вот тут я решил, что меня точно не за того приняли. Тем временем, девушка передала мне приглашение на прием, который дает мэрия Дублина… Туда я был опять-таки доставлен на замечательной машине. На приеме ко мне подходили разные люди, знакомились, узнавали, спрашивали о театре… Одна женщина сказала, что видела замечательный спектакль «Уходил старик от старухи» – я понял, что было это лет десять тому назад… Познакомился с российским послом (он называется «временный поверенный»), вторым секретарем посольства… А потом подошел какой-то человек, говорящий с сильным ирландским акцентом, который явно принял меня за кого-то очень важного, потому что он говорил об установлении культурных контактов между Дублином и Москвой. На шее у него висела огромная бронзовая цепь, я подумал, что он металлист

какой-то… Но тут подошел сотрудник нашего посольства и порадовался, как прекрасно я общаюсь с мэром. Оказалось, это мэр Дублина! Поскольку никаких официальных лиц из мэрии Москвы или из департамента культуры там не было, то за весь московский официоз пришлось отвечать мне. Оказалось, что мой приезд организован какой-то прекрасной посреднической фирмой, которая проводит гастроли в Ирландии, приглашает артистов. Как они нас выбрали, почему позвали именно меня? Я поспрашивал сотрудников нашего посольства, кто же организует эту Неделю русской культуры? Оказалось, что проводится все на деньги Ирландии, где русскую культуру очень любят, и очень хотят сотрудничать, но вот из руководства, к сожалению, никого нет, поэтому меня попросили как-то поддержать общение. Теперь уже я подошел к мэру со знанием дела и с переводчиком, и мэр сказал, что как-то с Москвой культурные связи устанавливаются тяжело, поэтому он сейчас налаживает контакт с Санкт-Петербургом. Очень жаль, если мы потеряем этих милейших и расположенных людей!

На следующий день я пришел в театр для мастер-класса. Было немного странновато, что театр переделан из храма – высокое храмовое пространство перекрыто, зал огромный, прекрасная акустика. Там можно было бы такой фестиваль организовать! Если бы кто-то этим сознательно занимался…

Увидел перед собой довольно много молодых и немолодых людей. Немолодые оказались ведущими ирландскими артистами, работавшими в Лондоне, а молодые – студентами драматических отделений двух основных колледжей, которые готовят артистов. Мы должны были заниматься 3 часа, а провели вместе почти целый день. С каким интересом, азартом, восторгом они впитывают нашу технологию! Они потом потянули меня в паб, и несмотря на то, что там орали телевизоры (транслировали матч по регби) и все пили пиво (что прекрасно – там не курят!), мы продолжали изучать систему Станиславского. Они взяли с меня слово, что я вернусь, привезу на гастроли театр…

И хотя не покидает ощущение загадочности этой ситуации – как-то все стихийно, случайно, нерационально – все же я вновь подумал: когда встречаются люди культуры, это намного лучше, чем бряцать оружием и выделять миллиарды на оборонку. Лучше дружить, чем обороняться. Люди открытые, хотят с нами общаться на уровне культуры, классической музыки, театрального искусства, педагогики… Может быть, этот десант высылать? И перестать пугать друг друга?

А еще там весна! В Париже все в рубашках, взлетаешь, смотришь вниз – зеленое все!

Создаю партию некурящих

29 марта 2012 года

Я сегодня услышал выступление нашего дорогого мэра Собянина. Он с неприсущим ему жаром (обычно он довольно холодно разговаривает), говорил о том, что правительство Москвы уже помогло в восстановлении и ремонте четырем храмам, а теперь поможет еще двенадцати. Это, наверное, прекрасно, что у правительства Москвы нашлись для церкви средства и фонды. Но у меня по этому поводу есть замечания. Первое. Не слишком ли сильно церковь стала внедряться в государство? В связи со злосчастным делом Pussy Riot стали хорошо видны некоторые функционеры РПЦ, в том числе и наш главный патриарх, который разговаривает как премьер-министр, почти теми же оборотами. Он ведет себя как крупный государственный чиновник. О какой душе, о какой духовности, о каком христианском милосердии может идти речь, если высшие церковные иерархи жаждут расправы над молодыми девочками, которых, конечно, следует поругать за неадекватное поведение в общественном месте, но не более того!

Второе. Правительство Москвы, у которого, оказывается, есть деньги на церкви, не ремонтирует театры. У нас в театре реально валятся кресла. Нам стыдно перед публикой, которая каждый день до отказа наполняет зал. При этом наш новый культурный начальник даже не стремится с нами познакомиться. Зато в интервью он рассказывает, какого качества писсуары поставил в Парке Горького. Я поражен. Что-то такое происходит ненормальное. Работой нашего нынешнего мэра еще несколько лет тому назад я восхищался в Тюмени: при нем построены новая филармония, замечательный драматический театр, проспекты. Здесь это как будто другой человек. Конечно, плитка очень важна, и асфальт непременно нужно ею заменить. Но может быть, он, в конце концов, обернется и на культуру, может быть, в конце концов, задумается о людях, которые ходят по нашим нечистым улицам, займется московскими судами, московской милицией. По последним соцопросам, каждый десятый житель России хотел бы немедленно уехать при первой возможности. Это же катастрофа! Мало того, не называющий себя высокопоставленный работник ФСБ в своем интервью рекомендует «валить». Куда «валить»? Я не хочу «валить». Я люблю мою страну. Но почему мы опять последние по культуре, которую приобрели за много десятилетий? Зато первые по количеству курящих на душу населения. Я принял решение: создаю партию «Некурящих»,

которая начнет с реальной борьбы с никотиновым дымом, но затем плавно перейдет к борьбе за чистый воздух в нашей стране. Не только в экологическом смысле, но и в политике, в экономике. Присоединяйтесь!

Личное пространство свободного человека

4 апреля 2013 года

Когда-то я ставил в Америке спектакль. Для проведения кастинга получил альбом с фотографиями артистов, многих из которых уже видел в постановках. Предложил продюсеру распределение ролей. Продюсер мой выбор одобрил, но в отношении двух актеров сказал: вы не можете взять двоих – либо один, либо другой. Почему? Дело в том, что они год назад были заняты в некоем спектакле; на репетиции у них возник скандал, один другого оскорбил, и суд запретил им приближаться друг к другу ближе, чем на сто метров.

Там же я получил еще один урок. Довольно эмоционально что-то объяснял артисту, и артист все время от меня отступал. Я спросил, почему он отступает, может быть, запах плохой. Он мне стал что-то объяснять, и с помощью смущенного переводчика я, наконец, понял: в Америке нельзя приближаться к человеку ближе, чем на метр. Потому что это его личное пространство. Это закон. И в третий раз мне дали понять, что такое это пресловутое privecy, которое для них свято и которое они так тщательно оберегают. Я принес директору сделанное мной фото: к его столу наклонилась секретарша, чтобы подписать какую-то бумагу, а он в этот момент скосил взгляд на ее бедро. Бедняга так испугался – попадись это шутливое фото в недобрые руки – и суда ему не миновать!

К чему это все? А вот к чему. Несколько дней назад я написал в ЖЖ о создании партии «Некурящих». И вот снова возвращаюсь к этой теме. Потому что в мое пространство все время врываются. Стоит человек и очень громко говорит по телефону: я не хочу этого слышать, но я для него не существую. Другой человек позволяет себе пить пиво и разговаривать матом – не хочу этого слышать, особенно, если иду с мамой или с дочерью. Не хочу входить в лифт с человеком, только что (мимо урны, разумеется) бросившим сигарету, и терять сознание, вдыхая то, что он выдыхает.

Мир давно уже начал курить цивилизованно. Лет тридцать назад в американской армии был введен запрет на курение в тот момент, когда некурящих стал 51 процент. Все-таки правила ориентированы на большинство. И в нашей стране большинство не курит: не курят маленькие дети, не курят беременные женщины (если они нормальные женщины, конечно), не курят нездоровые люди, не курят очень здоровые люди. И они имеют право на чистый воздух вокруг себя. Я не хочу жить в атмосфере

чьего-то мата, пива, сигарет, вони. А хочу – в понимании пространства как пространства человеческой жизни, как пространство чистого воздуха в культуре, в образовании, в политике, в экономике. Призываю людей объединиться. Назовем это партией, движением, чем хотите. Единственная наша цель – свободный человек в свободном пространстве с чистым воздухом, с чистыми руками, с чистыми руководителями на всех уровнях, с чистыми подчиненными, с горизонталью общения, а не с давящей вертикалью. Хорошо бы широко раскинуть руки для приветствий, для объятий, для диалога со свободными людьми. Не посягая на тот пространственный метр, который человеку должен быть гарантирован.

Если вы готовы присоединиться – откликнитесь. Нас уже много…

Спаси и сохрани

9 апреля 2012 года

РПЦ приняла на заседании Высшего Церковного Совета документ, который вчера был зачитан во всех церквях России. Начинается с потрясающей фразы: «Русская Православная Церковь», совершая миссию проповеди Евангелия, демонстрирует активную позицию по многим злободневным вопросам…» Звучит грозно… То есть, именно сейчас, в Страстную неделю, когда должно торжествовать милосердие, человеколюбие, когда желание объединить, понять, простить должно быть главным, церковь делает нечто прямо противоположное. Зачитанный с амвонов документ, легко мог выйти из администрации президента, из любых чиновничьих структур, которые защищают себя от народа. Полное ощущение, что над ним работал какой-то аппарат, группа функционеров, политиков из движения «Наши». Вот наугад несколько формулировок: «ложные ценности агрессивного либерализма»… «нападки на Церковь выгодны тем, чьи меркантильные интересы ущемляются…», «Церковь непреклонна в своей позиции неприятия таких антихристианских явлений, как… свобода выражения всех желаний»… «В этих условиях всем нам важно сохранить единомыслие». Что это за единомыслие? Это та самая вертикаль, когда все думают одинаково? РПЦ де-факто стала государственной структурой. Выступление Кирилла ничем не отличается от выступления любого государственного чиновника. Может быть, не этим проклятым либералам пора одуматься, а церковным функционерам, присвоившим себе функцию Господа Бога. Кстати, Бог лишь пару раз упомянут в этом циркуляре, зато Церковь – раз двадцать. Извините, а что, может быть, Церковь – это администрация Господа Бога? Неприлично. Вчера по ТВ в очередной раз обсуждают этих девочек из Pussy Riot. Выступает Чаплин. (Кстати, надо бы ему взять псевдоним, а то невольно сравниваешь его с тем Чаплиным, который был намного талантливее и в тысячи раз добрее). Участники дискуссии что-то пытаются сказать, но он пророчествует: «Вы будете прокляты!» Ощущение, что у них есть инструмент проклятия, отлучения, объявления изгоями. Мне не важно, кто дал человечеству заповеди, сформулированные в Главной книге. Сегодня полное ощущение, что великие нравственные идеи хотят приписать себе вот эти люди, которые так же далеки от высокого, духовного, душевного, как их коллеги в руководстве нашей страны далеки от реальной свободы, от реальной демократии, от реальной заботы о

живом человеке.

9 мая 2012 года

Праздники девальвируются. Первое мая когда-то присвоили себе профсоюзы; теперь этот день обретает совсем уже политический оттенок: первый день весны в этом году отметят шествием во главе с тандемом.

Ноябрь (было седьмое, теперь, кажется, четвертое – или шестое?) совсем размыт. Каких поляков, когда и за что мы побили – вряд ли кому-то сегодня интересно. Впрочем, нет – интересно, сколько дадут выходных дней. Не тронут пока Новый Год. И есть один праздник, на котором могут сойтись люди разных поколений и разных взглядов – 9 мая.

Для меня это особый праздник. Это Победа, праздник моих родных и близких. Мои дедушка и бабушка погибли в эшелоне во время бомбежки, после которой мама и ее сестра остались сиротами.

Для меня 9 мая – это мой папа. Который прошел войну от первого до последнего дня, кавалер Ордена Красного знамени, двух орденов Славы, медалей за взятие всех европейских столиц. Папа, который дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге. Два года назад я увидел его роспись своими глазами. Тогда в майские дни 1945 года в Берлине прошло состязание представителей союзнических армий по мотогонкам. Папа выиграл соревнование у англичан, американцев и французов, за что от Жукова получил именной мотоцикл.

Для нашего театра и для многих – это еще и день рождения Булата Окуджавы.

P.S. И еще. Я получаю немало комментариев к своему блогу. Примерно в каждом пятом содержится окрик: «С такой фамилией мог бы и помолчать». Так вот, мой папа с такой же фамилией защищал свою страну и именно эту фамилию написал на стене Рейхстага.

Ближний сосед лучше дальней родни

22 мая 2012 года

Есть такая русская поговорка. И недавно, оказавшись сначала в Армении, а затем почти сразу же в Болгарии, я обнаружил в ней очень глубокий и важный смысл. Обе эти страны – совсем малы. Население Армении – чуть более трех миллионов, население Болгарии – 7 миллионов 200 тысяч. В сумме – меньше, чем в Москве. Обе эти страны не имеют с Россией общих границ. Обе имеют с Россией много общего в историческом прошлом. Обе страны сегодня живут в бедности, хотя одна из них – вроде бы член Евросоюза, а другая находится в полнейшей блокаде от окружающего мира.

Путешествуя по Армении и Нагорному Карабаху, я встречался с людьми самых разных социальных слоев и статусов – от президента и Каталикоса Нагорного Карабаха до простых деревенских бабушек, радостно поивших нас вкусным свежесваренным кофе. То же было и в Болгарии: встречался с художественным руководителем Национального театра Софии Павлом Васевым, а в Армении – с главным режиссером Русского драматического театра Александром Григоряном. Везде обнаружил одно: это – наши соседи, наши давние братья по соцлагерю, которые до сих пор не растеряли уважения, любви, интереса к русской истории, культуре, языку, людям и, что самое главное, – не утратили веры в дальнейшие перспективы наших отношений.

Мы вкладываем безумные деньги в Чечню – в наш Кавказ. Но Армения тоже наш Кавказ. Во всяком случае, мысль эта не покидает ни на минуту, когда путешествуешь по этому прекрасному горному краю. Фантастическое расположение к России – и у болгар, и у армян. Не говорю уже о другом нашем великом соседе – Украине, начальники которой шарахаются от Европы к нам и обратно, не спрашивая мнение своего народа. Для меня тяжелейший урон – разрыв тесных связей с Грузией, с Прибалтикой. Вот сейчас я приглашен на дни Одесской культуры в Таллинн – все делается с большим размахом. А только что мы в Москве провели дни Одессы в нашем театре. Между прочим, без всякой поддержки. Я не политолог, не специалист в геополитике. Я просто призываю к добрососедству.

В Болгарии я снял трогательную сценку: старички возле своего дома престарелых – а на стене висят некрологи с портретами их ушедших товарищей.

Еще раз об истинном патриотизме

11 июня 2012 года

Вчера я ехал на прямой эфир «Эха Москвы». В машине было включено радио – естественно, «Эхо Москвы», моя любимая радиостанция. Там шла беседа с депутатом госдумы единороссом Алексеем Журавлевым, который выдвинул проект закона о введении в школе начальной военной подготовки. В эфире многие умные люди весьма аргументированно полемизировали с автором этого удивительного законопроекта, задавая ему логичные вопросы. Например: «Если мы готовимся к войне, то к какой именно? Неужели наше государство считает, что против мирового терроризма можно двигаться человеческим мясом и танками?» На что г-н Журавлев с тупостью, достойной того самого школьника, которому слишком долго преподавали НВП, повторял: в условиях, когда нас окружают враги, нам нужно воспитывать патриотизм. То есть, если школьник долго и упорно будет бегать в противогазе, то он непременно станет патриотом. И этому депутату вовсе не приходят в голову другие методы воспитания патриотизма. Например, путем введения в программу обязательного бесплатного образования дополнительных часов по литературе с глубоким изучением произведений Пушкина, Лескова, Солженицына, Твардовского… Или разработка современной программы по изучению отечественной да и мировой истории – программы не догматичной, многосторонней, позволяющей осмыслить исторические события с позиций сегодняшнего дня. Ему, этому депутату, не приходит в голову, что если в школе будут изучать «Бориса Годунова» и историю Второй мировой войны, то патриотизм школьника будет намного глубже и гуманнее, чем, если он будет играть с оружием. Было интересно увидеть этого парламентария в лицо – мне это удалось: мы столкнулись в дверях студии, откуда он выходил в сопровождении нескольких человек. На мою просьбу показать того, кто только что был в эфире, мне радостно протянул руку человек с внешностью выпускника ПТУ, сделавшего стремительную карьеру на производстве от чернорабочего до мастера, в свободное время увлекающегося турпоходами по малым рекам России. Я произнес что-то типа: «Пока еще вам можно пожать руку – есть шанс, что вы одумаетесь». Но он, ничуть не смутившись, заявил, что закон будут обсуждать в Госдуме. По тому, как он это сказал, было понятно: только там, в Думе, в кругу ему подобных «патриотов» знают, как все должно быть в стране. Остальным – просьба не беспокоиться.

А сегодняшний день начался с этих чудовищных обысков. Понятно, что не случайно: готовятся к завтрашнему дню России… Или дню войны с собственным народом? У меня завтра юбилей. С этим связаны многочисленные интервью, которые берут разные средства массовой информации (кстати, всем очень благодарен за внимание к моей персоне!). Юбилейный спектакль пройдет в нашем театре на Трубной – как раз в эпицентре завтрашнего шествия. Я раздумывал, нужно ли мне выйти, возможно, посмотреть, возможно, присоединиться. Но теперь не раздумываю. Теперь пойду точно. Потому что ратую за патриотизм и призываю патриотов выйти и продемонстрировать этому человеку, таким, как он, тем, чьими руками были проведены обыски, тем, кто запугивает людей, тем, кто это санкционировал и заказал: мы хотим быть патриотами своей любимой страны. И мы не дадим превращать себя в безмозглое и бессловесное пушечное мясо.

Лето, запахло «застоем»

7 июля 2012 года

Лето – время, когда люди пытаются отдыхать, думают – куда бы поехать. Некоторые счастливчики не только мечтают об отдыхе, но даже и осуществляют свои желания. Да и вообще – солнце, зеленые деревья, синее небо – сама природа создает атмосферу покоя и даже счастья. Но в этом году так не происходит. Может быть, только со мной? В атмосфере висит напряжение, раздражение, повышенная нервозность. Кажется, что люди на улицах стали больше курить. Водители на дорогах, при том, что машин, по идее, должно быть меньше (все-таки кто-то уехал отдыхать?!), ведут себя еще более агрессивно.

Только что ехал за рулем, меня попытался обогнать некто, я начал раздраженно сигналить, как бы не пропуская «наглеца» (почему? что уж в этом такого – ну, обогнал и обогнал…) Тот притормозил, увидел меня – и узнал. Стал гневно говорить что-то типа: «Вы же режиссер, зачем вы мне сигналите…» А я ему в ответ: «Извините, простите меня…» Реакция была неожиданной. Человек заулыбался, стал меня пропускать, а я ни в какую: «Только после вас». Мы некоторое время так демонстрировали друг другу сеанс неслыханной вежливости, кстати говоря, не давая проехать другим (они, безусловно, нас материли, не понимая, что происходит и почему мы не двигаемся с места). В хорошем расположении духа я продолжил свой путь, думаю, что и у моего случайного дорожного оппонента настроение улучшилось.

Тем временем, раздражение наше имеет свою природу, которая реализуется, прежде всего, в репрессивных методах все больше и больше применяемых в нашем обществе. Сегодня мы получили целый мешок «подарков» от власти. Начиная с повышения тарифов за энергоресурсы до мер борьбы с автомобилистами. Понятно, что парковка в неположенном месте, создает неудобства для движения по городу. Но почему из всех возможных мер для регулирования транспортной системы города выбирается именно этот – репрессии, наказания, повышения штрафов? Госдума рассматривает закон, предусматривающий пристальное отношение к организациям, получающим финансирование из-за рубежа и придание им статуса «иностранного агента». Понятно, что это делается для того, чтобы поставить под контроль деятельность тех, кто занимается общественной и политической деятельностью.

Такое впечатление, что люди, живущие в этом городе и в

других городах нашей страны – объект недоверия, злобы и ненависти. И главная задача – извести их, но вовсе не обеспечить нормальные условия жизни.

1 июля, середина лета. Так хочется думать о чем-то хорошем. Так не хочется погружаться в атмосферу тревоги, ожидания неприятностей, памятных с эпохи «застоя».

Запрещается!

25 сентября 2012 года

Сегодня дума принимала закон об оскорблении чувств верующих. При этом любопытно, что по данному поводу внутри думы царит небывалое единодушие. А сам этот закон стоит в длинном ряду запретительных актов, которые принимают в последнее время. Убежден, что нельзя осквернять святыни и пренебрегать чувствами верующих. Тем более, что в нашей стране на протяжении многих десятилетий продолжалось издевательство над чувствами верующих и религиозными атрибутами разных конфессий – не только христианских. Но то, что происходит сегодня, демонстрирует определенную тенденцию.

Так получилось, что я много снимаюсь в ряде политических ТВ шоу. Например, сегодня показывали программу «Право голоса», в которой участвовал депутат, инициировавший закон об оскорблении верующих. Это штатский человек в костюме, при галстуке, но этот костюм для него явно не органичен: так и видишь его в военной или полицейской форме. Человек, не вступающий в диалог, депутат того самого парламента, который не является местом для дискуссий. Парламента, созданного с одной целью: ЗАПРЕЩАТЬ.

Когда-то в начале 90-х, когда страна находилась у экономического краха, Борис Ельцин (и за это я считаю его выдающимся президентом) позвал не людей с оружием, а интеллигентного экономиста Тимура Гайдара. И тот не ЗАПРЕТИЛ, а напротив – РАЗРЕШИЛ, все, что только можно было разрешить в экономике. Предвижу, как мои оппоненты завопят, что в результате возникли дикие капиталистические отношения. Не спорю. Но врачи, инженеры, учителя, которые тогда бросились в Китай и Турцию за товарами, спасли себя и других людей от голода. Человек почувствовал, что он автор своей жизни, что он может сам себя накормить. Вспоминаю, как тогда мы слушали и смотрели заседания парламента. Выступали Евтушенко, Сахаров, Гдлян… А сегодня стыдно за людей из парламента. Они ведут страну туда, куда привел свою страну Лукашенко. Ведь не случайно в то время, как весь мир признал выборы в Белоруссии не легитимными, мы официально заявляем, что там прошли идеальные демократические выборы.

Да, не нужно осквернять символы веры. Не нужно пить за рулем. Но может быть, стоит направить законодательную энергию не на запрещение, а на созидание? Озадачиться воспитанием детей, приняв такую законодательную базу, которая обеспечит

детям духовное развитие, занятия спортом? Чтобы ребенок с раннего детства чувствовал, понимал, что он живет в открытом гражданском обществе, где уважают общечеловеческие ценности, а не атрибутику какой-то одной конфессии. Да, нельзя спиливать поклонные кресты. А можно поклоняться трупу на Красной площади? Разве это не оскорбляет чувства нормальных людей, в том числе, христиан?! А вот неудачное слово в соцсети может стоить человеку свободы – ужесточение наказания за это уже обсуждается в Думе. И я вот теперь волнуюсь: у меня недавно в «Эксмо» вышло второе издание книжки «Не верю». Не подпаду ли я под новый закон? Правда, компания у меня будет неплохая – Константин Сергеевич Станиславский, которого я процитировал. Недавно на одном из приемов оказался рядом с видным функционером РПЦ Всеволодом Чаплиным. И вот заявляю как режиссер: не верю ни одному его слову, ни одной его мизансцене, его костюму, его интонации. А ведь именно он определяет сегодня идеологию РПЦ – ужесточить, наказать, посадить, – которую пытаются возвести в ранг государственной политики. Что, конечно же, абсурдно для светского государства. И я подозреваю, что даже эти мои слова могут быть основанием для обвинений в оскорблении чувств верующих.

Парламент утверждает бюджет, в котором строка затрат на оборону растет: мы все время прикрываем от врагов некие незащищенные рубежи. Но, может быть, следует прикрываться в разумных пределах? И впустить то прекрасное, что уже проверено цивилизованным миром? Призываю вкладывать умы не в запреты, не в броню, а в то, чтобы растить людей, свободных в выборе веры и способа жизни и уважающих общечеловеческие ценности. Да и нужно ли сочинять новые законы? Проще соблюдать старые – конституцию Российской Федерации, десять заповедей, моральный кодекс строителей коммунизма, наконец…

Дежавю

1 октября 2012 года

Не ожидал, что предыдущий пост «Запрещается!», вызовет такое количество комментариев, в том числе – ругательств. Читал это три вечера. В очередной раз дал слово воздерживаться от выступлений по поводу политических событий. Но вокруг происходит такое, что не реагировать невозможно.

Выборы в Грузии. В связи с чем в последние дни в Тбилиси шли многочисленные акции протеста. И что бы вы думали? Президент Саакашвили объявляет: «Все понятно – рука Москвы». Потрясающе: у них – рука Москвы, у нас – рука Вашингтона. То есть, сценарии грузинских протестных движений пишутся в Кремле, а наши – в Госдепе. Кажется, все это уже было – не так ли?

Стрельба в центре Москвы – дагестанские гости резвились на свадьбе. Люди, явно живущие не в горном ауле, а судя по маркам автомобилей в свадебном кортеже, по всей видимости, распределяющие средства из федерального бюджета, которые должны направляться на развитие Кавказского региона. Спасибо, что стреляли в воздух, – сказали сотрудники правоохранительных органов и оштрафовали за… тонированные стекла.

Несостоявшийся кассационный суд над *Pussy Riot*. Православная церковь призвала обвиняемых (и уже осужденных!) покаяться. То есть РПЦ просит суд смягчить наказание, если они покаются. Это прямое воздействие на суд, а РПЦ прямо признает, таким образом, свое непосредственное участие в процессе: покайтесь перед церковью, и светский суд (!!!) вынесет более мягкий приговор! А потом крестный ход вокруг суда, очередное молитвенное стояние… Во имя чего? Против какого греха? В сегодняшнем выступлении Кирилла – опять его любимая воинственная риторика: рубежи, война за души, Сталинград, 1812 год… Приличествует ли это патриарху? Не лучше ли озадачиться судьбами сирот, загибающихся в детдомах? Стариков с копеечными пенсиями? Может, вместо этих речей сесть где-нибудь и просто почитать библию? Предчувствую, сколько гневных проклятий полетит на меня за эти слова. Но я действительно сам читаю эту великую книгу и искренне предлагаю почитать патриарху.

Вчера в программе Владимира Соловьева Зюганов, Жириновский, Миронов и какой-то начальник из «Единой России» вели беседу. Абсолютное ощущение, что все из одного гнезда. Темы все те же: Гудков, пьяные водители, думские законы. Крыли

друг друга, несли друг на друга, но было совершенно ясно, что после съемки пойдут в одном направлении. Возможно, в обнимку.

И вот – апофеоз событий последних дней. Слышу по радио: правительство Москвы объявило конкурс. На лучший спектакль? Парк культуры? Лучшую больницу или школу? Нет! Конкурс на лучшего стукача. Терминология несколько другая, но суть не меняется. Оказывается, город (а может быть, просто конкретные чиновники?) теряет большое количество денег от неуплаты налогов за неофициальную сдачу внаем квартир. Предлагается испытанный метод: донеси на соседа. Не услышал только, какая будет премия – может, метры? Так вот, донесешь на нескольких человек – глядишь, самому квартирка обломится. И ведь это уже было – не так давно. Просто дежавю.

Кстати, мне тоже иногда хочется донести: на водителей, которые из окна своих машин (нередко весьма дорогих) выбрасывают прямо на улицу окурки, банки, бумажки. Но я понимаю: никого это не взволнует – в лучшем случае, остановят и возьмут взятку.

Опять не сдержался – высказался. Сейчас еду во Владимир – выпускаю там спектакль с владимирскими артистами. Так хочется говорить не о политике, а о театре, о драматургии, о гастролях – через несколько дней едем на большие гастроли в Болгарию… И я снова даю слово: не буду больше комментировать ту политическую дурь, в которой мы оказались. И снова понимаю: если мы не занимаемся политикой, политика занимается нами.

Слезинка гражданина

1 ноября 2012 года

Утром сегодня еду на работу в театр – пересекаю Тверскую по бульварам и вижу картину: промозглый ветер, слякоть, жуткая погода – московская осень. Припаркована недорогая потрепанная иномарка, а рядом с ней жмется от холода водитель – очень пожилой человек в одном пиджачке, седой, в очках, классический «вшивый» интеллигент. В глазах у него буквально слезы (может быть, от ветра), он что-то тщетно доказывает инспектору ДПС. А инспектор этот выглядит совершенно иначе: розовый, полный, вальяжный, спокойный, он стоит в полной амуниции, ему тепло, он никуда не спешит и на своего оппонента смотрит снисходительно и равнодушно. Возможно, кто-то скажет, что водитель что-то нарушил, а инспектор во всем прав, да и не собирается он взятку брать – в двухстах метрах от мэрии… Возможно. Но для меня как для режиссера в этой мизансцене отразилась вся картина, которую можно назвать «власть и народ».

Мы платим налоги – много налогов. Лично я плачу налог на землю, на квартиру, автодорожный налог, подоходный и т. д. Все это идет на оплату чиновников, которые, по идее, должны работать для нас. Но получается так, что мы – для них. За последние полгода приняты десятки законов, направленные на ужесточение жизни, на ограничение свободы, на ущемление прав человека. С 90-х годов не было ни одного референдума. Власти даже не пытаются спросить у общества – что оно думает по тому или иному поводу. Например, нужны ли москвичам марши националистов в центре столицы? Нужно подчинять жизнь города мусульманским праздникам? Как лучше организовать дорожное движение? Никто не спрашивает у россиян, нужны ли им больницы, театры, школы или они предпочитают, чтобы бюджетные деньги тратились на вооружение. Предвижу тот гнев, который традиционно на меня обрушивается, но все-таки в очередной раз задам риторический вопрос – почему нам не взять пример с той части цивилизованного мира, власти которой регулярно интересуются мнением своего народа? Или слезинка гражданина ничего не стоит?

«Морозовыми» и «мамонтовыми» быть опасно…

30 ноября 2012 года

Несколько дней назад стало известно, что на аукционе Sotheby's выставлен на продажу архив Тарковского – рукописи, фото, комментарии, заготовки, – в очередной раз демонстрирующие гениальность нашего соотечественника, которого принято считать гонимым. Хотя нельзя игнорировать тот факт, что именно на деньги Госкино были сняты великие шедевры кинорежиссера. Надо сказать, что владелица архива неоднократно предлагала купить у нее это – всего лишь за 12 тысяч долларов! – но никто интереса не проявил. И вот документы, которым, кстати, сам Тарковский значения не придавал, выставлены на Sotheby's со стартовой ценой 100 тысяч фунтов стерлингов.

Все вдруг заволновались, обратились в министерство в ожидании, что государство выкупит архив режиссера. Министр культуры доверительно сообщил, что один его знакомый олигарх, имя которого раскрывать нельзя, поучаствует в торгах. И он поучаствовал. Архив Тарковского вернулся на родину в Ивановскую область. А устроители аукциона потрясены размером суммы, потраченной анонимным меценатом – более 2 миллионов долларов.

Это глобальное событие в отечественной культуре совпало с очень скромным событием в жизни нашего театра. У нас маленький зал, который заведомо нерентабелен. И когда мы играем высокохудожественные спектакли, такие как «Москва. Психо» Андрия Жолдака с Еленой Кореневой в главной роли или «Ужин у товарища Сталина» Сергея Юрского, то даже при 100 % продаже билетов (а наш театр – один из самых посещаемых в Москве), несем убытки.

В начале лета мы провели коммерчески не выгодные гастроли в Одессе. Не выгодные потому, что для их проведения сознательно выбрали не самый большой в городе зал – хотелось, чтобы одесские зрители увидели наши спектакли такими, какими их видят москвичи. В начале сезона провели еще одни убыточные гастроли – на этот раз в Болгарии, потому что даже полные залы Софийского Национального и Пловдивского театров не компенсировали затрат на проезд. Тем не менее, в этом сезоне мы уже выпустили две премьеры и готовим еще две. Спектакли текущего репертуара идут при хороших продажах. Однако больше

месяца на доске висит объявление о задержке зарплаты – расплачиваемся с долгами. И вот, когда один из членов попечительского совета решил нам помочь, оказалось, что сделать это чрезвычайно сложно, потому что государство не создало механизмы – экономические и юридические – для того, чтобы меценатская помощь была законной, выгодной и престижной для спонсора. Члены попечительского совета, которые любят наш театр, артистов, спектакли, театральное пространство, готовы вкладывать свои личные деньги в театр. Но вот государство (а мы государственный театр!) не готово их принять. В результате наши «морозовы и мамонтовы» предпочитают не афишировать свою помощь. Потому что в лучшем случае наткнутся на презрительное «некуда деньги девать», а в худшем – на какие-нибудь неприятности в виде дополнительных налогов. Вместо того, чтобы поощрять, стимулировать желание богатых людей помогать культуре (медицине, спорту, образованию, детским домам), государство заведомо видит в них преступников, которые вынуждены искать изощренные правовые и бухгалтерские пути, чтобы дать деньги театру.

Думе, которая с энтузиазмом занимается принятием всяких «запретительных» для цивилизованного гражданского общества законов, недосуг заняться разработкой закона о меценатстве, спонсорстве, льготном налогообложении…

У нас так популярны различные шумные «кампании» – сейчас вот развернута кампания под названием «борьба с коррупцией». Может быть, объявить кампанию помощи культуре? Много раз говорил, повторю еще раз: кто сегодня не тратится на культуру, завтра будет больше и больше тратить на защиту себя от озверевшей толпы.

Вперед к Станиславскому

17 января 2013 года

С утра памятуя о том, что сегодня – 150-летие со дня рождения Станиславского, я стал просматривать новостные ТВ-программы. Шла прямая трансляция конференции по поводу членства России в ВТО (не путать с всероссийским театральным обществом), где замечательно выступали Михаил Абызов и Анатолий Чубайс. Российский канал отчитался о взятии под стражу очередного чиновника из Минобороны (полным ходом идет борьба с коррупцией!). Почему-то на всех каналах – гороскопы, из которых выяснилось, что мне (рожденному под знаком Близнецов) рекомендовано вести себя тихо и не высовываться. О Станиславском – ничего. А ведь он один из тех, кто совершенно безоговорочно стоит в ряду самых великих россиян. И это признано во всем мире, в чем лично я уже много лет убеждаюсь, читая лекции о системе Станиславского в самых серьезных учебных заведениях – от Рочестерского университета до Римской киноакадемии, от Лозаннской высшей театральной школы до родного ГИТИСа. В театральной среде на Западе имя Станиславского воспринимается примерно, как имя Христа в христианском мире. И бывает так, что рассказывая о самых простых вещах, сформулированных в книгах К.С., я срываю аплодисменты аудитории; аплодисменты, предназначенные не мне, а Ему!

Оспаривать сегодня значение системы Станиславского абсурдно. Это – те ценности, которые Россия действительно может предъявить миру, и которые намного важнее, чем нефть и газ. Отрицать сегодня значение его технологии, системы, открытий примерно то же самое, что отрицать законы всемирного тяготения. Но – отрицают. Причем здесь, у нас, на его родине, где он жил, работал, преподавал, играл, ставил. Отрицают, ниспровергают, считая безнадежно устаревшим, неактуальным, ненужным. И самое интересное – кто ниспровергает. Абсолютные дилетанты, превратившие свою необразованность и непрофессионализм в творческое кредо, активно поощряемое функционерами от культуры.

Хочу напомнить, что первая глава книги Станиславского «Работа актера над собой» называется… «Дилетантизм». Почти сто лет назад К.С. предостерегал от явления, которое сегодня превратилось в модный тренд. Это напоминает время, когда в СССР в 70-е годы чуть приоткрылся «железный занавес» и впервые прошла выставка Пикассо. Сотни художников-авангардистов

тогда подняли головы и заполонили подвальные пространства своей мазней, выдаваемой за гениальные шедевры. «Мы академий не заканчивали, наши учителя – Пикассо, Кандинский, Малевич», – гордо заявляли они, видимо, не зная (да и откуда знать, если академий не заканчивали?), что Пикассо великолепно владел академической техникой рисунка и живописи.

Мой однокурсник Анатолий Васильев в свое время закончил Ростовский университет и был дипломированным химиком. Борис Морозов, еще один наш однокурсник, закончил Челябинский политехнический институт и преподавал там теорию машин и механизмов. Но после этого и тот и другой пять лет отучились в ГИТИСе и стали профессиональными режиссерами. Сегодня образования, полученного в Ростовском университете, и наличия достойных внимания природных способностей вполне достаточно для того, чтобы быть модным и обласканным начальством на самом высоком уровне режиссером и худруком московского театра. Более того, отсутствие образования и профессиональной квалификации – это показатель принадлежности к современной художественной элите. Недавний случай. Прием эскизов и макета к новому спектаклю, который в нашем театре ставит мой ученик. Приходит художница (модная и востребованная). «Эскизы? Макеты? Вы что – все это безнадежно устарело. Есть решение». Мы (главный художник театра и я) робко: «Ну хорошо… Какое решение?» Художница: «Актеры и публика будут находиться в едином пространстве…» Из чего стало ясно, что художница даже не видела спектаклей нашего театра, где все эти «авангардные» идеи давно уже реализованы, в частности, в спектакле «Город» – одной из последних работ великого художника Давида Боровского. Узнал потом, что эта художница уже дебютировала и как режиссер. Поинтересовался ее образованием: киноведческий факультет ВГИКа…

Самодеятельность становится все более агрессивной, тем более, что она поддержана щедрым бюджетным финансированием. Огромные деньги бросаются на некие одноразовые «эксперименты», собирающие не более 20 человек в зале, что, наверное, очень хорошо. Тем не менее, есть и другой театр, который знают, любят, в который ходят зрители. Почему это априорно должно считаться старомодным, отжившим, ненужным?

Если корабль отжил свой век, правильно списать его. Но при этом построить новый, более совершенный и современный, а не некую посудину, сляпанную вопреки законам кораблестроения. То, что сделал Станиславский – это классика. Это не подлежит фундаментальному пересмотру, а требует лишь соотнесения с

новой действительностью, переосмысления в связи с новым опытом общества. Но так же, как сегодня мы по-прежнему пользуемся основами римского права в юриспруденции, открытыми Пифагором акустическими законами в музыке, Евклидовой геометрией в архитектуре, мы должны низко поклониться Станиславскому, сформулировавшему законы, по которым существует театр, поздравить себя с его 150-летием, гордиться, сохранять его великое наследие и двигаться в его сторону. Что является движением вперед, а не назад.

Еще раз про любовь…

14 февраля 2013 года

Сегодня с утра творится что-то невообразимое. На телефон, электронную почту и даже Skype приходят бесконечные послания с нежными признаниями и поздравлениями с днем святого Валентина. Знакомые и незнакомые, физические лица и целые организации объясняются в любви, обещают немыслимые скидки, приглашают на дегустации и распродажи. Приглашения от нескольких ресторанов, в которых никогда не бывал и вряд ли буду. Электронный супермаркет «М-видео» прислал сообщение с многообещающим зачином «Влюбленным и дня мало», которое заканчивалось настойчивым предложением купить телевизор. Огромное количество людей, большинство из которых я и заподозрить не мог в любовных со мной отношениях, меня с горячностью поздравили.

Удивляет то, с какой страстью бросаются наши люди на любой привнесенный извне праздник – будь то Хэллоуин или Валентинов день. Я плохо знаю святого Валентина, хотя абсолютно не сомневаюсь в его порядочности и соответствии роли покровителя влюбленных. Понимаю, что есть величайшее чувство, которое мне, даже как режиссеру, невозможно «поверить алгеброй», определить и объяснить. Это огромное счастье чувствовать любовь к детям, к маме, близким и ощущать ответную теплоту. Гораздо сложнее с любовью к Родине, тем более, взаимной, так как она частенько выражает любовь к своим сынам в слишком изощренных формах. Но сегодняшний праздник – другой. Это – день влюбленных. То есть нам, в соответствии с придуманным кем-то регламентом, навязывают нечто формализованное и даже инструктивное: «Сегодня, товарищи, день влюбленных. Целуйтесь, дарите цветы, заваливайте друг друга шелковыми сердечками. А мы на этом, кстати говоря, немножко подзаработаем».

Хотя, кажется, нет ничего более таинственного, интимного, некоммерческого, чем состояние влюбленности, которое случается за всю жизнь один раз, может быть, два… Любовь, обозначенная на календаре… Странно. Тем не менее, поздравителям отвечаю так: желаю вам счастья вместе с Валентином. И если кому-то это число в календаре поможет вспомнить, что любовь вообще-то – видовое свойство человека, то, пожалуй, пусть эта дата будет выделена красным цветом. Как, кстати, 23 февраля или 8 марта, напоминающие людям об их гендерной принадлежности и связанными с ней обязанностями и

правами – быть мужественными (23 февраля) и женственными (8 марта).

Правда, ничего кроме правды

4 марта 2013 года

Вчера участвовал в телепрограмме «Воскресный вечер» с Владимиром Соловьевым на канале Россия. Обсуждали идею президента о создании единого учебника истории. Наверно, не самый важный вопрос – приступили к нему уже во втором часу ночи, когда большинство зрителей крепко спали. Обсуждающие разделились на две оппонирующие друг другу группы. Среди моих «противников» оказались авторитетные люди: редактор одной из крупнейших когда-то газет, идеолог РПЦ, завкафедрой МГИМО, председатель общественного фонда. Потрясло, что эти люди, на полном серьезе считая, что они приносят огромное благо стране, говорили о том, что хватит пугать детей сталинскими расстрелами, хватит рассказывать им о голоде, о терроре, а следует, наконец, поведать о том, какая у нас безгрешная держава. «Давайте взглянем на нашу историю с солнечной, а не теневой стороны», – призвал один из участников обсуждения. А на реплику Николая Сванидзе (мы с ним были по одну сторону, естественно) о вынужденной эмиграции и гибели многих великих писателей, художников, философов еще один оппонент возразил: «Ну не все же уехали или погибли. Остались же Ахматова, Булгаков, Цветаева…» Действительно, остались, а ведь могли бы и их «шлепнуть».

Хочу повторить то, что сказал ночью. Дети – это люди. А каждому человеку нужно знать только одно: правду. Ничего, кроме правды. Вот она и должна быть в учебнике – не важно, в одном или нескольких. И это уже дело учителей – хороших или плохих, родителей – образованных или не очень, – комментировать, отвечать на вопросы, в том числе и неудобные, спорить, объяснять, помогать ребенку осмыслить исторические факты.

Завтра 60 лет со дня смерти Сталина. Я пишу этот текст, находясь в здании театра на Трубной. О стены этого здания во время давки на похоронах Сталина были раздавлены десятки людей. Но сегодня вижу новый фильм «Сталин с нами», где последовательно в формате «НТВ» отмывают этого мерзавца и преступника. Вот она новая концепция истории в действии! Германия избавилась от нацизма после того, как мир осудил его на Нюрнбергском процессе. И когда немецких детей водят на экскурсию в рейхстаг и показывают им подписи советских солдат на стенах, то всем понятен идеологический смысл этих экскурсий – он не меняется по воле тех, кому захотелось бы

создать новую «солнечную» историю Германии. Новая история Германии создается именно благодаря полному осуждению страшного прошлого и отказу от его догм. Мы же хотим сочинить учебник, который будет воспитывать поколения, не имеющие представления о тяжелых и страшных этапах нашего прошлого, а потому беспомощные перед злом, которое даже не будет названо.

Крыша поехала

22 марта 2013 года

Как снег на голову – приказ Департамента культуры: объявить выговор Райхельгаузу И.Л., художественному руководителю Государственного бюджетного учреждения культуры г. Москвы «Московский театр «Школа современной пьесы».

Подпись: министр правительства Москвы С.А. Капков. И уточнение – «ВЕРНО» (удостоверено главным специалистом Л.Н. Аленичевой).

За что? Может быть, плохие спектакли выпустил? Да нет, вроде бы – зрители ходят, пресса реагирует, иногда даже хвалит. Гастроли провалил? Опять нет: только что приехали из Вены. Там – аншлаги, все желающие даже не могли попасть (это правда), благодарственное письмо пришло из венского Шаушпильхауса на Минкульт России, который нас в этих гастролях поддержал.

Так в чем же дело?

Цитирую: «За несвоевременное и некачественное выполнение работ по очистке снега и наледи кровель и прилегающих территорий вверенных объектов в соответствии в приказом Департамента культуры города Москвы от»… и т. д. и т. п. Но это не все. Есть, оказывается, у меня и еще проступки. Снова цитирую: «…невыполнение поручений Департамента культуры города Москвы о представлении в Государственное казенное учреждение города Москвы «Технический центр Департамента культуры города Москвы» отчетов о выполнении работ и материалов фотофиксации». Уф…

Короче, снег с крыши не почистил, в казенный дом фотофиксацию не занес.

Думаете это Диккенс? Или Салтыков-Щедрин? Министерство волокиты? Гоголевские фантасмагории? Нет. Это сегодняшний приказ нашего Департамента культуры.

Провел расследование в технических службах театра. Получил однозначный ответ: все выполняли, предоставляли, чистили, фотофиксировали.

Конечно, так и хочется задать вопрос: а получил ли какой-нибудь чиновник выговор за то, что наш театр, который (согласно Постановлению Правительства Москвы!), должен был реконструироваться с 1997 года, до сих пор стоит, как стоял, ветшая и абсолютно не соответствуя техническим требованиям современного театрального здания? Но, пожалуй, не стану я

мучить людей «вечными вопросами»: «Что делать?» и «Кто виноват?». Все равно виноватым будет не чиновник, а художник. Тем более, что я оказался в неплохой компании: со мной вместе крышу не почистили и в казенное учреждение соответствующие доказательства не предоставили Михаил Левитин, Олег Меньшиков, Марк Захаров…

Народу нравится!

4 апреля 2013 года

С утра звонок: некий телевизионный редактор, судя по приподнятой интонации, делающий мне огромный подарок, пригласил в качестве вип-гостя в шоу Андрея Малахова на первом канале! Видимо, предполагалось, что, услышав это, я обомлею от счастья. Каково же было изумление редактора, когда вместо выражения восторга она услышала довольно резкий отказ, в котором я объяснил, что мне не только было бы стыдно пойти на эту передачу, но стыдно и за нее, и за самого Малахова, и за людей, которые это смотрят. Здесь она подсобралась и выдала в ответ не менее резко: «У нас высочайшие рейтинги. Народу это шоу очень нравится. А вы, видно, от народа сильно оторвались».

Я подумал, она права. Оторвался. А наша страна, народу которой все так нравится, вряд ли сдвинется со своего весьма низкого рейтинга по уровню политической культуры, цивилизации, развитию гражданского общества. Когда участников митингов на Болотной и Сахарова объявляют мерзавцами, сажают в тюрьму, белые ленточки обзывают презервативами – народу нравится. Когда поминают Диму Яковлева и рассказывают, что вся проклятая Америка прямо-таки озадачена желанием разобрать российских детей на запчасти – народу нравится. Когда Аркадий Мамонтов называет Владимира Познера сексотом и провокатором, народу нравится. В новостных передачах на наших официальных телеканалах рассказывают о ситуации на Кипре – объясняют народу, что Европа (коварная и люто ненавидящая Россию) специально затеяла все это, чтобы наши деньги отобрать. А что это за деньги? Не наворованные ли? Или все-таки народные? Неважно. Главное, что Европа плохая. И народу нравится.

Телевиденье агрессивно формирует в сознании людей образ врага. В волжском городе некто на дорогой машине наехал на пешехода. Люди вышли на улицы: богатый сбил человека! А если человека собьет небогатый на дешевой машине, он что – не виноват? Но народу нравится, когда виноват богатый.

Пошли атаки на некоммерческие организации. Настойчиво создают впечатление, что там одни враги, шпионы, жаждущие отобрать наши деньги и продать наших детей. Все это душится и закрывается. А то, что фонд «Подари жизнь» Чулпан Хаматовой – это тоже НКО, что эти организации действительно борются за экологию, здоровье, культуру нашего несчастного общества – это народу нравится гораздо меньше.

Законы, которые принимает дума, заставляют поверить: мы живем в стране уродов, преступников и дебилов. А иначе как объяснить, что все эти законы направлены на то, чтобы пресечь, задавить, запретить. Чтобы учебник истории написать для дурачка, не умеющего мыслить, анализировать, выражать самостоятельное мнение. Почитаешь эти законы – у нас сплошные нарушители, алкоголики, наркоманы. Где же собственно народ, который работает, что-то созидает? А народ постепенно превращается в быдло, для которого формируют убогую школьную программу, сведенную к обязательной физкультуре, минимальному русскому языку и переписанной истории.

Все это делается, чтобы отвлечь людей от реальных проблем – от растущей инфляции, от процветающей коррупции, с которой якобы ведут войну, от разрухи в медицине и культуре, от упадка системы образования. Но народу про это не рассказывают – он смотрит шоу Андрея Малахова и ему (народу) это нравится. И пока рейтинг Малахова будет расти, рейтинг нашей страны будет падать.

Не случайно через пятьдесят лет после легендарного спектакля Юрия Любимова в Москве снова появляется брехтовский «Добрый человек из Сезуана». И к огромнейшему сожалению, все так же убедительно звучат слова Брехта:

Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны, –
Кожу для них дают
Сами бараны.

P.S. Есть одно утешение: у моих детей и у детей многих моих друзей вообще нет телевизора.

Демагогия

29 апреля 2013 года

Делюсь свежими впечатлениями. Вот в Перми пригласили батюшку освящать некую фирму. Какой-то неполиткорректный сотрудник во время освящения взял и ляпнул что-то вроде: «Какое мракобесие». Фирму освятили, а сотрудника уволили с работы. Некоторое время назад из средств массовой информации узнал, что мэр Собянин провел с патриархом Кириллом беседу о том, что в Москве в самое ближайшее время необходимо простроить 100 новых храмов. То есть, раз в месяц – храм. Сразу после майских праздников Мосгордума рассмотрит предложение некой инициативной группы о переносе памятника Пушкину в начало Тверского бульвара (где он изначально и находился), а на месте памятника воздвигнуть часовню в память о снесенном Страстном монастыре. Казалось бы, все правильно. Но почему-то остро отдает демагогией и фарисейством.

Сто храмов в столице? Прекрасно. Но как это совместить с тем состоянием, в котором находится наше здравоохранение, образование, культура? Когда последний раз в Москве открывался вновь построенный театр? Демагогией и фарисейством полны сольные выступления патриарха, немыслимые дуэты Жириновского и Зюганова в телевизионных ток-шоу, хоры и ансамбли депутатов и высших чинов правительственного аппарата. Уровень этих выступлений неоднороден: кто-то невероятно виртуозен, кто-то примитивен. Послушав последнее выступление президента, понимаешь: вот это демагогия высочайшего класса.

Во времена советской власти, посещение студентами церковных праздников, мягко говоря, не приветствовалось. Специальные соглядатаи доносили в комитет комсомола или в деканат о фактах присутствия советских студентов на церковной службе. Так что посещение церкви было своего рода поступком. Мы ездили на всю ночь в Загорск (так тогда назывался Сергиев Посад) и выстаивали все Пасхальное богослужение. Не потому, что религиозны – у нас было твердое ощущение, что все эти люди – и прихожане, и служители церкви, – искренни в своей вере. И потому их Крестный ход, их молитва проникали в душу. Сегодня от всей этой псевдоцерковной суеты хочется со стыдом отвести глаза: ДЕМАГОГИЯ…

Все ради этих дней

13 мая 2013 года

Наконец наступили рабочие дни. Услышал сегодня по радио, что по результатам несложных подсчетов количество выходных дней в России в 2012 году составило… 118. Таким образом, наша страна поставила своего рода рекорд, выйдя на первое место в мире в данной позиции. Действительно, даже не прибегая к расчетам, понятно, что страна вымирает примерно с 24 декабря (католическое Рождество) и по 20 января (православное Крещение). Только что прошедший майский блок начался в 20-х числах апреля и для многих закончится только осенью. И это могло бы стать предметом нашей гордости, если бы оставшиеся две трети года мы так интенсивно и производительно работаем, что можем себе позволить продлить «эти дни», ради которых, согласно известному рекламному слогану, мы собственно и живем. Однако на самом деле все не так. Наоборот перманентный отдых – оборотная сторона сырьевой экономики, базирующейся не на высоких технологиях, а на струящихся из недр струйках нефти и газа.

Сейчас модно издеваться над Сколково, злорадствовать по поводу проверок нано-отрасли, однако, может быть, лучше не иронизировать, а задуматься, почему Силиконовые долины Штатов или Израиля, по образцу которых задумывалось Сколково и в которых трудится немало наших бывших соотечественников, работают с совершенно иной степенью эффективности.

На примере нашего театра (государственного учреждения культуры) вижу, что нет прямой зависимости оплаты труда от его производительности. Начальство требует: производите дешевле, продавайте дороже, просите денег у тех, кто их готов дать. Вот и вся нехитрая система организации культурной жизни.

Я бы понимал механизмы субсидирования, если бы они были связаны с качеством производимого продукта. Но сегодня все происходит на уровне личных связей и по законам глубокой коррупции.

Именно поэтому можно позволить себе отдыхать почти четыре месяца в году. А если кто-то не может и не хочет позволить такую расслабленность, ему приходится тяжко, так как отовсюду этот сумасшедший трудоголик слышит: «К этому вопросу вернемся после праздников…» Или: «Все равно в эти дни никто работать не будет…» Или: «До середины мая никто даже не появится…»

Ну что же… С вечными праздниками вас, дорогие товарищи!

Все ради этих дней!

Спасти камер-юнкера Пушкина

8 мая 2013 года

Завтра день рождения Булата Шалвовича Окуджавы. Много раз признавался ему в любви – могу бесконечно его цитировать. Приглашаю всех завтра в 3 часа дня на Трубную площадь, где состоится большое уличное представление с участием бардов, поэтов, артистов. А вечером в «Школе современной пьесы» буду вести концерт, открывающий фестиваль его памяти «И друзей созову…» Часто думаю о том, что Булат Шалвович постоянно соотносил себя с Пушкиным. Посвящал ему стихи. Не в смысле «посвящения», а просто Пушкин как-то присутствовал в его стихах. И вот сегодня хочу сказать о Пушкине. С одной стороны, он наше «все», а с другой – наше «ничего». Давно стал таким общим местом. Это как мы дышим воздухом: когда сильная загазованность, мы замечаем, что дышать невозможно. Или наоборот, когда попадаем к океану, замечаем что воздух чистый. Но в обычный день не фиксируемся – дышим и дышим. Пушкина почти не помним, упоминаем всуе. Вот спросите себя: когда я последний раз открыл томик Пушкина? Меня к Пушкину вернул только что завершившийся драматургический конкурс «Действующие лица». Совершенно неожиданно среди сотен пьес, которые ежегодно к нам приходят, вдруг обнаружилась пьеса, на которой сошлись самые непримиримые оппоненты из состава жюри – «Спасти камер-юнкера Пушкина». Пьеса победила в «Действующих лицах», а затем и в Конкурсе конкурсов. Невероятно, что некий Михаил Хейфец, извините, из Израиля, вдруг показал нам «наше все», развернув нас к тому, чего мы уже не замечаем. Он придумал простой и в своей простоте замечательный сюжет: живет обычный русский человек, живет, как все сегодня – без какой-бы то ни было национальной идеи, как большинство того народа, о котором Пушкин сказал, что он безмолвствует.

Пьеса начинается репликой: «Пушкина я возненавидел еще в детстве». Потому что воспитательница в детсаду поставила пятилетнего героя в угол и не позволила играть в единственный на весь сад игрушечный подъемный кран. В наказание за то, что не слушал стихи Пушкина. Потом ненависти к Пушкину добавили школьные учителя. И вдруг происходит нечто странное: каким-то образом Пушкин начинает нашему герою помогать. Не стану пересказывать сюжет. Грандиозная идея пьесы в том, что мы не начинаем свою жизнь с начала и не обрываем ее. Наша жизнь вписывается в нечто гораздо большее; и только ощутив это, мы

улавливаем ее смыслы. Пушкин не имел понятия о нас, так же как мы не думаем о Пушкине. Но, тем не менее, и он, и каждый из нас в той или иной форме задавал вопросы: кто я, зачем я, откуда я, куда я?

У Пушкина так: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена?.. Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал? Душу мне наполнил страстью, ум сомненьем взволновал?..»

Наши вопросы выглядят не столь поэтично. Кроме того, они абсолютно не озвучены и не поддержаны государством, ибо эти «проклятые» вопросы, сформулированные на государственном уровне, и есть национальная идея. Вдруг оказывается, что можно соотнести себя не только с кем-то из твоих коллег или приятелей, а ощутить, что пусть в миллиардной частице, но ты есть продолжение тех, кто был до тебя. И даже такого человека, как Пушкин, который в быту был не идеален, который был не вполне русским, который любил, ревновал, стрелял, обманывал, не соглашался с властью двести лет назад. Но который помогает тебе сегодня жить. Прежде всего, тем, что хотя бы частично подсказывает ответы на эти вечные вопросы…

Не случайно многие наши великие предшественники и современники, познавая свою жизнь, соотносили себя с Пушкиным: Цветаева, Булгаков, русские философы, Окуджава. Поэтому, как это ни высокопарно звучит, но я призываю как-нибудь (прямо сегодня) прийти домой, взять книжечку… Нет книг Пушкина? Войдите в интернет и наберите начальные строки самого классического… «Пора, мой друг, пора…» Или «Снова тучи надо мною собралися в тишине…» Или «Я к вам пишу, чего же боле…» И почитайте. И вы увидите, что жизнь приобретет новый смысл.

А в качестве эпилога – стихотворение Окуджавы. Хотел взять фрагмент, но привожу полностью. Уж очень актуально.

Сталин Пушкина листал,
суть его понять старался,
но магический кристалл
непрозрачным оставался.
Что увидишь сквозь него
даже острым глазом горца?
Тьму – и больше ничего,
но не душу стихотворца.
Чем он покорял народ,
если тот из тьмы и света

гимны светлые поет
в честь погибшего поэта?

Да, скрипя своим пером,
чем он потрафлял народу?
Тем, что воспевал свободу?..
Но, обласканный царем,
слыл оппозиционером,
был для юношей примером
и погиб в тридцать седьмом!

Снова этот год проклятый,
ставший символом уже!
Был бы, скажем, тридцать пятый –
было б легче на душе.

Может, он – шпион английский,
если с Байроном дружил?
Находил усладу в риске –
вот и голову сложил…

Впрочем, может, был агентом
эфиопского царя?..
Жил, писал о том и этом,
эпиграммами соря…

Над Москвой висела полночь,
стыла узкая кровать.
Но Иосиф Виссарьоныч
не ложился почивать.

Все он мог: и то, и это,
расстрелять, загнать в тюрьму,
только вольный дух поэта
неподвластен был ему.

Он в загадках заблудился
так, что тошно самому…
И тогда распорядился
вызвать Берия к нему.

О профессиональном непрофессионализме

16 мая 2013 года

Замминистра здравоохранения сделал заявление, по меньшей мере, обескураживающее: 62 % медицинских работников в нашей стране – курящие. Журналисты кинулись сверять эту убийственную цифру с другими странами (как принято говорить, «цивилизованными»). Оказалось, что там курящих медиков не более 2-3%. То есть, выходит, что у нас именно те люди, которые в силу своей профессии обязаны заботиться о здоровье населения, целенаправленно его губят. Причем, как свое, так и чужое. И это не единственный пример. Это – система. Вот взять нашу автоинспекцию, которая по идее должна регулировать движение. Вместо этого она радостно прячется в кустах, чтобы поймать нарушителя с поличным, взять у него деньги и отпустить нарушать дальше. Место, где опять-таки по идее, должно вершиться правосудие – суд. Это понятие уже давно стало нарицательным, олицетворяя собой всю самую злостную систему коррупции и несправедливости. Полиция, призванная предотвращать криминал, оказывается замешанной в самых тяжелых преступлениях. А министерство обороны, задача которого защищать нас от врагов, только тем и занимается, что организует хищения в особо крупных размерах. Болотная площадь, поначалу казавшаяся центром проявления гражданских свобод, обернулась местом для расправы над любыми формами протеста. Средства массовой информации, которые обязаны держать нас в курсе событий, вешают на уши лапшу, подсовывая каких-то шпионов с париками и компасами. Все, казалось бы, благие и полезные затеи правительства Москвы, направленные на улучшение траффика и создание парковочных зон, оборачиваются новыми и нестерпимыми неудобствами для автомобилистов. Область культуры тоже не отстает: начался период, когда по всем театрам (в том числе и в наш) заходят толпы «актеров», получивших дипломы в коммерческих шарашках, именующих себя театральными вузами, и показывают такой чудовищный непрофессионализм, что страшно становится. Интересно, что эти «вузы» даже не пытаются закрыть. Вместо них пытаются расправиться с Литинститутом, Ипполитовкой, Архитектурным институтом – старейшими учебными заведениями, выпускающими достойных специалистов.

Так не тренд ли это? Может, так надо – воспитывать таких «профессионалов», которые любое дело превратят в свою противоположность: правоохранители будут воровать, судьи –

незаконно сажать, врачи – калечить, журналисты – врать, артисты – бездарно паясничать, церковнослужители – стяжать, учителя обирать родителей учеников, а депутаты – затыкать рты, запрещать и не пущать?

Не плюйте в колодец

9 июня 2013 года

Как обычно еду утром на работу в театр по Минскому шоссе. Лето, свежайшая зелень, замечательная погода, чистое шоссе. И вижу в очередной раз из каждой второй машины: летящий окурок, смятая пачка из под сигарет, плевки. Что совсем угнетает – детские ручки, которые с одобрения родителей швыряют в окно обертку от мороженого. Такое ощущение, что люди едут по чужим дорогам в последний раз в своей жизни. Проезжаю прекрасное место Переделкино. Цитадель русской литературы. Несколько сот метров до кладбища, на котором лежат Пастернак, Гроссман, Чуковский. Рядом писательские дома: здесь жил Окуджава, здесь – Вознесенский. Вот знаменитый святой колодец, к которому наши великие поэты приходили за рифмами. Он весь завален мусором. Вдоль шоссе – бесконечные мусорные пакеты, валяются банки, бумажки… Понимаю, можно сказать: поставьте контейнеры, вызовите дворников… Дворники – это презираемые «понаехавшие». Ведь мы давно уже неспособны убрать за собой. В Индии кругом были горы мусора. Особенно в тех местах, где живут нищие слои населения. И это неудивительно: до недавнего времени низшие касты ели с пальмовых листов. Они бросали остатки еды и натуральной «посуды», не создавая вокруг себя помойки. И вот в их жизнь пришли стекло, пластик, жестяные банки, а привычка осталась. Но ситуация там меняется с каждым годом: руководство страны озадачилось темой мусора. И сегодня эта проблема решается. Но мы же не индусы! Мы уже давно не едим с пальмового листа! У нас и пальм-то нет (может быть, в этом проблема?). Мы убеждены, что являемся цивилизованным народом. А уж про культуру нашу российскую и говорить нечего – наикультурнейшая нация. Но только тогда почему придя в зрительный зал, я почти под каждым креслом обнаруживаю приклеенную жвачку? Это при том, что кресла нам только что поменяли (долго просили, кланялись, писали умоляющие письма в департамент культуры – дескать, неловко нам перед зрителями за наши обшарпанные, разваливающиеся кресла). И вот – получили. Только те самые зрители, перед которыми мы себя неловко чувствовали, без всяких комплексов оставляют после себя жевательную память.

Пару дней назад у меня был «Поединок» с Жириновским у Владимира Соловьева. Понятно, что мой оппонент выиграл с огромным перевесом. Собственно, выиграл еще до начала

дискуссии. Разумеется, в нужный момент Жириновский разбил заготовленный для этих целей стакан с водой. Как режиссер могу констатировать: жест отработанный, неорганичный, механистичный и предсказуемый. Если бы так разбил стакан в момент эмоциональной кульминации артист в моем спектакле, я был бы недоволен. Но – аудитория ждала этого, и она это получила. Тут же подскочила уборщица, все убрала. Был принесен другой стакан. И Жириновский получил нужное число голосов, которое принес ему стакан и несколько беспроигрышных демагогических лозунгов типа: театр мы закроем, редактора МК повесим, либералы пусть катятся в свой Лондон, а мы за границу ездить не будем, зато будем жить в СССР. Восторженные граждане выбрасывают в окно окурок и голосуют руками и ногами.

В который раз твержу: наступило лето. Так и хочется добавить: спасибо партии за это. И мы знаем, какой партии – все той же. Пусть она называется по-другому. И пусть ЛДПР кричит, что она – оппозиция. Мы все равно знаем, что она создана при участии КГБ. И ее лидер не скрывает этого обстоятельства – гордится. Но хочется жить в солнечной, теплой, чистой стране. Готов проигрывать все поединки с Жириновским. Но прошу, умоляю: не бросайте окурки. Не клейте жвачку. Приходите в театр. У нас есть спектакли, достойные вашего человеческого достоинства.

Театр в зеркале русских революций

27 марта 2014 года

Сегодня 25 лет «Школе современной пьесы». То есть, вся театральная общественность отмечает День театра, а мы еще – День нашего театра. Делаем это тихо – не потому, что считаем событие незначительным, а потому что шуметь будем в мае – десять дней с 17 по 27-е будем праздновать (об этом чуть ниже). Но и вокруг никто тоже особо не шумит и не вспоминает – не заваливает нас правительственными телеграммами, не шлет приветов и букетов…

На самом деле, соотношение «театр и люди», «театр и страна», «театр и государство» – важная тема. И хочется понять, каково же оно сегодня, это соотношение и каким оно было прежде.

«Школа современной пьесы» появилась в 1989 году. В то самое революционное время, когда во всех сферах что-то возникало. А главное, возникла надежда на то, что меняется жизнь, меняются люди. И вместе с этой надеждой появилась потребность в новом театре. Мы в этом плане не оригинальны – так всегда было в истории мировых и русских революций: достаточно вспомнить возникновение театров Мейерхольда или Вахтангова, появление «Современника» или «Таганки». Театры рождались стихийно и естественно – из студий, творческих мастерских, студенческих групп, которые затем становились государственными.

Мощная волна 90-х также породила огромное количество театров, и тогдашние начальники действительно этого хотели, создавая среду для их существования. Мы были востребованы временем. Власть воспринимала нас как важнейший элемент в структуре новой России. Не случайно, желая уколоть, «Комсомольская Правда» писала, что ШСП – «… правительственный театр, в котором чуть ли не каждый вечер можно встретить чубайсов-гайдаров». За всю мою жизнь это было единственное время, когда готов был подписаться под решениями правительства, пусть даже некоторые из них ошибочны. Потому что они были мотивированы искренним желанием сделать что-то для человека – для его свободы, для получения им заработанных денег, для беспрепятственного перемещения по миру, для неограниченного доступа к мировой культуре. И я горжусь тем, что эти люди («чубайсы-гайдары») приходили к нам в театр. Чиновники того времени тоже были больше сосредоточены на театральной, а не на парковой культуре, как это происходит

сегодня. Да и не только театральной – создавались новые оркестры, открывались галереи, причем самые разные: от суперавангардных до официозно-имперских типа галереи Шилова. Это была свобода – без цензуры, без одергиваний, без «рекомендаций», от которых нельзя отказаться. Невозможно себе представить в те годы ситуацию, при которой сенатор провозглашает анафему театру за пропаганду насилия и гомосексуализма! А сегодня, когда такое обвинение звучит в адрес театра на Таганке, мы почти не удивляемся: не в первый раз.

Конечно, в день рождения хочется похвастаться – имеем право. И тем, какие великолепные артисты за эти 25 лет играли и играют в «Школе» – Альберт Филозов, Алексей Петренко, Ирина Алферова, Владимир Качан, Василий Бочкарев, Лев Дуров, Сергей Юрский, Татьяна Васильева… Вспомнить тех, кто выходил на нашу сцену и кого уж нет – Любовь Полищук, Людмила Гурченко, Мария Миронова, Михаил Глузский, Евгений Дворжецкий, Булат Окуджава… Хочется рассказать о том, что мы играли спектакли в большинстве стран мира, проехали всю Америку, были первыми, кто официально провел гастроли в Израиле, первыми, кто играл на русском языке в Иране. А неделя на Елисейских Полях в театре Пьера Кардена? Хочется напомнить, что наш театр ставит только новые пьесы, а потому практически все наши премьеры – мировые… И конечно, нельзя не радоваться, что мы вынесли тяжелейшее испытание огнем в юбилейный год: театр на Неглинке сгорел, но вот уже два месяца мы работаем в новом здании на Тишинке, и зрители нас нашли, и у нас опять аншлаги, и премьеры, и рецензии, и гастроли, и новые планы реализуются, и восстановление исторического здания запланировано, и вообще как будто все хорошо.

Но сегодня не об этом. Сегодня – о театре как о гражданском институте, который отзывается на все события в обществе и в полной мере отражает градус свободы в этом обществе.

Именно это заставило нас в августе 1991 года прервать репетицию и в полном составе (Люба Полищук, Александр Филиппенко, Анатолий Ромашин, Альберт Филозов и я) – отправиться к Белому дому. И в 1993 году, когда еще было не ясно, чем закончится дело, мы хорошо понимали, чего хотим, за что боремся и насколько значимо место театра в этом политическом и культурном противостоянии.

25 лет – много для театра и не только для театра: это значительный отрезок времени. И очень заметно, как изменился контекст, как поменялись предлагаемые обстоятельства. Театр начинают одергивать, объяснять с высокой трибуны, что следует

показывать зрителю, а что подпадает под уголовную статью. Слышится вопрос: а не много ли театров развелось? Повеяло временами, когда театр оставался одним из немногих убежищ мыслящего человека…

Но нас этим не испугать. Приглашаем всех, кто готов не только проводить досуг в парке, но и сходить иногда в театр, на юбилейные вечера и акции. Их будет много – в нашем новом доме на Тишинке, и в родном на Неглинке. Будут творческие вечера, Трилогия «История театра», открытие выставки, а в завершении – Юбилейный пикник. До встречи!

Хай грае піаніно

7 апреля 2014 года

Очень хотел не высказываться на тему Украины. Но – достали. Со вчерашнего вечера муссируется решение украинских властей о том, что россиянам нельзя находиться на Украине более 90 дней. При этом большинство наших государственных каналов забывает о том, что это – ответная реакция на наш закон, лимитирующий гражданам Украины пребывание на территории России. Опьяненные народным волеизъявлением в Крыму, мы воодушевляемся волнениями в Донецке, Луганске и Харькове. Возбужденно говорим, что весь Юго-Восток Украины требует референдума и федерализации, а тем временем к российско-украинской границе стягиваются войска.

Я родился и прожил свою юность в Одессе. Владею украинским языком, читаю и люблю прекрасную украинскую литературу. Могу посоревноваться со многими образованными украинцами в знании украинской поэзии. И могу процитировать стихи, приколотые к дереву рядом с местом гибели убитого на Майдане студента философского факультета. Кроме колоссальных ляпов и глупостей нашего государства вижу не меньшие ляпы и глупости нынешнего руководства Украины. Последние заявления Тимошенко по своей провокационности и репризности могут соревноваться разве что с гэгами Жириновского.

Первое, что сделали новые украинские власти – урезали бюджет на культуру. В том числе объявили главному театру Украины – Национальному академическому театру имени Ивана Франко, что с мая по октябрь не будет субсидий, и все должны уйти в неоплачиваемый отпуск. Режиссер этого театра Игорь Афанасьев стал искать работу и нашел ее… в Благовещенске. Но боюсь, если он нарушит режим пребывания в России, его депортируют в Киев. И тогда мы вновь получим врага вместо друга.

Если мы действительно понимаем, что украинцы и русские – это близкие народы, родственные культуры, единая история и географическое пространство, то нужно сегодня чуть успокоиться от упоения крымской победой, выдохнуть и еще раз попытаться восстановить реальные человеческие связи. Не подменять их докладом министра культуры, бодро рапортующего президенту о том, что лучшие московские театры выезжают сейчас на гастроли в Крым. Надо сказать, что и у нашего театра было желание поехать в Крым – у нас там много друзей, мы неоднократно

гастролировали в Севастополе и Ялте. Почти ежегодно играли в Киеве (в театре Франко, Леси Украинки), в Донецке, Днепропетровске, Харькове, не говоря уже об Одессе… Для нас гастроли – художественная, гуманитарная, иногда даже и коммерческая акция. Но сегодня эти крымские гастроли приобретают характер политический, агитационный. Совершенно ясно – вкладываются деньги. А целью становится проведение рекламной кампании под немудреным слоганом «Как хорошо в стране Российской жить». И именно это будут радостно демонстрировать наши телеканалы, которые вовсе не торопятся показывать, как живет российская провинция, даже не очень глубокая – эдак километров 100 от Москвы. Какая там культура, медицина, в каком состоянии школы, библиотеки, жилые дома, как там живут рядовые россияне и какие столичные театры за бюджетные деньги приезжают к ним на гастроли…

Информация о демонстрациях в украинских городах полна героического пафоса. Но я хорошо знаю по своему родному русскоязычному городу Одессе, что выходят на эти демонстрации максимум несколько тысяч человек недовольных своей жизнью и перекладывающих свое недовольство на власть. Этим людям кажется, что в России их ждет лучшее будущее. То есть то, что не сделала за них украинская власть, сделает российская. Но за них никто и никогда ничего не сделает. Даже если они присоединятся к Европе или станут 51-м штатом США. Миграция существует во всех странах, и это нормально – люди ищут свое место и не всегда находят его на родине. Поэтому уверен, что сегодня нужно не закрывать границу, тем самым усложняя условия работы украинцев у нас и россиян на Украине, а наоборот: дать возможность свободного выезда и въезда. Причем с обеих сторон! Когда мы грозно демонстрируем боевую технику, пугаем «газовой атакой» (в смысле отключения от газовой трубы), а в ответ получаем рассказы про войска НАТО, мы чего добиваемся? Чего хотим? Войны? Или все-таки способны на нормальное добрососедство? Способны проводить гастроли не показательно, а просто потому, что это нормально?

На Крещатике недалеко от Майдана стоит пианино, выкрашенное в желто-голубой цвет. Люди подходят, играют, слушают, идут дальше. Пусть оно стоит. Хай грае. Вот именно хай, а не…

Случайные мысли

18 мая 2014 года

Бывает встанешь утром – и мысли сами собой, не управляемые и почти не контролируемые, начинают зреть, формулироваться, вступать в какие-то спонтанные, случайные связи… Вдруг пришло в голову: эх черт, жалко, что творческая концепция нашего театра не предполагает постановку классических пьес. А то, как здорово было бы поставить пьесу Брехта «Страх и отчаянье в Третьей Империи»!

Бежит моя собака Билл… Привет, Билл, привет дорогой, дай-ка я тебя поглажу… Какой-то ты сегодня тихий. А было время, когда ужас наводил на всех, особенно на «иностранных» рабочих, строивших террасу нашего дома. Ту самую террасу, Билл, с которой ты в понедельник вечером нагло, вероломно выкрал огромную баранью ногу из казана! Выкрал и съел, подлец, оставив на дне ошметки овощей, в которых эта нога тушилась. А потом прибежал, как ни в чем не бывало, и никак не мог понять, за что я на тебя сержусь. Не мог… Не хотел! Все ты отлично понял. Но показал нам всем: ты силен. И то, что ты такой тихий и интеллигентный (насколько интеллигентным может быть искусственно выведенный лабрадор) – это обман, не верьте, «иностранные» рабочие, он запросто может напугать.

…А то вот еще «Голый король» Шварца. Даже удивительно – как она могла быть написана в нашей стране, да еще и поставлена неоднократно! А как бы она читалась сегодня?

Мысли, не управляемые, не контролируемые, спонтанные, случайные…

Идите… на кладбище

21 мая 2014 года

В детстве я ужасно не любил кладбища, боялся их. Был уверен, что земной жизни нет конца (это как в стихотворении Степана Щипачева на смерть Сталина, которое я читал в детском саду: «Сталин – это жизнь, а жизни нет конца…»). Судьба меня щадила, в школьные годы столкнулся со смертью лишь однажды – когда погиб мой одноклассник, прыгнувший в море со скалы, и эти похороны стали одним из страшнейших впечатлений моей детской жизни.

С этой боязнью кладбища я начал учебу в ГИТИСе. В один из первых наших выходных мой однокурсник, никому тогда не известный Толя, а ныне один из самых знаменитых режиссеров мира Анатолий Васильев, сказал: «А поедем на кладбище». Я удивился и поехал. Это было Переделкино. Мы ходили вдоль могил Пастернака, Гроссмана, Корнея Чуковского… Впервые посетило ощущение конечности жизни, которое я вдруг не воспринял как нечто страшное. Наоборот, смерть показалась частью мира и природы, естественным продолжением жизни.

Потом я стал бывать на кладбищах часто. В разных городах, в разных странах. Оказалось, кладбище очень многое может сказать о жизни общества, его культуре, традициях, ценностях, мировоззрении.

Вчера у меня (редчайший случай) выдался выходной. И я решил пойти на могилу своего папы. Он похоронен на маленьком деревенском кладбище в Матвейково. Там лес, пруд рядом, тишина удивительная. Я как-то даже не подумал, что многие в этот день пойдут на кладбище – пасха. И действительно народу было много. Хотя на этом кладбище похоронены и мусульмане. И рядом с крестами нередко встречаются полумесяцы. А мой папа лежит под простым гранитным камнем. Все здоровались, приветливо, доброжелательно, охотно одалживали друг другу какие-то инструменты, предметы для ухода за могилой, предлагали помощь. Лица этих людей сильно отличались от угрюмых раздраженных физиономий, которых полно в московском метро. Хотя, конечно же, это были те же люди, но этот день и это кладбище делали их другими. Здесь нам было нечего делить, не в чем уличать, обвинять и упрекать.

Когда мы вгрызаемся в друг в друга в бесконечных дуэлях и схватках по самым разным мотивам – политическим, «бизнесовым», семейным, когда зашкаливает состояние конфликта, надо просто пойти на кладбище и тихо посидеть на

могиле близкого человека. У всех есть такие могилы.

Разорванная пополам Одесса

7 мая 2014 года

Эти дни был в Одессе. Прилетел только что. Естественно, все задают вопросы – как там, что там? Что происходит на самом деле? Поскольку не верят официальным СМИ. А я, как ни странно, могу только обозначить факты, свидетелем которых был. И которые, к сожалению, не могу объяснить.

Соборная площадь, в которую упирается Греческая улица, – место сборища спортивных фанатов, всегда находящихся в состоянии конфликта – такова их психология. За что я их всех (не зависимо от предмета их страсти) терпеть не могу. А тут встретились фанаты харьковского «Металлиста» и Одесского «Черноморца», решили объединиться и продемонстрировать общую верность Украине. Эта верность Украине в Одессе не на пустом месте созрела. Уже более двух месяцев на Куликовом поле возле бывшего обкома партии стояли палатки протестующих, демонстрирующих верность России. С одной стороны, им никто не мешал, с другой, с каждым днем они становились все агрессивнее. Сразу хочу сказать, что, по свидетельству многих очевидцев, среди этих прорусских палаточников не было ни ГРУ ни КГБ. Может кто-то и зашел из близлежащего Приднестровья, но нужно хорошо понимать: оно действительно. Работают в Одессе – потому там и оказались. Точно также среди украинских болельщиков не было специально завезенного «контингента» из правого сектора западных областей. Все были одесситами – это подтвердили документы, обнаруженные в моргах в карманах погибших. Одесситы, разделенные чертой гражданской войны. Более двух месяцев пророссийская группа периодически выходила в город, несла наши триколоры, на которые пыталась поменять сорванные украинские флаги, и возвращалась в палатки. И надо сказать, что население города со свойственным одесситам юмором, в основном, крутило пальцем у виска, но не более того. Никто не бросал камни и, тем более, не стрелял.

Конечно, украинская колонна фанатов имела такое же право выразить свое желание сохранить страну, как пророссийская колонна – желание поменять страну. А дальше началось то, что и сегодня не имеет ответа. Появилась милиция. С непонятными красными повязками, что-то обозначавшими. Как говорят очевидцы, такие же повязки были на рукавах людей, которые оказались за спинами милиции. Именно оттуда сначала полетели камни, потом коктейли Молотова. Их никто не подвозил – они уже были там. На одной стороне тротуара некие граждане

выковыривали мостовую и бросали в других граждан, которые отвечали тем же. И в этом нарастающем безумии раздались выстрелы. Главный вопрос: кто стрелял? Ответа нет. То есть, ответы есть – прямо противоположные: защитники Украины говорят, что стреляли российские ГРУшники, а сторонники России убеждены, что это был правый сектор. Кроме этих необъяснимых красных повязок, необъяснимо и многое другое: почему на праздничные дни были отпущены в отпуска трое из четырех руководителей милиции Одессы? Если это заказ Киева, то почему уже третьего мая были уволены милицейские начальники? Почему внутри киевского правительства так разнятся оценки действий милиции – и если порядок наводили правильно, то почему надо менять губернатора? Почему уже на следующий день 62 задержанных были отпущены на свободу? Почему прокуратура Киева утверждает, что не давала указания об их освобождении? Почему? Почему? Почему?…

Но есть и вполне понятные вещи. Понятно, что киевская власть слаба и растеряна. Понятно, что идет война – информационная, экономическая, психологическая, но главное – человеческая. С жуткими жертвами, каких не было с 1944 года. К огромнейшему сожалению, и киевская пропаганда, и наша выглядят в этой войне тупыми, непрофессиональными, неумелыми, производящими обратный эффект.

Смотрел в Одессе передачи и тех и других – не веришь ни комментаторам, ни изображениям, снятым с определенного ракурса. Говорю об этом как режиссер.

Понятно, кому с украинской стороны нужна Россия – снятому мэру, недавно «откинувшемуся» из мест заключения лидеру партии «Родина, бывшему губернатору, лишенному своих полномочий председателю Счетной комиссии, получившему кличку Пидрахуй (в переводе с украинского – подсчитай). Им кажется, что если завтра в Одессе установят советскую власть, то их вернут на утраченные посты. Поэтому борются они за себя. Борются и те, кому нужна новая украинская власть – главный фаворит предстоящих выборов Петр Порошенко свою команду уже определил.

Понятно, что, несмотря на то, что идет большая политическая игра, народные силы действуют реально. Они не являются марионетками в руках каких-то кровавых кукловодов – Кремлевских или Евромайданских. Они – сами по себе. И их очень жалко.

Мой родной любимый украинский город, с которым связано огромное количество имен русской культуры – от Жванецкого до Бабеля и Утесова, от Багрицкого и Столярского до Пушкина,

писавших, певших, говоривших, думавших по-русски. Уезжал с ощущением, что все плохое только начинается. Чтобы это предотвратить, готов приложить любые силы – пожимать руки, просить прощения, сводить разведенных по сторонам баррикад моих ближайших друзей, которые стали непримиримыми врагами.

Этот сгоревший дом профсоюзов находится в 300 метрах от моего одесского жилья. В одно окно вижу голубое небо и море, а в другое – обгоревший дом, цветы и свечи по погибшим. Это несовместимо так же, как несоединима сегодня разорванная пополам Одесса.

Прекратите ссать!

15 мая 2014 года

В последние несколько лет, а в эти дни особенно, наблюдаю невероятную картину. Вдоль дороги стоят припаркованные машины, а рядом совершенно спокойно, не прячась и не скрываясь, писают их владельцы. Чуть дальше может быть лесок, кустики, деревья, но никто даже не пытается сделать лишний шажок. Писают, не стыдясь, вот прямо на глазах у водителей проезжающих мимо автомобилей, за рулем которых нередко сидят дамы… Я даже думал, что все это мне мерещится… Но нет – и мои знакомые автомобилисты подтверждают: ссут!

Может, эта мода зашла к нам из загнивающей, погрязшей в грехе Европы? Нет. Бываю там часто, много езжу на машине – не видел ни разу. А может, из Америки зараза эта к нам занесена? Там бываю реже, конечно, но все-таки, кажется, и в Штатах такого не встречал. Может быть, не приспособлено у нас ничего – нет туалетов придорожных, стоянок с надлежащим оборудованием? Стал я тут ездить по новой платной дороге – хорошо, хоть и дороговато: дорога чистая, полосы широкие, противошумовые заграждения отличные, есть стоянки всякие… Но и там останавливаются дорогие авто, из них выходят хорошо одетые джентльмены в элегантных костюмах при галстуках и справляют нужду на глазах у всех.

Наша государственная Дума принимает каждый день горы законов. В основном, запретительных. И хотя я, во-первых, не депутат, а во-вторых, терпеть не могу запреты, хочу инициировать новый закон: запретить ссать на автотрассах!

Пусть хоть один закон будет помогать жить, а не мешать.

А почему стыдно, если верят?

5 июня 2014 года

Случайно в машине включил какую-то радиостанцию и услышал ясновидящую Тамару, которой в прямой эфир позвонила некая тетка и в слезах сообщила, что ей кажется, будто муж ей изменяет. Тамара прервала ее: «Вам ничего не кажется. Все точно. Он уже изменил – нитка в моей руке натянулась во время звонка, и все известно». «Что же делать?!» – истошно возвопила тетка. «Позвоните по телефону такому-то и вам обязательно помогут», – пообещала Тамара…

А по Российскому ТВ видел репортаж, как человек заряжает воду в пещере. На вопрос, есть ли у вас патент? Человек сказал: «Конечно!» И это неудивительно: патент сейчас можно получить на любую чушь, на любое шарлатанство – от живой воды до мертвой. Оформить документы на ремонт исторического здания – уйдут годы. Получить разрешение на открытие предприятия малого бизнеса – вообще нереально. А запатентовать чудо-таблетку – в два счета. Кстати, о такой таблетке только что услышал не где-то, а на любимом радио «Эхо Москвы»: электронную таблетку, видите ли, изобрели. Глотаешь ее, она начинает излучать некие импульсы – и буквально все болезни как рукой снимает.

В пьесе Горького «Егор Булычев и другие», действие которой происходит в начале XX века, есть эпизодический персонаж Трубач. Он ходит по домам с басовой трубой и предлагает всем в нее дуть с целью излечения, так как, по его мнению: «Все болезни одинаково происходят по причине дурного воздуха в животе, так что я ото всех лечу…» А на вопрос, не стыдно ли ему людей обманывать, отвечает: «А почему стыдно, если верят?»

Вспомнил об этом, услышав по радио очередную передачу о том, какую замечательную воду производит некий «волшебник»: ее на крысах испытывали, так те стали в два раза дольше жить!

Мракобесие… Сколько мы его хлебнули в 90-е от Чумака, Кашпировского. Казалось бы, хватит. Но нет – все опять повторяется. И если мы верим электронным таблеткам, почему нам не поверить, что Молотов, оказывается, был величайшей души человек. Если бы не он – не было бы Второго фронта. А что пакт пресловутый подписал – с кем не бывает! А вчера по Первому каналу показали фильм про Лаврентия Павловича Берия. Вот так всю дорогу уважительно его величали: Лаврентий Павлович… Тоже, как оказалось, ангел был, а вовсе не злодей. Реформатор. Не убил бы его Хрущев – перестройка прямо при нем

бы и началась. Амнистии, разоблачение репрессий – все он, отец родной. Что девушек в подвалы заманивал – то поклеп, клевета, миф, чтобы очернить героя. А подвалы те – убежище для семьи. Потому что семьянин был отличнейший.

Нам врут… Мы верим… И не стыдно.

Не корысти ради…

10 июня 2014 года

На днях после спектакля «Пришел мужчина к женщине» выходил из театра. Ко мне подошли зрители, стали говорить какие-то добрые слова и спрашивать, что им еще стоит посмотреть. И я сказал: завтра день рождения Пушкина, мы играем спектакль «Спасти камер-юнкера Пушкина, в котором заняты наши молодые и очень талантливые артисты. «А если уже нет билетов?», – спросила одна не очень молодая и очень интеллигентная зрительница. Я ответил, что если вдруг билета не будет, то готов лично принести ей стул.

На следующий день шел «Камер-юнкер», было много народа, и я не вспоминал об этом. Спектакль прошел хорошо: в день рождения поэта артисты играли с особенным азартом. В конце билетеры передали мне букет цветов – потрясающих, необыкновенно красивых – и письмо в самодельном (руками склеенном!) конверте: «Иосиф Леонидович! Вы меня поразили в самое сердце»… Это было письмо от той самой зрительницы. Она пришла в театр. Купила билет. Смотрела спектакль. А после оставила для меня эти потрясающие цветы с благодарностью! За то, что я просто предложил ей место на спектакле, которым она даже не воспользовалась. В письме не было никаких просьб, к которым я привык – прочитать пьесу, прослушать племянника для поступления в ГИТИС, выписать пропуск – ни-че-го! Просто благодарность за спектакль. Не было ни контактного телефона, ни даже имени – только неразборчивая подпись. Меня это тронуло. Да что там тронуло – поразило, говоря словами этой самой женщины, «в самое сердце». Бескорыстие, интеллигентность, скромность, увы, такие редкие, по нынешним временам, вещи.

Уважаемая зрительница! Я приглашаю вас на наши спектакли! Мы завершаем сезон, но сыграем еще «Русское варенье», «Дом», «Город». Приходите! Я посажу Вас на служебное место!

И вновь продолжается бой

18 марта 2015 года

Вчера услышал, что мэр предложил сократить городской аппарат чиновников на 30 %, а сегодня получил из Департамента культуры анкету с огромным количеством вопросов на четырех страницах формата А4 и со строжайшим предписанием немедленного заполнения и передачи ее в департамент. Степень проникновения в личную жизнь анкетируемого ошеломила. Стало ясно: обреченные на вылет 30 % госслужащих срочно решили доказать необходимость своих рабочих мест и обоснованность немаленьких бюджетных зарплат. Столь глубокий интерес к своей личности я встречал, когда в застойные 80-е меня пригласили ставить спектакль в Венгрию. Сначала заполнил анкету со схожими вопросами, а затем предстал перед комиссией райкома партии, где заседали люди с лицами, невероятно похожими на те, которые сегодня можно увидеть в политических телешоу Аркадия Мамонтова или Петра Толстого. Они с пристрастием выясняли, каково мое отношение к творчеству Солженицына. И, видимо, ответы их не устроили – в Венгрию (братскую, социалистическую Венгрию!) меня не выпустили.

Впервые выпустили в «проклятые» 90-е, когда в управлении культуры работало всего несколько человек. Что не помешало, а скорее всего, способствовало созданию новых творческих коллективов, оркестров, строительству концертных и театральных площадок. Впрочем, теперь нам не до этого – есть другие, гораздо более важные задачи.

Второй раз с подобной анкетой я столкнулся, получая недавно британскую визу. Исходя из этой анкеты, меня подозревали во всем: в терроризме, в знакомстве с террористами, в депортации, в каких-то «плохих поступках», которые я мог совершать. Это задело – англичане хорошо знают, что такое privacy. Но было понятно: пуская в свою страну человека из подозрительной России, они и ее граждан подозревали в злых намерениях.

Но почему меня так «ощупывают» в родной стране? В чем подозревают? Например, нужно указать, в каких странах был за последние пять лет. Перечень занял несколько страниц: даже не думал, что я так много езжу – причем не на отдых: фестивали, гастроли, лекции. Работа, в рамках которой я представляю за границей нашу культуру. И еще нужно указать данные всех родственников, в том числе жен (мужей), включая разведенных. Ну, хорошо, что у меня одна жена. А ведь есть коллеги, у которых

этот перечень может занять столько же места, сколько у меня список посещенных иностранных государств. Есть вопросы о судимости. Искал пункт о наличии родственников за границей – даже удивился, что он отсутствует. Вероятно, пока. Вспомнили и о моем ГИТИСовском дипломе – кажется, не доставал его с тех пор, как он был торжественно вручен председателем госкомиссии народной артисткой СССР Софьей Владимировной Гиацинтовой. Между прочим, членом ВКП(б) с 1951 года! Все это время, что я работаю в московских театрах, четверть века, что возглавляю театр «Школа современной пьесы», никто не удосужился проверить наличие у меня диплома. И вот – наконец-то!

Когда-то, будучи студентами того же ГИТИСа, мы слегка переиначили известную песню Пахмутовой: «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди. И Ленин такой молодой, и Сталин еще впереди». Какая-то актуальная песня…

Последний пункт анкеты оказался «на свободную тему»: что бы вы хотели добавить дополнительно к заданным вопросам? Так сказать, сдаться добровольно. И я указал две свои награды, которыми очень горжусь и которые сегодня, в условиях резкого крена геополитической ориентации нашей страны демонстрируют мою удивительную прозорливость: лауреат государственной премии Турецкой республики и почетный профессор Тегеранского университета.

Еще один Бессмертный полк

12 мая 2015 года

Стихает ликование, потрясение, колоссальный эмоциональный взлет, охватившие нас в День Победы. Острота темы гаснет, жизнь идет вперед. Но уроки этого дня – 9 мая 2015 года – принципиальны. Впервые за много лет этот великий праздник, ставший официально-казенным, наполнился глубоким смыслом. При этом он явился в облике масштабной государственной акции – впечатляющей и устрашающей демонстрации новейшего оружия и машин смерти. Простой человек с улицы не мог это увидеть вживую – мои попытки пройти на Тверскую улицу с бульваров, были пресечены кордонами охраны. Но главным событием стал многотысячный марш Бессмертного полка, придавший празднику глубинную народность. Портреты несли у сердца – и было понятно, что участие каждого в этом марше тоже идет от сердца. Никого не свозили на автобусах, никому за это не платили. Наш театр давал 9 мая два представления на Театральной площади – на сцене возле Большого театра. «Монологи городов» – этот спектакль мы сделали специально ко Дню Победы. 13 наших артистов читали монологи от имени городов-героев. Второе представление шло после минуты молчания – в 7 часов вечера. На Театральной площади собрались участники Бессмертного полка. Все пространство заполнилось людьми с портретами в руках. Они повернули портреты лицами к сцене – и мы играли для них, для участников Бессмертного полка. Это незабываемо.

Бессмертные полки вышли на улицы Берлина, Вашингтона, Брюсселя. Так что не одни наши враги живут в Америке и Европе. Вспоминая сегодня строки Пастернака: «но пораженье от победы ты сам не должен отличать», опасаюсь, что прекрасному народному порыву захотят навязать роль пропагандистского инструмента. Хочу предложить: в День памяти жертв политических репрессий 30 октября провести еще один марш Бессмертного полка – выйти с портретами наших родных и близких, погибших в сталинских лагерях, в том числе и тех, кто, вернувшись с войны, оказался репрессирован за пребывание в плену или окружении, жертв голодомора, сталинских «чисток», уничтоживших перед войной цвет Красной Армии.

За три дня до празднования 70-летия Победы был открыт памятник Сталину в Липецке. Памятник человеку, под руководством которого советский народ выиграл Великую Отечественную войну. И это исторический факт. Чего же я тогда

хочу? Правды. Правды о потерях, понесенных нами во время внутренней войны, которую Сталин вел со своим народом. История преподает уроки победы и поражения. Только осознавая и то и другое в прошлом, мы получаем шанс не наступать на те же грабли в будущем.

Как я не стал звездой «НТВ»

21 сентября 2015 года

В очередной раз позвали на ТВ. Приветливый и очень ласковый женский голос предложил сняться в передаче Юлии Высоцкой. Удивился: про еду будем говорить?! «Нет, не про еду! Про искусство, про театр, про жизнь! Про все, что ВАМ интересно».

Казалось бы, опытный я в отношениях с ТВ человек, но тут – повелся. Поверил ласковому женскому голосу. Согласился, даже не полюбопытствовав, на каком канале эфир. На следующий день – снова звонок. Голос другой. Тоже очень приветливый, но уже с деловитыми нотками. «Иосиф Леонидович, давайте утвердим тему разговора!». «Чего же тут утверждать – театр, конечно. У нас новый сезон открылся, премьеры, гастроли. Вот и поговорим!». Через некоторое время – снова звонок: голос опять-таки женский, но тембр совершенно иной и интонации повелительные: «Я главный редактор. Видите ли, руководство канала «НТВ» определяет тему. К сожалению, театр – это слишком узко. Нужно говорить о жизни, о людях. Понимаете?» Тут я впервые услышал «НТВ» и насторожился очень. Почувствовав это, главный редактор поспешила меня успокоить: «Передача утренняя – предполагается легкая, непринужденная беседа!»

Договорились, что завтра в 16.20 за мной приедет такси. В назначенный день в театре был прогон нового спектакля «Молоток», поставленного моим дипломником Павлом Макаровым: современная, динамичная молодежная драма. Мы только начали обсуждать увиденное, как меня поторопили: пришла машина! Я пообещал, что вернусь в театр как можно скорее, чтобы продолжить обсуждение.

В такси было жутко накурено. Спасло то, что место съемки оказалось недалеко от театра: через 10 минут мы остановились возле бывшего Дворца культуры «Правда», на котором большими буквами написано: «Студия Юлии Высоцкой». Немного ниже и чуть мельче: «Администрация президента». Интересно, кто у кого снимает угол? «С вас 400 рублей», – сказал таксист. Я несколько удивился, но заплатил. Теперь мне предстояло пройти через кордон телевизионных дам, толпившихся на крыльце в клубах сигаретного дыма – буквально, как в сцене из оперы Бизе «Кармен». Надо сказать, что это особенный тип – тележенщины. Все они курят, все – неопределенного возраста, и все бесконечно говорят по телефону с крайне озабоченным выражением лица.

«Вам наверх!» – в спину мне выкрикнул охранник, видимо, догадавшись, что я прибыл на съемку. Поднявшись, попал в пропитанную дымным дыханием комнату, наполненную красивой старинной мебелью и огромным количеством ярких афиш спектаклей Андрея Кончаловского, поставленных в европейских театрах. Было 16.30.

Меня встретила женщина, которая предложила чай, кофе, воду. Я попросил, как можно скорее приступить к работе. Тогда за меня взялся гример, который долго и подробно меня гримировал. Мне даже показалось, что из моего лица безуспешно пытались сделать какое-то другое. Когда мне снова предложили еще кофе, я понял, что тянут время. Прошло полчаса. Вошла еще одна женщина, которая явно до этого долго стояла на крыльце. Она выдохнула на меня дым и пламень вместе с текстом: «Иосиф Леонидович, вы понимаете, это «НТВ». Мы должны соответствовать. Я-то сама смерть, как люблю искусство, но – вы же понимаете – нужно будет говорить о карикатурах Шарли Эбдо.» Черт!!! Эти карикатуры Шарли Эбдо, равно как и беженцы в Европе, похоже, так тревожат российское телевиденье, что уже другие темы никому не нужны! Только что я говорил об этом в эфире у Соловьева, у Толстого, где-то еще! Никак не ожидал, что и с Юлией Высоцкой вынужден буду в очередной раз помогать Европе. Очень захотелось спрыгнуть в окно, повторив подвиг Подколесина, но… Остался. В комнате периодически появлялись редакторы, между которыми шел примерно такой диалог:

– Дай мне Баскова.

– А ты дай мне Зверева.

– Я тебе не дам Зверева, ты мне в прошлый раз не дала Галкина…

Изредка они выходили из комнаты, а возвращаясь, всякий раз вносили свежепрокуренное дыхание.

В какой-то момент оказался в комнате один. Тут появился женственный юноша в шортах, яркой рубашке, с серьгой в правом ухе, который, взглянув на меня в упор, с досадой произнес классическое: «И здесь никого нет»…

Еще минут через десять вошли странно одетые девушка и парень, которые держали в обеих руках по лейке. То ли они снимались в передаче «Наш сад», то ли участвовали в каком-то флешмобе. Ища кого-то взглядом (явно не меня), они не прерывали своей беседы: «Экзистенциальная персонификация медиатора нуждается в перформации…», «Это типичная деконструктивисткая критика постсюрреализма…». Обменявшись этими невероятными репликами, они исчезли…

Прошел час с тех пор, как я приехал. И когда в очередной раз

вошла очередная женщина, я сказал: «Через 10 минут я уйду». Через 10 минут вошел звуковик и надел на меня микрофон и аккумулятор.

После него забежала еще одна ассистентка и радостно прощебетала: «Еще буквально 5 минут – Юлечка переодевает кофточку». В этот момент меня покинули все. И это было их ошибкой. Потому что я сел к гримерному столику, взял салфетки, вытер грим и побрел на улицу. Стал ловить такси. Но тут меня догнали с криком – он ушел с аппаратурой! Аппаратуру сняли. Поехал в театр с пониманием, что не судьба стать звездой телеканала «НТВ».

Нобелевская премия – тому, кому надо

9 октября 2015 года

Вчера на юбилее «Эха Москвы» было очень много важных и именитых гостей. Все всех с чем-то поздравляли и за что-то благодарили. В числе гостей я увидел Светлану Алексиевич. Вежливо поздоровался, обрадовавшись встрече: всегда считал ее замечательным писателем. И только уже сев в машину, услышал все по тому же «Эху», что в этот же день она получила Нобелевскую премию. И я понял, что не поздравил ее с таким грандиозным событием на фронте русскоязычной литературы. Ощутив, как мне казалось, естественный прилив гордости за нашу – советскую, русскую, белорусскую – словесность, вдруг с удивлением обнаружил, что этот безусловный для меня праздник стал предметом еще одного раскола в среде образованных людей. Оказывается, далеко не все разделяют радость по поводу этого события. У кого-то – претензии идейного характера: дескать, не любит она российскую власть, а Нобелевскому комитету только того и надо – премировать врагов России. Кто-то изящно переводит спор в эстетическую плоскость, утверждая: Алексиевич – не писатель, а журналист, публицист, так что никакого отношения к изящной словесности ее сочинения не имеют.

Не буду ни с кем полемизировать. Да, я, пожалуй, разделяю многие идеологические позиции Светланы Александровны, но это не главное. Главное то, что в своем творчестве она занимается живым человеком, потому она – писатель. Помню ее документальные рассказы о белорусской деревне, о войне, полные деталей, которые при всей своей достоверности создавали именно художественный образ. Удивительная история женщины, вернувшейся в сожженную деревню и увидевшей двух лошадей, каким-то чудом оставшихся живыми среди пепелища. Трогательный рассказ об отце, фронтовике, редко рассказывавшем о войне. И только чуть выпив, он вспоминал страшные вещи. Например, о том, как тащил своего друга с поля боя, не осознавая, что он уже давно мертв. И я вспоминаю рассказ моего отца, который иногда за столом, тоже слегка выпивая, вдруг рассказывал, как на танке врезался в колонну пленных немцев, проехав перед этим по сожженной белорусской деревне и увидев тела обгоревших жителей…

Ругать Алексиевич за «журналистику» – абсурд. Она открыла новый жанр – документальной прозы. И если эта «журналистика» трогает, цепляет, задевает за живое, то это писательство – в

отличие от бездушной, формальной, стилизованной «литературы». Для меня творчество Алексиевич близко тому, чем занимается «Школа современной пьесы», ставя драматургию, созданную здесь и сейчас о наших современниках – реальных невыдуманных людях.

И я счастлив, что в ряду лауреатов Нобелевской премии появился еще один писатель, который пишет по-русски.

Вызвали на Петровку

20 октября 2015 года

Недели две назад мне выдали письменное предписание Департамента культуры о необходимости «лично прибыть для подписания дополнительного соглашения к трудовому договору по адресу: ул. Петровка, д. 17, стр. 9… При себе иметь паспорт Российской Федерации.

И вот все никак я не мог лично прибыть: сначала участие в фестивале «Балтийский дом» в Петербурге, затем началась сессия у моих студентов в ГИТИСе, репетиции двух спектаклей, подготовка вечера СТИХиЯ… Все это время в театр приходили напоминания и уведомления. И вот вчера в очередной раз услышал от своей помощницы, что мне срочно надлежит явиться в Департамент, а в противном случает договор со мной не подпишут, и не будет мне вовсе никакого счастья. День выдался труднейший. Сначала репетиция, затем зачет у студентов, кафедра, потом я вел СТИХиЮ, а после окончания еще со студентами разбирал результаты зачета… Вообще-то для меня норма выходить из театра после полуночи, но вчера удалось побить рекорд: ушел в начале четвертого утра. До Департамента не дошел. А потому отправился туда сегодня. Вначале очень удивился, обнаружив, что идти надо не на Неглинку, а на Петровку. Там долго искал строение 9. Наконец, миновав шлагбаум, нашел. Матерый человечище в форме охранника строго меня остановил, внимательно ознакомился с «повесткой» и послал в другое здание. В другом здании все повторилось: физически крепкий дежурный самого что ни на есть активного мужского возраста, которого правильнее было бы направить на актуальные мероприятия по укладыванию тротуарной плитки на улицах Москвы, долго изучал мой паспорт гражданина Российской Федерации, а затем не торопясь стал переписывать эти данные в амбарную книгу. Скопилась даже очередь. Нашел кабинет. Там меня встретила милая интеллигентная женщина, у которой я поинтересовался: «Зачем нужно лично приходить?» «Распоряжение руководства», – ответила она, напомнив сакраментальное «Назначено» из булгаковского «Театрального романа». Затем я заполнил в двух экземплярах некий документ, где своей рукой вписывал все свои данные из паспорта… Попытка сачкануть и свой экземпляр не заполнять не удалась: «Договор будет подписан Кибовским, после чего вы его должны будете получить лично». «Опять лично? – в отчаянии спросил я. – Зачем? Что меняется? Я уже более 25 лет подписываю договор с

Департаментом?» «Как что? – удивилась милая женщина. – «Вот, смотрите, ваша зарплата была 55100 рублей, а теперь будет 56447 рублей».

Я ушел. Каждый день заполняю разные бумаги. Только что сдал «Отчет по результатам командирования (слово-то какое – КОМАНДИРОВАНИЕ!) художественного руководителя (то есть, меня) на фестиваль «Балтийский дом». В частности, пункт 5: «Достижения по результатам командирования». Я отчитался: высокая оценка, данная спектаклю «Спасти камер-юнкера Пушкина» участниками и гостями фестиваля, а также средствами массовой информации… и т. д.» А еще пункт 6: «Практические выводы и предложения по использованию результатов командировки в деятельности учреждения». То есть, братцы мои! Армия чиновников – специалистов ведущих, старших и младших, заполняющих кабинеты теперь уже в нескольких зданиях на Неглинке, на Петровке, а может, и еще где-то – не в курсе, какие такие «практические выводы» можно сделать из участия театра в международном театральном фестивале!!! Замечу еще, что это самое «командирование» осуществлялось вовсе не за счет Департамента культуры, а на средства «Балтийского дома»! И ведь отчет этот не на пустом месте возник, а в соответствии с приказом, принятым нашим новым министром. Вернее, в соответствии с Приложением к Приказу, которое называется (внимание!) – «Порядок командирования руководителей учреждений». В сих скрижалях завета аж 6 страниц. И среди пунктов, обязующих нас ездить в 4-хместных купе и перемещаться на кораблях в каютах 3 категории, читаем и такие поистине библейские строки: пункт 4.1. «В течение трех рабочих дней со дня окончания командирования руководитель представляет в Департамент отчет по результатам командирования…» Ну и пункт 4.2., который по применению богатейших ресурсов русского языка можно считать образцом бюрократической словесности: «Представление Отчета осуществляется в порядке, определенном пунктом 1.5. настоящего Порядка».

Да… Это даже не телефонный справочник Мейерхольда. Это Большая Литература, где очень важно, что есть порядок с маленькой буквы, а есть Порядок с большой! И это уже драматургия…

Остров свободы

26 ноября 2015 года

Вернулся из Екатеринбурга, где был на открытии Президентского центра Бориса Ельцина. Никогда не думал, что посещение музея может произвести столь сильное эмоциональное впечатление. Хотя мне приходилось и раньше бывать на интересных и необычных экспозициях от музея Пикассо в Париже до музея Кука в Новой Зеландии, где подробно воссоздана история его съедения.

Состав делегации, отправившейся в Екатеринбург, известен из новостных лент. Там были ВСЕ. И важно, что на открытие центра, посвященного первому российскому президенту, прилетели последующие президенты – второй, третий и, естественно, четвертый…

И здесь невозможно не вспомнить стандартную для нашего Отечества норму: стоит только умереть руководителю государства, как последующий тут же затевает процедуру осуждения предшественника. Так было со Сталиным, Хрущевым, Брежневым… И вот схема как будто бы сломана. Да, конечно, только ленивый не пинает сейчас «лихие девяностые», видя в них деструктивный смысл и причины сегодняшних проблем. Открывшийся музей доказывает с убедительнейшей очевидностью: это не так! Эти годы, эти события, эти планы, эти проекты имели огромный созидательный потенциал. И очень жаль, что он во многом остался нереализованным. Поэтому в каком-то смысле Центр Ельцина воспринимается как памятник несбывшимся мечтам, неосуществившимся надеждам, упущенным возможностям.

Расположенный на берегу реки в самом центре города музей – это даже не музей. Это невиданный современнейший театр с фантастическим техническим оснащением, талантливо оформленным пространством, в полной мере погружающим посетителя в эпоху 90-х годов и в реалии, окружавшие Бориса Ельцина и его команду. На гигантском экране – проекция ландшафтов страны сменяется российским флагом немыслимых размеров. Вы идете вдоль баррикад, можете забраться в настоящий троллейбус, когда-то преграждавший путь толпам, направляющимся к Белому дому. Один к одному воссоздана московская квартира Ельцина, его кабинет в Кремле. У входа – огромный памятник из белого гранита. Фигура Ельцина, грубо вытесанная, как бы не до конца оформленная, с силой преодолевает неприступную стену.

Наина Иосифовна встречала гостей у входа, угощая всех своей «фирменной» домашней настойкой.

И еще – царила удивительная атмосфера. Можно было свободно подойти к кому угодно – общаться, разговаривать, обмениваться впечатлениями. Как будто музейные экспонаты воссоздали и то состояние, в котором мы находились тогда – азарт, раскрепощение, ясное понимание целей, предвкушение чего-то, что еще недавно казалось абсолютно недоступным и вдруг – вот, стало возможным, достижимым! Тогда для нас открылся целый мир, который, увы, постепенно вновь закрывается. Остров свободы – так можно было бы назвать этот удивительный музей.

Центр Ельцина дает уникальную возможность вспомнить все, повернуть время вспять и вновь удостовериться: эта эпоха действительно дала России импульс для гигантского поворота к демократическому, цивилизованному, свободному пути, по которому она радостно побежала, но, не добежав, наткнулась на ту самую стену, из которой с таким трудом вырвался Ельцин, и остановилась в нерешительности. А может быть, уже и приняла решение – свернуть с этого пути совершенно в иную сторону. В сторону запретов, изоляции, вражды.

Старо-новогоднее

13 января 2016 года

Сегодня канун Старого Нового года. Тем не менее, кругом уже валяются честно отработавшие праздник, выброшенные елочки – с остатками мишуры, уже не нужные, хотя почти что свежие. И я вспомнил, как много-много лет назад новогодняя елка была моей детской несбыточной мечтой.

Я жил с родителями в Одессе, в коммунальной квартире в проходной комнате, естественно, как и все жильцы нашего двора, очень бедно. Купить к Новому году елку, да еще игрушки – непозволительная роскошь. Мы видели такое только в театре. Из 34 квартир нашего двора, может быть, только в 2-3 счастливцы наряжали елочку.

Елка для Одессы того времени была гораздо большей экзотикой, чем сегодня пальма для Москвы. Пальму теперь можно купить в любом гипермаркете. Елка в Одессе была недосягаема.

Я мечтал о елке. Тогда поздравительные телеграммы посылали на специальных бланках. Я отрезал от телеграммы картинку, изображающую лесную красавицу в бусах и с зажженными свечами, и прикреплял ее на стенку. Любовался, мечтал…

Елки продавали на Привозе. Приезжала из России грузовая машина – какой-то ГАЗ или ЗИС, плотно забитая деревьями. Я уже знал, когда их разгружают, когда начинают продавать. Выстраивалась очередь. Я гулял вокруг, вдыхая запах хвои. Номера на машине были не одесские – и все это казалось чем-то прилетевшим из другого мира.

Однажды я сообразил, что надо делать. Встал рано-рано – было еще темно – и отправился на Привоз. Дождался разгрузки, во время которой, конечно же, часть веток отрывались от стволов и падали на землю. Стал собирать ветки, стараясь брать самые крупные. Кстати, был я не одинок – несколько женщин тоже паслись вокруг. Мне удалось набрать штук 7 больших красивых лап и – о счастье! – даже найти довольно приличный ствол. Все это принес домой и принялся мастерить елку, привязывая лапы к стволу. Получилось грандиозно! Если бы не одна загвоздка: не было верхушки. И тогда я снова пошел на Привоз. Продажа подходила к концу. Осталась несколько совсем голых и не годных для праздника деревьев. Я ждал. И когда показалось, что грузчики отвлеклись, кинулся на одну елочку и стал отламывать верхушку. Она была ледяная, иголки впивались в руку, ствол оказался слишком твердым, но я ломал, ломал… Пока не появился

водитель, который двигался на меня. Я буквально примерз к этой верхушке, ожидая расправы. Но водитель вдруг спросил: «Что, денег совсем нет?» Я помотал головой, хотя слукавил: была у меня кое-какая мелочь, но она предназначалась для игрушек, вернее, для того, из чего их можно смастерить. И тогда он сам отломил верхушку и отдал мне. Я побежал домой, по дороге заскочив в магазин, чтобы купить 100 грамм конфет в «золотых» бумажках. Именно из них я намеревался изготовить елочные украшения.

31 декабря с утра приехала из деревни бабушка. Оценив мою изобретательность по украшению елки – я раскладывал на ветках вату, изображающую снег, нарезал «дождик» из «золотых» конфетных оберток, бабушка замесила тесто и слепила штук десять разных фигурок. Потом высушила их, и мы йодом и зеленкой эти фигурки раскрасили. Повесили на ветки маленькие бараночки, конфеты. Вырезали ножницами из бумаги снежинки. А еще повесили мандарины, которые папе на работе выдали в новогоднем заказе – ниткой с иголкой прошив их, чтобы сделать петельки.

Когда родители вечером пришли с работы и увидели наше чудо-дерево, мама заплакала. И сказала, что в следующем году они обязательно купят мне елку. И действительно на будущий год папа привез елку – куцую, маленькую, но настоящую.

Еще раз с Новым годом, дорогие!

Ямал наш

15 августа 2015 года

О Ямале до сих пор слышал то же, что все бывшие советские школьники:

– Дети, какой полуостров сам заявляет о своих размерах?

– Ямал!

– Молодцы!

И вот очередная экспедиция по бездорожью – на Ямал. Мы должны его переехать на квадроциклах. Там вечная мерзлота, в августе почва оттаивает сантиметров на 30, образуя слой страшной грязи. Именно по этой грязи мы хотим за четыре дня пересечь полуостров и выйти к Северно-Ледовитому океану. Вернее, к Обской губе.

И снова экспедиция показала, что жизнь богаче наших творческих фантазий. Нам открылся ландшафт, который трудно себе вообразить. Пожалуй, все студенты художественных академий, которые стремятся постичь многообразие природной цветовой гаммы, должны приезжать сюда на этюды. Вернее, прилетать – никакого другого сообщения, кроме воздушного, здесь не существует. 50 оттенков – не только серого, но зеленого, синего, розового, коричневого, желтого. Колористическая палитра травы, почвы и озер кажется неисчерпаемой. Озера – везде, каждое (видимо, в зависимости от дна) своего цвета – от нежно-голубого до розового. Когда мы, наконец, дошли до моря, то увидели прозрачнейшую синюю воду, белоснежный мелкий песок… Что это? Средиземное? Балтика? Нет, Обская губа.

Полуостров Ямал… Не он мал – каждый из нас почувствовал, как он мал в сравнении с этой необъятной и самодостаточной природой.

Вторжение человека в эту природу началось в 70-е годы, когда советские геологи нашли здесь огромные запасы газа. Сегодня это чрезвычайно полезное ископаемое разделено на две зоны собственности: Газпром, который качает его и продает всем, кто покупает, и НОВАТЭК, компания, возводящая гигантский завод по производству сжиженного газа. На строительстве работают тысячи людей – вахтовым методом. Высокие зарплаты, социальный пакет, железная дисциплина: никакой выпивки, никаких инцидентов. При малейшем конфликте – депортация. Строится новая пристань – возле старой теснятся корабли под флагами всех стран мира, которые вне каких-бы то ни было санкций привозят сюда новейшее оборудование, высококачественные строительные материалы,

металлоконструкции. Через год завод вступит в эксплуатацию.

Все это – образцы самой современной цивилизации, которую человек привнес в величественную природу, чтобы буквально из-под земли достать то, что ему необходимо для дальнейшего технического прогресса и получения прибылей.

А на земле, тем временем, между озерами разбросаны чумы. Точно такие же, какими они были десять веков назад, пять веков назад… Посреди чума горит огонь. Вокруг оленьи шкуры. Конечно, нам известно из передач *Discovery Channel,* что жизнь ненцев теснейшим образом связана с жизнью оленей. Но только, когда видишь все собственными глазами, понимаешь, что это означает на самом деле. Не люди ведут оленей от стойбища к стойбищу, а наоборот – олени сами решают, когда и куда им двигаться в поисках пищи, а люди просто переносят за ними свои чумы. И это не история из глубины веков – это сегодняшний день. Вокруг огня на шкурах сидят разновозрастные дети: младенцы, которые родились здесь же, на этих шкурах, подростки, которых возят в школу, только она им не очень-то и нужна. Тут же – немощные старики. Над костром висит обугленный черный чайник. Хозяйка показывает мне «технологию фильтрации»: воду из ближайшего озера пропускают через тряпку.

На вопрос: «А если вы болеете? Как вызвать врача?» (мобильной или какой-то другой связи на полуострове за пределами зон добычи газа нет), хозяйка отвечает: «А мы не болеем».

Едят сырое мясо, пьют свежую кровь только что зарезанного оленя. Какие тут болезни?

Спросил мужчину – главу семьи, возраст которого не смог определить: может быть, 40, а может быть, 70:

– 18-го выборы. Будете голосовать?

Ответил:

«Выборы» это очень хорошо. Прилетит вертолет, привезет нам сигареты, детям подарки.

– Ну а голосовать за кого будете?

– Голосовать будем за вертолет.

Вертолеты, равно, как и самолеты, которые летают над Ямалом, соединяя его с большой землей, все, как один, принадлежат одноименной авиакомпании. Авиапарк не блещет новизной машин. Цены на билеты высоченные – антимонопольный комитет как-то не замечает, что у этого авиаперевозчика нет конкурентов. Вот и недавно вертолет Ми-8 разбился над полуостровом – погибли 15 человек. И все равно: голосовать они будут за вертолет.

Этот фантастический контраст между двумя мирами просто

потрясает. Ямал – наш, он давно наш, он, можно сказать, все время наш. И все, что нам от него надо, мы берем. Но, возможно, что-то нужно дать и ему? По крайней мере, шанс быть связанным с другим миром. И другому миру неплохо было бы дать шанс увидеть эту первозданную красоту – нужно только создать там что-нибудь кроме завода по выкачиванию газа. Но до этого пока, вероятно, руки не доходят. Ямал и так наш.

Жалуйтесь!

23 августа 2016 года

Давно испытываю склонность к старой мебели. Особенно сервантам. Даже в приемной театра стоит сервантик, уцелевший после пожара на Неглинке. И дома в Жаворонках имеются такие «антикварные» предметы мебели: один я принес с помойки, а второй, выброшенный соседями с запиской «возьмите, если кому надо», взял, потому что мне он очень понравился. Выкрасил его в зеленый цвет и поставил в кухне.

В последнее время мне снова понадобился сервант – в мою московскую очень странную квартиру, расположенную на чердачном этаже старого дома, которую знакомые с иронией называют «пентхаусом». Я буквально видел, каким должен быть это сервант – размер, вид и пр. Дня три назад близкая родственница скинула мне ссылку в интернете со словами: глянь, кажется, они продают именно то, что ты ищешь. Я глянул: действительно – то самое. В меру потертый, советский сервантик примерно 30-х годов прошлого века. И цена умеренная.

В воскресенье я проводил «Воскресный вечер» с Владимиром Соловьевым. Съемка проходит в здании, где размещается редакция телеканала – на улице Правды, дом 24. Подумав, что после съемки я мог бы подъехать посмотреть приглянувшийся раритет, позвонил по указанному в объявлении телефону. «Приезжайте», – отвечают. «Куда?» «На улицу Правды, дом 24…» Я несколько оторопел. Может быть это розыгрыш? Продавец серванта уточнил: вход со двора.

Отснявшись у Соловьева, вступив в очередной раз в бессмысленные споры, снова и снова дав себе слово никогда больше в этом не участвовать (которое, разумеется, нарушу), отправился во двор. Меня встретил молодой человек. Мы прошли в какое-то складское помещение, и я увидел сервант. Да. Это было то, что надо. Стоимость устраивала, но одесскую природу не задавишь – я начал торговаться. Молодой человек сказал, что в таком случае приведет хозяина. Через пять минут появился крупный лысый человек, который вдруг изумленно уставился на меня:

– Иосиф! Так ты все понял? Узнал, ТОТ САМЫЙ сервант?!

Я изумился еще больше, потому что не узнавал не только сервант, но и его хозяина.

– Ты что – не помнишь?! – вскричал человек, и тут у меня что-то начало срастаться.

– Иванов… Толя Иванов…

Мы кинулись в объятия друг друга.

В начале 90-х, когда создавался театр, мы с этим Ивановым устроили наше первое театральное кафе. Толя притащил откуда-то старый сервант, который стал главным дизайнерским акцентом маленького ресторанчика. Именно вокруг него пили чай (и не только) Люба Полищук, Альберт Филозов, Михаил Глузский, Мария Владимировна Миронова. Возле него мы сидели с Марленом Хуциевым, Булатом Шалвовичем Окуджавой после его вечеров, проходивших на сцене театра на Трубной… Правда, бизнес у Толи не пошел. Он оставил кафе и увез сервант.

С тех пор прошло четверть века.

Я, разумеется, сказал, что покупаю сервант. Иванов сказал, что дарит его. Я сказал, что не могу принять такой подарок. Иванов сказал, что тогда подарит мне кое-что другое. Сбегав куда-то, он принес толстую амбарную книгу в кожаном переплете с золотым тиснением: «Книга жалоб». Я прочел вступительные строки, написанные моей рукой:

Вначале открыли театр.

Раз театр, значит «кушать подано» или «мы артисты, наше место в буфете».

Открыли буфет… Кафе… Ресторанчик… Клуб…

Все равно чего-то не хватает.

Открываем КНИГУ ЖАЛОБ.

Жалуйтесь!

Жалуйтесь, на что хотите, на кого хотите, жалуйтесь на жизнь, на судьбу, на детей и родителей.

Жалуйтесь на погоду, на зарплату, на мужа (жену).

Жалуйтесь на плохого руководителя, на бездельника подчиненного.

Жалуйтесь на президента – банка, фирмы, России (нужное подчеркнуть).

Жалуйтесь на всеобщее непонимание, непризнание, неуважение (ненужное вычеркнуть).

Жалуйтесь на возраст…

Жалуйтесь на здоровье.

Жалуйтесь на здоровье!

Иосиф Райхельгауз

Сегодня, конечно, я написал бы в эту книгу жалобу. Без адреса.

Вот такую: жалуюсь, что эта прекрасная, непредсказуемая, счастливая, парадоксальная жизнь так быстро проходит.

Шумим, братцы, шумим…

20 ноября 2016 года

Почти месяц тому назад прозвучала речь Константина Райкина о цензуре. На следующий же день десятки СМИ обратились ко мне, вероятно, как и ко многим моим коллегам, за комментариями. Я считал, что пройдет день-два и об этом забудут, как забывают обо всех наших псевдокрупных «событиях», которые сильно отвлекают от действительно важных и серьезных проблем – экономики, войны, социальных бедствий. Тем более, что проблема, поднятая Константином Аркадьевичем – вообще не проблема: ну, нет у нас цензуры сегодня.

Однако не тут-то было: тема не утихает. Собираются круглые и квадратные столы, худсоветы, в том числе в министерстве, редакциях, СТД. Мифическая проблема материализуется на глазах. Буквально вчера мне позвонил телевизионный ведущий с канала ОРТ и радостно пригласил на съемки очередного ток-шоу по обсуждению выступления Райкина. На днях собрался «большой хурал» в СТД на который специально прилетели театральные деятели аж из Сибири. И вел все это Михаил Швыдкой.

Такое впечатление, что кому-то очень нужно потратить огромные усилия деятелей российского театра и культуры в целом на обсуждение придуманной проблемы. Тем более, что сам Константин Аркадьевич все свои вопросы решил уже на следующий день, встретившись с министром. Они, как известно, обменялись извинениями, и, что самое главное встреча закончилась полным удовлетворением финансовых притязаний режиссера.

Я ни в коем случае не ставлю под сомнение искренность и мотивированность выступления своего коллеги. Когда артист, режиссер, театральный деятель уровня Райкина привлекает внимание к любой теме нашей культуры, то на это следует реагировать. Что и сделал министр культуры, поступив грамотно и внятно: позвал Райкина и договорился с ним. Зато некрасиво поступил секретарь СТД Евгений Стеблов, который собрал конференцию в СТД и объявил выступление Райкина истерикой. Причем в отсутствие самого Райкина. Еще он предположил, что Аркадий Райкин огорчился бы тому, что его сын построил коммерческий Райкин-Плаза. А у меня есть подозрение, что он был бы вовсе не против. Но это все суета, которую можно было бы назвать бессмысленной, если бы не была она вредной.

Вредной! Потому что в нашей культуре существуют реальные глобальные проблемы, которые следовало бы решать Союзу

театральных деятелей (из которого, кстати говоря, лично я вышел лет двадцать назад), вместо этого… скажем так: галдежа.

Мы в основном нашу театральную жизнь определяем по Москве и Петербургу. Иногда в столицу приезжают театры из провинции, номинированные на «Золотую Маску». И, как правило, это спектакли известных мэтров или в редких случаях экспериментальные «всплески» молодых постановщиков. Но эти отдельные события не отражают системы. Театральная провинция живет своей жизнью со своими правилами, нередко антикультурными.

Более 90 % театров в регионах управляются директорами, а не худруками. А потому жизнь театра определяется вкусами и уровнем директора. Получают эту должность по-разному. Иногда это бывшие артисты, чаще не самые талантливые. Нередко люди в театр приходят вовсе из другой сферы. Чаще всего это назначенцы местных правительств, которые мотивированы лишь одним: экономическим выживанием. Губернаторы, которые финансируют театры из местного бюджета, за редким исключением, интересуются искусством в последнюю очередь. Директора становятся князьками, решающими все: кто получит главную роль, какая пьеса будет ставиться, какого режиссера приглашать, пополнять ли труппу молодыми артистами. Не случайно исчезла театральная биржа. Я все это знаю очень хорошо, так как руковожу заочной режиссерской мастерской в ГИТИСе, где обучаются преимущественно студенты из провинции, уже работающие в российских театрах. В прошлом году у меня защищались восемь дипломников-режиссеров – все очень талантливые.

И вот вам свежая картина.

Тверской Академический театр драмы с выдающимся худруком Верой Андреевной Ефремовой. Там поставил замечательный спектакль «неУДОбные» Александр Павлишин. Я тут же порекомендовал этот спектакль для участия в фестивале «Театр. Чехов. Ялта». Но, оказывается, вопрос участия или неучастия в фестивале решается директором. И директор решил не участвовать.

Владимир. Прислал во Владимирский театр молодую актрису, которую увидел в Омске. Настоящая лирическая героиня, хорошо поющая. Договорился с директором. Артистка прилетела в Москву из Омска, затем на электричке приехала во Владимир. Два часа просидела под дверью директорского кабинета. Но у него так и не нашлось времени послушать ее. В конце концов, он объявил ей, что ему артисты не нужны.

Рязань. Увидел отличный спектакль Сергея Гука в Рязанском

театре драмы, на который хорошо продаются билеты, вышли хвалебные рецензии. Спрашиваю у директора: собираетесь ли еще его пригласить на постановку? Ответ: «Пока не вижу необходимости».

Брянский театр. Евгений Кочетков ставит спектакль «Последняя лента Крэппа». Спектакль стильный, художественный, готовый к представлению на премии и фестивали. Был сыгран в Брянске дважды, больше не идет: таково решение директора.

Белгород. Уже более сорока лет театром имени Щепкина руководит Виталий Слободчук. Называется худрук, хотя, по сути – классический директор. Отправил к нему двух своих белгородских студенток – Оксану Половинкину и Оксану Погребняк, которые создали в Белгороде свои молодежные театры. Была мысль, что ему интересно будет посмотреть работы своих молодых землячек – на перспективу дальнейшего сотрудничества. Но нет. Его это совершенно не интересует.

Киров. Был там театр чудовищный, полностью разваленный в творческом отношении. Пару лет назад «Школа современной пьесы» приехала туда на гастроли. Принимал нас губернатор – Никита Белых, находящийся ныне под следствием. Я рекомендовал ему своего талантливого ученика Константина Солдатова в качестве нового главного режиссера, способного возродить театр. До этого Солдатов поставил талантливые спектакли в Калужском областном театре драмы. Но не пришелся ко двору тамошней дирекции. Белых его позвал. Всего за год театр преобразился – обновился репертуар, в театр пришла публика, спектакли номинированы на премию «Золотая Маска», артисты вошли в рабочий режим… Но недавно Костя позвонил мне: новый губернатор сильно срезал бюджет театра на этот год.

И я отлично знаю, что будет: театр имени Кирова вновь превратится в площадку, на которой какой-нибудь ушлый директор будет прокатывать пошлую, бандитскую антрепризу, используя столь же выгодные, сколь и непрозрачные финансовые схемы. Потому что так делается в большинстве провинциальных городов, где директора занимаются не искусством, а прибыльным бизнесом, «впаривая» населению безвкусный, низкопробный продукт.

Ну и кто цензоры в этих городах?

В Москве тоже есть проблема. Как член кафедры режиссуры и худрук программы «Класс молодой режиссуры» я регулярно вижу работы режиссеров-дебютантов. Могу утверждать, что сегодня у нас выросло поколение талантливейших молодых режиссеров. В то же время в Москве есть некоторое количество театров, которые находятся в глубоком застое. И все это понимают, потому что

существуют четкие критерии, по которым видно, есть у худрука живая творческая программа или он из последних сил удерживается на плаву. Нужно ввести практику рекомендаций от худруков театров, действующих режиссеров, руководителей курсов в театральных вузах молодым режиссерам, с которыми Департаменту культуры следует заключать трехлетние контракты на художественное руководство такими вот «умирающими» театрами. Нужно дать им возможность предъявить творческую программу и реализовать ее. Не закрывать финансирование агонизирующего театрального организма, а вдохнуть в него новую жизнь. Считаю, что вот это – глобальная, стратегическая тема, которую нужно обсуждать, освещать в СМИ, по поводу которой имеет смысл собираться, спорить, отстаивать свою позицию. Но мы тратим время на высосанные из пальца проблемы.

И еще… В нашей жизни нередко возникают реальные острые моменты, которые, тем не менее, не становятся предметом бурных дискуссий. Не собрались мы поводу Театра doc., лишившегося помещения, ни разу не вышли на демонстрацию по поводу абсурдной, если не сказать преступной ситуации с великим режиссером Анатолием Васильевым, который не имеет в Москве творческого пристанища, не митинговали в защиту проекта «Открытая сцена»… Зато очень возбудились по вопросу приснившейся цензуры. А цензура сегодня проявляется вовсе не запретах, а в том, что постепенно обществу становится не нужным культурный мыслящий человек. И вместо того, чтобы бороться с этим, мы «шумим, братцы, шумим»…

Дирижеры и хористы

6 февраля 2017 года

Телевизионные ток-шоу… Что это? Проявление реальной демократии? Иллюзия свободы слова? Инструмент пропаганды? Психотерапевтическое средство для успокоения народных масс, выпускающих пар перед голубым экраном?

Я задаю себе этот вопрос, потому что в последние несколько лет стал постоянным участником всевозможных общественно-политических передач на разных каналах: от официозных «Первого» и «Второго» до оппозиционного «Дождя». Обычно занимаю место на «либеральном» фронте полемизирующей компании. Ведь ведущим непременно нужно обеспечить атмосферу непримиримого спора, горячего диспута, острой дискуссии. Если какой-то участник начнет кидаться башмаками и обзываться нехорошими словами – эфир удался. Ну, а если крупно повезет, то кто-то вцепится своему противнику в глотку. Вот тогда на канале воцарится полное счастье: рейтинги неудержимо поползут вверх.

Поделюсь секретом. После того, как участники шоу злобно орут друг на друга, в съемке объявляется перерыв. И тут происходит резкая смена градуса. За чашкой кофе все мирно и дружелюбно друг с другом общаются. Причем нередко выясняется, что кто-то из «непримиримых врагов» накануне вместе парился в баньке или выпивал в ресторане. Но вот перерыв окончен. Оппоненты возвращаются в студию – и вновь начинается бой. Поначалу меня это поражало. Потом привык.

Почему я туда хожу? Во-первых, понимаю, что любое мое появление на экране влияет на популяризацию театра «Школы современной пьесы» да и театрального искусства в принципе. Передач о театре на государственных каналах не бывает, канал «Культура» смотрит 3 % телеаудитории. И поэтому я, где можно и где нельзя, стараюсь ввернуть что-то про спектакли, драматургию, режиссуру и прочие гуманитарные «излишества». Но не только эта причина толкает в телестудию. Я верю (может быть, наивно), что обязан отстаивать свою точку зрения, собственную, самостоятельную, ничем и никем не ангажированную, не проплаченную. И когда иду на федеральные каналы, где, как прекрасно понимаю, происходит целенаправленная, профессиональная обработка мозгов населения страны, льщу себя надеждой, что мой голос – теперь уже все чаще и чаще одинокий – будет кем-то услышан и понят.

Долго не ходил на «НТВ», считая, что это самый

ангажированный и пропагандистский канал среди всех прочих, причем наименее профессиональный – злоупотребляющий штампами и низкопробными клише. Но тут в очередной раз позвонили и начали уговаривать: совершенно новая программа, оригинальная подача, изобретательная режиссура, талантливый и интеллигентный ведущий – профессор МГИМО: «Там все очень культурно – нет пропаганды, никто не перебивает, всем дают высказаться. Называется «Правда Гурнова».

Сомневался, но согласился. Хотя тема не вдохновляла: 30 лет с начала перестройки. Так сказать, подведение итогов. Поиски ответа на вопрос – прав был Горбачев или не прав… Честно говоря, тема эта набила оскомину. Захотелось сказать: друзья! Прошло 30 лет – срок немалый для истории. За подобный срок наше общество и мир в целом переживали войны и возрождения, рушились империи, а колонии обретали независимость, выстраивалась экономика, и радикально менялось информационное пространство. Так может быть, пришло время вопросы перестройки и ее последствий передать аналитикам? Профессионалам – экономистам, ученым, политологам, культурологам. Чтобы они проанализировали все это детально. Проследили – от каких показателей, от какого состояния страна стартовала, к чему пришла. Что потеряла, что приобрела.

Когда-то слова «перестройка», «гласность», «ускорение», «либеральные ценности» общество в большинстве своем радовали и воодушевляли. Потом эти слова опять-таки для большинства стали ругательными. Сегодня в этом надо разбираться профессионалам, а не дилетантам, не знающим матчасти и оперирующим эмоциями и приблизительными представлениями о предмете.

И все же я отправился туда, не зная, кто будут мои оппоненты: по правилам шоу мы должны были увидеть друг друга только в студии. Как жених с невестой на свадьбе в некоторых архаичных традициях. Был готов к тому, что от меня как «либерала» ждут рьяной защиты перестройки и Горбачева.

Я увидел полную студию людей – человек 200, хорошо одетых, комфортно себя чувствующих. Мой режиссерский опыт позволяет безошибочно отделять настоящее от поддельного – так вот эти люди явно пришли сюда на работу. Что сразу определило дух передачи: одно дело, когда в зале реальная публика, которая заинтересованно выслушивает разные точки зрения и ждет «момента истины» и совсем другое, если эта публика – подставная и ей абсолютно плевать на взгляды полемистов. У нее – своя роль и свой гонорар.

Ведущий Александр Гурнов действительно оказался

симпатичным и интеллигентным человеком. Увидел и участников – тех, с кем вместе должен был поставить диагноз перестройке: писатель Александр Проханов, писатель Сергей Шаргунов, генерал Александр Руцкой, ну и я – режиссер Иосиф Райхельгауз. Мы радостно и даже сердечно поздоровались друг с другом.

Начали говорить. Конфликта не получалось. Почему-то все были не то, чтобы согласны друг с другом, но готовы выслушать аргументы, подумать над ними, что-то принять, с чем-то поспорить. Конечно, порой каждый из нас переходил на свои обычные мантры, но кровавый бой откровенно срывался. Мы выглядели не противниками, а собеседниками.

И это было удивительно – ведь мы живем в тревожное, раздираемое противоречиями время, когда ссорятся все. Семьи рушатся, потому что нет единого понимания, скажем, факта присоединения Крыма к России или войны в Сирии. Внутренняя идеологическая гражданская война в соцсетях буквально каждый день разрывает многолетние дружеские связи категоричным обвинением в «троллинге» и окончательным «баном». Но мы в войну так и не вступили. Продюсеры и редакторы передачи были явно разочарованы. Да и я в какой-то момент, поняв, что драки не будет, отвлекся на контекст. И обалдел, потому что увидел, наконец, в чем же заключается оригинальность режиссуры «Правды Гурнова».

С двух сторон зала находились два модератора. Я бы их назвал дирижерами. Они рулили публикой. Прямо передо мной сидела девушка в наушниках, которая получала, очевидно, команды от самого главного дирижера, а затем транслировала их своей части зала. Люди в студии, как хористы, совершенно не включались в то, что говорили мы. Они внимательно следили за жестами своего модератора, которая, подозреваю, с отличием закончила дирижерско-хоровой факультет консерватории – столь точны были ее жесты. Под управлением дирижеров публика послушно создавала разные эффекты: гул одобрения, возмущения или безмолвия. Звуки вырастали в постепенном крещендо и замирали в диминуэндо. Это была грандиозная оратория, которую можно было бы назвать «Глас народа». И этот глас был стопроцентно управляемым.

Я увидел грандиозную модель нашего сегодняшнего информационного поля и общественного мнения.

После съемки, обнявшись и нежно простившись с противниками, я отправился восвояси, размышляя о том, как нам необходим грамотный, сознательный, думающий человек. Человек, который сам решает, как именно ему следует любить

Родину. Профессионал, создающий новые научные разработки. Художник, который не выдает за новации устаревшие формы. Нам нужно, чтобы достижения наших химических лабораторий, в которых создаются препараты, способные вылечить серьезные заболевания, были востребованы нашей фармацевтикой, а не продавались за рубеж. Нужен человек мыслящий, не верящий на слово. Который может сопоставить цифры и факты и понять, что они не всегда в нашу пользу. И не всегда льют воду на его точку зрения. Он должен уметь усомниться и задуматься, если факты его к этому побуждают. А не долдонить свои мантры, «забанивая» всех, кто с ним не согласен.

Два-три дня назад почитал исследование ВЦИОМа. За два года у нас заметно упал уровень жизни населения, но при этом повысилось его же доверие к руководству страны. Понятно почему: мы в очередной раз «встали с колен». С нами считаются, нас опять начали побаиваться. А то, что на пенсию, которую нам платят, нельзя даже умереть, не то, что прожить – не важно. Но надолго ли это? Люди повинуются дирижерскому жесту до поры до времени. Пушкинская фраза из «Бориса Годунова» «народ безмолвствует» трактуется многими неверно: у Пушкина это безмолвствие – не тупое безразличие, а угроза, молчаливый (пока еще) протест.

Ошибка считать, что «оранжевые революции» – только ТАМ. Люди не прощают, когда их на… Скажем так, обманывают. И Болотная площадь в 2011 году как результат недоверия к выборам тому подтверждение.

Стоит задуматься о том, как народы разных стран, если не единодушно, то вполне массово поддерживали режимы Гитлера, Муссолини, Сталина. И как после осуждения диктаторских режимов, вдруг это же население оказывалось совершенно иным. Откуда брались эти люди, которые уже не поддерживали, а осуждали? Да ниоткуда. Они – те же. Просто им сначала рассказывали одно, приказывая дирижерским жестом приветствовать, а затем другое, приказывая осуждать. И они приветствовали и осуждали. Не думая. Подчиняясь дирижерскому жесту.

О чем угодно можно поведать с какой угодно стороны. И все это будет правдой, как в старой притче. Заказали художнику портрет диктатора, у которого левая сторона лица была изуродована. Один художник нарисовал так, как есть – был казнен за оскорбление вождя. Второй изобразил вождя без уродства – был казнен за ложь. Третий написал портрет в профиль. Ему дали государственную премию.

А каковы дирижеры? Не главные, которые где-то там, за

пределами студии, а те, кто в кадре – телеведущие. Как легко они меняют угол зрения: еще вчера этот талантливый и харизматичный журналист клеймил Америку последними словами. Но вот – победил Трамп. И Америка уже наш лучший друг. Страшно подумать, как все изменится, если, не дай Бог, Трамп примет какой-нибудь антироссийский указ. У этих людей нет своих убеждений. Зато есть блистательная система аргументации и отточенная риторика, которая позволяет им внушать аудитории любую точку зрения. ЛЮБУЮ. Сегодня такую, а завтра – диаметрально противоположную. Скажете – цинизм? Они вас поправят с обаятельной улыбкой: не цинизм, а профессионализм.

Каждый новый руководитель нашего государства в инаугурационной речи всегда заявлял о том, что будет продолжать линию предшественника. Даже Горбачев. Но при этом каждый экс-правитель в России вскорости оказывался кругом виноватым и уличенным в грехах. Разве это нормально? Нормально, если понимать, что этими оценками рулит не здравый смысл, не анализ ситуации, не понимание исторических и политических процессов, а все та же дирижерская палочка, вернее рука, которая эту палочку держит.

А если попытаться проанализировать деятельность этого самого правителя как можно более объективно – насколько вам позволяет ваш интеллект, знания, образование? Не оголтелое отрицание, но и не слепой восторг, а анализ, сравнение и как результат – оценка?

Думал об этом, думал… так все красиво выходило. Если бы не одна мысль, которая предательски свербила в голове: думающий человек, конечно, очень хорош. Только вот и опасен очень. Для дирижеров…

Портреты

Рифкат Исрафилов

Бог ты мой! Неужели Рифкату-60? Ведь совсем еще недавно… Но какое там «недавно» – целая историческая эпоха пролетела с тех пор, как мы, узнав, что новый режиссерский курс в ГИТИСе набирает Анатолий Эфрос, съехались в 1968 году в Москву. Мы все были влюблены в Эфроса-режиссера, создавшего по тем временам самый серьезный, самый глубокий, самый объемный театр, и были уверены, что Анатолий Васильевич и есть самый лучший педагог. В последнем, впрочем, мы ошибались. Единственный режиссерский курс, выпущенный Эфросом еще до нас, оказался очень слабым. Я, во всяком случае, не знаю ни одного его ученика. Так или иначе, но руководителем нового набранного курса он не стал.

Долго нам искали другого руководителя, среди многих кандидатур был Б.И. Равенских. Но (счастливая наша судьба!) в один прекрасный день Мария Осиповна Кнебель, принимавшая у нас экзамены и бывшая тогда заведующей кафедрой, привела и представила Андрея Алексеевича Попова. Ее, преподававшую теорию режиссуры, и его, занимавшегося с нами практически, мы и считаем своими учителями. А ученики известны. Все – состоявшиеся режиссеры. Почти все – руководители театров в обеих столицах, в Туле, Шауляе, Оренбурге, в Испании, Вьетнаме, Мексике, Болгарии (половина курса была из других стран), все мы преподаем, почти все – профессора, все в званиях, премиях, лауреатствах и причем, что когда-то считалось нами чем-то очень важным, но о чем, достигнув, уже стесняемся оповещать зрителей в афишах. Имена сами за себя говорят. Говорю не в качестве хвастовства, это о судьбе, соединившей нас с Поповым, с Учителем. А ведь были мы далеко не юнцами. Режиссерский факультет ГИТИСа собирает людей уже образованных, с жизненным опытом. Тот же Анатолий Васильев, окончивший Ростовский университет, химик-органик по первой профессии. Борис Морозов преподавал теорию машин и механизмов в Челябинском политехническом институте. У нас был врач, и филолог, и профессиональный переводчик, Андрей Андреев. Рифат Исрафилов уже получил высшее театральное образование в Башкирии, работал актером в театре имени М. Гафури. Многие из нас имели режиссерский опыт в студенческих театрах. Казалось, по молодости, что получи мы только диплом, и тогда уж всем покажем, что такое настоящий современный театр. И тем более, так казалось Рифкату, который был, кажется, старше нас всех, выделялся на курсе какой-то особой самодостаточностью

профессионала, он твердо знал, как нужно ставить и играть.

Но учиться, слава богу, пришлось, а Рифкату в чем-то и переучиваться. Учителями стали не только наши профессора. М.М. Будкевич – замечательный режиссер, который очень много дал. Они с Рифкатом дружили. Учила вся театральная Москва. Которую мы, приезжие из других городов и стран, жадно впитывали. Рифкат, кажется, больше всех нас бегал на репетиции и спектакли Эфроса, к Любимову, к раннему Фоменко в университетский театр на Ленинских горах.

Мы вместе смотрели самые известные московские спектакли, бывали на всяких литературных, музыкальных, художественных, как тогда говорили, мероприятиях («тусовках» по – нынешнему). При этом, будучи в большинстве своем из бедных семей, все мы где-то подрабатывали. Но все успевали. Учились серьезно. В том числе – друг у друга. Как нам повезло с компанией. Прежде, чем показать что-то Андрею Алексеевичу Попову, было очень важно, чтобы наши работы увидели однокурсники – Толя Васильев, Боря Морозов, Регина Степановичуте, Рифкат Исрафилов. Мы, естественно, очень жестко друг друга критиковали, предъявляли высочайшие творческие требования. Мало того, мы много играли друг у друга как актеры, и это тоже во многом помогало.

Помню очень интересную режиссуру Исрафилова в пьесе Радзинского «Снимается кино», которую поставил в театре Ленинского комсомола Эфрос. Мы ведь тогда считали своим долгом поспорить с крупными мастерами. И ту роль, которую играл в театре Ширвиндт, он поручил мне, а роль Ольги Яковлевой нашей сокурснице – обаятельнейшей и красивейшей девочке Ирочке Алферовой. Ирина Ивановна играет сейчас в «Школе», и мы нет-нет, да и вспомним нашу первую совместную работу у Исрафилова.

В то время все, что мы делали, казалось противопоставлением современному советскому театру. Мы рвались к постановке Ионеско, Мрожека, инсценировали прозу Солженицына. Даже какая-то «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого считалась опасным взрывом. Время-то такое было!

В год нашего поступления – танки в Чехословакии, разгромы «Нового мира», журнала «Театр», идеологические комиссии, собрания, чистки, проверки, в том числе и в ГИТИСе, разборки с Эфросом, Любимовым, «Современником», Захаровым, травля Володина, Солженицына, Ростроповича, художников-конформистов… Этот мрак и кошмар – на протяжении всей нашей учебы. А мы собрались открытые, вольнолюбивые, наглые, никто не хотел вступать в партию (когда один наш сокурсник вступил, мы все были в шоке). И если бы не Андрей Алексеевич

Попов, который нас очень любил и прикрывал, нас бы просто разогнали, а, глядишь, и посадили бы. Все то советское пространство, советская реальность, в которой мы существовали, была конфликтна; постоянно нами обсуждаемая, отрицаемая, она была той средой, в которой мы росли, которой питались, и которая провоцировала нашу энергию, как пружина, держала в форме и напряжении. Это, безусловно, сказалось и на процессе учебы и на дальнейшей работе.

Я помню студенческие показы Исрафилова, видел спектакли Уфимского театра во время частых гастролей в Москве. Это были мощные, серьезные, профессиональные работы. Думаю, если бы Рифкат жил и работал в Москве, то уверенно выдержал бы столичный уровень соревновательности или конкуренции, как мы это ощущаем сегодня. Он высокий профессионал, замечательный организатор, умеет собрать команду. И даже потерпев такое, я бы сказал, крушение, связанное с советскими традициями, с национализмом, практически возродился на новом месте и поднял оренбургский театр, который прекрасно функционирует, опять слышен в России, и не только слышен, но и занимает весьма достойное место. Россия ведь держава супертеатральная. Я это хорошо понимаю теперь, объездив весь мир. И то, что кроме столичных существуют такие провинциальные театры, как Омский, Самарский, Томский, Липецкий, Орловский, тот же Оренбургский, как мощные структурно-художественные организмы, наглядное тому свидетельство. Потому мы и гордимся нашим русским театром. Исрафилов – один из его столпов. Русского театра – я не оговорился. Все мы, независимо от национальности, представители русской театральной школы, тем и сильны.

А еще я горжусь, что Рифкат – мой однокурсник и замечательный товарищ не только по искусству, но и в жизни. Когда он приезжает в Москву, мы всегда видимся, общаемся. Еще во время учебы, возвращаясь с каникул из Уфы, он всякий раз привозил нам – Толе Васильеву, Боре Морозову и мне – по баночке башкирского меда. Так продолжается и по сей день, 33 года. Сколько же меду мы с ним съели? И без единой ложки дегтя за всю жизнь.

Встреча с ним, с нашей компанией – один из самых больших подарков судьбы. Уже потому, что я знаю: есть Исрафилов. Совершенно уверен, случись что, могу позвонить Рифкату, приехать к нему, поставить спектакль, могу послать своего ученика, могу попросить о чем угодно. То же самое знает и он. Может позвонить мне, Васильеву, Морозову, в Питер – Андрееву, Регине Степанавичуте в Шауляй, в любой город, где есть наши

сокурсники. И услышать в ответ: «Конечно, Рифкат! Приезжай! Жду, обнимаю. Целую! Жду!»

Андрей Макаревич

Когда Андрея Макаревича спрашивают об истоках его творчества, учителях, о тех, кто дал ему импульс, он, безусловно, называет БИТЛЗ. Недаром «Машину времени» окрестили «советскими битлами». Еще Андрей всегда вспоминает Булата Окуджаву и Владимира Высоцкого. Когда человек чтит свои корни и понимает, что он взялся не «из ниоткуда», говорит о многом. У него и родители – замечательные. Отец архитектор, фронтовик. Мама – врач. Настоящая интеллигентная семья. Андрей уже в детстве хотел заниматься всем – быть писателем, художником, дайвером. Первую музыкальную группу он собрал, когда учился в школе. Как каждый талантливый человек, талантлив во всем. И в культуре нашей страны он проявился во всех своих качествах. Окончил архитектурный институт и работал по специальности – архитектура и графика. Путешествует, покоряет вершины, ныряет на глубину. Выходят книги его стихов и прозы. Даже свое кулинарное шоу он ведет как профессионал. То, что вот уже почти полвека «Машина времени» – один из маяков, культурных ориентиров нашей общественной жизни – не случайно. Благодаря таким, как Андрей, наша страна остается живой и талантливой. Он всегда готов совершить «новый поворот». Его тексты цитировались и превращались в метафоры. Макаревич не скрывает своих взглядов. Когда импонирует то, что делает власть, он может стать доверенным лицом Бориса Ельцина и сидеть в ложе с Путиным. Если протестует, то не боится высказываться откровенно. Когда приветствует Майдан и не принимает Крым, заявляет об этом прямо. Макаревич поет и пишет для своей страны и тех людей, которые живут в ней – чтобы сделать их жизнь лучше. Не так давно в рамках фестиваля Булата Окуджавы Андрей выступал в театре «Школа современной пьесы». Это был сольный концерт: только он, его гитара, стихи, песни, воспоминания. Зал скандировал, не отпускал. Андрей Макаревич очень нужен нам сегодня – как и полвека назад.

Леонид Утесов

Встреча с Леонидом Утесовым случилась летом 1981 года.

После печальной истории с театром Станиславского, где мне не дали выпустить спектакль и в конце концов выгнали «за отсутствие московской прописки», я оказался свободным художником и искал работу в разных московских театрах. Театр Моссовета предложил постановку, но снова вмешалось Управление культуры. Поэтому я очень обрадовался предложению Рудольфа Рудина, знаменитого Пана Гималайского и по совместительству главного режиссера скромного Московского театра миниатюр.

Он знал мои спектакли и попросил придумать что-нибудь без «фиги в кармане», без завуалированных нападок на советскую власть, чтобы никто не придирался, но при этом оригинальное, уникальное и единственное в своем роде.

И я придумал. Вспомнил, что Леонид Осипович Утесов, человек-легенда, первые свои программы показывал в Московском мюзик-холле, занимавшем здание на Триумфальной площади, в котором потом располагался «Современник». Называлась его программа «От трагедии к трапеции». Утесов тогда не пел, а читал монологи Шекспира и прекрасно двигался, изображая нечто полутанцевальное-полуакробатическое. Я сочинил спектакль, где Утесов должен был проявить свой великолепный талант во всех жанрах, кроме песен. «От трагедии к трапеции» на девятом десятке.

Дело было за малым – уговорить Утесова. Я ходил на концерты его оркестра, и каждый раз перед началом звучала запись голоса Леонида Осиповича: «Простите, я сегодня плохо себя чувствую и не могу выйти на сцену. Сегодня оркестром будет дирижировать Константин Певзнер».

У многих тогда было ощущение, что Утесов на сцену так и не выйдет. Тем не менее, я решил встретиться с Леонидом Осиповичем и убедить его играть. Договориться о встрече попросил Матвея Ошеровского, который был с Утесовым в давних приятельских отношениях.

Через несколько дней Ошеровский позвонил и сообщил, что Утесов согласился на разговор, и это уже большая победа. А самое удобное место для встречи – его квартира на углу

Каретного ряда и Садового кольца, где жили солисты большого театра. Среди многих мемориальных досок, украшающих фасад этого здания, теперь есть и табличка с надписью: «В этом доме жил народный артист СССР Леонид Осипович Утесов».

Назначили день. Конец лета. Жара. Я был очень возбужден, все время думал о встрече и рассказал об этом своей недавней студентке, молодой артистке «Современника» Марине Хазовой. Она попросила взять ее с собой, и я не смог отказать. Матвей Абрамович Ошеровский снова звонил Утесову, и мы получили разрешение прийти втроем.

Поднявшись на лифте то ли на седьмой, то ли на восьмой этаж, оказались у двери квартиры, из-за которой была слышна запись:

Есть город, который я вижу во сне…

Позвонили, дверь открыл сам Леонид Осипович. В белоснежной рубашке с расстегнутым воротом и черных шерстяных брюках, хотя погода стояла знойная, и солнце пекло не на шутку. Из-за спины Утесова доносился голос Утесова:

В Одессу, мой солнечный город…

Стали знакомиться.

– Леонид Осипович.

– Иосиф Леонидович.

Это была заготовленная реприза, но ему понравилось.

Мы вошли, и Утесов стал объяснять, что именно сейчас занят составлением новой пластинки «Избранное», и прослушивает все свои записи. Мы наперебой стали советовать, какие песни туда вставить: и «Шаланды полные кефали», и «Одессит-Мишка», и много-много всего другого. Особенно внимательно Леонид Осипович прислушивался к советам Марины. Она была легкая, воздушная, вдохновенная.

Я сбивчиво и невнятно рассказывал про будущий спектакль. Он слушал, будто речь идет о ком-то другом, не о нем. Я замолчал. Утесов сказал что-то такое, что заставило меня вспомнить рассказ Андрея Вознесенского о Корнее Ивановиче Чуковском. Однажды зимой молодой поэт Вознесенский пришел с девушкой навестить в Переделкино Чуковского, которому было уже под девяносто. Тот встретил их радушно, помог девушке снять шубу и, увидев, как из-под шапки на ее молодое, красивое, румяное лицо падают рыжие волосы, воскликнул: «Э-эх, где мои восемьдесят лет!»

Я не стал дальше уговаривать Утесова играть. Мы сидели и слушали его потрясающие комментарии к собственным песням. Он говорил с бешеным темпераментом, подпевая сам себе и нажимая кнопки на большом катушечном магнитофоне. Тогда в

ходу вовсю уже были кассетники, и я никак не мог понять, то ли это очень старый магнитофон, то ли новый и дорогой, для студийной записи…

– Сэрдце! Как хорошо, что ты такое, – звучал с пленки голос Утесова.

– Они говорят, что я неправильно произношу по-русски, – включался живой голос Леонида Осиповича. – Они говорят, что я пою «сЭрдце». Вот послушайте, я же правильно пою: «сЭрдце»!

И Утесов снова подпевал себе, и получался дуэт. Часа через два Ошеровский из-за спины Утесова стал жестами показывать, что пора и честь знать. Уходить не хотелось, но пришлось прощаться. Утесов пошел провожать. Мы вышли на лестничную площадку и двинулись в сторону лифта, но тут же оглянулись. Утесов стоял в дверях, один, пронзительно глядя на нас и особенно на Марину, как будто увидел в ней что-то из своей молодости. Стоял и не закрывал дверь.

Марина вдруг сказала:

– Леонид Осипович, можно я вас поцелую?

Он широко раскинул руки, Марина устремилась к нему, и он заключил ее в объятья. Был страстный романтический поцелуй.

– Д-е-в-о-ч-к-а моя! – почти по буквам произнес Леонид Осипович, растроганный тем, что кто-то еще может хотеть его поцеловать. Произнес, повернулся и закрыл за собой дверь.

Кажется, в этот момент все были готовы заплакать. Больше мы не встречались.

Любовь Полищук

Жизнь и судьба подарили мне встречи с огромным количеством выдающихся людей театра. Конечно, Люба Полищук – Любочка, Любовь, Любка – одна из самых главных встреч. Как говорили в советские времена – определяющая встреча.

Тридцать лет назад. Идем по Киеву. Я веду за руку свою 4-хлетнюю дочь, Люба свою. Обе Маши. Мы разговариваем: Люба рассказывает что-то важное. Дождь. Обе Маши падают в лужи. Но Люба не обращает на это внимание – она должна договорить свои слова.

Люба – пример того, как правильно постигать актерскую профессию, когда личность абсолютно сформирована. Причем, какая личность! Противоречивая, разнообразная, острая, поразительная, обольстительная, необъяснимая. В некоторых проявлениях – чудовищная.

Познакомились мы в Театре Миниатюр, которым руководил Рудольф Рудин. Михаил Левитин позвал Любовь Полищук на роль в спектакле по Жванецкому «Когда мы отдыхали». Вместе с Романом Карцевым и Ильей Ильченко – такую чисто одесскую историю. А меня тоже позвали в этот театр поставить триптих, в котором должны были соединиться «Предложение» Чехова, «Свадьба» Зощенко и «Любовь» Петрушевской. И я, увидев Любу на репетициях Левитина, предложил ей сыграть всех трех невест. Надо сказать, что она не любила читать пьесы. Предпочитала, чтобы режиссеры ей рассказывали. Тем не менее, прочла и призналась, что не знает, как это играть. Она рассказала мне свою биографию – только что пришла из Мюзик-холла. И кроме опыта работы на эстраде в качестве исполнительницы скетчей Жванецкого, ничего в театре не пробовала. Театрального образования у нее не было. В тот год Олег Павлович Табаков впервые набирал заочную мастерскую в ГИТИСе. Я попросил Олега Павловича прослушать ее. Придумал программу для поступления. И вот так уже в довольно солидном возрасте она стала студенткой.

Главное в ее природе – врожденная чуткость, нюх. Она разговаривала с разными людьми и точно знала, кто и что из себя представляет. Когда в Америке, поставив «Чайку», я решил поставить ее в Москве, то предложил Любе сыграть Аркадину. До этого момента она «Чайку» не читала. Прочла и сказала – херня. Я ответил: давай расскажу. Через день или через два увидел по одному из каналов ее интервью: «Сейчас я с главным режиссером

репетирую «Чайку». «Какую роль?» – спрашивает журналист. «Главную». «А какую именно? Для Аркадиной вы молоды, а Нину, пожалуй, переросли…» На что Люба, в упор посмотрев на ведущего, сказала: «Я буду играть ГЛАВНУЮ роль.» Но это было уже много позже. А тогда в театре Миниатюр наша совместная работа не состоялась.

Дальше была пауза.

В течение нескольких лет мы виделись, здоровались. В 1988 году ко мне в «Современник» пришел Альберт Филозов. Мы с Альбертом Леонидовичем решили сделать пьесу, которую когда-то начали с Верой Алентовой и бросили – «Пришел мужчина к женщине» по пьесе Семена Злотникова. Филозов сообщил что из театра Миниатюр ушла Полищук. Мы в маленькой комнатке «Современника» стали репетировать. Готовили это по договоренности с Галиной Борисовной Волчек для «Современника». И первые спектакли играли именно там. Потом мне предложили снять фильм по этому спектаклю. А потом «Пришел мужчина к женщине» стал началом театра «Школа современной пьесы», который мы «замутили» – вместе с Альбертом Леонидовичем и Любой.

С «Современником» связано и рождение еще одного спектакля, в котором Люба сыграла, возможно, главную свою театральную роль. Во дворе «Современника» – буквально в соседнем доме – жила актриса Людмила Иванова. Ее муж Валерий Миляев был директором Института физики Земли. Как-то отмечался день его рождения, на который пришел его близкий друг – Сергей Никитин. Никитин под гитару напевал что-то совершенно замечательное – оказалось, музыку к «Предложению» Чехова. Я пришел на следующий день к Полищук и Филозову и сказал, если у нас будет третий, то мы бы это сыграли и спели. Надо отдать должное нюху Любы, которая сказала: «Это я бы не только спела, но даже станцевала». Филозов привел «третьего» – своего друга Алексея Петренко, и мы начали репетировать «А чой-то ты во фраке?» Работала Люба с азартом и отдачей. Она всегда хотела научиться делать то, чего не умеет. Хотела петь оперным голосом – мы пригласили педагога по вокалу. Хотела танцевать на пуантах. Даже я понимал, что размер ноги Любы не способствовал классической хореографии. Но она настояла – мы пригласили балетмейстера из училища Большого театра Елену Ключареву. Люба была счастлива, с восторгом показывая кровавые мозоли.

Когда Любе нужно было что-то доходчиво объяснить, она пользовалась ненормативной лексикой. Мы уже стали популярными, на нас пошли зрители, часто брали интервью. Я

просил: «Люба, ты известная, основатель театра, не ругайся матом!». «Я постараюсь», – отвечала она.

Шла репетиция «Фрака». Тяжелая, сложная репетиция. Зашла подружка Любы Лариса Удовиченко. В перерыве артисты спустились в зал. Лариса стала говорить, как ей все здесь нравится. И начала рассказывать байку о Мосфильме, употребляя нецензурные слова. Люба вкрадчивым воспитательским голосом сказала: «Лариса, не ругайся матом, потому что Райхельгауз за это ужасно е…т».

Любу можно определить как данность, объем, составленный из противоречий, несочетаемых вещей. Иногда – тонкость, нежность, интеллигентность, казалось, вот-вот заговорит стихами Северянина. Я считал ее недостаточно образованной. Иногда говорил – почитай, узнай. Но она порой в каких-то явлениях жизни, литературы, философии неожиданно проявляла глубину и знания. Могла быть предельно скромной, а иногда – грубой и наглой. В театр часто приходили богатые люди образца 90-х годов, приглашали нас в ресторан. И Люба, Филозов, Петренко пели, что-то рассказывали – развлекали. А иногда приезжал на спектакль, скажем, посол Израиля. И Люба становилась совершенно иной – вела себя как настоящая интеллектуалка.

Она, конечно же, в некоторых своих проявлениях оказывалась непредсказуемой. Иногда в плохом смысле. Летим на первые гастроли в Израиль. Тогда не было прямых рейсов. Летим через Кипр, затем пересаживаемся на паром. В самолете Аэрофлота на международных рейсах почему-то мужчинам выдавали рюмку водки, а женщинам вино. Люба попросила принести ей вместо вина водки. Ей сказали: нет, вам полагается вино. Люба жутко обиделась. И проявила это так, что через минуту все мужчины стали передавать ей свою водку. Она выпивала одну рюмку за другой, я был в ужасе. Когда мы сели в Никосии, Люба не хотела выходить из самолета. С трудом удалось ей объяснить, что самолет дальше не полетит…

Самый грандиозный случай тоже был связан с Израилем. Первый же вечер. Тепло, берег моря. Мы в ресторане на берегу. Принесли зелень, помидоры, огурцы. Выпиваем. За соседним столом группа военных, говорящих на иврите под руководством какого-то начальника. Периодически смотрят в нашу сторону. Наконец, через какое-то время официантка приносит Любе шампанское от того стола. Потом букет цветов. Наконец, сообщает, что высокий военный чин, начальник ВВС Израильской Армии – выходец из России и хотел бы познакомиться с замечательной артисткой Любовью Полищук. Он подошел и заговорил по-русски. Оказывается, самое сильное впечатление от

Любиной актерской игры – эпизод из фильма «12 стульев», в котором Андрей Миронов разбивает Любой витрину. И сейчас он потрясен, что она сидит рядом. Когда израильтянин разошелся по полной программе – типа: «Я сделаю все, что ты скажешь», – Люба, не долго думая, заявила: «Если ты такой начальник, то пусть сюда прилетит вертолет – я бы сделала с тобой круг над морем». Через 40 минут рядом с нами приземлился вертолет. И Люба взлетела над Средиземным морем.

С Любой репетировать было очень легко, что возможно только с очень хорошим артистом. Люба воспринимала роль как часть себя. Тогда еще не было такой формулировки – присвоить роль. Но она это действительно делала. После Любы кто только не играл Дину Федоровну в спектакле «Пришел мужчина к женщине», но Люба настолько замотивировала каждую фразу и каждый поступок, что я все время слышу ее интонации. Дина Федоровна – это и есть Люба Полищук.

Каким-то нюхом она понимала, что здесь нужно сделать именно то, что она делала. Когда мы начали снимать фильм по «Пришел мужчина к женщине», я хотел, чтобы у Любы был длинный проход по улице – домой. Запустил фонограмму песни Окуджавы «Он, наконец, явился в дом», там есть текст: «Я клянусь, что это любовь была». «Когда ты услышишь свое имя, – сказал я Любе, – посмотри прямо в камеру». Я этот фильм снимал, озвучивал, монтировал, видел его много раз и всегда убеждаюсь: когда она смотрит, в этом взгляде, в этой пронзительности более содержательной паузы я ни у кого не видел.

Зрители очаровывались ею сразу. Мы как-то гастролировали по Германии – Бонн, Дюссельдорф, Кельн. Уже во втором городе я обратил внимание, что вижу знакомые лица. В третьем – это было уже очевидно: группа зрителей, похоже, перемещалась за нами из города в город. И когда переезжали из Германии в Люксембург, за нашим автобусом ехал целый эскорт: несколько машин, мотоциклы. На каждой остановке поклонники почтительно смотрели на Любу, которая выходила из автобуса покурить. И всегда они каким-то образом попадали в театр и дарили Любе цветы.

Мы много ездили по России, Украине. Проход с Любой по Привозу – отдельный номер. Мы комментировали каждого продавца. Она тут же схватывала акцент. Не зная украинского языка, она имитировала его очень смешно. Все пробовала – сало, колбасу, творог. Я любил ходить с ней по рынкам и барахолкам – что в Киеве, что в Стокгольме. Она могла из кучи хлама извлечь какую-то тряпку или вещицу, на которую я бы даже не обратил

внимания, а в руках Любы она обретала некий театральный смысл.

Мы расстались по простой причине. Люба кинулась зарабатывать деньги – уходить на заработки. Она стала играть в антрепризном спектакле «Там же, тогда же». На вопрос «зачем», отвечала: «Там я за один вечер купила кожаную куртку, а здесь должна работать за нее месяц». У нас не было конфликта. Просто я – за репертуарный театр, театр-дом. И поначалу Люба была в этом доме. Но она человек свободный, независимый и не всегда разборчивый. Ей неважно было с кем играть, что, ей должно было быть интересным – не обязательно материально: интересные люди или место, куда нужно ехать. Однажды у нас готовились гастроли в Таллинне. Она не хотела ехать, потому что в этот момент ей предложили какое-то выступление, где она могла заработать много денег. Я стал ее убеждать – рассказывать про Таллинн, про средневековые улочки. И она согласилась. Гуляя по старому городу, сказала: «Ты правильно сделал, что настоял. Хорошо, что поехала». Она вообще не стеснялась признаться, что была неправа – и в жизни, и в работе…

Люба из очень простой семьи. Она много рассказывала про папу и маму. Показывала их. Пародировала. И было ощущение, что я с ними хорошо знаком. Мы даже иногда так шутили: «Люба, твой папа этого бы не одобрил».

Так же, как менялась манера ее поведения, могла меняться и внешность. Иногда она казалась совершенством – просто Нефертити. Но могла повернуться как-то, взять сигарету и стать странной или вульгарной.

Со временем у нее все больше болел позвоночник. Мы стали делать увеличенные антракты, во время которых она лежала на кушетке из фанеры, которую сделали специально для нее монтировщики.

Как-то я предложил Филозову и Любе сыграть спектакль «Уходил старик от старухи». Но Люба отказалась: не хочу быть старой. Так и не стала…

Виталий Вульф

О болезни Виталия Яковлевича Вульфа было известно давно. И все же, когда такой масштабный человек уходит, сразу понятно, что закрыта – страница, глава, пласт: что-то кончилось, чем мы много лет жили. Мы могли к Виталию Яковлевичу относиться по-разному: пародировать, шутить, копировать его манеру говорить. Но, конечно, он был в нашем Театре, в драматургии, в нашей связи с Западом – теми самыми айсбергом и махиной.

Для меня Вульф – человек особенный. Когда я еще учился на 5-м курсе ГИТИСа, Виталий Яковлевич был членом художественного совета «Современника». Как-то поздно ночью мы с артистами театра Советской армии показывали мой спектакль «И не сказал ни единого слова». После спектакля заседал худсовет, и Виталий Яковлевич первым выбежал и, пока они там совещались, шепнул мне в ухо: «Я сказал: Галя (имелась в виду Галина Борисовна Волчек), этого мальчика нужно брать!» Он напоминал мне об этом много раз в течение жизни. И я ему за это бесконечно благодарен. Виталий Яковлевич регулярно приходил в «Современник», когда мы с Валерием Фокиным были молодыми режиссерами, заглядывал на репетиции, комментировал. Конечно, он субъективен, но его субъективность оказывалась продуктивна.

Помню репетиции «А чой-то ты во фраке?» Я восторженно считал, что делаю шедевр. На один из последних прогонов пришел Виталий Яковлевич, посмотрел и сказал: «Все нормально, но у меня чувство, что ты пригласил нас на шикарный обед, подал замечательный салат, прекрасное первое блюдо, мы ждем соответствующего второго, а ты опять приносишь первое». И тем самым заставил меня переделать окончание. Благодаря ему, я добавил кусочек драмы и цирковой финал. За три дня до премьеры пригласил Терезу Дурову и попросил: «Давайте сделаем что-то такое…» Она поставила несколько цирковых трюков. Появился финал с выстрелом «Чайки» – его бы не было, если бы Вульф тогда меня не поругал…

Конечно, его субъективность была невероятной – какие-то театры нравились, а какие-то – нет. Не случайно над ним посмеивались: он присваивал себе артистов и режиссеров, переводы и так далее. Было ощущение, что весь 20-й век – это близкие друзья и родные люди, семья Виталия Яковлевича: «Он наклонился и сказал ей на ухо. Об этом никто не слышал, сейчас я передам вам эти слова». Это вызывало улыбку. Но, наверное, по-другому в нашем деле нельзя…

Несколько месяцев назад я летел из Израиля, вошел в самолет, сел на свое место, выдохнул и вдруг справа от себя увидел Вульфа. Всю дорогу он, не останавливаясь, читал мне лекции о русском и мировом театре, вспоминал о разном. Я его сфотографировал… При самом неоднозначном отношении к тому, что делал Виталий Яковлевич Вульф, очень жаль, что теперь его кресло в самолете будет пустым.

Альберт Филозов

Трагедия. Не театральная – настоящая. И для театра и для жизни. Умер не просто талантливый, нужный, востребованный артист; умер тот, на ком 27 лет держался театр «Школа современной пьесы». Это с ним мы ровно 27 лет назад 27 марта 1989 года позвали Любу Полищук и начали репетировать «Пришел мужчина к женщине», а потом открыли театр. Это с его участием мы сыграли более 30 премьер. Это с ним мы объездили весь мир. Много символического происходит вокруг нас. И вот одно из таких символических совпадений: последний в своей жизни спектакль Филозов сыграл ночью именно 27 марта. Это был «Город», который театр показывал на культурном форуме в Манеже.

Не прошло и четверти часа после его смерти, как начались звонки от одиозных телепрограмм – Малахова, Корчевникова, «НТВ». Они зовут на свои телеэфиры, вовсе не собираясь рассказывать о Филозове-артисте. Им нужно раскопать что-нибудь пошлое и мерзкое, чтобы порадовать своих зрителей – тех самых, которым засирают мозги на своих политических шоу. Как мародеры они кидаются на смерть человека, никогда не игравшего по их правилам. И, пользуясь случаем, хочу им сказать: Филозов и ваши программы – две вещи несовместные.

Альберт Филозов – уникальный артист и уникальное явление русской культуры. Не только потому, что обладал огромным талантом, а потому что человек особенный. Как часто наша профессия провоцирует в людях самые отрицательные мерзкие проявления характера – зависть, алчность, расчетливость, амбициозность, высокомерие… Но Филозов – один из немногих людей культуры, в котором культура была составной частью его собственной личности и образа жизни. Искренний, честный, порядочный, высоконравственный – все эти эпитеты не дань уважения, а чистая правда. За многие годы совместной работы он никогда не спросил меня, какой гонорар получит, сколько ему заплатят за гастроли или ночной прогон. Он жил и работал, оберегая свою территорию, и никогда не лез на чужую. Один из немногих артистов, кто сначала что-то самостоятельно пробовал, а потом в крайне редких случаях мог предложить режиссеру свое решение персонажа или сцены. Один из тех немногих, кто не мнил себя драматургом или режиссером. Очень уважал эти профессии. А потому не позволял себе отсебятину – в тексте или в мизансцене. Никогда за всю его работу в театре не отменил спектакля – по болезни или в связи с киносъемками, которых у

него было огромное количество. Первый спектакль с участием Филозова, который мы вынуждены заменить, должен был состояться в день его похорон. Все артисты нашего театра вышли на сцену – и это был вечер памяти Альберта Леонидовича.

Филозов всегда играл главные и заглавные роли. Если это «Пришел мужчина к женщине», то Филозов – Мужчина, «С приветом, Дон Кихот» – Дон Кихот, и даже в детском музыкальном спектакле «Часовщик» Филозов был, конечно, Часовщиком – добрым, поющим и танцующим. Он все делал всерьез. Когда выпускал «А чой-то ты во фраке?» пел, как оперный певец, и танцевал, как балетный премьер. Когда ставили спектакль «Кремль, иди ко мне», все лето учился играть на трубе. Достал всех соседей, но научился – играл сам. А для акунинской «Чайки» освоил флейту.

Альберт Леонидович выдающийся педагог. Он преподавал актерское мастерство в моей мастерской в ГИТИСе. Главное его достоинство – никогда не поучал студентов. Он воспринимал их как коллег и деликатно комментировал работы. Студенты учились у Филозова.

Мы объездили с театром огромное количество стран. Когда просыпались утром в Тель-Авиве на берегу Средиземного моря или во Владивостоке на берегу Тихого океана, не говоря уже о Вене, Париже, Берлине и многих других городах мира, наши коллеги обсуждали, где ближайший пляж, рынок, торговый центр и работает ли в отеле бассейн. Филозов в этом обмене информацией не участвовал. В свободное время он всегда был в храме или музее. Еще в самолете рассказывал, какая выставка планируется и какой органный концерт состоится в местном соборе.

Мы много лет соседи, рядом загородные дома. Филозов бывал там нечасто, но когда приезжал, то больше всего реагировал на природу: к воде, собаке, деревьям относился как к чему-то высокохудожественному. Ходил с наушниками, как тинейджер. Только музыку слушал исключительно классическую. Очень Брукнера любил. И читал тоже очень много – классику, современную литературу.

В последние дни отчетливо понимал, что происходит. Буквально неделю назад еще убеждал не отменять спектакли – собирался играть «Русское варенье». Потом состояние резко ухудшилось. То, как он себя при этом вел, взывает не просто уважение. Хотелось бы мне так себя вести: достойно, красиво, художественно. За день до смерти показал мне молитвенник со словами: не могу читать, устал. Я стал ему что-то оптимистично рассказывать, уговаривал поесть. Он посмотрел на меня как на

глупца.

P.S. 10 лет назад умер мой папа. Мы похоронили его на маленьком деревенском кладбище. Там лежит камень, травка – больше похоже на крохотный дачный участочек, а не на кладбище. Как-то мы пришли туда с Альбертом. Он прилег на эту траву – был солнечный летний день. И сказал: «Ну, слушай, все-таки ничего страшного. Просто этап жизни». И на душе тогда стало очень спокойно…

Но сейчас этого спокойствия нет. Трагедия – жанр, который не имеет счастливого конца. Мы будем играть спектакли, введем других артистов – у нас половина труппы его ученики, мы будем ездить на гастроли. Но все это без Альберта Филозова.

Валерий Белякович

Фамилию Белякович я услышал, когда был студентом ГИТИСа. Обычно младшекурсники хорошо знают старшекурсников, но это был тот редкий случай, когда старшекурсники с интересом следили за своим младшим собратом. Валера был студентом мастерской Бориса Равенских, и все знали, что надо обязательно идти смотреть его очередную экзаменационную работу.

Уже потом в профессиональной нашей жизни я часто видел его спектакли – было ли это в созданном им театре «На Юго-Западе» или «Комедіи» в Нижнем Новгороде, смотрел, естественно, работы студентов мастерской профессора Беляковича в ГИТИСе и не могу сказать, что какие-то из них особенно меня поразили или потрясли. Впрочем, о его эстетике, художественных приемах, находках расскажут театроведы. Мне всегда был интересен сам Белякович как личность, как человек, как персона. Вообще с годами разделение на «выдающийся человек» и «выдающийся профессионал» для меня стало перевешивать в пользу первого. Белякович, прежде всего – высокохудожественный человек. Заразительный, убедительный, бесконечно обаятельный. Невероятно харизматичный. Все, что он говорил, рассказывал, то, как он импровизировал, сочиняя на ходу какие-то истории, случаи, комментарии – все было актом высокого творчества, от которого невозможно оторваться.

Были вещи, которые я не понимал. Например, его творческая дружба с Татьяной Дорониной, в театре которой он ставил спектакли. Были какие-то роковые параллели наших биографий. Как заход в театр Станиславского, из которого выгнали сначала меня, а много лет спустя и его.

К нам в театр он приходил безотказно на все клубные вечера. И всегда становился главным и самым сильным участником вечера. На СТИХиИ потрясающе читал Есенина. На вечерах байки доводил всех буквально до смеховой истерики циклом рассказов про маму.

19 октября в лицейский день мы проводили «Хулиганскую СТИХиЮ». Он в очередной раз зачитывал «мамины рукописи» – и снова это был лучший номер программы. Говорю так не потому, что Валеры больше нет – это было произнесено сразу же после его выступления всеми, в том числе и участниками. К счастью, этот клубный вечер снимал телеканал «Театр». Поэтому его сногсшибательное выступление можно увидеть – убедитесь сами: искрометный, ироничный, живой, фонтанирующий…

После его номера я вышел за кулисы и бросился его обнимать со словами: «Валера, как всегда гениально!». А он: «Да? Ну, ничего? Не подвел?»

Подвел очень, Валера… Ты где?…

Борис Ельцин

Пишу о Ельцине. Понимаю, сколько сегодня сломлено копий – их будет еще больше. Я не политолог, не философ, не общественный деятель, не политик – могу говорить от имени обычного человека: для меня Борис Николаевич Ельцин – тот, кто принципиально изменил жизнь. Она и делится на период до Ельцина и после него. До – была **невозможность** читать то, что я хочу, писать, ставить, ездить, смотреть телепрограмму, которую хочу, слушать радио, знать правду… Даже штаны я мог купить только те, которые кто-то привез… До Ельцина я понимал, что нахожусь в невозможной несвободе – мысли, действия, творчества, работы. Мог зарабатывать деньги – и зарабатывал много, ведь мои пьесы шли в сотнях театров Советского Союза и странах соцлагеря. Люди, которые так работали, должны были быть баснословно богаты. Но мне никто денег не отдавал – я получал какие-то чеки, которые потом мог отоварить в «Березке». Можно было купить детям колбасы – мои дети ели чуть лучше, чем дети других людей, но даже эту колбасу я выбрать не мог. Главное, что случилось в послеельцинский период – появилась возможность быть автором своей жизни. Удивительно, что человек, сформированный коммунистической партией, вдруг в своей мощной, талантливой природе почувствовал: нужны не просто перемены, нужно строить страну заново.

Конечно, я бесконечно благодарен и Горбачеву. Сейчас мы буквально затаптываем его заслуги, но ведь именно Михаил Сергеевич подготовил предъельцинскую платформу. Он разрушил то, на основе чего Ельцин смог создавать. Реальную Берлинскую стену снесли при Ельцине, но еще раньше ее снес Горбачев – в районе Красной площади и наших душ и сердец, как это ни высокопарно. Помню, как впервые появились другие лица и оказалось, что премьер-министр (тогда Егор Тимурович Гайдар) может употреблять литературные, человеческие выражения. Мы увидели грамотных талантливых людей и вдруг почувствовали – каждый из нас, – что можем сами строить собственную жизнь, что можем сами ее определять, а не жить в определениях, которые даются «сверху». Мы получили от Ельцина открытый мир, возможность работать, рыночную экономику (со всеми плюсами и минусами) и разве только это? Нижайший поклон Борису Николаевичу. Вечная память. Я уверен, что в историю России это имя будет вписано не меньшими буквами, чем имена его великих предшественников-преобразователей.

Михаил Козаков

С Михаилом Михайловичем Козаковым меня познакомила Галина Борисовна Волчек. Есть у меня такое свойство – с юности знаю наизусть большое количество стихов. И никому не удавалось меня в поэтических соревнованиях победить. Однажды Галина Борисовна сказала:

– Я тебя отведу к артисту, который точно сильнее в знании поэзии.

Это был момент, когда Козаков расстался с очередной женой, еще не успел жениться на следующей и пребывал в меланхолии. В такие периоды Михаил Михайлович выпивал и читал стихи. Валентин Гафт посвятил ему эпиграмму:

Все знают Мишу Козакова
Всегда отца, всегда вдовца,
Начала много в нем мужского,
Но нет мужского в нем конца…

Мы с Галиной Борисовной взяли бутылку, тортик и пошли скрашивать его одиночество. Козаков мне тут же устроил экзамен по мировой поэзии – особенно русской. И в итоге была ничья, потому что я мог продолжить каждое стихотворение, которое он начинал читать, а он отвечал тем же. Галина Борисовна уже измучилась – казалось, поединку не будет конца. И вдруг я начал читать стихотворение Бродского, не напечатанное, ходившее «в списках» «Чего вы ждете, принц…» Козаков этих стихов не знал. И даже попросил их продиктовать. Волчек была в восторге.

С тех пор я встречался с Михаилом Михайловичем в «Современнике», видел его на премьерах. А в 90-х он уехал в Израиль.

В Израиле у него «не пошло». Сыграл Тригорина в спектакле Бориса Морозова в Камерном театре в Тель-Авиве. Проклинал иврит, которым овладеть не мог. Создал антрепризу из русских эмигрантов.

«Школа современной пьесы» играла в Израиле в Габиме без перевода, при переполненном зале, где не было русскоязычных зрителей. Зато были израильские деятели театра, режиссеры, критики, директор и худрук Габимы. Нам удалось показать Русский театр. И в тот же день я получил от художественного руководителя приглашение ставить в Габиме.

Это для Михаила Михайловича оказалось жутким ударом. Как это? Некто Райхельгауз, приехавший из России, получает приглашение работать в театре, основанном Вахтанговым, где ставили Любимов и Стуруа. А не он – Козаков.

Мне предстояло сделать с артистами Габимы спектакль на иврите. Долго выбирал актеров и выбрал достойнейших. Главную роль играл Йоси Полак – звезда израильской сцены. Дочь Михоэлса Нина Соломоновна, которая была моим переводчиком, предупреждала, что это звезда с труднейшим характером. Стоило немалых сил вовлечь его в проект.

Когда Михаил Михайлович узнал, что репетирует Полак, он обиделся пуще прежнего, и совсем перестал звать в гости. Мы как-то случайно встретились на бульваре Ротшильда, он не мог скрыть свою неприязнь к происходящему. Когда выходила премьера, позвонил его жене Ане, и очень просил прийти. Козаков пришел, и спектакль ему понравился. После премьеры поехали на роскошный банкет на берегу моря, в дом известной актрисы Леоры Ривлин, тоже участвующей в спектакле.

И случилась там забавная сценка. На стол поставили поднос с громадным арбузом. А вокруг стояли гости – израильские и российские артисты. Так вышло, что с двух сторон, напротив друг друга оказались Козаков и Йоси Полак. Арбуз с хрустом разрезала хозяйка – Леора, вынула из сердцевины самый большой и сочный кусок, подержала его между этими двумя актерами, и картинно отдала Козакову. Полак громко сказал:

– Знаете, почему Леора дала Козакову этот лучший и первый кусок арбуза? Потому что он, наконец, научился без акцента говорить на иврите слово «арбуз».

Через несколько лет Михаилу Михайловичу в Израиле все надоело. Он вернулся в Россию, где ему тоже надоело. И он снова уехал в Израиль. Чтобы опять вернуться. Андрей Александрович Гончаров сказал о нем: «дважды еврей Советского Союза». Когда он в очередной раз вернулся в Москву, пришел в «Школу современной пьесы» и предложил поставить спектакль с символическим названием «Ниоткуда с любовью» по стихам Иосифа Бродского. Он сам сделал композицию, играл главную роль. Эта театральная работа стала последней в его жизни.

Борис Немцов

Убит Борис Немцов. Я знал его – дружески общались в середине 90-х, когда он был первым вицепремьером. Порядочнейший, честный, искренний человек. Сейчас по поводу его гибели многие выступают, выдвигая разные версии и пытаясь квалифицировать преступление – является ли оно политическим, бытовым или сакральным. Выступил и наш президент, сказавший много правильных слов. В том числе поручил главам силовых ведомств взять расследование под свой контроль. Хочется на это ответить: далеко искать не нужно. В той атмосфере нагнетания воинственности, поиска пятой колонны, врагов – внешних и внутренних, – такая трагедия не могла не случиться. Взгляды Немцова были радикальными – многие не разделяли их, в том числе и я. Но, безусловно, он любил родину не меньше тех, кто любит ее официально и получает за это, извините, зарплату. И мне не понятно, почему ему (и не только ему!) не находилось места на тех многочисленных телевизионных передачах, где вместо дискуссии, диалога, спора, в котором можно было бы услышать точку зрения разных сторон, нам навязывают поток односторонней пропаганды, не оставляющей зазора хоть для какого-то инакомыслия. Мы в кольце врагов – вот смысл этой пропаганды. И надо от них отбиваться. От одного отбились. Ружье повесили, каждый день смазывали и вот оно выстрелило.

Петр Тодоровский

Петр Ефимович Тодоровский для меня всегда был человеком нереальным, недосягаемым, просто божеством. Я знал, что он прошел фронт, был на передовой. Долго боялся к нему подойти, хотя мечтал познакомиться. Как-то еще студентом ГИТИСа на каникулах в Одессе зашел на Главпочтамт, чтобы позвонить в Москву, и увидел его, стоящего в бесконечной очереди. Встал за ним и все собирался с духом, чтобы как-то ему представиться. Но так и не решился. Видел, как он зашел в кабинку, разговаривал с кем-то, оживленно жестикулируя. Так же я боялся подступиться к Булату Шалвовичу Окуджаве. Они для меня – люди одного круга, одной веры. Не случайно они встретились на одном из самых первых своих фильмов – «Верность». А еще был фильм Марлена Хуциева «Был месяц май», где Тодоровский играл как артист. Мы бесконечно ходили на него в кинотеатр Повторного фильма, знали наизусть все реплики. Невероятно, что когда мы с Петром Ефимовичем познакомились и отношения даже стали дружескими, стало понятно, какой это земной, ясный, мотивированный, реальный человек. Если не знать, что он великий кинорежиссер, лауреат премий, фестивалей, можно было подумать, что это инженер или учитель из Одессы. Он всю жизнь разговаривал с легким одесским акцентом, всегда чуть улыбался. Он был личностью из ряда выдающихся, великих одесситов – от Бабеля, Олеши и Багрицкого до Давида Боровского и здравствующего Михаила Михайловича Жванецкого. Огромный талант и абсолютная ясность, неподдельность существования. Он никогда не «выделывался», ему не нужно было себя «позиционировать». Он своими фильмами, своим голосом, своей музыкой доказал, кто он и с чем пришел в этот мир.

Многие годы Тодоровский выходил на нашу сцену. Говорил внятно, коротко, всегда иронично, прежде всего, по отношению к самому себе. Часто играл С Сергеем с Никитиным – их знаменитый гитарный дуэт публика обожала, не отпускала их. На одном из последних наших вечеров он сидел в первом ряду. Предупредил, что не будет играть, даже на сцену не поднимется. И все-таки я его за руку вывел. Он что-то сказал, но я сунул ему заготовленную заранее гитару. И он, опершись на какой-то стул, дрожащими руками сыграл.

Несколько лет назад нас пригласил в Одессу тогдашний ее мэр Эдуард Гурвиц. Жили в гостинице «Моцарт», иногда заходили напротив в кафе «Сальери» (такое возможно только в Одессе), прогуливались возле находящегося рядом Оперного театра. На

мой довольно банальный вопрос «над чем работаете?» ответил: «Знаешь, у меня много лет зреет один замысел, сейчас я о нем подумал. Видишь купол оперного театра? Там живет огромное количество голубей. Закрывали все дыры, но они все равно туда влетают. Представляешь, эти голуби каждый день слушают музыку – репетиции оркестра, пение солистов, хора… Какие это музыкальные голуби! Среди них есть вундеркинды, они поют, объединяются в ансамбли, кто-то из них дирижирует… Я хочу снять фильм об этих музыкальных голубях».

Это фильм Петр Ефимович Тодоровский уже не снимет.

Станислав Говорухин

Станислав Сергеевич Говорухин – одна из тех глыб, которая, когда есть – есть счастье, а когда нет – понимаешь, что счастье утрачено. Человек он непростой, что не удивительно для личности такого масштаба. Но мы судим режиссеров по их лучшим спектаклям и фильмам, драматургов по лучшим пьесам, поэтов по лучшим стихам. Говорухина мы судим по «Вертикали», по сериалу «Место встречи изменить нельзя», который до сих пор смотрят новые и новые поколения зрителей. Именно он вывел на экран Владимира Высоцкого, сделал так, что его песни зазвучали открыто.

«Школе современной пьесы» повезло особо. В 2004 году я предложил Станиславу Сергеевичу поставить у нас спектакль по пьесе Татьяны Москвиной «Па-де-де». Он согласился, начал репетировать, занял наших прекрасных артистов. Каждая репетиция напоминала работу на киносъемочной площадке. Говорухин составлял рамку при помощи пальцев и на каждого артиста смотрел вот так – «сквозь пальцы», выстраивая мизансцену, как кадр. Когда ему надоедало репетировать, шел в буфет, мы общались, разговаривали, немного выпивали. В результате получился очень симпатичный спектакль, который шел шесть лет. Для театра, для актеров – это было огромное удовольствие: общение с человеком, который так много знает, понимает, которому есть, чем делиться.

Перед премьерой собрали пресс-конференцию. Станислав Сергеевич предложил провести ее в буфете. Пока журналисты собирались, написал на стене нашего театрального кафе:

Мне нечего сказать для прессы,
в буфете коротаю век,
я в «Школе современной пьесе»
пока что лишний человек.
Я тут же подписал под этим четверостишием:
Говорухин не оставил нас в беде,
Говорухин нам поставил «Па-де-де»,
каждый вечер пьют за вас друзья –
Место встречи изменить нельзя!

Мне жаль, что Говорухин не поставил больше у нас в театре ни одного спектакля. Хотя планы были: он как-то принес мне текст, написанный молодой девушкой, студенткой университета,

которая зарабатывает на жизнь сексом по телефону. Мы почти договорились о постановке, но как-то все отложилось на потом, которого, как известно, никогда не случается. Жаль, что такой мастер, независимый художник попал в Государственную думу, полную мракобесов, которым Станислав Сергеевич не был никогда. Но, впрочем, это его выбор, который ничего не меняет в нем как в выдающемся человеке и режиссере. Счастье, что жизнь подарила общение и работу с ним.

Олег Табаков

Уходят один за другим… Горечь, скорбь по всем. И все же Олег Павлович Табаков – это особо. Здесь действительно, как у Хемингуэя: оторвалась «часть материка», который называется театром. Табаков – это не МХТ, не «Современник», не «Табакерка», не Школа-студия, хотя и все это – тоже он. Табаков больше всего этого, у него невероятное число граней, проявлений… Не знаю, с кем можно его сравнить. Поэтому утрата – действительно невосполнима.

Будут много писать, вспоминать, какой он великий артист. Он – великий. Мне посчастливилось: Олег Павлович играл в моих спектаклях. Репетиции с ним – счастье, восторг, бурлеск. Он всегда вначале что-то сам предлагал режиссеру. Репетировали в «Современнике» Шукшина «А поутру они проснулись». Утро в вытрезвителе. Олег Павлович говорит: «Иосиф, ты мне ничего не подсказывай, смотри – я предлагаю вот так проснуться».

Вижу:

Кровать. Накрыта простыней. Под ней угадывается какой-то шар. Затем медленно из-под простыни высовывается нога в синем носке. Из дыры торчит большой палец. Высовывается вторая нога – в красном носке с прорванной пяткой. Большой палец начинает почесывать пятку. Все актеры, заряженные на сцене, уже не могут сдержать хохот. Наконец, медленно сползает простыня. Шар оказывается огромным животом с натянутой на него тельняшкой. Оказалось, что этот накладной живот Табаков заказал на Мосфильме, ничего никому не говоря – ни мне, ни художнику спектакля Давиду Боровскому. Этюд длился несколько минут – огромное сценическое время.

Таких баек, легенд, историй бесконечное множество – и их будут рассказывать его партнеры по сцене, ученики, зрители…

Помню, как смотрел фильм «Гори, гори моя звезда», в это самое время репетируя спектакль «Из записок Лопатина», и не верил, что на экране тот же человек. Смотрел этот фильм бесконечно, и всегда лились слезы.

Однажды мы – никому не известные на ту пору Юра Богатырев, Костя Райкин, Стасик Садальский, Марина Неелова, Елена Коренева, Валера Фокин и я – зашли в его директорский кабинет поздравить с званием заслуженного артиста. Он посмотрел на нас печально и сказал: «Я отдал бы вам и звание, и даже свою белую «Волгу» (он звал ее «Белоснежкой», так как она была куплена на деньги, полученные от инсценировки детского спектакля «Белоснежка и семь гномов»), если бы вы поделились

со мной разницей в возрасте».

Он был старше всего лет на 10-12. И я тогда этого не понял. Зато теперь понимаю очень хорошо.

Олег Павлович невероятно много делал для молодых артистов, студентов, часто просто давал свои личные деньги, даже покупал одежду, обувь, еду… Спешил делать добро. Очень много сделал для меня. Я обязан ему жизнью в театре, то есть, значительной частью своей жизни вообще.

Знаменитую впоследствии пьесу «Взрослая дочь молодого человека» я читал в «Современнике» всей труппе, как это было принято во времена Табакова. Труппа была против. Только один «за» – Олег Павлович. Позже, когда мы с Анатолием Васильевым и Борисом Морозовым составили режиссерскую коллегию театра имени Станиславского, предложили ему поставить «Взрослую дочь». Он долго нас водил за нос, не говоря ни «да», ни «нет». Потом пришел с картонным ящиком, в котором были коньяк, икра, невероятные для весны помидоры, копченая колбаса. И устроил обед отказа. Это был спектакль. Таких спектаклей мне посчастливилось наблюдать множество.

Не забыть, как Табаков играл в поставленном мной дипломном спектакле в его первой студии «Пролетарская мельница счастья» по пьесе Виктора Мережко рядом со своими учениками – Андреем Смоляковым, Сергеем Газаровым, Виктором Шендеровичем.

Поразительно было его умение сосуществовать с властью. Он со всеми ладил, не был ни в протесте, ни в конфликте, ни в оппозиции. Всегда получал все, что было нужно для театров и студий, которыми руководил. Но при этом его невероятно ироничное отношение к начальникам, чиновникам, предписаниям и регламентам явно и очевидно.

Когда проводится церемония вручения лучшей, на мой взгляд, театральной премии газеты «Московский комсомолец», собирающей людей, которые действительно производят театральный продукт, многие лауреаты благодарят газету, коллег, родителей и… Олега Павловича Табакова. Эта традиция возникла несколько лет назад, как шутка, когда несколько премий подряд получили ученики Олега Павловича, естественно благодарившие учителя. И когда вышел уже кто-то, не имеющий к нему прямого отношения, он все же Олега Павловича поблагодарил. Так и повелось…

И еще одно воспоминание. Юбилей Олега Павловича два года назад. Ресторан МХТ. Огромное количество народа. В какой-то момент уже собрался уходить. И увидел, как Олег Павлович сидит почему-то один в уголке стола. А кругом уйма народа!

Подошел к нему: «Олег Палыч, почему вы здесь? А все – там?»
А он сказал: «Правильное соотношение»…

Юрий Любимов

Несколько недель назад, листая ленту fb, наткнулся на пост, от названия которого буквально оторопел: «10 лет театру на Таганке». Кликнул и увидел себя 40 лет назад, а если точнее – 41 – кудрявого в белом свитере. Это оказался капустник в честь 10-летия обновленного театра драмы и комедии, который в 1964 году возглавил Юрий Петрович Любимов, быстро превратив плохо посещаемый «отстойный» театр в то, что все мы ныне знаем под именем «Таганка». Незадолго до этого отмечалось 18-летие «Современника» – тоже был капустник, который делали мы с Валерой Фокиным, штатные режиссеры театра «Современник» – первый день рождения, отмечавшийся на Чистых прудах. И, конечно, важнейшее поздравление было от театра на Таганке. Вышли Юрий Любимов с Владимиром Высоцким, которые подарили «Современнику» настоящего живого петуха, игравшего в их «Гамлете». Это сопровождалось комментариями: вы такие органичные, такие мотивированные – вот вам в труппу адекватное пополнение. Кроме того, Высоцкий преподнес ведро водки и спел автопародию, где звучали такие крамольные по тем временам слова: «Ни Любимов, ни Волчек, ничего не свято, вы молчок, и мы молчок – все не так, ребята!»

И вот буквально через короткое время надо было ответно поздравлять Таганку. Именно эти кадры я увидел на fb. Для начала мы сообщили, чтобы директора «Современника» Олега Павловича Табакова не ждали. Все разочарованно вздохнули. После чего из кофра для костюмов извлекли Олега Павловича, который вышел с огромной ресторанной кастрюлей, наполненной цыплятами-«табака», объяснив это тем, что все эти цыплята приготовлены из их гамлетовского петуха. Директором Таганки был Николай Лукьянович Дупак. Естественно мы обыгрывали фонетическое сходство фамилий директоров: цыплята «табака» переименовывались в цыплят «дупака», Дупак Табака видел издалека т. д. Поздравление заканчивалось текстом, который декламировал Олег Павлович, а пересочинил Пушкина я, чем был очень горд:

Мы любим вас так искренно, так нежно…

Не дай вам бог, Любимов, быть другим.

И вот это поздравление гуляет по сети, его многократно репостят, ставят лайки. Там все молодые. Видно, что главный артист в театре – Валерий Золотухин, который поет «Долго ль мне гулять по свету…», еще не Высоцкий. И посреди всей этой молодежи стоит Петрович, который казался тогда стариком, а ему

еще не было 60.

После «Современника» в моей жизни случился Станиславского, из которого уволили. Я оказался не у дел. Наши студенты в ГИТИСе окончили курс, работа на телевидении завершилась, то есть, остановилось разом все… Приглашали московские театры, но через некоторое время я получал один и тот же ответ: «Извините. Управление культуры не рекомендует нам принимать режиссера Райхельгауза на работу».

А мои студенты – выпускники в это время показывались в разные театры, в том числе и на Таганке. Любимов про каждый отрывок спрашивал, какой педагог его поставил. Несколько моих работ ему понравились, и он попросил передать, что хочет увидеться.

Я пришел. Юрий Петрович предложил поставить на Таганке. Я честно признался, что Управление культуры меня «не рекомендует». Но это его еще больше раззадорило.

Так я оказался штатным режиссером Театра на Таганке и больше всего был поражен тем, сколько у меня коллег. Обычно – один, максимум два штатных режиссера. У Петровича к тому времени было уже семь-восемь. Собственно, от них я и узнал, что Любимова в театре зовут Петровичем.

Анатолия Васильева он взял в театр вместе со спектаклем «Первый вариант Вассы Железновой», а также со всеми артистами – Аллой Балтер, Эммануилом Виторганом, Альбертом Филозовым, Алексеем Петренко, балетмейстером Геннадием Абрамовым. Потом Васильев срепетировал там знаменитый «Серсо». И меня он тоже взял в штат, на зарплату – это было просто невероятно. Дупак, которому он как директору поручал все это оформлять, был просто в шоке. У Петровича был безошибочный нюх на способных людей. Он никогда не руководил режиссерской мастерской, а сам стал режиссером в пятьдесят с лишним лет, но ухитрился в те тяжелейшие застойные годы собрать в театре нескольких режиссеров, каждый из которых считает себя его учеником. Он выбирал каким-то чутьем. Рядом с уже известным, хотя и молодым мастером Анатолием Васильевым оказался никому не известный студент Сережа Арцыбашев. Его работы были нелепы, наивны, беспомощны. И когда все мы разводили руками и спрашивали: «Что это?» – Петрович говорил: «Ничего. Увидите.». И действительно увидели – замечательный мастер.

Он позвал молодого Петра Фоменко, бродившего по Москве без дела. Петр Наумович проработал на Таганке несколько лет! Миша Левитин, которого опять же “угадал” Петрович, выпустил у него свою дипломную работу.

Юра Погребничко, которого многие считали городским сумасшедшим, тоже оказался там. Я хорошо запомнил, что Юрий Петрович про него сказал: «Это режиссер XXI века». Согласитесь, в 80-м году мы еще не начинали думать про следующий век! Борис Глаголин стал главным режиссером театра в Минске. Ефим Кучер поставил два замечательных спектакля на Таганке, потом уехал в Израиль. Саша Вилькин сейчас главный режиссер театра «Вишневый сад». У всех свои театры, и все в какой-то степени считают себя учениками Любимова.

Учитель – это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся. У Петровича было чему учиться. Он делал то, чего сейчас не может сделать Союз театральных деятелей – собрать коллег и поговорить о режиссуре. Любимов устраивал такие встречи почти каждый день. Когда заканчивались репетиции, мы сходились у него в кабинете. Там же оказывались гости, на которых мало кто из нас, молодых, обращал внимание, – Давид Боровский, Альфред Шнитке. Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, и, конечно же, Булат Шалвович Окуджава… Юрий Петрович наливал, угощал, провоцировал на разговоры о профессии, о творчестве. Эти «клубы» или «семинары» оказались незабываемым профессиональным тренингом. Они давали понимание литературы, поэзии, музыки. Мы, не стесняясь, высказывали самые смелые режиссерские идеи и схлестывались в спорах, отстаивая свое право мыслить самостоятельно.

Это Петрович придумал должность дирижера в драматическом театре. Он вставал в конце зала и при помощи определенной системы сигналов фонариком, им же самим разработанной, дирижировал спектаклем. Показывал на ухо – это означало «острее текст», на глаз – «четкость мизансцены», мигал – значит выравнивал ритм. Зеленый – нормально. Рука в воздухе – пауза…

Петрович – широкий человек. Он действительно очень объемно строил театр. И я думаю, именно поэтому так много лет жива Таганка. По тем временам это был театр-знамя, островок борьбы интеллигенции с советской идеологией. Каждый спектакль становился взрывом, протестом, революцией. В зрительном зале этого театра можно было свободно дышать.

Я был счастлив возможности начать работать и немедленно стал репетировать пьесу своего любимого Злотникова «Сцены у фонтана». В ролях – все ведущие артисты Таганки: Золотухин, Филатов, Фарада, Джабраилов, Шаповалов, Антипов, Славина, Щербаков. Мы работали азартно, яростно, с огромным удовольствием. Петрович в это время ставил «Бориса Годунова».

Все прекрасно знают, что почти не было случая, чтобы Любимов дал другому режиссеру выпустить спектакль в своем театре: либо отбирал, либо выгонял режиссера. В «Сценах у фонтана» я впервые стал пробовать сочетание разных сценических жанров – то, что впоследствии продолжил в «А чой-то ты во фраке?» и «С приветом, Дон-Кихот!» в «Школе современной пьесы». В «Сценах у фонтана» перемежались опера, клоунада, балет, психологическая драма, эксцентрика, элементы марионеточного театра. Ответственность была большая – это Таганка. Я скрупулезно, очень чисто строил мизансцены, чем очень удивлял артистов: «Сделайте вы начерно, а Петрович придет и все выпустит!».

Когда спектакль был почти готов, действительно пришел Юрий Петрович. Я никогда не видел артистов в таком нервно-возбужденном состоянии, их трепет и волнение передались и мне. К величайшему всеобщему изумлению, после прогона Любимов сказал, что спектакль принимает, пообещал сделать несколько замечаний и назначить день сдачи Управлению культуры.

Как в то время сдавались спектакли, и особенно спектакли театра на Таганке, – это особый рассказ. Если спектакль был талантливый, не укладывался в рамки, определенные Управлением культуры, его закрывали. Чем выразительнее, художественней, осмысленней работа, тем хуже. Безымянные дяди и тети, не имевшие, как правило, сколько-нибудь серьезного образования, будучи зачастую несостоявшимися артистами или критиками, тайные воры и алкоголики, единственной заслугой которых было членство в рядах КПСС – эти «начальники» «разрешали» или «не разрешали» играть спектакли великому Эфросу, выдающемуся Любимову, не говоря уже о молодых режиссерах.

Замечания Петровича были скорее комментариями. Мы решили сделать еще один прогон для своих перед сдачей спектакля Управлению культуры.

В театре выходной день. «Своих» набрался полный зал новой сцены. Артисты, понимая, что спектакль полностью «созрел» начали играть замечательно, в полную силу. Все пошло очень верно, зал задышал. Я сидел рядом с Петровичем за режиссерским столиком. Это был 1983 год, июнь. Жара.

Спектакль начинался с небольшой психологической сцены, за ней шла каскадная балетная, когда Валерий Золотухин взлетал под потолок и на тросах выделывал балетно-цирковые трюки. Исполнив все это, Золотухин опустился на сцену, прошел несколько шагов и вдруг странно осел. Я не понимал, что происходит. Огляделся по сторонам – зал никак не реагировал.

Спросил Любимова: «Вы что, попросили Золотухина изменить здесь мизансцену?» Он: «Нет». Мы поняли, что случилось нечто непредвиденное. Я крикнул: «Стоп!» – и побежал на сцену.

У Золотухина был туберкулез одной ноги. На ровном месте Валера сломал здоровую ногу сразу в двух местах. Он потерял сознание, мы выхвали «скорую помощь». Ногу загипсовали до бедра. Я выносил Валерия из перевязочной на руках, а вокруг сидели травмированные люди с гипсом на руках и ногах. Они просили Золотухина оставить автограф на их забинтованных конечностях.

Не знали, что делать со спектаклем. Решили перенести показ управлению на осень.

Я был в жуткой растерянности. К тому времени у меня уже давно не выходило новых спектаклей. Утром некуда было идти и нечего делать. И я пошел на Таганку. Вошел со служебного хода. В театре полная тишина. Пошел по коридорам, ноги сами привели к кабинету Любимова. В абсолютно пустом театре он сидел за столом один.

И был трогательный разговор. Юрий Петрович стал показывать пиджак Олега Кошевого. Роль которого он играл в Театре Вахтангова. Дал мне перебрать струны на гитаре Высоцкого, висевшей в кабинете. Он улетал в Лондон ставить «Преступление и наказание» и был очень печален. Потом оказалось, что это тот самый отлет, после которого его лишили гражданства и он несколько лет не появлялся в России.

Шло время. Мне трудно было уйти, а он все рассказывал. Надо было прощаться, и я попросил Петровича что-нибудь подарить. Под рукой ничего не оказалось. Он взял свой портрет, сделал паузу и сказал, что глупо подписывать фотографию мне – его молодому коллеге. «У вас есть ребенок?» – «Да, дочь Маша». Он написал «Марии Иосифовне от старого деда. Такого-то июня 1983 года». До сих пор этот портрет хранится у моей дочери. На нем Петрович задумчиво смотрит вдаль.

Осенью мы узнали, что произошла чудовищная большевистская подлость. Наши культурные власти столкнули лбами двух великих людей – Эфроса и Любимова.

Эфроса, которого до этого лишили «Ленкома», давили, не давали работать и уж тем более не позволяли руководить театром, назначили главным режиссером Театра на Таганке. Решили подбросить ему чужой кусок, и Эфрос дрогнул, согласился.

Эфрос, великий режиссер, чувствовал и понимал, что

совершает неадекватный поступок. Он пришел в дом к Любимову, который не раз его спасал и защищал, чтобы занять его место. Естественно, труппа была категорически против этого, все были в шоке. Атмосфера накалилась до такой степени, что взрыв произошел бы не то что от зажженной спички, а от любого движения воздуха. Просто тронь – и начнется катастрофа.

Представление Эфроса было назначено на 12 часов, а с 10 в тот день начали репетировать «Пугачева». Губенко, Филатов, Золотухин, Шаповалов, Смехов – вся ведущая команда – голые по пояс с утра пораньше тренировались топоры в доски швырять. Потом они, чуть прикрыв наготу, вошли и заняли весь стол президиума. Все ждали. Кто-то сказал, что начальники из управления и Эфрос уже приехали. Напряжение достигло предела. Первым вошел директор театра Дупак. За ним начальник Управления культуры и Эфрос. Все сидели. Молчали. Никто их не приветствовал. Директор ужасно суетился. Мы понимали, что он боится – тогда могли сделать все: уволить, лишить партбилета, а значит, и всех благ.

Часть труппы, которая сидела напротив «пугачевцев», была тоже сильно перепугана. Николай Лукьянович Дупак подошел к столу президиума и попросил уступить Эфросу место. Тогда эти мрачные полуголые мужики медленно и демонстративно чуть-чуть раздвинулись. Им только топоров в руках не хватало.

Первым заговорил начальник Управления культуры. Он произнес немыслимый, невозможный текст:

– Я хочу представить вам главного режиссера Московского театра драмы и комедии на Таганке… – сделал небольшую паузу. И… У Пастернака в «Лейтенанте Шмидте» есть:

– Тихо! – выкрикнул кто-то,

Не выдержав тишины.

Это был тот самый момент, когда тишина становилась невыносимой.

– …Анатолия Васильевича Эфроса.

В этот момент одна беременная артистка негромко и протяжно произнесла: «А-а-а!»

Ужас наступил.

Когда раньше говорили, человек зеленого цвета, я не понимал. Теперь видел Эфроса – человека зеленого цвета. Никогда не думал, что лицо без грима может так выглядеть. Ему предоставили слово.

Все было так, как всегда: и жест, и тот самый хохолок, который Анатолий Васильевич часто поправлял. Только, когда он стал говорить, звук не пошел. И так несколько секунд. Наконец он

совладал с собой: «Я хочу…» – и произнес какие-то ничего не значащие слова. Вдруг, прервав Эфроса, заговорил тот, от кого никто ожидать такого не мог. Замечательный артист и певец Дима Межевич, никак доселе не значившийся в ораторах и главарях, поплатившийся, кстати, за это выступление немедленным увольнением из театра, выкрикнул:

– Как вы можете!

Все взорвались, что-то стали кричать и требовать…

Вспоминаю об этом сегодня потому, что это тоже – о Любимове. Магия его личности, авторитет, вера в него были настолько сильны, что артисты были готовы идти на баррикады, рискуя остаться без работы, да и вовсе получить «волчий билет»: демарши против начальства в те времена расценивались как идеологическая диверсия.

Чиновники от культуры вели себя непредсказуемо. Чаще всего мы ходили в казавшееся мрачноватым здание Управления культуры, пытаясь «пропихнуть» неразрешенную пьесу, восстановить закрытый спектакль. В контору, которая мешала жить, а не помогала, не очень-то рвались. И вдруг на начальство снизошло некое демократическое откровение: директоров и режиссеров всех московских театров пригласили в большой зал ВТО на доверительный разговор о театральной культуре столицы. На сцене стоял большой стол, покрытый зеленым сукном, с графином, наполненным водой, по центру. Сразу замечу, что потом этот стол Юрий Любимов с точностью воспроизвел в спектакле «Мастер и Маргарита». В президиуме сидели начальники во главе с первым заместителем руководителя управления культуры, носящим хорошую фамилию Шкодин. Это был детина с огромными кулаками, которыми он, как казалось, вполне мог, да и должен был, сильно бить по голове всех нерадивых деятелей искусства. В президиуме рядом с чиновниками сидят руководители главных московских театров – Большого, Малого, МХАТа.

Шкодин начал доклад:

В нашем президиуме представлены руководители всех московских театров, которые особенно любят наши зрители…

В это время из зала раздается голос Юрия Петровича:

– Не всех!

Шкодин делает вид, что не слышит и продолжает свою речь. Однако из зала снова слышится голос:

– Не все представлены!

Шкодин опять, не замечая, называет все те же Большой,

Малый, МХАТ…

– Не все представлены! – в очередной раз выкрикивает Любимов, и в зале начинается шум.

Наконец, Шкодин сдается:

– Что это значит?

Любимов:

– Есть такой театр – самый посещаемый в Москве – театр драмы и комедии на Таганке.

Наступила конфликтная пауза. И Шкодин, надо отдать ему должное, конфликт не допустил:

– Хорошо, Юрий Петрович, пожалуйста, займите место в президиуме.

Любимов пошел и, раздвинув сидящих за столом, сел посредине прямо напротив графина с водой.

Шкодин продолжает:

– Мы выполняем решения партийного съезда, и лучше всего это делают Большой, Малый, МХАТ. Театр драмы и комедии…

Любимов постучал по графину:

– На Таганке…

Шкодин, уже побледнев от злости:

– Московский театр драмы и комедии…

Тут Петрович стукнул кулаком по столу. Из графина выскочила пробка. И Любимов ушел из зала.

Со стороны Любимова такой демонстративный уход с совещания был поступком. Он мог иметь серьезные последствия. Сегодня это кажется странным и даже несерьезным: ну, подумаешь – название театра! В наше время, когда по желанию худрука театр имени Гоголя становится в одно мгновение Гоголь-Центром, а театр имени Станиславского «Электротеатром», непонятно: что в этом такого уж принципиального? Но это было именно так. Настойчивость Любимова в отношении названия театра была делом принципа: это было утверждение новой эстетики, новой художественной реальности. Что и пугало чиновников – они очень хорошо понимали, что вот эта неформальность названия означает внутреннюю свободу и отказ от управляемой безликости и усредненности. Театр на Таганке всегда был не только местом поисков новых приемов, но и территорией, формировавшей людей, менталитет. Протестный менталитет.

Я не видел Мейерхольда, Таирова, Евреинова. Но для меня весь театр острой формы, парадоксального монтажа, театр насыщенной и смысловой среды, которую, конечно же, внес и художник Давид Боровский – все это было выражено Любимовым. Сегодня огромное количество спектаклей, которые делаются

только ради формы, ради приема, иногда очень занятного, забавного, провокационного. Любой спектакль Петровича был прежде всего содержательным. Прежде всего – смысл.

Как-то пришел смотреть «А зори здесь тихие». Увидел скромный по внешним приемам спектакль. После подошел к Давиду Львовичу Боровскому:

– Я обрыдался, слезы душат, потрясение. Скажите, когда вы придумывали декорации, какую задачу поставил Юрий Петрович? Что он вам сказал?

Боровский ответил:

– Он сказал: девок жалко…

Я это рассказываю студентам. И мне кажется, что и другие педагоги должны это рассказывать своим ученикам. Особенно тем, кто учится у «формальных режиссеров». Когда Петрович ставил «Гамлета», то Высоцкий не просто сидел с гитарой в свитере, а разглядывал и принимал всех входящих в зал. И потому это спектакль, рассказывающий про принца датского, имел отношение к человеку, пришедшему в зал именно здесь и сейчас.

Много мог бы говорить о Юрии Петровиче. Он в ряду самых великих. Многих современников опередил. Для меня это подарок судьбы – работать, встречаться и слушать Любимова.

Был он невероятно самоироничен – свойство редкое для творца.

В качестве доказательства этого тезиса – байка. Она же послужит финалом.

Сидят все штатные режиссеры Таганки, внимают, ловят каждое слово Мастера. Входит Боровский, которого Любимов называл ребэ.

Любимов:

– Смотри, ребэ, вот я сижу, как Иисус в окружении своих апостолов. Как считаешь, чего не хватает?

Боровский (ни на секунду не задумавшись):

– Хорошо бы, чтоб вот эти двое встали за вашей спиной, сложили руки перед собой и, как положено у евреев, все время качались бы, восторженно цокая языками и восхищенно причмокивая…

* * *

Лечу в Тель-Авив… Немного нервничаю – предстоит обследование моего организма. Подхожу к самолету и… ЮРИЙ ЛЮБИМОВ – так он называется. Понимаю, что все будет хорошо.

Петрович, полетели!

Сергей Юрский

С утра звонят корреспонденты разных радиостанций, телекомпаний, и молодые бодрые голоса спрашивают «Как себя чувствовал Сергей Юрьевич в последние дни жизни?»… Ощущение, что они при этом на всякий случай смотрят на экран гаджета, чтобы не перепутать имя… Знают ли они вообще, кто такой Сергей Юрьевич Юрский?

Для меня, как для многих людей театра, да и вообще поколений, близких к моему, Юрский – это не просто часть профессии, это часть жизни, мировоззрения.

Когда-то меня выгнали из Ленинградского института театра и кино. Был в отчаянье. Утешали: Сергея Юрского тоже выгоняли, не принимали, а вот он какие роли играет в БДТ… И я отправился в БДТ, стал там рабочим сцены – чтобы увидеть Юрского. И утром или днем ставил те декорации, в которые вечером входил Юрский. Спектакль «Идиот», где Сергей Юрьевич играл Фердыщенко в потрясающем ансамбле с Иннокентием Смоктуновским, Татьяной Дорониной, Павлом Луспекаевым, Евгением Лебедевым в постановке Георгия Товстоногова. Не забыть, как мы, рабочие сцены, проклиная режиссера и художника таскали на себе 32 тяжелейшие колонны для «Горя от ума». А Юрский, приходивший за несколько часов до спектакля, сновал по сцене, путаясь под ногами, а потом сидел один в гримерке. Было понятно, что он сознательно делает это, набирая невиданную энергию, с которой потом выходил на сцену в образе Чацкого и, глядя куда-то в 4-й ярус говорил:

Теперь пускай из нас один, Из молодых людей, найдется – враг исканий, Не требуя ни мест, ни повышенья в чин, В науки он вперит ум, алчущий познаний; Или в душе его сам бог возбудит жар К искусствам творческим, высоким и прекрасным, – Они тотчас: разбой! пожар!

И было ясно: если имеет смысл заниматься режиссурой, театром, культурой в принципе, то нужно ориентироваться только на такой уровень и объем.

Мне очень посчастливилось 40 лет назад на ТВ по сценарию Виктора Славкина снять фильм «Картина» с Сергеем Юрским в главной роли. Но даже будучи режиссером этого фильма, постичь, как Юрский играет, не в состоянии. С «Картиной» связана одна история, которая много говорит о личности Сергея Юрьевича. Фильм был представлен на конкурс телефильмов в Чехословакии и получил Гран-при. На вручение премии меня не выпустили (я тогда еще был «невыездным»), предложили поехать

Юрскому. Но он категорически отказался: премию должен получать режиссер.

Сергей Юрьевич играл много моноспектаклей – по Бабелю, Хармсу, Жванецкому, Олеше, Зощенко. Невероятный моноспектакль «Евгений Онегин». Это всегда был диалог с автором, предельно уважительный и, тем не менее, на равных. Когда он входил на чью-то территорию, возникало ощущение, что это его территория. Всегда был в контексте времени. Когда о политике, о ситуации в стране говорил Юрский, было понятно, что это буквально часть его жизни. Жизнь, которую он пытается улучшить, осознать и поднять. Он знал невероятное количество текстов. Читал их так, что не оставляло сомнений: это рождено прямо сейчас и прожито лично им.

«Школа современной пьесы» во многом театр Сергея Юрского. Спектакль «Стулья» по Эжену Ионеско он поставил и играл так, что многим впервые стала понятна драматургия театра абсурда. Абсурд нашей жизни Юрский мотивировал и присваивал. И, кстати, он сам перевел эту пьесу, да так, что специалисты не верили, что перевод сделал артист и режиссер.

Грандиозная у него была мистификация с драматургом Вацетисом. Он так придумал его, так проработал детали биографии этого вымышленного литератора, что в его реальность верили абсолютно все. Даже театральный критик Наталья Анатольевна Крымова не сомневалась в его существовании.

Ну и, конечно, одна из самых мощных работ Сергея Юрьевича – «Ужин с товарищем Сталиным». Иногда думаю, что, если бы вместо истерических криков, несущихся с экранов телевизоров, показали бы этот отснятый, кстати говоря, телеканалом «Культура» спектакль, это было бы намного полезнее для осмысления нашей трагической истории. Там была величайшая режиссерская находка – первый акт он играл без грима. И постепенно добавлял детали, на наших глазах превращаясь в узнаваемый образ. Весь антракт Юрскому делали портретный грим Сталина, и во втором акте на сцену выходил настоящий Иосиф Виссарионович. И был понятен весь этот феномен.

Накануне открытия нашего театра после реставрации и ремонта я Сергею Юревичу позвонил, чтобы пригласить его. Он подробнейшим образом расспрашивал – как изменился большой зал, в котором он сыграл столько спектаклей. Какая там теперь механика, какие технические возможности появились. Было полное ощущение, что он готов к работе.

Просил его быть с нами 25 января на открытие. Он ответил: «Лежу в больнице, не встаю с кровати, даже не шевелюсь. Но

потом приду непременно».

Однажды играли «Стулья». Перед началом на сцену вышел Сергей Юрьевич и сказал: «Сегодня умер Виктор Ильченко. Если можно, мы не сразу начнем спектакль. Помолчим минуту». В зал вернули свет. Сергей Юрьевич стоял на сцене и вглядывался в лица зрителей. А они также молча смотрели на него.

Сегодня мы тоже помолчим.

Юлий Даниэль

Я в Москве до этого не был. Я знал о ВГИКе и ГИТИСе как о таких не просто иных планетах, а о чем-то невозможном, недосягаемом. Вот не может такого быть, и все! И с записочкой от Игоря Кохановского – я же понимал, что в Москве мне и жить негде, и деваться некуда – я ехал в Москву. Вышел на Киевском вокзале, – ехал, естественно, поездом, какой там самолет, дорого! – куда-то поставил вещи (кажется, в камеру хранения, точно не помню), и отправился искать адрес. У меня на конверте было написано так: «Ленинский проспект, 87, доехать на троллейбусе до магазина «Телевизоры», дальше квартира такая-то на первом этаже, найти Юлия Марковича Даниэля».

Я нашел, приехал, позвонил. Открыл человек, ставший одним из тех людей в моей жизни которым хотелось подражать. Юлий Маркович – один из первых. Мало того, когда я его увидел, подумал, что надо мне тоже так прическу делать. Я всегда волосы зачесывал вверх – это называлось «кок». А у него они лежали так, как растут – потрясла такая простота. Потом я это же самое увидел у Алексея Николаевича Арбузова. Я помню нескольких людей, которые не делали причесок. Меня потрясло, что можно так просто жить! Носить рубашку, например, так, как она висит, а не специально куда-то заправлять.

Юлий Маркович совсем мне не удивился. Как потом понял, у него такие, как я, уже бывали. Увидел московскую квартиру – настоящую квартиру московского интеллигента. Там, конечно, был и письменный стол, и кровать, очень много книг, что сразу сделало эту квартиру для меня космической, нечеловеческой. Я не знал на тот момент – да и никогда не узнал – есть у него жена или нет… Но, кажется, потом была какая-то вдова Даниэля, которая что-то всем рассказывала… Он очень быстро меня спросил, что мне нужно. Я рассказал, что хочу поступать в ГИТИС, на режиссерский факультет. Он сказал, что ладно, ключ будет лежать «здесь под ковриком, еда на кухне, и слушай, можешь сходить в овощной магазин купить картошки? Мы сейчас с тобой ее пожарим и поедим». А он был весь в каких-то рукописях. Я еще тогда не понимал, что это за рукописи, чем он занимается. В общем, пошел я в магазин, купил там картошки, пока ее почистил, пока еще что-то, он вдруг мне говорит: «Слушай, ты же из Одессы? Ты, наверное, знаешь украинский язык». Переводил он тогда стихи Шевченко. И я очень быстро, что называется, его покорил тем, что очень много из поэзии Шевченко знал наизусть. Читал по-украински, он что-то просил повторять. В это время он

писал свои «Руки», и «Говорит Москва»…

Вечерами у него собирались разные люди – разговаривали, крыли коммунистическую партию. Впервые тогда я услышал «Софья Владимировна», что означало «советская власть»… Там же узнал о Солженицыне, впервые услышал «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор». Все это я читал на листах, плохо пропечатанных на машинке.

Меня потрясло вот что. Гости всегда сидели в кухне за большим столом. Квартира выходила во двор, а поскольку это Ленинский, то деревья, трава… И он выпускал свою красивую рыжую собаку неизвестной породы, которая перемахивала через подоконник и гуляла. Иногда, когда ели, Даниэль говорил: «Посмотрите, какая у меня удивительная собака!». Он отрезал кусочек лимона, подзывал ее по имени, клал этот кусочек на подоконник, и она его глотала. Меня это очень удивляло!

Люди в этот дом приходили разные, и был среди них некий артист из театра Пушкина. Как-то Юлия Марковича не было дома, а я пришел пораньше с какой-то отборочной консультации в ГИТИС, и, как всегда, принес что-то из овощного магазина, чистил картошку и ждал, когда придет Юлий Маркович. Раздался звонок – пришел этот артист, спросил: «А что, Юлика нет?», – сказал, что подождет. Он сел со мной рядом, постукивая по столу: «Знаешь, я сегодня песню сочинил, хочешь – спою!». Я согласился. Он стал отбивать ритм и напевать – так я впервые услышал:

На границе с Турцией или с Пакистаном
Полоса нейтральная. Справа, где кусты, –
Наши пограничники с нашим капитаном,
А на ихней стороне ихние посты.
А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты…

Это был 1965 год.

Через несколько дней Даниэль сказал: «Быстро собирайся и уезжай!». Я не понял – куда. Почему… «Куда хочешь!» – был ответ. Я думал, что что-то не так сделал… «Я тебе говорю – бегом отсюда! На вокзал, в другой город… Ты хотел поступать в Харьков – поступай! Или в Ленинград – там тоже есть театральный институт». Выгнал меня, в общем. Уехал я в Ленинград, где проходил дополнительный набор в ЛГИТМИК. Легко поступил. И, уже будучи студентом, читал о процессе над Даниэлем и Синявским – это было зимой… И тут я стал понимать, кого встретил и кто пел «На нейтральной полосе…». Владимир Семенович Высоцкий. И уже потом, через много лет,

был знаком с Высоцким, но никогда не напоминал ему о том случае на кухне – думаю, он все равно бы не вспомнил.

Диалоги

В год 30-летия театра мы вернулись в историческое здание после реставрации и выпустили спектакль «На Трубе». В нем рассказали историю нашего особняка через события, происходившие с великими людьми, которые здесь бывали. Чехов и Толстой, Чайковский и Горький, Суворин и Достоевский в этом спектакле произносят слова, которые на самом деле были ими сказаны и зафиксированы в документальных источниках – дневниках, письмах, статьях. Их высказывания – о политике, о религии, об искусстве, о сексе, о деньгах, о любви – очень откровенны. Работа с литературно-историческими источниками навела сценариста спектакля «На Трубе» и редактора этой книги Екатерину Кретову на попытку заставить меня быть столь же откровенным.

О себе

1. Кто вы по национальности?
Русский еврей.

2. Сколько вам лет по вашему внутреннему состоянию?
Не ощущаю.

3. Что такое молодость и что такое старость?
Молодость – это бесконечность, это уходящий горизонт. Старость – осознание приближающего горизонта. Это понимание конечности ВСЕГО. Это повторы в ощущениях, событиях, оценках. Молодость – это когда «А хочешь увидеть? Конечно! А хочешь прочитать? Да! А хочешь поехать? Немедленно выезжаю!» На все – да. Старость – это я уже видел, это я знаю, об этом не знаю, но догадываюсь. Я вижу перспективу, она программируется, вычисляется, прогнозируется.

4. Вы переживали когда-либо состояние истинного счастья?
Переживал и не раз – когда мои фантазии становились реальностью. Счастье – мои дети. Иногда – редко – результат моей работы. Счастье было на комфортной яхте в Средиземном море и в экстремальном путешествии по пустыне Такла-Макан при температуре плюс 51. Счастье, когда держишь только что выпущенную книгу. И когда на снегоходе движешься по склону Эльбруса.

5. Были ли вы несчастливы по-настоящему?
Не раз. Многократно. Когда отчисляли из одного института, а затем из второго за профнепригодность. Когда лишали работы и возможности жить в Москве. Самое страшное и сильное – это потеря мамы и папы. Большего несчастья не может быть.

6. Вам везет?
Очень! Не знаю, кого благодарить, но вся моя жизнь – фантастический, невероятный подарок.

7. Вы хороший человек? Только честно.
Думаю, что кристально хорошего и абсолютно плохого не может быть. Думаю, что во мне хороший сильно перевешивает того, другого.

8. Как бы вы оценили степень своего таланта?

Я талантливый человек, владеющий профессией. Я не бездарен и не гениален.

9. Для вас «режиссер» – это место в социуме, творчество или профессия?

Профессия, которая подразумевает и место в социуме, и творчество и много еще всего другого.

10. Какой вид искусства вы любите больше всего?

Я вообще не люблю искусство. Но если уж выбирать, то музыку. Очень жаль, что родители не дали мне хорошего музыкального образования. Думаю, что мог бы быть дирижером.

11. Вы гедонист?

Да, в свободное от работы время. Но его почти нет.

12. Что больше всего доставляет вам удовольствие – еда, секс, спорт, искусство, беседа с умным человеком, путешествия, приключения?

Все, что перечислено доставляло и доставляет огромное удовольствие. Но в разные периоды жизни приоритеты менялись местами.

13. Вам нравится командовать и управлять?

Если бы не нравилось, не занимался бы этим всю жизнь. Это важнейшая часть моей профессии.

14. В реальной жизни вы всегда настоящий или играете роль? Что приятнее – быть самим собой или изображать кого-то?

Мне кажется, что я абсолютно естественный, непосредственный, что я такой простой, демократичный, легкий в общении. И с удивлением иногда слышу, что меня боятся, воспринимают, как Карабаса Барабаса. А еще поражаюсь, когда узнаю, что, оказывается, даже короткое общение со мной что-то значит в жизни для людей. Бывают такие встречи, на которых мне говорят: «Вот 40 лет назад я к вам подошла, а вы мне сказали, и это изменило всю мою жизнь, и я до сих пор храню билет…» и пр. И это странно, потому что я ничего такого даже не помню.

15. Вы амбициозны?

Конечно, да.

16. Когда вы общаетесь с сильными мира сего, вам это импонирует?

В разные периоды жизни и в разных ситуациях по-разному. Когда-то, много лет назад, я гордился очень, что могу сидеть в одной ложе с президентом. А буквально вчера во время репетиции мне позвонил вице-премьер. Разговор затянулся, и я почувствовал, что очень хочу его закончить, потому что меня ждали артисты, что мне было в данный момент интереснее. А бывало и так, что мне не хотелось пожимать руку одному из первых лиц государства. И я избегал этого.

17. Однажды вы оказались на границе жизни и смерти. Вас это испугало?

В тот момент, когда узнал об этом, совершенно не испугало. Но года через два, когда отошел от этой границы в сторону жизни и осознал, что со мной произошло, испугался.

18. Когда вы покидали Одессу и ехали в Харьков, затем в Ленинград, а потом в Москву, чтобы учиться в театральном институте, что для вас было важнее – вырваться из провинции и добиться успеха или посвятить себя творчеству?

Я интуитивно чувствовал: то, чем хочу заниматься, возможно только в определенных местах. Понимал, что мне нужно попасть в правильное место, в другой контекст. Слышал магические слова – ГИТИС, ЛГУ, ВГИК… и тянулся туда. Если бы я тогда понимал что-то про Лондон или Нью-Йорк, возможно, стремился бы туда. Но в те времена высшей и почти недосягаемой географической точкой для нас были Москва и Ленинград – и они меня притягивали.

19. Вы часто называете своего друга и однокурсника Анатолия Васильева гением. Вы завидуете ему или кому-то еще?

Мне повезло в жизни. Я встречался, работал, общался и даже дружил с 5-6 гениями. Назову их: Анджей Вайда, Ежи Гротовски, Анатолий Васильев, Давид Боровский, Анатолий Чубайс, может быть, Окуджава… Может быть… Все эти люди в быту существуют или существовали по очень определенной системе, по регламенту, по определенным законам. И среди этих законов главнейший – всего себя посвящать той сфере, в которой ты гений. Не тратиться на то, что к этой сфере не относится. Если бы я принял эти законы, может быть, я приблизился бы к кому-то из них. Но я хочу жить так, как живу, и мне достаточно моих профессиональных и творческих достижений.

20. Вы когда-нибудь плакали над книгой или каким-то другим видом выдуманной жизни?

Да, конечно. «Над вымыслом слезами обольюсь», – Пушкин про меня сказал. Это бывает часто. В детстве плакал, когда слушал «Лунную сонату». Сейчас могу заплакать, услышав позывные «Пионерской Зорьки». При этом я хорошо понимаю, как по-идиотски выгляжу. Но ничего поделать не могу.

О женщинах

21. Вы любите женщин?

Люблю. В юности эта любовь занимала меня довольно серьезно. Я по этому поводу на себя злился, потому что головой понимал, что любить нужно не женщин, а образование, музыку, живопись, литературу. Когда уже студентом в Ленинграде услышал какие-то лекции о Зигмунде Фрейде, стал читать сначала его самого, потом и его критиков, в том числе, Юнга, я окончательно утвердился в фрейдизме. Так что я – фрейдист. Потому что убежден, что либидо – мощнейший стимул и к профессии, и к жизни.

22. Как вы относитесь к идее равенства полов?

Конечно, мужчины и женщины равны. Еще совсем недавно женщина-режиссер, композитор, квантовый физик или конструктор самолетов была редкостью. Теперь сколько угодно. Женщины в некоторых наиболее продвинутых конфессиях даже священниками работают. Среди абитуриентов, поступающих в мою мастерскую 70 % женщин, причем очень талантливых. Когда я учился, соотношение в режиссерской группе было: 2 девушки на 10 мужчин. Сегодня все наоборот. Тем не менее, женщина, которая полностью отдает себя профессии – это странно. Потому что есть физиология, которую я постичь не могу. Беременность и рождение ребенка – это настоящее чудо, загадка. И в этом смысле мужчине с женщиной никогда не уравняться. Ее приоритет, ее роль в возникновении новой жизни – невиданный. Что круче – родить ребенка или создать спектакль? Выносить в течение девяти месяцев дитя или написать гениальную компьютерную программу? Родить ребенка – это круче. Мужчина и женщина – сообщающиеся сосуды. Женщинам тоже никогда не познать уровень мужского созидания. Не зря ведь бог – мужчина. Скажу так: мир сочиняет мужчина, а женщина сочиняет жизнь.

23. Уважение и любовь к одной женщине – совместимы?

Уверен, что да. Но, к сожалению, со временем соотношение любви и уважения меняется в сторону уважения. Если по оси уважения – увеличение, то по оси любви – уменьшение.

24. Что лучше – быть с кем-то или одному?

Когда один, хочется с кем-то, когда с кем-то – хочется одному.

25. Что для вас имеет больший смысл – любовь или секс?

Любовь, безусловно. И это разные вещи, причем совсем разные.

26. Вы Дон Жуан?

Я видел много спектаклей по «Дон Жуану» Мольера. Несколько выдающихся – от Анатолия Эфроса до дипломника ГИТИСа. Есть две крайности при трактовке этого образа: или Дон Жуан – бабник, который не может пропустить ни одной юбки. Или Дон Жуан – личность, которого занимает формула отношений, сюжет, знакомство, интерес, покорение, узнавание. Его интересует не столько результат – сколько процесс, технология. Он каждый раз заново проверяет, как можно свое представление осуществить, реализовать, познать. Я Дон Жуан – в этом втором смысле.

27. Могли бы вы написать книгу о своих романах, как это делают некоторые известные люди?

Нет. Убежден с юности, что ни в коем случае, ни о каком человеке, ни о женщинах, ни о мужчинах нельзя в его/ее отсутствие говорить то, что ты никогда не рассказал бы в его/ее присутствии, и особенно то, что могло бы доставить ему/ей огорчение. Поэтому я не называю имен, фамилий, ситуаций. Вот эта «откровенность» в интервью во всяких «Караванах историй», публичное «раздевание» в телепередачах – это то, что мне крайне не нравится в нашей среде. Не приветствую и сильно осуждаю.

28. У вас дочери, внучка… сплошные девчонки… Как думаете, это случайно?

Они мне очень нравятся. Хотя мне жалко, что ни у кого из них не осталось фамилии Райхельгауз. Но, надеюсь дожить и до внука.

29. Ваш идеал женщины.

Мой идеал женщины – моя жена Марина Хазова в тот момент, когда она вышла за меня замуж. Очень красивая, очень талантливая, высочайшей нравственности и благородства, духовности, душевности. Мои дочери очень на нее похожи. И это тоже ее достоинство.

30. Была ли в вашей жизни идеальная любовь?

Не понимаю, что это такое. Нет.

О гражданской позиции

31. Вы были когда-либо членом какой-то партии или организации?

Да. Я был пионером. Это была первая и последняя организация, в которой я состоял официально, но бессознательно. Когда я пришел в сознание, я уже не поддавался ни на комсомол, ни на КПСС, ни на Единую Россию. Как мне это удавалось? Очень легко. Чем был интересен Советский Союз – можно было говорить все, что угодно. Я во всех анкетах рассказывал всякую ерунду. При поступлении в институт всегда писал, что я член всего, что положено. Но потом никто не спрашивал с меня ни билета, ни взносов, ничего. Даже диплом никто и никогда не спрашивал. Военный билет свой я видел лишь однажды – когда был освобожден от армии как солист балетной труппы Большого театра.

32. Каковы ваши политические убеждения? Вы демократ? Либерал? Патриот? Значат ли что-нибудь эти слова для вас?

Я демократ, либерал и патриот. Но слова эти для меня ничего не значат. Потому что уверен, человека нужно судить по его поступкам и проявлениям. Любой человек открыт, и про него все понятно. Я все время говорю то, что думаю, очень люблю свою страну, русскую культуру. И не раз проявлял эту любовь и доказывал, поскольку наш театр и я конкретно не раз представляли Россию на международных фестивалях, конкурсах, на гастролях. И если мы выигрываем гран-при в Индии, в Иране или в Париже, я приношу стране гораздо больше пользы, чем мракобесы, доказывающие свой патриотизм на ТВ каналах.

33. Ваш отец защищал свою страну на фронте. Вы заявляете, что ненавидите советскую власть. Если бы вы оказались на месте вашего отца с теми убеждениями, которые исповедуете сегодня, вы отправились бы на фронт?

Отправился бы и защищал не власть, а Родину.

34. Вы с энтузиазмом приняли Майдан. В этом была политическая идея или, как говорится, вы «за любой кипеш»? Как вы относитесь, к примеру, к Октябрьской революции – или перевороту?

Майдан для меня, прежде всего, это надежда на все ту же демократию и патриотизм. Другое дело, что надежды не всегда сбываются. Что касается Октябрьской революции, я называю это

переворотом, к результатам которого отношусь резко отрицательно. Потому что результат революции 1917 года – 70 лет застоя. Террор, ленинизм, сталинизм, страна, закрытая от мира в течение десятилетий.

Но сама революция – положительна. Переворот 1917 года так же, как демократические перемены 90-х, дали мощнейший толчок к развитию общественной мысли, литературы, культуры. Но потом довольно быстро революция начала пожирать своих детей. Поначалу перемены приняли Блок, Маяковский, Мейерхольд, Шагал, Михаил Чехов, многие другие деятели культуры. Но уже в 20-е годы некоторые одумались и стали оставаться на Западе, подарив миру придуманные в России технологии – художественные и научные.

Разумеется, по таланту я не Мейерхольд и не Маяковский. Но думаю, что занял бы ту же позицию, что и они: принял бы революцию горячо и восторженно, надеялся бы на быстрые результаты, оптимистично смотрел в будущее. Но также быстро разочаровался. И либо был расстрелян, как Мейерхольд, либо сам застрелился, как Маяковский.

35. Вы часто принимаете участие в политических ток-шоу. Думаете кого-то убедить? Или это просто пиар?

Это возможность выкрикнуть другие слова. Не те, которыми заполнен эфир официальной пропаганды, а другие. Хочу, чтобы в Хабаровске или в Америке знали, что есть люди, которые думают не так, как мракобесы во всех этих шоу и которые могут и не боятся произнести свои мысли вслух. Но и пиар – тоже мотивация. Мне нравится, что меня узнают люди на улице, но еще больше – что меня боятся начальники и чиновники. Кроме того, всегда, в любой передаче – на какую бы тему она не была – я исхитряюсь упомянуть название нашего театра. Иногда это бывает так неожиданно, что у ведущего появляется на лице изумление. Но я этого не боюсь – главное, что наш театр прозвучал на главном федеральном канале.

36. Вы часто говорите о 90-х годах. Чем для вас стало это время?

Это время, когда рухнула не только Берлинская стена, но и железная стена, отделяющая Россию от мира. Время перемен, надежд, открытий, созидания. Время живое. Время, когда я понял и почувствовал, что от меня реально что-то зависит. Время, когда я читал, что хотел, ехал, куда хотел, работал, как и где хотел и получал, сколько заработал. Вдруг слово «можно» стало преобладать над словом «нельзя». Ты становился автором своей

судьбы. При том, что я понимаю весь исторический контекст этой сложной эпохи, она для меня таковой и осталась – счастливой эпохой безграничных возможностей.

37. Разочарованы ли вы в том, как развиваются события в нашей стране?

Разочарован. Мне кажется, что мы идем по знаменитой ленинской формуле: шаг вперед, два шага назад. Реализуем ленинский завет, от которого, он, кстати, предостерегал.

38. Могли бы вы назвать себя западником? Определение «европейский» является для вас синонимом слова «правильный»?

Нет, оно для меня является синонимом слова «цивилизованный», хотя многое в нем не принимаю. Но мне это ближе, чем северо-корейский, иранский, туркменский путь. И в этом смысле я западник, а не «восточник».

39. По возрасту вы не вполне вписываетесь в поколение шестидесятников, а по убеждениям – они вам близки?

Близки, хотя очень наивны. Один из самых ярких представителей этого поколения – Булат Окуджава считал, что вот «возьмемся за руки друзья», и что-то изменится. А надо браться за орудия или даже за оружие. За руки – недостаточно, к сожалению.

40. Вы могли бы жить в другой стране?

Нет. Неоднократно бывали интереснейшие предложения и возможности – в Америке мог занять должность профессора престижного университета. Получал работу в крупнейших театрах мира, были многочисленные предложения в Израиле, в том числе и на получение гражданства. Есть квартира в Одессе. Есть у моих детей квартира в Болгарии. Но я везде гость. Даже в Одессе. На третий-четвертый день я хочу оказаться в своем театре на Трубной и в лесу в поселке Жаворонки. При том, что я восхищен Новой Зеландией, Парижем или Черногорией – все это только на время отпуска.

41. Что для вас означает понятие Родина?

Родина – это данность, как родители: можно комментировать и даже критиковать, но нельзя поменять.

О религии и этике

42. Ваш атеизм известен всему вашему окружению. Он весьма воинственен. В чем его природа?

В том, что я довольно рано стал задумываться о религии. И потом, получая образование, стал читать и изучать библию, талмуд, коран, толкования и комментарии ко всему этому. Было интересно и важно, почему ученые с мировым именем верят в наивные, с моей точки зрения, сказки и легенды о похождениях Иисуса, Моисея или Мухаммеда. Я когда-то спросил одного из своих гениальных друзей: верите ли вы в Бога? И могу подписаться под его ответом: я либо не дорос, либо перерос. Может быть, единственное в учении Маркса, под которым я готов подписаться, сентенция «религия – опиум для народа». Для меня сегодня человек, верующий в господа бога – человек необразованный.

43. Ваши оппоненты-коммунисты в свое время предложили внятную альтернативу религии – строительство справедливого коммунистического общества. Но вам это не близко. На чем строится ваша концепция духовности? Или вы обходитесь без нее?

Уверен и убежден, что бог – внутри каждого из нас. Каждый из нас знает про себя, что такое справедливо – не справедливо, нравственно-безнравственно. Для этого не нужны 10 заповедей. Действующая РПЦ для меня точно такая же бюрократическая и идеологическая организация, как партия, как СМИ, как зависящая от власти судебная система.

44. Искусство, в том числе и театральное, предполагает выход в некий космос. Иначе оно будет плоским и злободневным. Каков ваш космос?

Когда сочиняю спектакль, фильм или прозу, я что-то делаю по закону, по технологии, а иногда делаю вне закона. Не могу объяснить, почему вдруг в спектакле «Спасти камер-юнкера Пушкина» нужно остановить диалог и дать свет из-под земли. Возникает нечто для меня необъяснимое, нелогичное, что оказывается в спектакле самым трогательным и ассоциативным. Это и есть моменты выхода куда-то.

45. Как вы относитесь к верующим людям? Верите ли вы в то, что они истинно веруют?

Уверен, что большинство не истинно верующие. Они

отрабатывают свою принадлежность к религии, как к другим стадным чувствам. Есть истинно верующие, безусловно. Они вызывают либо равнодушие, либо недоумение, либо жалость. Но никогда не вызывают понимания или поощрения. Просто один из способов, которым люди помогают себе жить. Можно помогать себе медициной, можно образованием, можно искусством, а можно религией. Это право каждого.

46. Общество сегодня бросается в крайности. С одной стороны – страх оскорбить чувства верующих, с другой – циничные издевки вроде Шарли Эбдо. Вы уважаете чувства верующих? Вам нравятся карикатуры Шарли Эбдо?

Я любые чувства уважаю, если эти чувства не агрессивны по отношению к другим людям и не мешают другим жить. Для одних эти карикатуры и визги Pussy Riot – оскорбительны, а для кого-то абсолютно безразличны.

47. Откуда вы черпаете этические нормы? Что для вас хорошо, а что плохо?

Это чувствует и понимает каждый человек. Это заложено в природе человека. Внутри каннибала нет этической нормы на съедение человека. И он его ест без угрызений совести. И перед своим сообществом он ни в чем не виноват. Но для нас он – монстр. Я уверен, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Мы живем в контексте определенной страны, правил и должны соблюдать соответствующие юридические и нравственные законы. Мы виртуально подписываем общественный договор. И хорошо знаем, что хорошо, что плохо. В поле можно сорвать цветок. А на газоне в городском сквере нельзя. Выйти из машины в лесу и пописать – ничего страшного, а на бульваре у фонтана – плохо. И господь бог, и прокурор, и родители, и любые наставники, они всегда внутри нас. Мы всегда все соотносим – с мамой, с папой, с богом, с товарищем – внутри себя. Нечего на кого-то пенять – только на себя.

48. Современная европейская мораль внесла колоссальные коррективы в поведенческие нормативы. Вы приветствуете их? Вас радуют однополые браки? Гей-парады? Феминистские движения?

Мне лично все это не нравится. Сердцем, чувством я это не принимаю. Какие-то проявления гомосексуальности, особенно мужской, я интуитивно не принимаю. Не осуждаю, но сторонюсь. Это все по чувству. А холодным разумом понимаю: каждый человек, если он не нарушает свободу другого человек, волен

жить как хочет. То же самое курящий человек. Это его право. Единственное, что требуется – не нарушать мое право дышать чистым воздухом. А сам по себе пусть хоть обкурится.

49. Любимый вопрос Владимира Познера: что бы сказали Богу, встретившись с ним?

Господи… Надо же! А я не верил!

О театре

50. Вы создали театр «Школа современной пьесы». Почему вам неинтересно ставить классику?

Спектакль по пьесе, которую никто не ставил, я сочиняю. Я – автор спектакля. Ставя классику, я интерпретирую. Я – один из соавторов. Профессия режиссера сформулирована более 100 лет назад. И сегодня эту функцию авторства спектакля берут на себя все: сценографы, драматурги и даже критики. И когда у меня в руках новая пьеса, которую до нашего театра никто не ставил, наша творческая команда впервые вместе с драматургом создает совершенно новое произведение.

51. Вы видите разницу между драматургией 60-х – 70-х годов и тем, что пишут драматурги сегодня?

Вижу. Разница в том, что драматурги 60-70-х сочиняли спектакли за своим письменным столом и записывали их в виде литературы. Неслучайно у Розова, Володина, Арбузова, Вампилова было огромное количество режиссерских указаний или ремарок: выйти справа, слева, каким голосом разговаривает артист. Они пытались все выразить текстом. Сегодняшние драматурги принципиально отличаются тем, что текст самодостаточен и параллелен или является таким же компонентом будущего сочинения режиссера, как артисты, сценография, пластика, музыка, костюмы и пр. Одна из последних наших премьер «На Трубе» – характерный пример: придуман спектакль, придуманы даже сюжетные ходы, персонажи, место действия, конфликты, композиция, жанр. И под это режиссерское решение сценарист Екатерина Кретова подбирала из литературных источников, комбинировала, досочиняла текст. То есть, тексты были не первичны по отношению к спектаклю. Еще пример – спектакли, выпущенные с Евгением Гришковцом, где текст не пишется вообще. Он возникает как импровизация на основе сюжетных линий и конфликтных ситуаций.

52. Распространена точка зрения, что современной драматургии нет, но вы придерживаетесь иного мнения?

Это мнение старых людей. Они могут быть режиссерами, зрителями, критиками… Это такое состояние, когда человеку кажется, будто все, что было в твоей юности, лучше, чем в старости. А это вовсе не так. И режиссура, и сценография, и драматургия сегодня в очень хорошем, живом и интересном

состоянии.

53. Вы учились и начинали работать вместе с Анатолием Васильевым. В чем разница между методом Васильева и вашим?

Пока мы были студентами и изучали азы, технологию профессии, нам с этим очень повезло – нас учили Мария Осиповна Кнебель, Андрей Алексеевич Попов, Михаил Михайлович Буткевич. Нам повезло и с профессорами по теоретическим дисциплинам – Георгий Бояджиев, Марк Поляков, Игорь Дюшен – звезды театроведения. Павел Александрович Марков смотрел наши работы – завлит самого Станиславского! Самостоятельно осваивая методологию и технологию современников – Анатолия Эфроса, Юрия Любимова, Георгия Товстоногова – мы пытались уточнять и предлагать с нашей точки зрения совершенно новые пути. И практические и теоретические основы профессии. Я помню, Васильев очень хвалил меня за формулировку понятия «событие» – одного из столпов театрального понятийного аппарата. Мы считали, что оно было размыто у наших предшественников. Мы разрабатывали проблему не просто предлагаемого обстоятельства, а решающего предлагаемого обстоятельства. И многое другое. Когда закончили ГИТИС и стали практиковать, я – в «Современнике», потом на Таганке и большую часть в «Школе современной пьесы», а Васильев во МХАТе и «Школе драматического искусства» – мы разошлись, прежде всего, в понимании назначения театра. Васильев очень много занимался и занимается до сих пор теорией и технологией. Каждый следующий спектакль для него – новый опыт, будь то «Первый вариант Вассы Железновой», «Серсо», «Шесть персонажей в поисках автора», «Платон. Государство». Каждый раз он менял труппу, и начинал сначала. Как-то Васильев сказал, что публика в театре сильно мешает. Ему нужны были ученики, а не зрители. Лаборатория, а не зрительный зал. А моя задача – делать спектакли для тех, кто покупает билеты. Свободное место в зале – показатель плохой режиссуры. Технология – всего лишь инструмент для сочинения спектакля, а не очередной опыт или подарок театральной критике. Поэтому я считаю, что Васильев – гений, посвятивший себя мировому театру и мировой культуре. А я профессионал не без способностей, который занимается русским репертуарным театром. И мне это интересно. При этом мы с Толей – друзья.

54. Вашим учителем в ГИТИСе была Мария Осиповна Кнебель, которая наиболее последовательно развивала

теорию и систему Станиславского. Вы считаете эту систему актуальной и сегодня?

Безусловно. Система Станиславского – это то же, что всемирные законы в любой области жизнедеятельности. Система Менделеева. Законы Ньютона. Геометрия Евклида. Конечно же, меняются времена, детали, подробности, возникает право на нарушение закона. Возникает геометрия Лобачевского, где параллельные прямые пересекаются. Но закон есть, технология есть. А все-таки она вертится – как сказал Галилей. Земля вертится вокруг солнца – и принципиально поменять эту установку невозможно. Но в режиссуре пытаются. Конечно, нам повезло – мы обладатели огромного культурного наследства, которое не лежит мертвым грузом, а работает. Не случайно в театральных школах всего мира преподают систему Станиславского. Она может быть в версии Михаила Чехова, Гротовского и пр. Но она – закон мирового театра.

55. Существует ли понятие «психологический театр»? Что это такое?

Безусловно, существует. Это как раз основа системы Станиславского. Константин Сергеевич был убежден, и мы вслед за ним, что театр – инструмент самопознания человека. Когда человек приходит в театр, он соотносит условную жизнь на сцене со своей собственной безусловной жизнью. И не случайно Станиславский и его последователи в своей практике хотят прийти к великой формуле: режиссура, сценография, драматургия и все остальное – условно, а существование человека, артиста, персонажа – безусловно. Он реален. Люди в зале должны верить в то, что происходит на сцене буквально здесь и сейчас. Человек на сцене реально думает, чувствует, действует, говорит. А не показывает это. Это и есть русский театр переживания. Да, разумеется, зритель, если он не псих, не бросится на сцену вырвать Дездемону из лап Отелло. Он отлично понимает, что на сцене артисты. Но он будет переживать за этих персонажей и потом обсуждать их поступки так, как будто это действия и страдания реальных людей. Аналогичный пример – спорт. Условность правил и реальность эмоциональных затрат. В этой игре мы затрачиваемся реально. Отсюда – мы верим.

56. Артисты вашего театра существуют в особых стандартах актерской игры, максимально приближенных к реальному человеческому поведению. Другими словами, когда вы учите артиста «играть», вы учите его «не играть». Это и есть система Станиславского в вашем понимании?

Да. Именно так. Ничего не нужно показывать. Есть артистки Елена Санаева, Татьяна Васильева, был артист Альберт Филозов, в которых органика, невозможность «играть» – от природы. А есть иные артисты. Которые всегда собой любуются, оценивают со стороны, плюсуют, что-то прибавляют, изображают. Поэтому не убедительны, не объемны.

57. Если мы посмотрим старые записи спектаклей МХАТа, то увидим совершенно другую манеру поведения актера на сцене – он подает, впадает в пафос, с сегодняшней точки зрения страшно «наигрывает» – и ведь это великие артисты! Как это понимать?

Театр сиюсекунден. Есть два компонента – артист и зритель. Зритель соотносит увиденное со своей реальной жизнью и со своим представлением об убедительности артиста и персонажа. Когда мы сегодняшними глазами смотрим артистов 50-летней и почти вековой давности, эта связь прервана. Для нас сегодня – другое кажется мотивированным, убедительным, верным. Но это не относится к гениям. Чарли Чаплин, к примеру, вечен.

58. Вы любите ломать границы между игрой и реальностью – персонажи ваших спектаклей часто оказываются в зале, и зрители не всегда понимают, что реплики из зала – это часть спектакля. Что вас привлекает в этом приеме?

Наша жизнь сегодня максимально театрализована. Даже экономика. Все политические заявление – сплошная театрализация, выступления и пр. Театрализованы продажи разных товаров, политическая жизнь – от бесконечных телешоу до выступления парламентских лидеров типа Жириновского и президентов типа Трампа. Театрализована вся Москва – по городу ходят ряженые, палатки установлены, какие-то бесконечные декорации на улицах на все праздники, которых тоже бесконечное количество. При этой глобальной театрализации держать театр в классической форме итальянского портала для сегодняшнего человека недостаточно. Поэтому во всем мире и у нас тем более, как у театральной державы, приглашать людей в традиционную форму нельзя. Во всем мире возникает масса новых жанров, способов соединения зрителей и артистов, уличные театры, перформансы, иммерсивные, интерактивные, документальные, квесты и т. д. Мы – школа современной пьесы. Получаем драматургию, которую никто никогда не воплощал. Сегодняшние подростки не наденут на себя костюмы дедушек и бабушек, при том, что они могут быть воспитаны в традициях

своей семьи. Но костюм, макияж, прическа – должны соответствовать времени. Поэтому каждый спектакль – поиск новой подачи, нового соединения сцены и зрителя.

59. Вы большое значение придаете жанру. Какие жанры театра вам ближе? Могли бы вы поставить чистую мелодраму? Или вам мешает ваше одесское чувство юмора?

Жанру уделяю огромное внимание. Неслучайно со студентами целую сессию и даже две посвящаю теме жанра. Для меня в быту в реальной жизни жанр – это взгляд человека на жизнь и, прежде всего, на себя и окружающих в каком-то ракурсе. Наиболее близкий жанр для жизни – ирония, для театра – наиболее объемный, резкий, разнополюсный, парадоксальный – трагифарс. Это идеальный жанр, вмещающий в себя всю мировую драматургию. Нет пьесы, которая не могла бы быть решена в виде трагифарса. В любой трагедии в собственной жизни всегда вижу, ищу и ощущаю комическое, парадоксальное. И наоборот – в любой ситуации оптимистической, восторженной, когда меня хвалят, поздравляют, ищу парадоксальный и трагический аспект. Очень боюсь безоблачного счастья. Так же как не доверяю неразрешимой трагедии. Мелодрама – приятна, но поверхностна. Отношусь к этому жанру без затрат. Как в реальности, так и в театре.

60. Есть такое изречение: избыток юмора ведет к цинизму. Как не скатиться в тотальный цинизм при ироничном подходе к жизни и к искусству, что вам свойственно?

Должен признать, к сожалению, что бываю достаточно циничным. Часто ощущаю, что не разделяю реакцию многих окружающих на то или иное острожанровое событие жизни или театра. Для меня одинаково смешно и нелепо, когда человек со слезами на глазах получает орден от президента или Золотую Маску. И также нелепо, когда у гроба самого замечательного покойника возникает прилюдная истерика. Счастье или трагедия, которые вызывают пафос, рождает отторжение. Сентиментальность и у меня может возникнуть, но я ее стыжусь. И если кто-то увидит это, я буду стесняться своих слез.

61. Много лет назад вы сказали, что театр не стоит жизни. Что это значит конкретно в вашей судьбе?

До сих пор уверен, что эту спонтанную фразу, которую бросил в интервью «Независимой газете» очень давно, я сказал сознательно. Вижу, как многие мои коллеги во имя искусства, в

частности, во имя театра, жертвуют отношениями с близкими, родными. Слышу заявления типа «Я хотел бы умереть на сцене», «Что бы я стал делать, если бы не был артистом!» Для кого-то это приемлемо, но для меня это все тот же пафос и фальшь. И если выбирать между выдающимся спектаклем и внучкой Соней – та же энергия более ценна в Соне. Хотя я стараюсь это совместить, но уж точно не жертвую семьей в пользу театра. И если человек просит отпустить его на простое жизненное событие, всегда это делаю. Знаю режиссеров, которые требуют, чтобы артист играл, несмотря ни на что. Если у артиста кто-то умер, но он играет, я это не приветствую. Это для меня нонсенс. Театр – форма жизни, но не вся жизнь. Далеко не вся.

62. Кого в театре вы назвали бы великим и почему?

В течение профессиональной жизни я сталкивался с выдающимися драматургами, художниками, режиссерами, артистами. В одном только «Современнике» – Валентин Гафт, Олег Даль, Олег Табаков, Константин Райкин, Татьяна Лаврова, Андрей Мягков – все они играли в моих спектаклях. С талантливыми артистами работать гораздо проще, чем с бездарями. У великого человека все вопросы и претензии обращены к себе, а у середняков – к окружающим. Плохой артист недоволен текстом, партнерами, режиссером, костюмом, которые «мешают» ему заниматься созданием «образа». А хорошему артисту все это помогает. Если у меня есть какие-то успехи и достижения, это благодаря такому количеству талантливого контекста. Я это очень ценю. Убежден, что наш театр – хотя я это придумал, реализовал, не умаляю своей роли, – но все же это история всей нашей компании. В «Школе современной пьесы». были великие и выдающиеся люди. У истоков стояли Альберт Филозов, Люба Полищук, Василий Петренко, Мария Миронова, Михаил Глузский, Людмила Гурченко… Только по линии нашей литчасти здесь были известные имена – Григорий Заславский, Наталья Крымова, Марина Давыдова, Елена Ковальская, Екатерина Кретова… Звезды театроведения, критики, журналистики.

Могу назвать великим Окуджаву и объяснять, почему – то, что он сделал, меняет, влияет на жизнь огромного количества людей. И чем больше людей, на которых он повлиял, тем более он велик. Для меня великие – Боровский, Чубайс, Гайдар, Горбачев, Ельцин. В этом ряду можно назвать Сталина – великого тирана и упыря. Ведь великий – значит не хороший, а меняющий жизнь.

О людях

63. Вам посчастливилось встретиться с потрясающими людьми. И началось это уже в вашей юности в Одессе. Расскажите о них.

Да, посчастливилось встретить тех, кто повернул мою жизнь. Это семья художников – Михаил и Зоя Ивницкие. Случайно с ними познакомился, и от них узнал в возрасте 13-14 лет, как много не знаю. Благодаря встрече с ними мне стало стыдно, что у нас дома нет библиотеки. Как оказалось, я не читал огромное количество важных и нужных, настоящих книг. От них узнал то, что меня спровоцировало заниматься режиссурой. Я понял, что нужно покинуть родную Одессу и перебраться в столицу – Ленинград или Москву, что я и сделал. Зоя Александровна, к счастью, жива, ей 90 с лишним лет, и я до конца своей жизни буду помнить ее и многих людей, которые меня формировали. Евгений Михайлович Голубовский первым в газете «Комсомольська іскра» на украинском языке напечатал три моих рассказа. Мне было 14 лет. Рассказ «Яблоки» с тех пор, где и когда бы его не публиковали, всегда печатается с посвящением Евгению Голубовскому. Как ни странно, на меня повлияли многие одесситы, с кем я лично не встречался. Это и Леонид Утесов, с которым я познакомился намного позже в Москве, это Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий и даже Александр Сергеевич Пушкин со всей своей «одесской грамотой на бессмертие.»

64. Вы были знакомы с мэтрами русского театра – Кнебель, Поповым, Эфросом. Какими они были?

Мария Осиповна Кнебель была для нас учителем, коллегой, личностью, которая дала нам четкие знания о системе Станиславского на очень конкретном и доступном уровне. В то же время мы понимали, что перед нами женщина, которая работала со Станиславским, хранила его подарки. В ее книжке «Вся жизнь» читали, как она сидела на коленях у Толстого. Это казалось чем-то мифологическим. При этом я не раз совершенно по-бытовому вызывал ей такси. Понимаете? Она сидела на коленях у автора «Войны и мира», а я так вот запросто сажаю ее в такси!!! К моменту, когда я закончил институт, у меня родилась дочь, я без раздумий назвал ее Марией Иосифовной. Теперь мы с новой Марией Иосифовной заседаем на той самой кафедре режиссуры, которой руководила Мария Иосифовна Кнебель.

Андрей Алексеевич Попов для меня на самом деле выдающийся педагог именно по актерскому мастерству. Все, что я

в этом понимаю – от Попова. Он, ничего не объясняя, входил в наши работы как артист. А поскольку артист он был великий, то сразу становилось ясно, как нужно играть и как этого добиться. Он видел и слышал каждого человека. Полное погружение в партнера. Учил играть перспективно, длинно. Он объяснял: «Что у меня на конвейере? Начиная играть, ты должен понимать, что выйдет с конвейера». Попов дал большое количество практических определений, которые до сих пор обеспечивают возможность говорить с артистом любой школы. Андрей Алексеевич во многом заменял нам родителей. Мы приехали из разных городов и жили в Москве, почти не сворачивая с маршрута «ГИТИС – общага». Мы бывали у него дома, на даче, где нас угощали домашними обедами. Он любил готовить всякие настойки – на орехах, чесноке, укропе. И мы, как заправские оценщики, все это пробовали. Приводили к нему наших девушек в гости. Когда получили дипломы, гуляли в ресторане Прага на банкете, который нам устроил Попов за свои деньги. И он сказал, что никогда не будет больше набирать режиссеров. Потому что мы стали ему родными. Он честно рассказал, что у него нет высшего образования, что закончил школу и студию при театре своего отца режиссера Алексея Дмитриевича Попова, того самого для которого Сталин построил театр Советской Армии. А потом, когда он все-таки набрал актерский курс, позвал нас педагогами.

Анатолий Васильевич Эфрос для меня парадоксален. Я благодарен жизни и судьбе за многие встречи с Анатолием Васильевичем. И у меня к нему неоднозначное отношение. Он был великим режиссером. И на его спектаклях, и на его занятиях, и при чтении его книжек, которые до того, как были изданы, ходили в рукописях, мы осваивали не только азы, но и неразрешенные вопросы профессии. С другой стороны, Анатолий Васильевич не особо интересовался людьми, с которыми его сводила жизнь и которую он им легко мог сломать. Его это не занимало. Было у нас несколько серьезных встреч. Молодой драматург Веня Вайсман из арбузовской студии, записывал сочиненный мной спектакль «Дорога» по «Мертвым душам» Гоголя. Я когда-то еще в университете писал курсовую работу «Автор и герой в поэме Гоголя «Мертвые души» и тогда уже анализировал парадокс, что в птице-тройке сидит жулик Чичиков – это я заметил задолго до Василия Шукшина. Наш педагог Наталья Крымова дала почитать эту пьесу своему мужу Анатолию Эфросу. На следующий день Эфрос сказал, что будет ее ставить. Веня Вайсман тут же взял псевдоним Вениамин Балясный и спрятался. Я прибежал к Эфросу в слезах: «Как же так, Анатолий Васильевич! Ведь я собирался ставить ее в

Современнике!» Анатолий Васильевич смотрел на меня с недоумением: как такое может быть? Он, Эфрос, что-то запланировал, а тут кто-то качает права. Это в его глазах было абсурдом. Точно с таким же поведением мы с Васильевым столкнулись, когда создали театр на Мытной, а Эфрос его отобрал. Третий раз подобный сюжет разыгрался в театре на Таганке. Когда Юрия Петровича лишили гражданства и главным назначили Эфроса, я работал там штатным режиссером. К этому моменту у меня уже был готов к сдаче плановый спектакль «Сцены у Фонтана». Я попросил Анатолия Васильевича посмотреть его. Но он отказался: «Вы сумасшедший? Неужели я начну свою работу в театре на Таганке вашим спектаклем?!»

Надо признаться, все это имело последствия. «Дорога» стала одним из немногих провалов у Эфроса на Бронной. Театр на Мытной через две недели сгорел. Чем закончилась работа Анатолия Васильевича в театре на Таганке известно.

Тем не менее, в сухом остатке – благодарность судьбе за встречу со всеми этими великими людьми.

65. Кто стал вашим главным учителем в профессии?

Нельзя назвать одного. Но все-таки это Андрей Алексеевич Попов, Мария Осиповна Кнебель, мой однокурсник Анатолий Васильев, художник Давид Боровский. В какой-то степени Юрий Петрович Любимов. У Галины Борисовны Волчек, как у гениального художественного руководителя театра, я научился многому…

66. Кто более всего повлиял на ваше мировоззрение?

Думаю, что более всего повлиял Леонид Ильич Брежнев. Потому что большую часть времени, когда формировалось мое мировоззрение, я жил под ежедневным давлением газеты «Правда», подготовки к очередному съезду и выполнения решений пленума в атмосфере безумного вранья, запретов, железного занавеса, отсутствия доступа к мировой культуре, кино. Все это сформировало самое главное – быть от этого свободным. Поэтому я шарахнулся в противоположную сторону, обожженный десятилетиями системы. Нет, я не выходил с пикетами, но мыслил как либерал. Лекции профессуры Ленинградского университета, которые были довольно смелыми и откровенными, тоже повлияли. Читал самиздатовские книги от Булгакова до Фрейда, от Набокова до Солженицына. Так случилось, что в самые юные годы встретился с Юлием Даниэлем и даже некоторое время жил в его квартире на Ленинском проспекте. И это повлияло сильнее, чем годы институтских

программ. У него собиралась компания, где были Синявский, Высоцкий, Давид Самойлов… Они выпивали, ужинали. И я слышал разговоры, в которых были оценки советской власти, перспектив отечественной литературы, театра. Потом был арест и суд над Даниэлем и Синявским, очередной неправедный суд, как над Бродским. Все это формировало мировоззрение.

67. У вас есть враги? Антагонисты? Люди, вызывающие у вас ненависть или презрение?

Почти нет. Я нахожусь в дружеских либо в приятельских отношениях с 90 % моих коллег, руководителями театров. И когда слышу какие-нибудь нервные проклятия в адрес другого человека, мне это очень странно. Спросите меня: кто в Москве очень плохой главный режиссер – не назову ни одного, никто не вызывает у меня протеста. Назначили Сергея Женовача в МХТ – прекрасно. Константина Богомолова привели на Бронную – понимаю, что это человек с творческий программой. Эдуард Бояков пришел в МХАТ имени Горького – значит там начнут происходить яркие и небанальные события. Конечно, были случаи, когда злобные и немотивированные выпады некоторых людей в адрес нашего театра вызывали резкую эмоциональную реакцию. Когда-то мы выпустили триптих «Чаек» – Чехова, Бориса Акунина, и оперетту Александра Журбина. На балконе театра повесили много-много бутафорских чаек. Некий критик Павел Руднев, не видя ни одного из этих спектаклей, написал злобное эссе под названием «Стая мертвых чаек». Спектакли эти получили признание – на них ходила публика, нам давали за них премии, они гастролировали, их возили на фестивали. Но для него это была «стая мертвых чаек». Видимо, для красного критического словца. Конечно, я бы ему в морду дал и плетью бы отхлестал. Но это разве враг? Люди, выступающие в политических программах и несущие мракобесие и вред нашей стране, вызывают во мне настоящее презрение. Но опять-таки, это не враги. Я их просто презираю. Знаю, что врагов надо иметь. Но пока у меня с ними недостача.

68. Вы мстили когда-нибудь?

Так получалось, что за меня мстили свыше. Хотя я человек неверующий. Когда-то профессор Зон отчислил меня из Ленинградского института и тут же умер. И так бывало не раз. Те, кто пытались причинить мне неприятность, кто в тюрьму попадал, кто в могилу. Поэтому у меня есть такой момент: я опасаюсь настраиваться сознательно на зло. У меня есть схема. Когда говорю о ком-то в его отсутствие, даю себе внутреннюю

установку: говори так, как если бы он слышал. Даже ругаю – но такими словами, которые могу сказать человеку лично. И если ему это передадут, чтобы это не была подлянка.

О новом поколении и сегодняшнем дне

70. Вам нравится нынешняя молодежь?

Очень нравится. Я совершенно сознательно свою профессиональную жизнь разделяю на несколько равноценных занятий. Для меня режиссура, руководство театром и педагогика – равные компоненты профессии. Молодые люди для меня, мои студенты – всегда коллеги. Они могут учиться, но я не должен их учить, а тем более поучать. Это их право и желание у меня учиться. Но у меня нет права поучать. Бывают случаи, что я отчисляю дипломника – режиссера, чтобы он не получил диплом мастерской Райхельгауза. Потому что мы совершенно по-разному мыслим. Но он имеет полное право на собственное понимание профессии, взглядов и пр. Когда слышу в ГИТИСе – вот у нас раньше были педагоги! Прямые ученики Станиславского! А вот сейчас – совсем не то! Раньше были студенты, а сейчас не то. Это абсурд.

Вспоминаю свое первое занятие по зарубежной литературе в ГИТИСе 1 сентября. Выдающийся театровед Георгий Нерсесович Бояджиев посмотрел на тех, кто сидел за первыми столами и так печально говорит: «Ну, что я буду вам рассказывать! Представляете, за этими столами сидели Таиров, Мейерхольд, Товстоногов, Гончаров, Эфрос… Что я могу тут ВАМ рассказать?»

Но все же он стал рассказывать, мы стали учиться. И те кто сидели за первыми столами – сегодня народные артисты, профессора, руководители мастерских в ГИТИСе, худруки театров: Анатолий Васильев, Борис Морозов, Андрей Андреев, Рифкат Исрафилов, Регина Степоанавичуте…

Гениально сформулировал Тютчев:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости

За уготованный им пир;

71. Сегодняшняя молодежь чем-то отличается от той, которая была 20 лет назад, от вас в молодости?

Прежде всего, они отличаются отсутствием комплексов или наличием других комплексов. Они не боятся пробовать, не боятся репрессий, они не боятся быть свободными. Они, поскольку мир информации открыт и доступен, намного больше знают. Они отличаются вкусами, привычками, интересами, многие мной не разделяются. Но это ничего не значит.

72. Со своими студентами вы говорите на одном языке?

Я говорю так же, как со своей труппой, где есть те, кто старше меня, есть и совсем молодые люди. Говорю точно так же, как говорю в СМИ, не приспосабливаясь ни под какой канал или формат, как со своими детьми, как говорил со своими родителями.

73. У вас есть ощущение, что театр перейдет в «хорошие руки»?

Безусловно. Это поколение имеет мощнейшую базу как материальную – здания, техника. Но главное – у них есть потрясающая классическая драматургия от Островского и Чехова до Володина, Арбузова и Зорина, от Петрушевской, Злотникова и Вампилова до Гришковца и Вырыпаева и далее. Есть грандиозная технология, сценография, педагогика и система образования.

75. Мы живем в мире фейков и тотального вранья. То, что нам рассказывают СМИ и ТВ – промывка мозгов. Вы пытаетесь пробиться к правде или вас устраивают те суррогаты, которыми вас потчуют?

Не просто пытаюсь, а хожу на территорию врага, чтобы там прокричать прямо противоположное. К счастью, сегодня мы можем смотреть и слушать не только официальные СМИ, но и не официальные, а также европейские, украинские, какие угодно. Они тоже врут, но с другой стороны. И где-то посредине может проявиться истина. В силу работы и профессии я много езжу по миру и вижу многое своими глазами. И сам пытаюсь донести правду до других. Хотя и она тенденциозна. Никто на знает настоящей правды, как сказал Чехов, и, как и во многих других своих изречениях, был совершенно прав. Еще он на этот счет говорил так: «… правда, в конце концов, восторжествует. Но это неправда».

76. Не кажется ли вам, что в этом торжестве фейковой правды правдивым может стать то, что заведомо неправда – то есть, театр?

Безусловно. Когда в застойные времена радио, ТВ, были в самом пике пропаганды и вранья, то единственными островками свободы были театр на Таганке, Ленком Эфроса, «Современник», БДТ Товстоногова, журналы «Новый мир», «Юность», группы Андрея Макаревича и Бориса Гребенщикова.

77. У многих художников – писателей, поэтов, режиссеров – есть некий основной месседж, который они адресуют публике. У вас есть такое главное послание, которое вы хотите донести до ваших зрителей?

Когда я сочиняю спектакль, мысленно сажусь на удобное место в зрительном зале и пытаюсь на сцене сделать то, что мне самому интересно было бы увидеть. Когда нужно решить некий пикантный вопрос – употребление ненормативной лексики или фривольная сцена, я сразу воображаю себе, что справа будут сидеть мама и сестра, а слева дочери. И мне не должно быть перед ними стыдно. Любой спектакль – это некий опыт, некая формула, анализ нашей реальности. Поэтому важно, чтобы люди чувствовали то, чувствую я. Но главное, чего я хочу от зрителей, чтобы они разделили мою точку зрения на те или иные события. Важно, чтобы события на сцене – сюжет, люди, персонажи оценивались теми, кто будет смотреть спектакль так же, как я это оцениваю. Чтобы они разделяли мою программу. Осуждать то, что я осуждаю, радоваться тому, чему я радуюсь. Мой спектакль – вербовка единомышленников. Я собираю компанию. Окуджава призывал взяться за руки и быть вместе. Театральный спектакль, или фильм, или книжка – попытка такой организации круга единомышленников. И нам должно быть с этими зрителями интересно жить. Свободно дышаться. Азартно преодолевать те или иные невзгоды. Когда-то спросил своего учителя Андрея Алексеевича Попова – для чего театр? Он не был теоретиком, просто хорошим артистом. И как-то он в ответ закрякал, немного помычал, повздыхал, а потом говорит: «Зачем театр… чтобы помочь людям жить». Мне этот месседж очень нравится.

78. Если бы вы отказались от добровольного «плена» современной драматургии – что бы хотели поставить из классики?

Ибсен, Чехов, Островский уже мной охвачены. Мне нравится представлять русскую классику за рубежом. Я всегда ставил то,

что хотел ставить. Дома – современное, на западе – классику. Лучше скажу, чего не хочу. За исключением «Ромео и Джульетты», о чем думаю много лет, не хочу ставить Шекспира, не хочу ставить Мольера, не хочу ставить европейцев, даже Брехта. Когда-то очень обдумывал фильм «Жизнь Клима Самгина» Горького. Но поскольку кто-то опередил, то я и догонять не буду. В голове большое количество нереализованных идей – для театра, кино, литературы. А поскольку я давно нахожусь во второй половине жизни, хотелось бы только одного: успеть что-то сделать еще.

О мироздании

79. Когда-то лет 50 назад на встрече с читателями Борису Стругацкому задали вопрос: как вы относитесь к проблеме НЛО. Он ответил: проблема не в НЛО, а в том, что для кого-то это проблема. А для вас – устройство Вселенной, тонкий мир, инопланетяне, Астрал – проблема?

Я понимаю, что наша жизнь на земле есть часть какого-то бесконечно огромного непостижимого закона. Кто этот закон формулирует, как он возник, насколько это можно познать, для меня непостижимо. Я принимаю фантастическую гениальную формулу Циолковского: все, что знает человечество о себе самом, и все, что оно еще узнает за всю свою обозримую историю – ничто по сравнению с тем, чего оно не узнает никогда. Поэтому для меня объяснить мир через Христа, его папу, его предшественников – библейских персонажей или через того, кто возник много позже – Мухаммеда – это наивная попытка людей еще более малограмотных, чем я. Меня все это очень интересует, я всю жизнь пытаюсь это осознать и не могу. Вселенная бесконечна. У меня нет инструмента, чтобы это понять. И я начинаю сходить с ума. Я не материалист. Но не могу себя назвать и идеалистом. Мне нужны доказательства. Чудо для меня всегда материально – гениальный врач сделал операцию. И человек прозрел. Пока никому не удавалась предъявить то, что нельзя доказать. Теория относительности – то, что меня восхищает. Недавно в Берлине объяснял ее артистам, ездили на эскалаторах, подбрасывали предметы и изумлялись, что они падают, нарушая гравитацию. Представляю, как мы выглядели со стороны.

80. Какие книги вы читаете? Интересует ли вас что-то кроме драматургии? Занимает ли вас философия?

Драматургию читаю менее всего. Когда-то я накупал горы книг, у меня замечательная библиотека. Был убежден, что все прочту. Сегодня понимаю, что все прочесть невозможно. Поэтому я читаю либо тех авторов, которых нельзя не читать – современных и классических. И в какой-то момент осознал, что интереснее перечитать то, что ты уже читал не раз, чем пускаться в неизведанную литературу и ошибиться.

У меня есть целый шкаф, в котором стоят книги, подаренные авторами. Среди них – подписанные Чингизом Айтматовым и Булатом Окуджавой, Борисом Акуниным и Людмилой Улицкой, Анастасией Цветаевой и Андреем Вознесенским и многими

другими выдающимися авторами. Я храню их как реликвии. Но есть и такие, которые открываю только до дарственной надписи и складываю у камина.

81. Считаете ли вы, что режиссер должен быть интеллектуалом? Должен прочесть какой-то обязательный набор книг? Какие это книги, и кто это определяет?

Интеллектуал – это какое-то очень обязывающее слово. Себя я интеллектуалом не назову. Я считаю, что у режиссера образование должно быть стихийным. Есть обязательная программа – как у любого интеллигентного человека. Но остальное – это твои пристрастия. Кого-то читаю, кого-то не читаю, спектакли, фильмы чьи-то смотрю, чьи-то не смотрю. Готов куда-то ехать, а куда-то не готов. Но обязательную программу предъявляю: и Пушкин, и Окуджава, и Булгаков, и Бродский, и Пастернак. И сегодня уже Дмитрий Быков. Можно не смотреть всех фильмов Хуциева или Феллини, но знать одну – две работы этих великих мастеров необходимо. Это же касается живописи, музыки.

82. Какая историческая эпоха вам близка? Могли бы себя увидеть мушкетером? Или поэтом серебряного века? Или – еретиком? Стали бы вы доказывать, что земля круглая, если бы вам грозила смерть на костре?

Не раз об этом думал. И не хотел бы проживать никакой другой жизни, которую уже прожил. Не хочу менять ни времена, ни события. Пожалуй, единственное, что я бы поправил в своей жизни, чтобы дольше жили родители и чтобы у меня было больше детей. Все остальное менять бы не стал – со всеми моими трагедиями, изгнаниями, и даже болезнями. Все это меня укрепило и дает возможность сочинять и черпать из себя.

83. У вас отличный слух, вы хорошо поете, хотя не знаете нот. Какую музыку вы слушаете? Что для вас классика, опера, филармонический концерт?

У меня в машине всего две радиостанции: «Эхо Москвы» и радио «Джаз». Как только я насыщаюсь новостями и комментариями, я тут же нажимаю вторую кнопку. Что касается посещения филармонии или консерватории – посещаю редко. Две крайности – либо что-то очень знакомое и узнаваемое типа Чайковского, либо это должно быть что-то не слышанное мной. Какой-нибудь Шнитке, которого мне слушать трудно, но интересно.

84. Есть ли у вас собственная космогония, то есть представление о том, как устроен этот мир?

Я совершенно уверен, что господь бог – это каждый из нас. Каждый человек достоин своей жизни. Достоин своих родителей, своей страны, города, деревни, образования, детей, работы, досуга, здоровья, возраста. Мы сколько угодно можем кивать на внешние обстоятельства от бога до начальника, от президента до продавца в магазине. Но каждый из нас получает то, что сам создал, под что он подписался. Если тебя твоя жизнь не устраивает, меняй ее. Устраивает – благодари себя за свою жизнь. И тех, кто вокруг тебя.

Об образе жизни

85. Ваши гонки по бездорожью с олигархами – что это? Удовольствие? Способ общения с друзьями? Хотите что-то самому себе доказать?

Это удовольствие. Это способ общения с друзьями. И доказательство того, что я действующий, крепкий, способный к неординарным действиям мужчина, который не занимается только своей узко гуманитарной работой. Я часто испытываю чувство неловкости и даже стыда, от того, что – осознавая себя крепким, активным здоровым, я занимаюсь такой странной профессией. Говорю актрисе – давайте сделаем юбку короче, а мужчине: переставь этот стул слева направо. Что-то есть в этом неловкое. Особенно, когда я сравниваю свою жизнь с жизнью отца и деда. Папа-танкист, мотоциклист, гонщик, солдат, расписавшийся на рейхстаге. Дед – председатель колхоза, спал в саду на жестком топчане, утром выливал на себя ведро ледяной воды из колодца. Не хочется «вырождать» нашу семью. Когда я чувствую, что джип, квадроцикл, снегоход, шарп, багги, гидроцикл и все, чем я умею управлять, подчинены мне, и я с риском для здоровья преодолеваю те или иные препятствия, мне не стыдно перед папой, дедушкой и моими детьми.

86. Владимир Дашкевич замечательно сказал: художник должен чувствовать руку власти – либо поглаживающую его, либо шлепающую. Вы как худрук государственного театра ощущаете эту руку?

Ощущаю ежедневно. И не пытаюсь обманывать ни себя, ни других, что я от этой руки не зависим или слишком зависим. Я пытаюсь сохранить хрупкий баланс между тем, что честно, благородно, нравственно, и между тем, что называется коррупцией, сделкой с властью и пр. Это очень непросто, руководя театром 30 лет. Для меня мои выходы на ТВ каналы – это во многом выходы, заставляющие начальников бояться меня и учитывать. А значит – не мешать мне заниматься свои делом. Конечно, идеальная ситуация – работать в театре, в котором нет ограничений ни в деньгах, ни в репертуаре, ни в выборе выразительных художественных средств, но такого театра нет. Зависеть от кошелька и чиновника – одно и то же.

87. Маяковский, как известно, написал: моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. А ваша семья это…?

Семья – это мои дочери. Дочь дочери. Сознательно не употребляю слово «внучка». Конечно, это моя родная сестра. Но и такое выражение «театр-дом, театр-семья» для меня не лишено смысла. Все-таки я трачу на это большую часть жизни. Поэтому вместо Полонской у меня будет «Школа современной пьесы», вместо Лили Брик – ГИТИС.

88. Вы можете себе представить, что ушли на пенсию?

Нет, не могу. Я когда на несколько дней попадаю даже в суперактивный отдых, или летом приезжаю в свою одесскую квартиру, или еду на фестиваль, через несколько дней начинается жуткая тоска по плановой, ненормированной плотной работе во всех сферах.

89. Могли бы заниматься другим делом?

Мог бы. Я бы был хорошим прорабом на стройке. Представляю себя дальнобойщиком. Мог быть капитаном океанского лайнера. Дирижером большого симфонического оркестра.

90. Как по-вашему, что такое свобода? Может ли быть свободным человек, у которого, как у вас, миллион обязательств – перед артистами, сотрудниками, близкими людьми?

Слово свобода стоит рядом со словом выбор. Это свобода выбора. Авторство – человек выбирает свою жизнь. Жену, образование, работу, медицину, страну.

Возможность выбора – вот что такое свобода. Чем свободнее страна, тем более свободны граждане в выборе вплоть до самой страны.

91. Что такое одиночество? Не в философском плане – понятно, что каждый человек – один на один с самим собой, а в бытовом? Вы считаете себя одиноким? Жена, любовница или боевая подруга – это обязательно для мужчины, чтобы не чувствовать себя одиноким?

Для меня одиночество – это невостребованность. Поэтому если даже в выходной день, нерабочий, что бывает редко, бесконечно звонит телефон и во мне нуждаются, я не одинок, чувствую себя нормально. Если телефон молчит, я чувствую себя одиноким, возникает тревога – я никому не нужен. Везде обошлись без меня.

92. Интерес к жизни – откуда он черпается? Вы любите

читать стихотворение Вознесенского – «А на х…я?» – разделяете позицию поэта? Никогда не возникает этот предательский вопрос черного ворона?

Это стихотворение – выдающаяся часть из поэмы «Оза». Там после всех этих вопросов ворону дает ответ сам Вознесенский, с которым я абсолютно согласен:

Как сказать ему, подонку,
что живём не чтоб подохнуть, –
чтоб губами чудо тронуть
поцелуя и ручья!
Чудо жить необъяснимо.
Кто не жил – что ж спорить с ними?!
Можно бы – а на х…я?!

Сама жизнь – это высшее счастье.

93. Были события, которые рождали ощущение нового этапа к жизни? Рождение детей? Внучки? Должность худрука? Пожар в театре? Что заставило ощутить новые возможности?

Все эти события способствовали. Фраза Грибоедова «пожар способствовал ей много к украшенью» не зря стала крылатой. Потому что это, конечно, метафора. Когда меня первый раз выгнали из института, я довольно быстро стал осознавать, что это возможность следующего хода. Когда меня, студента, пригласили на работу в «Современник», случился новый поворот. Это же касалось и других ситуаций – когда гнали с работы, когда родились дети, когда сделали операцию, которая спасла мне жизнь. И конечно, когда этот театр то разрушался, то воскресал.

94. Вы боитесь смерти?

Нет, не боюсь. Но хочу умереть как можно позже.

95. Что для вас, атеиста, смерть – небытие? Помните, как у Булгакова: каждому будет дано по его вере?

Смерть – это небытие. Когда прихожу на кладбище к папе и маме и вижу два огромных камня, которые я поставил на их могилах, я хорошо представляю, как стоит здесь третий камень – мой, и как сюда пришли мои дети. И это совершенно нормально. Логично и естественно. Смерть так же естественна, как и жизнь.

96. Почему вы всем помогаете? Со всеми говорите по телефону? Соглашаетесь встретиться, поговорить, когда вас

об этом просят иногда совершенно незнакомые люди? Почему вы так доступны?

Я родился в очень простой семье – в семье еврейских колхозников. И всегда, особенно в юности, фантазировал себе другую жизнь и пробивался в другой круг. Я был абсолютно уверен тогда, что все, о чем фантазирую, достигну. Бывали времена, когда я голодал. Купить в буфете солянку в день стипендии было счастьем. Жил в проходной комнате в коммунальной квартире и фантазировал, что у меня будет огромный дом. Мне казалось странным, если у человека много еды, и он не делится. Почему он едет на машине и не подвезет другого, стоящего под дождем на дороге. Почему у него огромная библиотека, а он не дает книги почитать. Почему у него много денег, а он никому не помогает. И я в юности был убежден, что у меня все будет – дом, машина, достаточно еды и денег. И что я буду делиться с другими людьми. И все это у меня теперь действительно есть, и я не забыл свое намерение делиться. Также и в профессии. Когда меня выгнали из ленинградского театрального института, я приехал в Москву и пришел в театр на Бронной просить Андрея Александровича Гончарова о возможности перевестись в ГИТИС. Я ждал его несколько часов, пока он репетировал. Потом услышал громогласный рев: мэтр что-то там вещал. Потом по лестнице пробежала группа перепуганных людей. Потом спустился он, как Господь Бог с небес, в окружении какой-то подобострастной свиты. И когда я попытался что-то спросить, на его лице отразился ужас: что это за козявка, которая посмела с ним заговорить. Он долго не понимал, о чем я… Наконец, ему надоели мои невнятные объяснения, он что-то рявкнул, и я вылетел оттуда. В этот же вечер пошел в театр имени Ленинского комсомола, где шел спектакль Анатолия Эфроса «Снимается кино». И увидел самого Анатолия Васильевича. Я подошел к нему с тем же вопросом. Анатолий Васильевич долго выслушивал, вникал, кому-то звонил, стал что-то спрашивать. А потом объяснил, что он мой товарищ по несчастью – его тоже отчислили, только из ГИТИСа. И не из студентов, а из преподавателей. Поэтому ему жаль, что он не может мне помочь. И он настолько вдохновил меня, что я дал себе клятву: никогда не уподобляться Гончарову и всегда уподобляться Эфросу. Хотя, возможно, это были единичные поступки этих моих выдающихся коллег.

97. Обижаете ли вы людей? И что делаете, когда понимаете, что обидели?

Вообще, я очень не люблю неразрешимых конфликтных

ситуаций. Как в жизни, так и в театре. Поэтому как ни странно, у меня очень немного врагов. Когда я чувствую, что кого-то сильно обидел и понимаю, что виновен, я обязательно стараюсь эту ситуацию разрядить. И приношу этому человеку глубокие извинения. Не раз писал письма, звонил, встречался с теми, кого обидел. Кстати, так же поступаю, когда приносят извинения мне. На сегодняшний день есть один человек, которому не могу простить обиды – мой ученик Саид Багов. Я много раз с ним расставался, все прощал и начинал с начала, но сейчас это уже невозможно развернуть.

Таких людей, которые меня не простили, я, пожалуй, не знаю. Когда я узнал, что на меня обижена Галина Борисовна Волчек, я написал ей искреннее покаянное письмо. И она меня простила. Может быть, есть еще кто-то. Но я не знаю об этом. Есть одна безумная, бездарная артистка, которая показывалась в наш театр лет 25 назад и с тех пор везде рассказывает про диван в моем кабинете, на который она не легла вопреки моим попыткам ее туда уложить, и потому не взял ее на работу. Знаю, что ее не взяли ни в один театр после этого – видимо, по тем же причинам. Кстати, дивана в моем кабинете никогда не было. Нет и теперь. Вероятно, она мой враг. Возможно, она не одинока.

98. Вы нередко шутите над людьми, причем иногда довольно обидно. Но и самоирония вам свойственна. Что это для вас – способ самозащиты?

Для меня самоирония – это важнейшее свойство человека. Оно для меня часто важнее, чем доброта, искренность, духовность. Когда-то услышал формулу – реальная ценность и объем человека это дробь. В числителе – то, что о нем думают окружающие. В знаменателе – то, что думает он о себе сам. Если в числителе – 0, над тобой смеются, а в знаменателе 100, и ты серьезен по отношению к себе, то ты предельно плоский и пустой. Лучше наоборот.

99. Вы активно боретесь за то, чтобы ваши артисты и коллеги по театру получали звания и награды. А вы сами как относитесь к официальному признанию?

Должен процитировать Тригорина: «Когда хвалят, приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе…»

Приятно и хорошо, что я удостоен многих наград и званий, но я их не афиширую в буквальном смысле – не указываю их на афише. Мне кажется, смешно и наивно писать все это на программке. Как наши предшественники писали: «орденоносец». Когда я первый раз увидел свою фамилию на афишной тумбе в

Ленинграде – это была афиша театра ЛГУ – на меня это произвело неизгладимое впечатление. Когда в ГИТИСе на 2 курсе впервые выехали с творческой бригадой на БАМ и я в какой-то многотиражке прочитал «режиссер Райхельгауз», скупил чуть ли не весь тираж этой газеты и выучил заметку наизусть.

И когда вышел в «Современнике» мой спектакль «Погода на завтра», то от площади Маяковского до общежития шел пешком, чтобы на всех тумбах увидеть свою фамилию. Было написано: постановка Галины Волчек, Иосифа Райхельгауаза, Валерия Фокина.

Мой друг Толя Васильев гулял там же и добавил ложку дегтя. Он прошел по всему маршруту с черным фломастером и линейкой, и когда я утром шел в «Современник», я увидел, что фамилия Райхельгауз везде была аккуратно взята в траурную рамку. Тогда это казалось смешным. Сегодня, естественно, я пропускаю огромное количество своих ТВ и радиоэфиров, публикаций и не очень обращаю на это внимание. К наградам – чтобы их получить – нужно прилагать руку, и сегодня я на это совершенно не трачу время. Не имеет значения количество орденов.

100. Что для вас высшая награда?

Высшая награда – что мое имя пишется без отчества: Иосиф Райхельгауз. Много лет не перестаю удивляться, что 12 июня «Эхо Москвы» объявляет меня в числе родившихся в этот день известных людей. Подводя итоги, кажется, что не напрасно прожил, и еще какое-то время сделанное мною, прежде всего театр, будет приносить людям пользу. Как самым близким – детям, внукам, – так и людям, которые просто любят театр. Тешу себя надеждой, что когда меня уже не будет, кто-нибудь откроет эту книжку и как минимум улыбнется.

Вклейка

Валентина Матвиенко, Сергей Собянин, Александр Кибовский, Роман Виктюк в Манеже

Иллюстрация к байке «Прощание с президентом»

Михаил Сергеевич Горбачев

Сергей Собянин в театре «Школа современной пьесы»

Геннадий Бурбулис и Наина Ельцина в театре «Школа современной пьесы»

Справа – Михаил Саакашвили. Одесса

Река Молога. Слева – Анатолий Чубайс

С Марией и Алексеем Трегубовыми и их дочкой Соней

Слева направо: Мария Трегубова, Инна Крымова, Алексей Трегубов, Дмитрий Крымов, Саша Хазова. В Жаворонках

Евгений Гришковец, Сергей Безруков

Виктор Вержбицкий и дочь Маша Трегубова

С труппой театра «Школа современной пьесы»

Альберт Филозов, Александр Галибин, Анатолий Васильев, Иосиф Райхельгауз и мои студенты

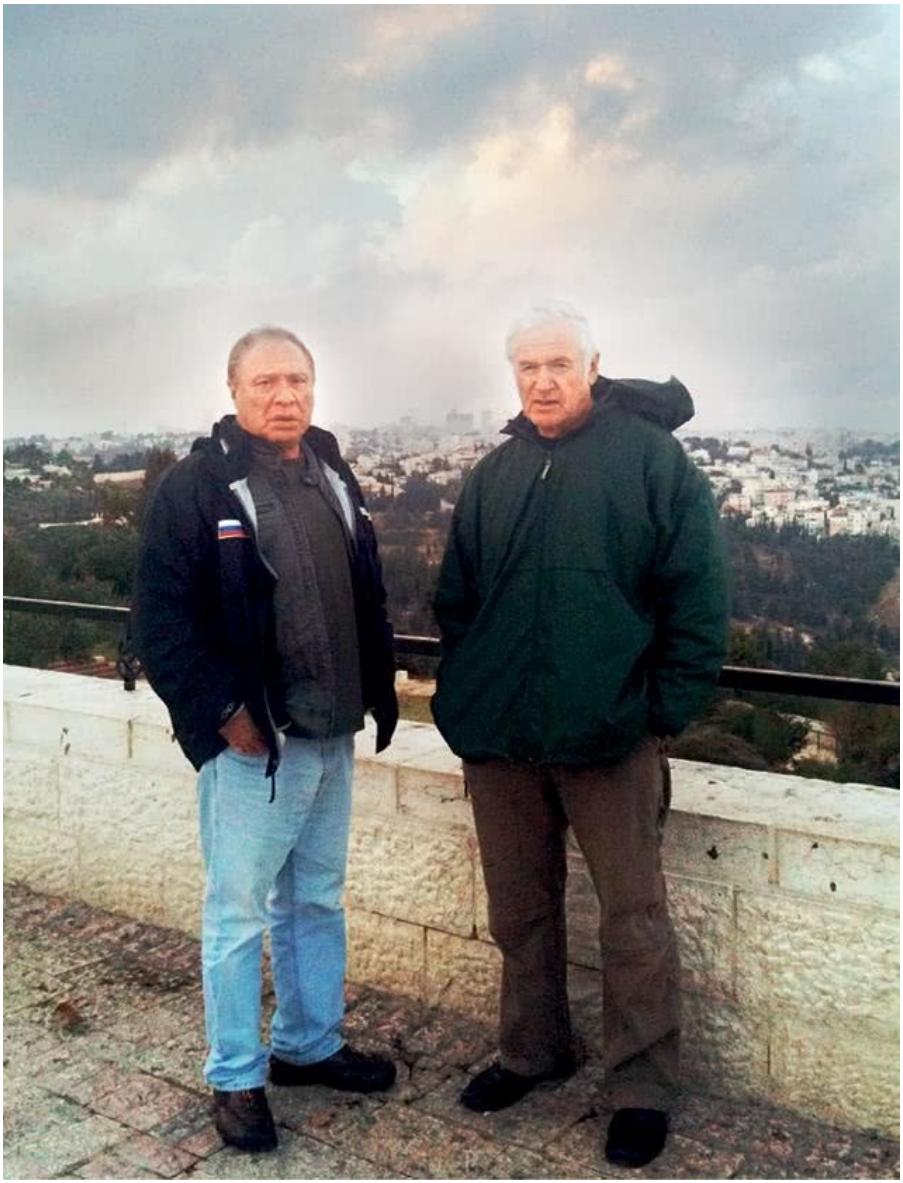
Моше Инбар. Тель-Авив

Зал Чайковского

Бараholка. Тель-Авив

Семен Злотников. Иерусалим. Зима

С эфиопским верблюдом

Слон. Таиланд

Ямал. С местными

В Марокко

В Узбекистане

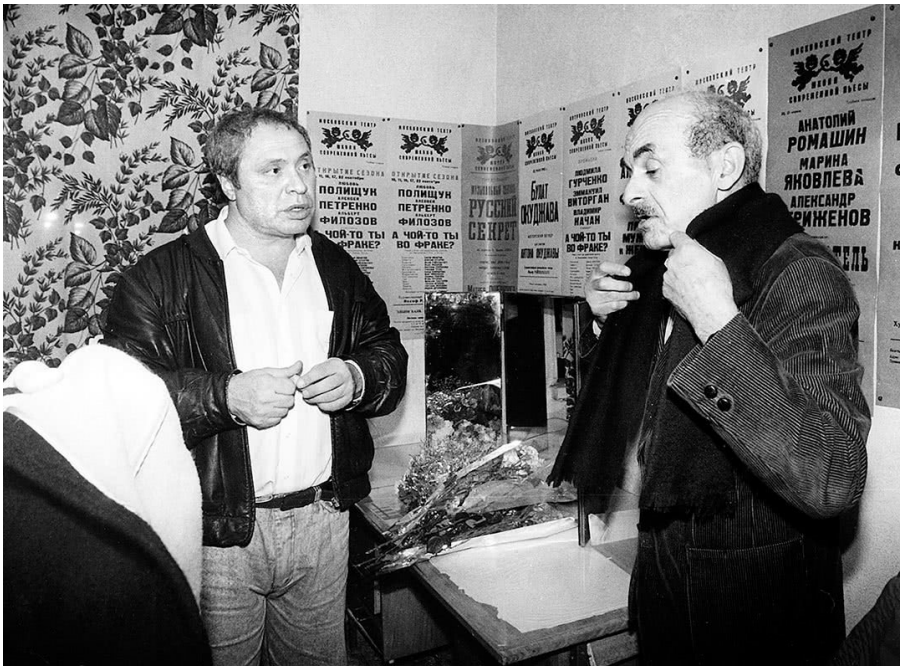

С Машей в Болгарии

На Амазонке
С чилийской коровой

Первые годы театра. Булат Шалвович Окуджава

Репетиция в театре «Современник». Галина Волчек и Василий Мищенко

Дуэт с Сергеем Никитиным

Валентин Гафт

Петр Ефимович Тодоровский

Галина Волчек и Александр Кибовский

Михаил Козаков

Людмила Петрушевская в «Школе современной пьесы»

Андрей Макаревич и Анатолий Чубайс в «Школе современной пьесы»

Михаил Жванецкий и Владимир Машков. День рождения Олега Павловича Табакова

Съемка у Сергея Соловьева. Мосфильм

Юрий Петрович и Каталин Любимовы

Юлий Ким и Владимир Дашкевич на сцене «Школы современной пьесы»

Открытие театра на Трубной

Юрий Петрович Любимов на сцене «Школа современной пьесы»

Репетиция в кабинете Владимира Жириновского в Государственной Думе

Презентация книги. «Дом книги» на Новом Арбате

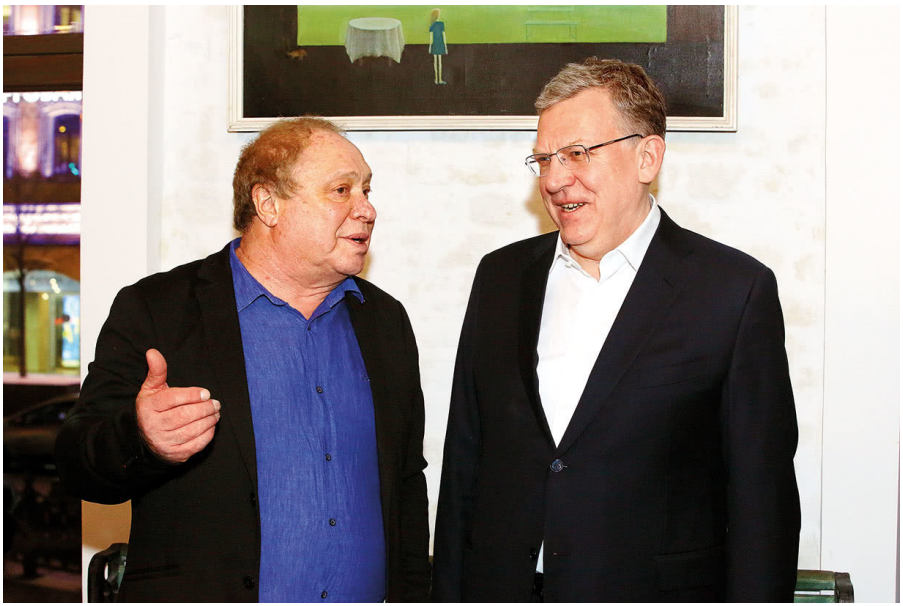
Марлен Хуциев на сцене «Школа современной пьесы»

С Татьяной Васильевой на гастролях в Германии

Крымов наш!

Алексей Кудрин в театре «Школа современной пьесы»

Летим на гастроли в Берлин

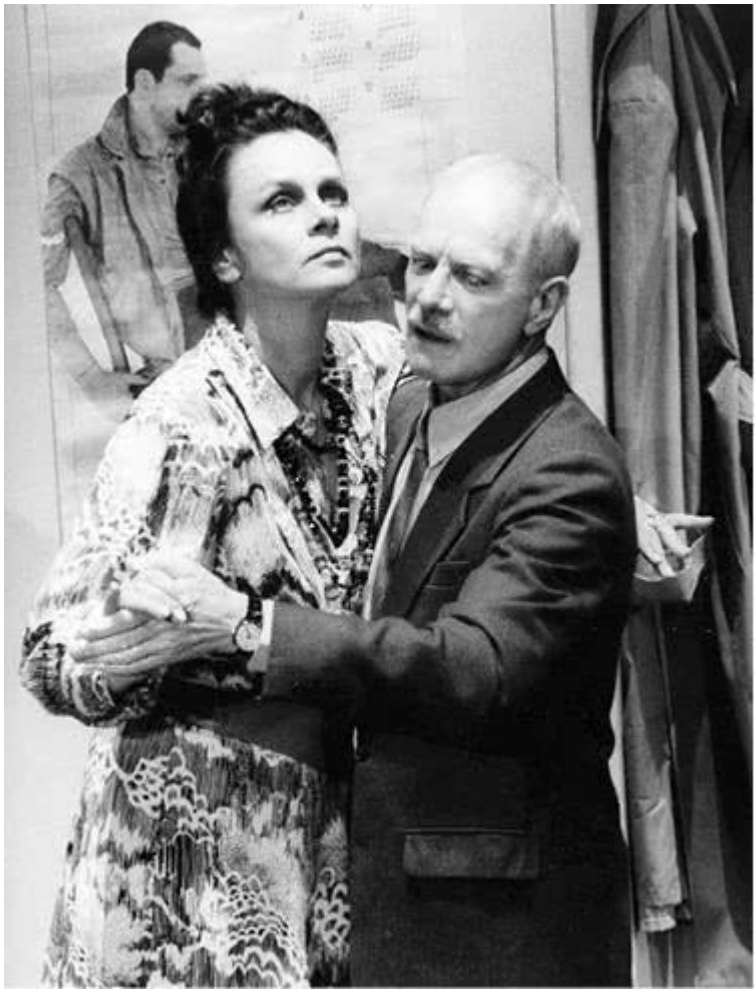
С Чеховым и Толстым

Анатолий Чубайс и «Золотая Маска»

«Уходил старик от старухи». Мария Миронова и Михаил Глузский

«Пришел мужчина к женщине». Любовь Полищук и Альберт Филозов

«Пришел мужчина к женщине». Ирина Алферова и Альберт Филозов

«Пришел мужчина к женщине». Анжелика Волчкова и Алексей Гнилицкий

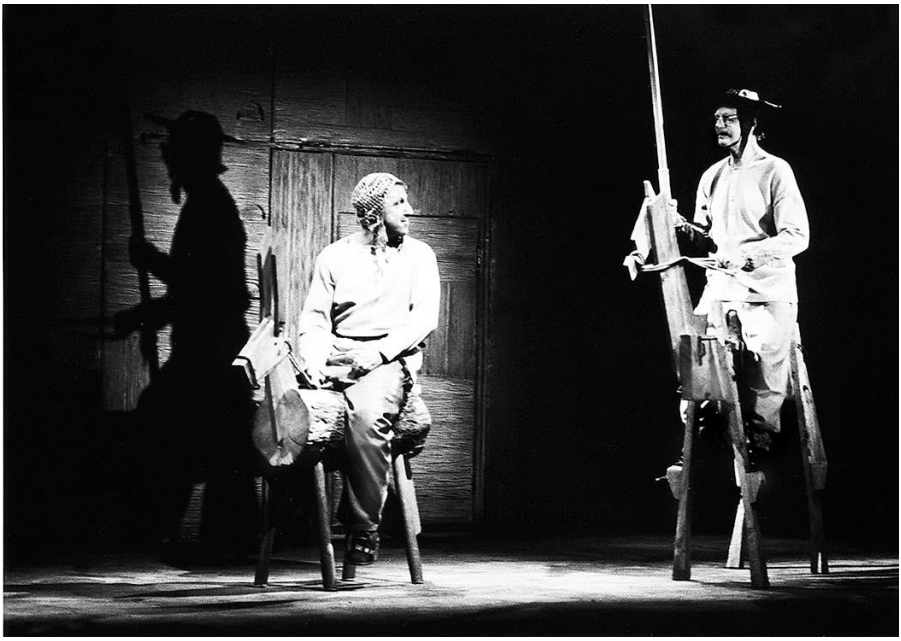
«Пришел мужчина к женщине». Амалия Мордвинова и Виктор Вержбицкий

«Пришел мужчина к женщине». Анастасия Волочкова и Саид Багов

«С приветом, Дон Кихот». Лев Дуров, Татьяна Васильева, Альберт Филозов

«С приветом, Дон Кихот». Владимир Стеклов, Альберт Филозов

«А чой-то ты во фраке?». Репетиция. *Слева направо:* Елена Ключарева, Алексей Петренко, Любовь Полищук, Вера Николаева, Альберт Филозов, Эльвира Гедеева

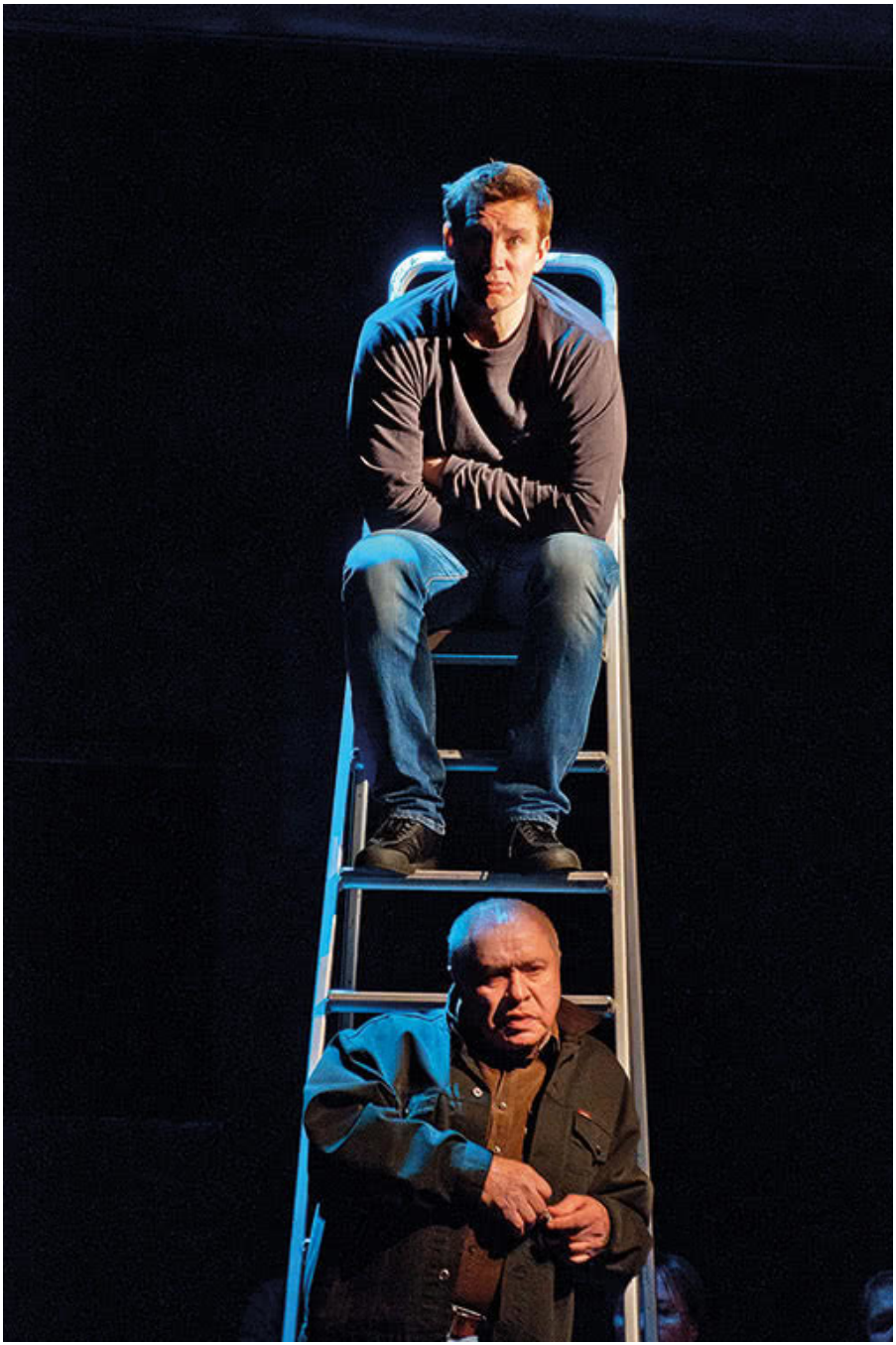
«А чой-то ты во фраке?». Юрий Чернов, Анжелика Волчкова, Евгений Стычкин

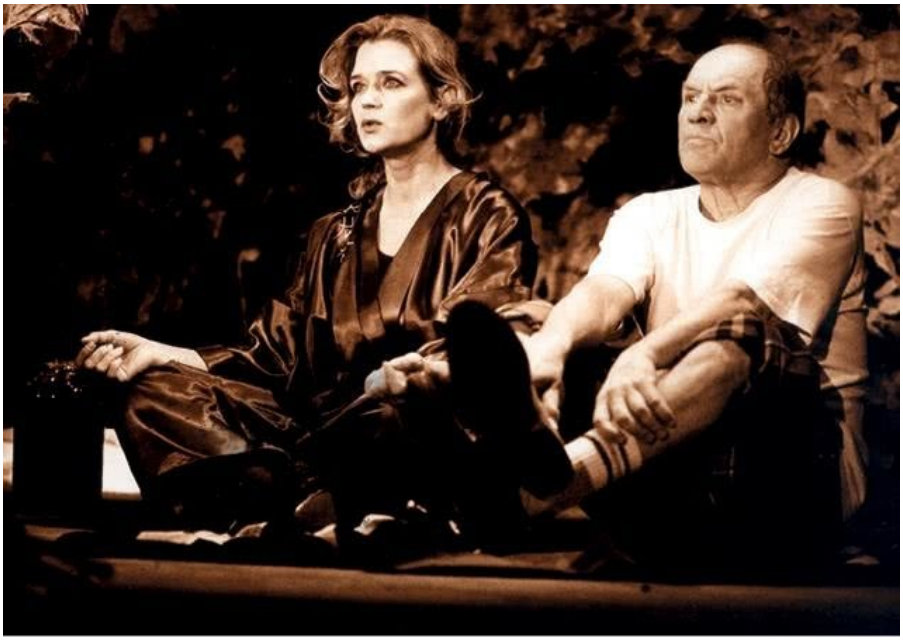
Борис Акунин. «Чайка». Татьяна Васильева, Лев Дуров

«Вечерний звон». Сергей Юрский

«Город». Владимир Колганов и Иосиф Райхельгауз

«Все будет хорошо». Ирина Алферова и Лев Дуров

«Дурочка и зэк». Иван Мамонов и Татьяна Циренина

«Записки русского путешественника». Василий Бочкарев, Иосиф Райхельгауз, Альберт Филозов

«Медведь». Репетиция. Иосиф Райхельгауз и Альберт Филозов

Сергей Соловьев, Иосиф Райхельгауз и персонажи спектакля «Дом»

«На трубе». Сцена из спектакля

«Последний ацтек». Татьяна Веденеева и Альберт Филозов

«Пока наливается пиво». Евгений Гришковец и Анжелика Волчкова

«Подслушанное, подсмотренное, незаписанное». Владимир Жириновский, Александр Гордон

«Спасти камер-юнкера Пушкина». Николай Голубев и Александр Овчинников

«Шинель». Татьяна Циренина, Дмитрий Хоронько, Евгений Козлов

Спектакль «Дом». Игорь Золотовицкий, Елена Санаева, Алексей Петренко

«Дом». Борис Вайнзихер и Евгений Гришковец

Сцена из спектакля «Русское горе от ума»

Съемки спектакля «Дом»

Сцена из спектакля «Умер-шмумер, лишь бы был здоров»

«Чайка». Татьяна Васильева и Александр Гордон

Сцена из спектакля «Чайка-настоящая оперетка»

«Часовщик». Альберт Филозов